

В.П. Грачев

**Сербы и черногорцы
в борьбе
за национальную
независимость
и Россия**

(1805–1807 гг.)

ИСАРАН

Москва–2003

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

В. П. Грачев

**Сербы и черногорцы
в борьбе за национальную независимость
и Россия
(1805–1807 гг.)**

Москва, 2003

На основе преимущественно архивных документов в книге рассматриваются: балканская политика России, Франции, Австрии и Турции после Прессбургского мира; обострение кризиса в балканских владениях Османской и Австрийской империй; события в Далмации, Боке Которской, Черногории, Герцеговине, Сербии и Валахии в 1805–1807 гг.; начальный период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и его влияние на развитие освободительного движения балканских народов; замыслы петербургского двора установить "новый" порядок на Балканах, предусматривавший создание сербского, черногорского и греческого государств в составе Османской империи; планы по взаимодействию российских войск с силами освободительного движения на Балканах; совместные военные операции русских, черногорцев и бокезцев против французов в Далмации и русских с сербами на Дунае против турок; негативное влияние решений Тильзитского мира на русско-черногорские и русско-сербские отношения.

Книга является органичным продолжением монографии автора "Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв." М., 1990. Она рассчитана на широкий круг историков-славяноведов, балканистов и османистов.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук А.В. Карасев

Рецензенты:

доктор исторических наук Н.И. Хитрова,
доктор исторических наук И.В. Чуркина

ISBN 5-7576-0079-9

© Институт славяноведения РАН,
2003

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика России на Балканах в XIX в. остается неравномерно и владобизученной научной проблемой в отечественной и зарубежной историографии. К числу наименее исследованных, однако наиболее тенденциозно освещаемых и "запутанных" вопросов относится, на наш взгляд, политика России в отношении сербского и черногорского национально-освободительного движения в первой половине XIX в. Причина столь неудовлетворительного состояния ее разработки объясняется рядом объективных и субъективных обстоятельств. Важнейшими из них, на наш взгляд, являлись узость базы достоверных источников и политизированный подход историков разных стран к оценкам названных национально-освободительных движений и балканской политики великих держав. Нарастающая со временем тенденция к преувеличению исторической роли сербского восстания 1804–1813 гг. в сербской и югославской историографии, как правило, сопровождалась усилением критики позиции России в отношении национально-освободительных движений балканских народов. Наличие такой тенденции просматривается практически на всех этапах развития сербской и черногорской исторической науки, запоздалое формирование которой происходило при отсутствии достаточного количества национальных источников и в условиях преимущественного влияния развитой немецкой и австрийской историографии. Например, труды влиятельного историка и политического деятеля Сербии Ст. Новаковича по истории сербского восстания 1804–1813 гг. создавались на рубеже XIX–XX вв. под влиянием работ немецкого историка Л. Ранке, историко-философские воззрения которого базировались на учении Гегеля. Вслед за этим философом Л. Ранке причислял сербов к "неисторическим" народам и доказывал, что последние были не в состоянии создать ни оригинального государственного строя, ни новой религии. Позаимствовав их однажды у "исторических" народов, сербы, по понятиям Ранке, уже не могли развиваться самостоятельно, а их дальнейшие успехи могли зависеть от влияния, которое оказывали на них другие, более развитые и образованные народы Европы. "Именно этими отношениями, – писал Л. Ранке в 1829 г., – разными у разных славянских народов, определялась вся их история"¹. В свою очередь, высказанные Ст. Новаковичем оценки характера политики России в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. были заимствованы так называемой марксистской историографией Югославии,

которая начала формироваться в 1950-х годах. Тогда же отдельные положения югославской историографии постепенно стали проникать и в работы наших, советских, историков. Во многом это объясняется тем, что в России, а затем и в СССР с 1917 по 1940-е годы изучение истории зарубежных славян, по известным причинам, оказалось под запретом. Приступив к исследованию национально-освободительных движений в Сербии и Черногории только в 1950-х годах, советские славяноведы, не располагая достаточной базой источников, были вынуждены заимствовать из работ югославских историков не только факты, но и частично концепцию, сотканную из обрывков разных историко-философских и политико-правовых учений. Всесторонний анализ интересующей нас проблемы осложняется еще и тем, что в силу специфики исторического развития югославянских народов, которые более четырех веков находились под гнетом Османской и Австрийской империй, изучение их национальной истории, в том числе и национально-освободительного движения, оказалось на стыке нескольких исторических дисциплин – всеобщей истории, османистики, славяноведения, балканистики, истории международных отношений. При этом их становление и развитие в разных государствах происходило в разное время и шло разными темпами. Данное обстоятельство способствовало тому, что в мировой историографии установилась негласная традиция, согласно которой туркологи, например, считая себя ориенталистами, как правило, не уделяли должного внимания истории национально-освободительного движения в балканских владениях Османской империи. Подразумевалось, что история этих народов должна заинтересовать прежде всего славяноведов и балканистов. Последние же, полагаясь на историков-османистов и не вдаваясь глубоко в исследование кризисных явлений и причин распада Османской империи, чаще всего пренебрегали фактами, характеризующими взаимосвязь между процессами, происходившими во всей полиэтничной империи, и причинами освободительного движения на Балканах.

При таком состоянии изученности проблемы причины национально-освободительных движений на Балканах и динамика их развития в начале XIX в. объяснялись в зарубежной и нашей историографии, как правило, с позиций общих историко-философских теорий без необходимого подкрепления выводов анализом аутентичных источников. Кроме того, нет сомнения и в том, что объективность характеристики русско-сербских и русско-черногорских связей во многом зависит и от степени изученности отношений России с Турцией и Австрией в начале XIX в. Между тем, эти спорные и "запутанные" вопросы, по признанию авторитетных специалистов по ис-

тории внешней политики России, также слабо изучены и до сих пор ждут своего исследователя².

Недостаточное освещение и "запутанность" ряда важнейших вопросов рассматриваемой нами темы, тенденциозность и эклектизм господствующих в зарубежной историографии концепций указывают на то, что для объективного и всестороннего исследования этой многогранной и разноплановой проблемы, по меньшей мере и прежде всего, необходимо создать надежную базу источников, которая позволила бы восстановить ясную картину событий в их строгой хронологической последовательности, а это, в свою очередь, позволило бы с большей очевидностью проследить конкретную взаимосвязь процессов, происходивших в тот период в балканских владениях Турции и Австрии, с характером изменений в сфере международных отношений в Европе и на Балканах.

Однако нужно признать, что соответствующая база достоверных источников была подготовлена только к 1980-м годам. К этому времени российские славяноведы и архивисты выявили в архивах СССР большое число разнообразных документов и материалов по интересующей нас теме, часть которых при участии югославских историков опубликована в 1981 и 1983 гг. в сборнике "Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия". Аналогичная работа по разысканию документов в архивах СФРЮ, Австрии и Франции была проделана и югославскими историками.

В связи с этим, видимо, возникает необходимость пояснить, что автор настоящего исследования принимал непосредственное участие как в поисках, так и в подготовке к публикации материалов, хранящихся в наших архивах. Это позволило ему при написании книги привлечь практически все изданные и неизданные архивные документы и материалы. Результаты этой работы публиковались им в нашей и зарубежной печати³.

Настоящая книга является органичным продолжением предшествующих трудов автора. В ней рассматриваются: международная обстановка на Балканах в период от Прессбургского до Тильзитского мира; события в Черногории, Далмации и Боке Которской; освободительное движение в Черногории и австрийской части Адриатического побережья после заключения Прессбургского мира; обострение кризиса в Османской империи и ее балканских владениях; национально-освободительное движение в Сербии и его взаимосвязь с балканской политикой России; причины, побудившие черногорцев и славян Адриатического побережья воевать на стороне России с французами, а сербов – с турками; стратегические замыслы петербургского двора по организации взаимодействия с народами Балканского полуострова и причины, помешавшие их полной реализации; русско-австрийские,

русско-турецкие, сербо-турецкие, русско-сербские, русско-черногорские и русско-валашские отношения накануне и в начальный период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.; заключение Тильзитского мира между Россией и Францией и позиция сербов и черногорцев.

Широта вышеозначенного круга вопросов поставила автора перед необходимостью ограничить период исследования 1805—1807 гг. Однако ограничение хронологических рамок исследования нельзя считать произвольным, поскольку выделенный нами период имеет свои, присущие только ему, специфические особенности и завершенную логику событий. Они в основном определяются крутым изменением курсов внешней политики России, Турции, Австрии, Франции и Англии после заключения Прессбургского мира, особыми взаимоотношениями между правительством России и балканскими православными народами, ускоренной динамикой событий, изменением характера связей между Россией и черногорским освободительным движением после заключения Тильзитского мира и т.д. Отличительной особенностью данного периода является еще одно немаловажное обстоятельство. После заключения Прессбургского мира между Францией и Австрией петербургский двор, намечая новый курс балканской политики в ущерб своим отношениям с государствами-союзниками по антинаполеоновской коалиции, впервые нашел возможным установить и активно поддерживать отношения с силами нарастающего национально-освободительного движения на Балканах. Это же обстоятельство обращает на себя внимание и в зарубежной историографии чаще всего встречаются малообоснованные в зарубежной историографии чаще всего встречаются малообоснованные гипотезы и крайне тенденциозные оценки политики России в отношении сербского и черногорского национально-освободительных движений. Например, югославской послевоенной историографией активно разрабатывается гипотеза, согласно которой сербское восстание 1804—1813 гг. представляло собой первую буржуазную и даже буржуазно-демократическую революцию на Балканах, а царское правительство отсталой феодальной России в угоду своим корыстным внешнеполитическим целям сдерживало это движение и препятствовало его соединению с освободительным движением черногорцев, герцеговинцев, босняков и других балканских народов. На наш взгляд, гипотезы подобного рода чаще всего базируются преимущественно на энтузиазме их создателей, которые хотят выдать желаемое за действительное.

И, наконец, последнее замечание. Поскольку большинство использованных для написания книги источников составляют российские, сербские, черногорские и валашские документы, датированные по старому стилю или

с указанием двух дат, т.е. по старому и новому стилю, то рассматриваемые в книге события и сами документы имеют датировку по юлианскому календарю. Акты и документы, вышедшие из австрийских канцелярий датируются по новому стилю, т.е. по григорианскому календарю. Даты французских и турецких документов, которые определяются по иным принципам летосчисления, приводятся по мере необходимости в соответствии с принципами григорианского летосчисления.

¹ Ранке Л. История Сербии по сербским источникам. М., 1876. С.2. 3–5.

² Нарочницкий А.Л. Итоги и задачи изучения внешней политики России // Советская историография. М., 1981. С.143; Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И. О целях России и Франции на Балканах в 1807–1808 гг. // Новая и новейшая история. 1969. № 6. С.52–53.

³ Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990; Он же. История первого сербского восстания 1804–1813 гг. в собраниях В.Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С.271–290; Он же. Матија Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 г. // Прота Матија Ненадович и његово доба. Београд, 1985. С.97–125; Он же. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. // Советское славяноведение. 1987. № 2. С.32–48; Он же. Начальный этап русской политики в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. // Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка. Београд, 1988. С.177–223; Он же. Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. // Славяноведение. 1993. № 1. С.3–13; Он же. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах и отношение к ним правительства России // Россия и Балканы. М., 1995. С.4–40; и др.

Глава I

СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Политика России в отношении национально-освободительных движений балканских народов в XIX в. с давних пор привлекала внимание западноевропейских и российских историков. Однако при ее освещении зарубежные и наши ученые руководствовались разными, порой диаметрально противоположными, критериями. Западноевропейские, чаще всего французские (А.Тьер, А.Сорель, А.Вандаль и др.), авторы выдвигали на первый план агрессивность восточной политики русского царизма и полностью отрицали завоевательный характер наполеоновских войн¹. Большинство других западноевропейских историков XIX – начала XX в. – Ш.Быстржоновский, Х.Сор, Б.Кунеберт, Г.Варди, И.Бакер, Б.Каллай, С.Гопчевич и др., исследуя документы французских и австрийских архивов, вслед за наполеоновской пропагандой начала XIX в. доказывали, что правительство России ложными обещаниями щедрой помощи вовлекало балканских христиан в войны с Турцией и Францией, а после заключения мира оставляло их на произвол судьбы и озлобленных турок².

В стремлении опровергнуть тенденциозность подобного рода утверждений в трудах зарубежных историков, которые, как правило, публиковались накануне или во время русско-турецких войн, российские историки С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Н.Ф.Дубровин, Н.А.Попов, А.Н.Попов и др. порой впадали в другую крайность. В.О.Ключевский, например, утверждал, что правительство России, завершив в конце XVIII в. завоевания на юго-западных границах своей империи, в начале XIX в. обратило внимание на стремление балканских славян обрести "свое политическое бытие", а это указало петербургскому двору "новое направление всей европейской политики" России. "Религиозные и политические связи, – пишет Ключевский, – указали русской политике начала, во имя которых она стала действовать против Турции"³. Это обобщение авторитетного историка свидетельствует о том, что и в российской историографии второй половины XIX – начала XX в. внешняя политика России как в отношении Османской империи, так и населявших ее балканские владения в конце XVIII – начале XIX в. славянских народов оставалась недостаточно изученной, поскольку желаемое нередко выдавалось за действительное.

Больше других российских историков во второй половине XIX в. политикой России в отношении Турции и населявших ее владения сербов занимались военные историки А.И.Михайловский-Данилевский⁴, Н.Ф.Дубровин⁵ и А.Н.Петров⁶, которые писали о русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Первоисточником для их работ послужили документы из российских архивов, выявлением которых длительное время занималась группа офицеров Генерального штаба сначала под руководством генерал-лейтенанта М.И.Богдановича, а затем генерал-лейтенанта А.Н.Петрова, автора ряда трудов по истории русско-турецких войн XVIII – начала XIX в. При последующей систематизации выявленных группой А.Н.Петрова источников были отобраны и выделены в особое, состоявшее из тринадцати частей, "Дело о сербах" документы по истории русско-сербских отношений в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Этими материалами в разной мере пользовались не только вышеназванные военные, но и гражданские историки: Н.А. Попов⁷, В.Богишич⁸ и др. Последнему, например, удалось даже издать часть документов в России и Сербии⁹.

Однако точка зрения российских историков о политике России в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. не нашла полного признания среди ученых Сербии второй половины XIX – начала XX в. и была достаточно жестко, но, на наш взгляд, не всегда справедливо, раскритикована ими¹⁰. Сербская историография второй половины XIX – первой половины XX в. имеет ряд особенностей, которые были вызваны спецификой задач, стоявших перед историками в период освободительного движения в условиях автономного княжества и после завоевания полной независимости в 70-х годах XIX в. С изменением статуса Сербского княжества критика османских порядков постепенно отходила на второй план, уступая место задачам обоснования закономерности сложившейся к тому периоду структуры общества в Сербии и законности прихода к власти правящей династии. Как только национальная историография занялась изучением проблем внутреннего развития сербского общества и истории развития органов государственного управления, она тут же оказалась под жесточайшим контролем представителей правящей династии и ее сторонников. Один из влиятельных участников сербского восстания 1804–1813 гг. Матвей Ненадович, которого по праву можно назвать последним летописцем и первым историком этого движения, писал: "Если напишешь правду (о восстании 1804–1813 гг. – В.Г.) – потеряешь голову, так как ее отсечет государь Милош (Обренович. – В.Г.), если же напишешь ложь, то твоя голова останется целой, но зато ты потеряешь свою честь"¹¹. Известный сербский историк и политический деятель Ст.Новакович также признавал, что династическая вражда Обреновичей и

Карагеоргиевичей "принесла вред... трудам по истории, которые в тот период были крайне слабыми не только в Сербии, но и повсюду"¹². Поэтому не случайно и то, что основополагающие работы по истории Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и обобщающие труды по истории сербского народа было поручено писать лидерам или наиболее видным представителям влиятельных в Сербии политических партий: Л.Арсениевичу-Баталаке, Вл.Йовановичу, Вл.Джорджевичу, Ст.Станоевичу, Ч.Миятовичу, Л.Ковачевичу, М.Гавриловичу, Ст.Новаковичу и др. Св.Маркович не без основания замечал по этому поводу: «Наши историки обычно были людьми, принадлежавшими к той или иной "династической" партии, и в их трудах повсюду видно их главное стремление – описать заслуги одной династии, вернее ее основателя, и опорочить другую»¹³.

В сербской исторической науке конца XIX – первой половины XX в. политика России в период Первого сербского восстания рассматривалась в работах ряда историков: Л.Арсениевича-Баталаки, Ст.Новаковича, М.Гавриловича, М.Вукичевича и др. Однако наибольшее влияние на концепцию сербской историографии по данной проблематике оказали труды Ст.Новаковича "Турско царство пред српски устанак", "Устанок на дахије 1804", "Васкрс државе српске", "Ичков мир", "Уставно питање и закони карађарђева времена" и др. Все эти работы были написаны Новаковичем в период с 1902 по 1907 г. к столетию начала сербского восстания (с 1900 по 1904 г. Новакович находился в России в качестве чрезвычайного посланника Сербии). В Петербурге Новакович имел возможность познакомиться с некоторыми документами из российских архивов, которые к указанному времени уже были выявлены М.Вукичевичем, направленным в Россию для этой цели сербским королем Петром Карагеоргиевичем. И все же в основу большей части юбилейных работ Новаковича, по утверждению другого видного сербского историка и политического деятеля М.Гавриловича, были положены "бледные и неточные воспоминания" участников сербского восстания 1804–1813 гг. – М.Ненадовича, В.Караджича, Л.Арсениевича-Баталаки, С.Милутиновича и др.¹⁴ К этому следует добавить и то, что Ст.Новакович при построении своей концепции во многом руководствовался методологией Л.Ранке.

Уже при определении внешнеполитического курса великих держав последнего десятилетия XVIII в. в отношении Османской империи Ст.Новакович допускает, на наш взгляд, весьма существенную неточность. Он утверждает, что руководители сербского восстания 1804–1813 гг. начали думать "о полном освобождении и о восстановлении древнего сербского государства еще в начале восстания" и эта программа оставалась в силе

вплоть до 1807 г.¹⁵ Начиная восстание, писал Новакович, сербы старались согласовывать свои действия с внешнеполитическим курсом России и Австрии, который был намечен еще Екатериной II и Иосифом II в 1791 г. Последнее утверждение сербского историка явно не согласуется с исторической действительностью, так как намеченный Екатериной II курс внешней политики России к началу 1804 г. претерпел существенные изменения. Несмотря на это, Новакович утверждал, что поскольку политика Екатерины II и Иосифа II была направлена на разрушение Османской империи и на создание на ее развалинах христианских государств (Новакович не уточняет каких), предводители сербского народа были готовы "помочь осуществлению планов Екатерины и Иосифа, поскольку они видели в этом способ улучшения своего национального положения"¹⁶. Однако надежды сербов на Россию, по уверению Ст.Новаковича, не оправдались, поскольку дипломатические акции российских политиков перед Портой в защиту сербов были малоэффективными, и повстанцы были вынуждены рассчитывать только на собственные силы¹⁷. Более того, с появлением первых российских представителей в Сербии Ф.О.Паулуччи и К.К.Родофиникина, утверждал Новакович, "с полной очевидностью обнаружилась мысль о подчинении Сербии русской верховной власти". Это было выгодно лишь тем сербским старейшинам, которые находились в оппозиции к верховному вождю восстания Карагеоргию. К.К.Родофиникин, отмечал Новакович, "внес еще большую смуту в отношения (России. – В.Г.) с Карагеоргием, а из-за этого чисто внутренний вопрос смешался с внешним, т.е. с покровительственной политикой России. Из-за него-то и произошли многие (русско-сербские. – В.Г.) ссоры"¹⁸. М.Вукичевич, знавший лучше Новаковича материалы российских архивов, считал, что до начала сербского восстания Россия не отрекалась от своих давних стремлений разрушить Османскую империю, но на деле стала осуществлять эту идею только в конце 1805 г. после поражения под Аустерлицем. При таком курсе внешней политики ей было выгодно использовать национально-освободительные движения в Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговине¹⁹.

Несмотря на то, что предложенная в начале XX в. Ст.Новаковичем и М.Вукичевичем точка зрения на политику России в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. в ряде случаев противоречила свидетельствам известных к тому времени документов из российских архивов, она, тем не менее, была взята за основу сербской историографией. Охотнее других восприняли ее в 50-х годах XX в. югославские политологи и историки государства и права, причислявшие себя к приверженцам марксистской методологии. Опережая всех, М.Р.Джорджевич, Д.Перович, Д.Янкович²⁰, Р.Гузина²¹,

Л.Кандич²² попытались объяснить политику России в отношении сербского восстания 1804–1813 гг. с позиций исторического материализма. Политолог Джорджевич, например, следующим образом характеризовал политику России в данном вопросе. Сербские повстанцы, ведя самостоятельно борьбу против Османской империи, в то же время были вынуждены преодолевать сложные препятствия внешнеполитического характера, которые сознательно создавались политиками России и Австрии. "В своих целях Австрия и, особенно, Россия, – писал М.Р.Джорджевич, – в своих отношениях с Сербией пользовались не оружием, а прокладывали себе путь различными политическими методами, и поэтому (сербским повстанцам. – В.Г.) сложнее было разгадать сущность их политики...". Когда же намерения петербургского двора и цели сербов пришли в противоречие, то российские политики, по уверению Джорджевича, через послушную им группировку сербских старейшин сознательно начали сеять рознь среди повстанцев. Таким образом, заключал Джорджевич, ориентация определенных политических сил Сербии на Россию способствовала тому, что сербы были вынуждены свернуть с пути, который вел их к достижению полной независимости сербского государства²³. Еще дальше пошел в этом направлении Д.Перович. Он утверждал, что связав судьбу восстания 1804–1813 гг. с надеждами на Россию, сербские повстанцы, с одной стороны, восстановили против себя другие великие державы Европы, а с другой – утратили возможность оказывать влияние на освободительные движения в сопредельных с Сербией областях Балканского полуострова. С точки зрения Д.Перовича, освободительная борьба сербского народа органически "не могла согласоваться с завоевательной политикой феодальной державы (России. – В.Г.), которая преследовала только собственные интересы"²⁴.

Охарактеризованная выше точка зрения югославских историков в 50–70-х годах XX в. в той или иной мере оказала влияние на труды советских славяноведов. Они, в соответствии с положениями исторического материализма акцентируя внимание на буржуазном характере сербского восстания 1804–1813 гг., критиковали политику царского правительства России в отношении сербского национально-освободительного движения. Так, например, И.С.Достян в 1958 г. писала: "Национально-освободительное движение в находившейся под властью Порты Северной Сербии в это время выразилось в активизации борьбы за освобождение от турецкой зависимости. В конце XVIII – начале XIX в. оно приобрело самостоятельный характер и достигло такой силы, что стало одним из факторов, ускоривших развал многонациональной Османской империи. Великие державы уже не могли сделать балканские народы послушным орудием своей политической борьбы с

Портой. Внешнеполитическая обстановка, хоть и имела в это время большое значение для развития и исхода национально-освободительной борьбы поработанных Турцией народов, однако не была решающей. В конце XVIII – начале XIX в. международная обстановка в Европе, политика великих держав в Восточном вопросе, казалось, как раз менее всего могли содействовать освободительному движению на Балканах"²⁵.

Иначе оценивал политику России в этом вопросе другой советский историк-славяновед В.В.Зеленин: "Субъективно выражая экспансионистские устремления русского царизма, политика России (в начале XIX в. – В.Г.) объективно расчищала путь к освобождению народов Балканского полу-острова от турецкого военно-феодалного ига не только тем, что подрывала военную мощь Османской империи, но и тем, что открывала поработанным народам путь к завоеванию автономии как начального этапа в борьбе за национальную независимость". При этом В.В.Зеленин признавал, что "главные удары турецкому феодализму в Европе нанесло национально-освободительное движение балканских народов; первым на путь революционной борьбы за свободу встал сербский народ"²⁶.

Соглашаясь с мыслью об объективно прогрессивной роли русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX в. в разрушении Османской империи и создании на Балканах новых государственных образований – Греции, Румынии, Сербии и др., И.С.Достян и в начале 70-х годов продолжала настаивать на том, что русский царизм не являлся принципиальным и последовательным поборником ни сокрушения Османской империи, ни возникновения на ее обломках национальных государств на Балканах. Более того, по ее мнению, русский царизм "нередко стремился остановить развитие национально-освободительного движения подданных султана", для того чтобы предохранить Турцию от развала. Именно такой подход, писала тогда И.С.Достян, "по существу более всего соответствовал принципам консервативной системы внешней политики, которой, как правило, придерживался петербургский двор". "Объективно прогрессивную роль России в процессе создания независимых национальных государств на Юго-Востоке Европы, – поясняла свою точку зрения Достян, – историки-марксисты не могут, однако, идентифицировать с оценкой консервативных проявлений царизма в отношении балканских народов. В первой половине XIX в. Россия оставалась страной отсталой по своему общественно-экономическому строю в сравнении с передовыми европейскими государствами. В ней господствовал один из наиболее реакционных политических режимов, внешняя политика которого имела ярко выраженную контрреволюционную направленность.

Все это оказывало громадное влияние на характер отношений русского правительства с подданными султана²⁷.

Более внимательное знакомство с исследованиями советских историков-славяноведов 50–70-х годов дает основание думать, что при оценке балканской политики России конца XVIII – начала XIX в. они прежде всего руководствовались методологической установкой о реакционности российского царизма, а не анализом соответствующих документов по теме, работа по выявлению которых в архивах СССР была начата только в 60–70-е годы. Раньше других ознакомившийся с наиболее важными из выявленных архивных материалов по данной теме академик А.Л.Нарочницкий внес некоторые коррективы в существовавшие оценки балканской политики России: "Несмотря на завоевательные цели и реакционность царизма и на ожесточенное сопротивление Османской империи, а во многих случаях и западных держав, Россия содействовала освободительной борьбе и национальному возрождению балканских народов, как бы ни старались исказить или замолчать эту роль России многие западные историки"²⁸. Однако несмотря на это, тенденция к преувеличению революционности и определяющей роли национально-освободительных движений балканских народов в конце XVIII – начале XIX в. в распадае Османской империи продолжала нарастать и усиливаться как в югославской, так и в советской историографии. В частности, при определении характера Первого сербского восстания одни авторы предлагали считать это движение буржуазно-демократической революцией²⁹, другие – просто буржуазной³⁰, третьи – буржуазно-национальной³¹, четвертые – социально-экономической и национально-политической, которая в отдельных своих проявлениях была сродни Великой французской революции³².

С выходом в свет документальных публикаций – шести томов сборника "Внешняя политика России XIX и начала XX века"³³ и особенно двухтомника "Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия"³⁴ стали появляться исследования, основанные на анализе большого числа разнообразных источников, в которых наметилась тенденция более объективной, на наш взгляд, оценки позиции России в отношении сербского восстания 1804–

1813 гг., а также ее югославянской политики в целом. Однако знакомство со статьями юбилейного издания, посвященного 175-летию начала сербского восстания 1804–1813 гг.³⁵, и совместного советско-югославского сборника³⁶, опубликованных в СФРЮ в 1983 г., показало, что между российскими и югославскими историками еще оставались расхождения в оценке политики России, касающейся национально-освободительного движения сербов и черногорцев в начале XIX в., по ряду принципиальных вопросов. В частно-

сти, югославские, а за ними и некоторые российские историки не совсем убедительно, на наш взгляд, сдвигают во времени подготовку и начало сербского восстания 1804 г., выдавая таким образом участие сербов во внутренних междоусобиях военно-политических группировок в годы реформ султана Селима III за проявление национально-освободительного движения. Интерполяция предпосылок и начального этапа сербского национально-освободительного движения на более ранний период, а также, как представляется, необоснованное наделение их чертами буржуазной революции, вносят, по нашему мнению, существенную путаницу в понимание объективного развития событий и мешают выяснению действительного характера внешнеполитического контекста сербского восстания 1804–1813 гг.³⁷

Аналогичные тенденции в историографии прослеживаются и в освещении позиции России в связи с черногорским освободительным движением конца XVIII – начала XIX в. Как известно, события рассматриваемого нами периода, т.е. от Прессбургского до Тильзитского мира, теснейшим образом переплетены с вооруженной борьбой России и Франции за овладение Боккой Которской и прилегающими к ней районами Далмации, в которой принимало активное участие местное население. Основными источниками для изучения событий долгое время оставались мемуары российских моряков из эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина: В.Б.Броневского³⁸, П.П.Свиньина³⁹ и других участников войны как с российской (А.И.Красовский⁴⁰ и др.), так и с французской стороны (А.Ф.Л.Мармон⁴¹ и др.). Документы дипломатических, военных и военно-морских ведомств России, Австрии, Франции, Турции начали публиковаться небольшими подборками или использоваться в трудах по истории Черногории только во второй половине XIX в.⁴² Материалы из российских архивов по истории сербского и черногорского освободительного движения начала XIX в., как уже отмечалось, широкомасштабно и систематически стали выявляться только в 60–80-х годах XX в. Однако из большого числа выявленных материалов в названных выше публикациях были помещены лишь отдельные, наиболее важные документы о русско-черногорских отношениях в 1805–1807 гг. В 1974 г. И.С.Достян опубликовала четыре записки С.А.Санковского от 24 октября (5 ноября) 1805 г., которые затем в 1992 г. были включены в сборник "Русские архивные документы о Черногории"⁴³. Однако они, как и большинство других включенных в сборник материалов, остаются за пределами рассматриваемого нами периода. Таким образом, внешнеполитическая позиция России в период от Прессбургского до Тильзитского мира в отношении черногорского освободительного движения по сравнению с сербским

восстанием 1804–1813 гг. до сих пор остается еще менее изученной на основе отложившихся в российских архивах источников.

Российско-черногорские отношения в конце XVIII – начале XIX в. раньше всего оказывались в поле зрения ученых, изучавших историю международных отношений в Европе, точнее русско-французского и англо-французского соперничества на Средиземном и Адриатическом морях. Соответственно им уделялось большое внимание, вызванное также операциями российской эскадры под командой вице-адмирала Д.Н.Сенявина. Однако как отечественные, так и зарубежные историки при рассмотрении событий, связанных с действиями русских войск и черногорцев, которые, согласно плану, должны были пройти через Герцеговину, поднять там восстание, соединиться с сербами, а затем с русской армией И.И.Михельсона, ориентировались чаще всего на работы черногорских и сербских историков. Отметим, что в обобщающих трудах по истории Черногории и в специальных работах, посвященных данному периоду, эти события, как правило, освещаются односторонне, без учета русских документальных источников. Более того, в трудах зарубежных и отечественных ученых до сих пор также нет единого подхода к оценке политики великих держав в отношении Черногории в конце XVIII – начале XIX в. Например, М.Медакович в середине XIX в. не без основания полагал, что в 1805–1807 гг. Франция и Австрия старались подавить движение черногорцев, направленное на создание своего государства, и только Россия бескорыстно поддерживала черногорцев в их стремлении к этой заветной цели⁴⁴. Однако уже в конце XIX в. находившийся в России черногорец Л.Попович, ссылаясь на некоторые материалы из российских архивов, пришел к выводу, что участие черногорцев в войне с французами на стороне русских войск не позволило им оказать сербским повстанцам помощь, в которой те очень нуждались⁴⁵.

В российской историографии конца XIX – начала XX в. утвердилась точка зрения, согласно которой правительство России и митрополит Петр I Петрович Негош в одинаковой степени были заинтересованы в сотрудничестве. В частности, П.А.Ровинский писал, что Петр I Негош, рассчитывая на дипломатическую и военную помощь петербургского двора, крайне нуждался в его покровительстве. России же, стремившейся укрепиться на Балканах, где ей активно противодействовали Австрия, Франция и Турция, в свою очередь, была важна помощь черногорцев, которые с давних пор вели борьбу с турками и ставили цель отразить агрессию Австрии, а затем и Франции. Кроме того, Черногория могла не опасаться агрессивных устремлений России, поскольку, по словам Ровинского, "оградой против того была отдаленность"⁴⁶. Таким образом, заключал Ровинский, Черногорию и Россию в

начале XIX в. связывала не только религиозная и этническая близость, но и "общность политических интересов"⁴⁷. Вместе с этим Ровинский одним из первых в российской историографии встал на путь критики негативных проявлений внешней политики русского царизма по отношению к черногорскому освободительному движению. Вовлекая Черногорию в войны с Турцией и наполеоновской Францией, писал Ровинский, русский царизм, достигнув своей цели, чаще всего забывал об интересах черногорцев. Так поступил Александр I при заключении Тильзитского мира с Францией в июне 1807 г. и на Венском конгрессе в 1814 г., согласившись на передачу Австрии Боки Которской⁴⁸. Указывая на непоследовательность внешнеполитического курса России в отношении Черногории, Ровинский замечал: "Томы осыпаем их (черногорцев. – В.Г.) своими благодеяниями и стремимся всячески привлекать к себе, то вдруг отталкиваем и отнимаем даже то, что обязаны давать в силу обещаний, закрепленных грамотами"⁴⁹.

После Ровинского, который в основном пользовался исследованиями черногорских историков, о русско-черногорских отношениях конца XVIII – начала XIX в. писали А.Н.Попов⁵⁰, В.Жмакин⁵¹, В.А.Францев⁵². В их трудах история интересующего нас периода не получила должного освещения. Относительно в большей степени она отражена в трудах по истории военноморского флота и в статьях о действиях эскадры Д.Н.Сенявина⁵³.

В отличие от российских черногорские и сербские историки XX в. продолжали совершенствовать концепцию, согласно которой вовлечение Россией черногорцев, бокезцев, герцеговинцев и др. в войну против французов в Далмации отвлекло их от решения своих задач по созданию независимого государства и не позволило им оказать необходимую помощь сербским повстанцам. Более того, некоторые ученые утверждали, что в случае реализации плана по созданию независимых славянских государств на Балканах Черногория и Сербия неизбежно превратились бы в провинции России⁵⁴.

Югославские ученые второй половины XX в. Д.Вуксан, Б.Павичевич, Д.Лекич, Т.Никчевич, Й.Бойович, Дж.Пейович, Ч.М.Лучич и др. в своих исследованиях также уделили большое внимание балканской политике России конца XVIII – начала XIX в. и российско-черногорским отношениям. Несмотря на различные подходы и выводы при анализе политики петербургского двора, в трудах югославских историков 50–90-х годов XX в. прослеживается, тем не менее, общая тенденция к постепенному нарастанию негативных оценок характера общебалканской политики России данного периода вообще и по отношению к Черногории в особенности. Наиболее наглядно это проявилось в книгах черногорских историков Дж.Пейовича и Ч.М.Лучича.

Дж.Пейович, например, в 1981 г. следующим образом характеризовал балканскую политику Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. Находясь в союзе с Турцией и Австрией и готовясь к вооруженной борьбе с Францией, Россия была крайне заинтересована в вовлечении черногорцев в войну против французов. Вмешательство России во внутренние дела Черногории и других соседних с ней славянских народов не позволило Черногорцам и их соседям оказать помощь восставшим в 1804 г. в Белградском пашалыке сербам. В результате вмешательства России, делал далеко идущий вывод Пейович, "реальная программа движения за свободу и независимость малых (балканских народов. – *В.Г.*) должна была стать неосуществимой в интересах политики великих (европейских держав. – *В.Г.*), среди которых Россия имела авторитет защитницы христиан в Турции". Русская осведомительная служба, по мнению Пейовича, неусыпно следила за связями, которые поддерживались как между Сербией и Черногорией, так и между населением других областей балканских владений Турции и Австрии. Результаты корыстной политики вскоре дали о себе знать. "Питаемое до этого доверие к России в среде расположенных к восстанию масс, – писал Пейович, – сменилось на огорчение из-за политики подчинения их жизненных интересов расчетам великой силы. Надежды на православную покровительницу оплачены были в тот период, как никогда в истории, громадной ценой лишений: (черногорцы. – *В.Г.*) были лишены возможности при относительно благоприятных условиях осуществить совместно (с сербами. – *В.Г.*) усилиями свой собственный путь развития". Правитель Черногории митрополит Петр I Негош, пояснял Пейович, хорошо усвоил требование петербургского двора не допускать борьбы с турками в Герцеговине и Брдах, чем могли бы воспользоваться французы. Не изменил он этому принципу ни в 1805 г., ни позднее. По настоянию С.А.Санковского Петр I Негош продолжал убеждать отказаться от борьбы с турками герцеговинцев, брджан, дробняков, морачан и другие соседние племена, которые под влиянием сербов, по словам Дж.Пейовича, "горели желанием" поддержать их антитурецкое восстание. Восстание сербов при поддержке Черногории и Герцеговины, продолжал Дж.Пейович выдавать желаемое за действительное, "могло бы стать мощным фактором освободительного движения против турецкой власти на широком пространстве, что было бы особенно благоприятно для развития сербского восстания". Однако их намерениям, сетовал Пейович, не суждено было осуществиться, поскольку в октябре 1805 г. и в январе 1806 г. этому помешали многочисленные турецкие силы, которые действовали по плану боснийского визиря и под командой Сулейман-паши Скопляка, Ибрагим-паши Скутарского и других боснийских аянов⁵⁵.

С таких же позиций подходил к оценке политики России в отношении освободительного движения народов, населявших балканские владения Турции и Австрии, и черногорский историк Ч.М.Лучич. В книге "Митрополит Петр Первый Петрович", опубликованной в 1991 г., он писал: "Отсталые феодальные страны, прежде всего Австрия и Россия, стараясь сохранить существующие отношения, не предлагали ничего нового...". Их расчеты сводились, по его словам, лишь к тому, чтобы "с помощью незначительных, порой лживых, обещаний можно было бы достичь союзнических (с Черногорией. – В.Г.) отношений ради собственных интересов". Правительство России, продолжал возмущаться Лучич, "ради своих выгод готово было жертвовать не только Черногорией, но и другими балканскими народами своей (славянской. – В.Г.) группы, не говоря уже о других". Австрия и Россия неизменно торопились подружиться с черногорцами только перед опасностью, которая угрожала их интересам на Балканах. "Русские, как славянский народ, – писал Лучич, – имели в этом преимущество, и потому постоянно напоминали об общности языка и вероисповедания"⁵⁶.

В советской историографии 50–80-х годов XX в. русско-черногорские отношения в начале XIX в. рассматривались чаще всего в контексте соперничества России, Англии и Франции в регионе Средиземноморья и действий российской эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина в Адриатике⁵⁷, дипломатической борьбы России и Франции за влияние на Балканах⁵⁸, а также в связи с ролью российских дипломатов в формировании институтов зарождавшейся черногорской государственности⁵⁹. Отдавая должное исследованиям Е.В.Тарле, А.Л.Шапиро, А.М.Станиславской, нужно признать, что они внесли весьма существенный вклад в разработку вопросов внешней политики России конца XVIII – начала XIX в. Их труды оказали заметное влияние на исследователей других исторических дисциплин, в том числе на туркологов и славяноведов. Но в то же время нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что Тарле, Шапиро и Станиславская специально не исследовали внешнюю политику России в отношении сербов, черногорцев и других южных славян. При освещении этих вопросов они, как правило, опирались на труды российских дореволюционных, а также черногорских и сербских историков. Более того, А.М.Станиславская в большинстве своих работ пытается оценивать балканскую политику России конца XVIII – начала XIX в. только через призму результатов анализа русско-греческих отношений того времени. При таком подходе, естественно, выводы далеко не всегда согласуются с соответствующими источниками. Кроме того, А.Л.Шапиро и А.М.Станиславская в своих ранних работах, а за ними и другие отечественные историки, оценивая русско-турецкие отношения рассматривае-

мого периода, усматривали в них только захватнический и агрессивный характер политики царского правительства на Балканах.

Негативное отношение Тарле, Шапиро, Станиславской и других советских ученых к русскому царизму невольно подтолкнуло их к преувеличению роли вице-адмирала Д.Н.Сенявина в разработке плана военных действий против французов в Далмации и занятия Боки Которской. При анализе планов войны России с Францией и Турцией эти историки, как правило, упускали из виду операции по взаимодействию армии генерала И.И.Михельсона, находившейся тогда в Дунайских княжествах, с сербами, черногорцами и группировками российских войск в Далмации. Характеризуя балканскую политику России в конце XVIII – начале XIX в., А.М.Станиславская, например, по мере углубленного изучения документов из российских архивов была вынуждена несколько раз менять свои оценки. В исследованиях 50–60-х годов XX в. она, видимо под влиянием работ зарубежных историков, определяла балканскую политику России указанного периода как неудачную, поскольку реакционное царское правительство, по ее мнению, оказалось не способным понять в полной мере то значение, которое имело для России поддержание на Балканах сочувственного отношения местного населения. "Царизм, – писала Станиславская в 1960 г., – умело играл на признательности и доверии балканских народов к России в тех случаях, когда это ему казалось нужным. Если же национальные интересы этих народов в той или иной форме вступали в противоречие с его собственными расчетами, он, не задумываясь, приносил первые в жертву"⁶⁰.

В книге, опубликованной в 1962 г., Станиславская, на наш взгляд, впадает в другую крайность. Балканская политика России в конце XVIII – начале XIX в., утверждала она, объективно способствовала свержению турецкого ига и ускорению капиталистического развития Греции, Сербии, Болгарии и других балканских земель⁶¹. "В боевом содружестве, в совместной борьбе против французских агрессоров и турецких поработителей, – писала она, – крепили и ширились связи России с балканскими народами. При помощи России Ионическая республика стала центром греческого национального движения. Черногория и Котор отстаивали свою независимость от французских полчищ, Сербия развернула знамя борьбы за освобождение"⁶².

В 70-х годах А.М.Станиславская, исследуя политику России в Ионической республике в 1798–1807 гг., вновь изменила свою оценку балканской политики петербургского двора в начале XIX в. В первые годы правления Александра I внешнеполитический курс России получил, по ее словам, "новую окраску – в нем появилась определенная тенденция к воздержанию

от агрессивных действий на международной арене". По отношению к национально-освободительному движению балканских народов, которое в начале XIX в. стало "самостоятельной силой", политика России "проводилась в более крупных масштабах", чем в 70–80-х годах XVIII в. Связи со славянскими народами в балканских владениях Турции закреплялись и расширялись, усилилась помощь сербам, черногорцам и бокезцам, с которыми затем было установлено боевое содружество. Приобретая качественно новые черты, политика России в то же время стала более осторожной по соображениям союзнических отношений петербургского двора с Турцией, Австрией и Англией⁶³. Последняя оценка балканской политики России, данная А.М.Станиславской, является, на наш взгляд, более взвешенной и близкой к истине. И все же она не дает достаточно полного представления о русско-сербских и русско-черногорских отношениях, поскольку была сделана через призму русско-греческих связей.

Наглядным примером слабой изученности вопросов внешней политики России, касающейся освободительного движения православных народов, населявших балканские владения Османской и Австрийской империи, могут служить соответствующие разделы обобщающего труда "История внешней политики России. Первая половина XIX в.", опубликованного в 1995 г.⁶⁴ В них, кроме отдельных и малозначащих упоминаний, практически отсутствует характеристика политики России в отношении не только освободительного движения в начале XIX в., но и самих православных народов. Между тем, А.Н.Попов еще в 90-х годах XIX в. с полным основанием писал по этому поводу: "Значение славянских и христианских племен Турции в отношении нашей политики (политики России начала XIX в. – В.Г.)... это общий европейский вопрос, который вызывает общее вмешательство всех европейских держав"⁶⁵.

Значительный вклад в разработку данной проблемы внесла А.П.Бажова, опубликовавшая в 1996 г. книгу "Россия и югославы в конце XVIII – начале XIX в.". Написанная на основе архивных источников и последних исследований российских и зарубежных ученых, она дает достаточно полное представление о положительных сторонах "боевого содружества" российских войск с черногорцами и бокезцами на Адриатическом побережье и с сербами на Дунае. Однако автор, к сожалению, обошла вниманием те обстоятельства, которые препятствовали их взаимодействию. А.П.Бажова освещает эти моменты с позиции укоренившейся в российской и югославской историографии концепции. Она признает, что национально-освободительное движение на Балканах имело различные формы: в одних случаях оно имело антифеодальный характер, в других – являлось борьбой за созда-

ние национальных государств. В XVIII в. это движение в большей мере зависело от политики великих держав, а в начале XIX в. стало самостоятельным и менее зависимым от внешних факторов. Более того, оно, по словам Бажовой, "оказало воздействие на внешнюю политику России, Австрии и Франции". "Включившись в конце XVIII – начале XIX в. в борьбу, которую вели Англия и Франция в Средиземном море, Россия, – пишет А.П.Бажова, – использовала национально-освободительное движение югославянских народов", вступив во взаимодействие с населением Боки Которской, Дубровника, Далмации, Черногории, Герцеговины и Сербии⁶⁶.

Сделанный нами далеко не полный обзор трудов отечественных и зарубежных историков, тем не менее, дает, на наш взгляд, достаточное представление о направлениях, в которых велась разработка интересующей нас проблемы. Начиная с середины XIX в. и до 50-х годов XX в. точки зрения российских и сербских, а затем югославских историков по этим вопросам, как правило, во многом не совпадали. Но в дальнейшем во взглядах югославских и советских ученых наметилось некоторое сближение. Оно объясняется, по нашему мнению, прежде всего переходом определенной части югославских историков на позиции марксистской историографии. При изучении освободительного движения в Сербии, Черногории и других балканских владениях Турции и Австрии по методу исторического материализма югославские историки, не имея достаточной документальной базы, пользовались результатами исследований XIX в., которые, как правило, были страноведческими. При этом значение освободительных движений, в частности в Сербии, представлявшееся как буржуазная или даже буржуазно-демократическая революция, преувеличивалось, а балканская политика России, впрочем, как и других европейских держав, чаще всего трактовалась как своекорыстная. При отсутствии обстоятельных и объективных исследований положения концепции этой части югославских ученых в конце 50-х годов постепенно стали проникать и в обобщающие труды советских историков. В результате в период 50–90-х годов XX в. в югославской и отечественной историографии достаточно прочно укоренился стереотип, согласно которому царское правительство отсталой феодальной России ради своих интересов посулами или обманом вовлекало православное население Балканского полуострова в войны с Турцией и Францией, а при заключении мира бросало их на произвол судьбы. Такая политика сдерживала естественное развитие прогрессивного движения, сворачивала его с нужного балканским народам пути и мешала им объединять усилия и помогать друг другу.

Неуклонно нараставшая тенденция к политизации проблемы в угоду политической конъюнктуре не могла не войти в противоречие со свидетель-

ствами подлинных документов. Последнее обстоятельство было замечено как нашими, так и югославскими историками еще в 60-х годах XX в. В целях устранения "белых пятен" и восстановления истины в 70–80-х годах группа советских историков-балканистов и архивистов провела обследование практически всех архивов СССР, а группа югославских историков обследовала архивы Югославии, Австрии и Венгрии. В результате проделанной работы было выявлено более 10 тыс. различных по происхождению и степени важности документов. Однако к настоящему времени удалось опубликовать лишь около 600 документов из российских⁶⁷ и 600 из австрийских архивов⁶⁸. Большая часть найденных в российских и зарубежных архивах источников по данной проблеме осталась до сих пор не опубликованной.

Неопубликованные документы составили основную базу широкого круга источников настоящего исследования. Эти документы выявлялись в следующих архивах и архивных фондах России.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонды: Главный архив – 1–5; 1–9, 1–13; Сношения России с Турцией; Сношения России с Австрией; Канцелярия Министерства иностранных дел: Константинополь, Вена, Париж, Неаполь и др.; Внутренние коллежские дела; Посольства России: в Константинополе, Вене, Париже, Неаполе; Константинопольская миссия; Генеральное консульство в Яссах; Генеральное консульство в Дубровнике; Консульство в Бухаресте и др.;

2. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Фонды: Военно-ученый архив Главного штаба российской армии; Канцелярия военного министра; Молдавская армия и ряд других более мелких фондов;

3. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА);

4. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ);

5. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА);

6. Центральный государственный архив Молдавской ССР и другие архивохранилища.

Опубликованные источники, в основном, привлекались из следующих изданий: Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. III; Архив князя Воронцова. М., 1880. Т. XV; *Великий князь Николай Михайлович*. Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. II–III; Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете (Сб. РИО). СПб., 1892. Т. 82; Внешняя политика России XIX – начала XX в. (ВНР). М., 1961–1963. Т. II–III; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Кн. 1–2; *Ивић А.* Списи бечких архива о првом српском устанку. Београд–

Суботица, 1936–1939. К?. II–V; *Гавриловић С.* Грађ бечких архива о првом српском устанку. Књ. I. Београд, 1983; *Перовић Р.* Први српски устанок. Акта и писма на српском језику. Београд, 1977. Књ. I; Русские архивные документы о Черногории. Конец XVII – середина XIX в. Подгорица–Москва, 1992 г.; *Documente privind istoria României. Colectia Eudoxiu de Hurmuzaku. Serie nouă. Vol. 1V. Rapoarte diplomatice ruse (1797–1806).* Bucuresti, 1974 и др.

Основную часть использованных в книге источников составляют: актовые материалы о заключении мирных договоров, конвенций, соглашений и т.д.; указы и постановления глав государств, государственных советов и министерств; инструкции и предписания МИД Российской империи послам, консулам и особым уполномоченным, аккредитованным в Турции, Австрии, Франции, Сербии, Черногории и других странах; донесения российских послов, консулов и других дипломатов в Петербург; переписка между послами и консулами, переписка российских властей и дипломатов с официальными лицами Турции, Австрии, с господарями Дунайских княжеств, с предводителями сербов и черногорцев, с губернаторами (пашами) балканских паша-льков, переписка сербских и черногорских старейшин между собой, с российскими, австрийскими и турецкими дипломатами и чиновниками; актовые материалы: решения скупщины Сербии и Черногории, договоры сербских повстанцев с представителями Турции, Австрии и России; записки и прочие материалы справочного характера, прилагаемые к донесениям послов, консулов и уполномоченных, а также ряд других источников.

¹ Об этом см.: *Княпина Н.С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С.14–17.

² *Bystronovski Sz.* Serbien, seine europäische Beziehungen und die Orientalische Frage. Leipzig, 1845; *Sor Ch.* Serbiens Ereiheitskrieg und Milosch. Leipzig, 1845; *Cunibert B.* Essai historique sur les revolution et l'indépendance de la Serbie depuis 1804 jusqu'à 1850. Leipzig, 1855; *Baker J.* Turkel in Europa. Stuttgart, 1872. *Kallay B.* Geschichte der Serbien. Budapest–Wien–Leipzig, 1878; *Kallay B.* Die orientalische Politik Rusland. Gaufler, 1878; *Gopcevic S.* Rusland und Serbien von 1804–1915. Munchen, 1916; и др. Подробнее об этом см.: *Белов М.В.* Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Историкография проблемы. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

³ *Ключевский В.О.* Курс российской истории // *Ключевский В.О.* Собр. соч. М., 1989. Т.V. С. 182.

⁴ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны в царствовании императора Александра I с 1806 по 1812 г. по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом и членом Военного совета Михайловским-Данилевским. СПб., 1843.

⁵ Дубровин Н.Ф. Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. СПб., 1864. Т. XXXV. Вып. 1; *Он же*. Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Сербский вестник. М., 1863. Т.46. Ки.7.

⁶ Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885–1888. Т.I–III.

⁷ Попов Н.А. Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг. М., 1856. Ч.1.

⁸ Богишич В. Разбор сочинения Н.Попова "Россия и Сербия...". Приложения. СПб., 1872.

⁹ Об этом см.: Грачев В.П. История Первого сербского восстания 1804–1813 гг. в собрании В.Богишича // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С.271–291.

¹⁰ Об этом см.: Арсевић-Баталака Л. Историја српског устанка. Београд. 1899. Д.1–II.

¹¹ Ненадовић М. Мемоари. Београд, 1963. С.6.

¹² Новаковић Ст. Устанак на дахије 1804 г. Београд, 1954. С.36.

¹³ Марковић Св. Сербия на Востоке // Марковић Св. Избр. соч. М., 1956. С.355.

¹⁴ Гавриловић М. Ичков мир // Гавриловић М. Из нове српске историје. Београд, 1926. С.20.

¹⁵ Новаковић Ст. Васкрс државе српске. Београд. 1954. С.75,78.

¹⁶ Новаковић Ст. Турско царство пред српски устанак. Београд, 1906. С.4.

¹⁷ Новаковић Ст. Васкрс... С.81–87; *Он же*. Уставно питање и закони Карађорђева времена. Београд. 1907. С.21–22.

¹⁸ Новаковић Ст. Устанак ... С.3.

¹⁹ Вукићевић М. Карађорђе. Београд. 1912. Књ.2. С.182–183. 332.

²⁰ Јанковић Д. Карактеристике српске државе у периоду првог устанка // Анали правног факултета Београдског универзитета. Април – јун 1954. Београд, 1954; *Он же*. Историја државе и права Србије у XIX в. Београд, 1957; *Он же*. Српска држава првог устанка. Београд, 1984.

²¹ Гузина Р. Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955.

²² Кандић Јв. Скупштина у систему власти државе првог устанка 1804–1813 гг. Београд. 1963; *Она же*. Русија и уставни развој Србије у првој половини XIX века // Анали правног факултета Београдског универзитета. Београд, 1972. № 1–3. С.281–296.

²³ Ђорђевић М.Р. Политичка историја Србије XIX–XX века. Београд, 1956. Књ. 1. С.5–6.

²⁴ Петровић Д. Из историје првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд. 1979. С.55–57. 59–63.

²⁵ Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. М., 1958. С.140.

²⁶ Зеленин В.В. Русская политика в Восточном вопросе и борьба сербского народа за автономию в конце XVIII – начале XIX в. // Проблемы обществено-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С.371–372.

²⁷ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С.7–8.

²⁸ Нарочницкий А.Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия // Вопросы истории. 1980. № 2. С.57–58.

²⁹ Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд. 1958. С.97–99.

³⁰ Нарочницкий А.Л. Характер и значение первого сербского восстания 1804–1813 гг. // Новая и новейшая история. 1981. № 4. С.54–70.

³¹ Карасев В.Г. Первая буржуазно-национальная революция на Балканах. К вопросу о характере сербского восстания 1804–1813 гг. // Советское славяноведение. 1983. № 3. С.45–59.

³² Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. 5. Т.1. С.65.

³³ Внешняя политика России XIX – начала XX в. (далее – ВПИР). М., 1960–1967. Т.1–VI.

³⁴ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980–1983. Кн.1–2.

³⁵ Исторически значај српске револуције 1804 г. Београд, 1983.

³⁶ Југославенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд, 1983.

³⁷ Об этом см.: *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. Сокращенный обзор историографии о предпосылках и начальном этапе сербского восстания 1804–1813 гг. см.: *Грачев В.П.* Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 гг. // *Славяноведение*. 1993. № 1. С.3–14. Развернутый обзор см.: *В.П. Грачев.* Кризис в балканских владениях Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. и его взаимосвязь с предпосылками и начальным этапом сербского восстания 1804–1813 гг. Дисс... докт. ист. наук. ИСБ РАН. 1990 (Рукоп).

³⁸ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 гг. СПб., 1818–1819. Ч.1–II; *Он же.* Описание Черногории // *Сын отечества*. 1818. № 28.

³⁹ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч.1.

⁴⁰ *Красовский А.И.* Из записок генерал-адъютанта Красовского // *Русский вестник*. 1880. Т.148. № 8. С.501–532.

⁴¹ *Marmont A.F.* Memoir du marechal duc de Raguse. Paris, 1857. Т.III.

⁴² *Макушев В.В.* Материалы для истории дипломатических отношений России с Рагузинской республикой // Сб.РЮО. М., 1865. Кн.III. Отд.III; *Драговић М.* Материјале за историју Црне Горе // *Гласник Српског ученог друштва*. Београд, 1866. Књ. 65; *Ковачевић Р.* Прилози за повесницу Боже Которске. Дубровник, 1878. Д.II.; *Александров А.* Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань, 1897; *Brunswick V.* Recueil de documents diplomatiques relatifs du Montenegro. Constantinople, 1876.

⁴³ *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // *Балканский исторический сборник*. Книшинева. 1974. Т.IV. С.3–39; *Руски извори о Црној Гори. Од краја XVII до средине XIX века*. Сер.: Црногорско-руски односи 1711–1918 гг. Подгорица–Москва, 1992. С.65–133.

⁴⁴ *Медаковић М.* Повесница Црне Горе од најстарага времена до 1830 г. Земун. 1850. С.18.

⁴⁵ *Попович Л.* Черногорский владыка Петр I. Казань, 1897.

⁴⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888. Т.1. С.684.

⁴⁷ Там же. С.695.

⁴⁸ Там же. С.661, 689.

⁴⁹ *Ровинский П.А.* Отношения между Россией и Черногорией при владыках // *Журнал министерства народного просвещения*. 1885. Т.ССXXXIX. С.225.

⁵⁰ *Попов А.Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.

⁵¹ *Жмакин В.* Россия и Черногория в начале XIX в. // *Древняя и новая Россия*. М., 1881. Т.XIX. № 3.

⁵² *Францев В.А.* К истории наших отношений с Черной Горой в начале XIX столетия // *Русская старина*. 1909. Январь и др. Обзор русской и югославской историографии по теме см.: *Аншаков Ю.П.* Русско-черногорские отношения на рубеже XVIII–XIX вв. в дореволюционной русской и довоенной югославской историографии // *Југословенске земље и Русија у XVIII в.* Београд, 1986. С.321–341.

⁵³ *Афанасьев Д.М.* К истории черноморского флота 1767–1816 гг. // *Русский архив*. 1902. Кн. 2; *Огородников.* Действия русского флота в войне с Турцией 1807 г. // *Морской*

сборник. 1898. № 10, 11; *Каллистов Д.Н.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря как первоначальная идея в плане войны России с Турцией 1806–1812 гг. // *Морской сборник.* 1910. Т.СССVІ. № 1–2. Кн. 1. Неофициальный отдел. С.1–45; Там же. Кн. 2. Неофициальный отдел. С.1–25.

⁵⁴ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Русија. Београд. 1904. С.42–43.

⁵⁵ *Пејовић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд. 1981. С.404–407.

⁵⁶ *Лукић Ч.М.* Митрополит Петар Први Петровић. Титоград. 1991. С.53, 63.

⁵⁷ *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземном море. М., 1954; *Шапиро А.Л.* Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в. // *Исторические записки.* 1956. № 55. С.256–283; *Он же.* Адмирал Д.Н.Сенявин. М., 1958; *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Из истории политики России на Ионических островах (1799–1807 гг.) // *История СССР.* 1960. № 1; *Она же.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962; *Она же.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Политика России в Ионической республике (1798–1807 гг.). М., 1976.

⁵⁸ *Сироткин В.Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806–1807 гг. // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР (далее – УЗИС).* М., 1962. Т.ХХV. С.171–192.

⁵⁹ *Достяк И.С.* Россия и балканский вопрос. С.46–62; *Она же.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А.Санковского // *Славяно-балканские исследования.* М., 1972. С.291–336; *Она же.* Россия и проблемы государственного устройства балканских народов в первой трети XIX в. // *Etudes Balkaniques.* Sofia, 1976. С.61–70; *Она же.* Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. // *Международно-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70 гг. XIX в.* М., 1979. С.67–73; *Она же.* Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в. // *Југословенске земље и Русија...* С.307–326 и др.

⁶⁰ *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Из истории политики России на Ионических островах. 1799–1807 гг. // *История СССР.* М., 1960. № 1. С.63. Такого же мнения о балканской политике России придерживается и В.Г.Сироткин. См.: *Сироткин В.Г.* Указ.соч. С.171–192.

⁶¹ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья. 1798–1807 гг. М., 1962. С.444.

⁶² Там же. С.499–500.

⁶³ *Станиславская А.М.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976. С.47,118–119, 366–368.

⁶⁴ *История внешней политики России. Первая половина XIX в.* М., 1995.

⁶⁵ *Попов А.Н.* Славянская заря 1812 г. // *Русская старина.* СПб., 1892 Т.76. Декабрь. С.631.

⁶⁶ *Бажова А.П.* Россия и югославы в конце XVIII – начале XIX в. М., 1996. С.9–10.

⁶⁷ *Первое сербское восстание...*

⁶⁸ *Гавриловић С.* Грађа бечких архива о Првом српском устанку. Књ. 1. (1804–1810 гг.). Београд. 1985.

Глава II

ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ, ФРАНЦИИ И АВСТРИИ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПОД АУСТЕРЛИЦЕМ. СИТУАЦИЯ В ДАЛМАЦИИ И БОКЕ КОТОРСКОЙ ПОСЛЕ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА

Поражение австро-русских войск под Аустерлицем 20 ноября (2 декабря) 1805 г. и выход Пруссии из войны с Наполеоном, как известно, оказали существенное влияние на изменение курса внешней политики ряда европейских государств, в том числе и России. В день заключения перемирия между Францией и Австрией, т.е. 24 ноября (6 декабря) 1805 г., Александр I был вынужден отдать приказы главнокомандующему союзными войсками в Италии генералу Б.П.Ласси и российскому полномочному министру в Неаполе Д.П.Татишеву о выводе российских войск из Королевства Обеих Сицилий. Аналогичные приказы были отданы и о выводе войск из Германии, Австрии и Голландии¹.

В Вене 3 (15) декабря 1805 г. был заключен мирный договор между Пруссией и Францией, а в Прессбурге (Братиславе) 14 (26) декабря 1805 г. – между Австрией и Францией. По условиям Прессбургского трактата к Франции должны были отойти Западная Истрия, Далмация и Бока Которская. Указанные области представляли собой обособленные друг от друга территории. Истрия отделялась от Северной Далмации австрийскими владениями, а между Северной Далмацией и Которской областью находилась Дубровницкая (Рагузинская) республика и две узкие полоски владений Османской империи. Передача этих областей французам по условиям Прессбургского договора должна была завершиться к 30 января (11 февраля) 1806 г.² С присоединением новых адриатических областей к Франции ее границы оказывались в непосредственной близости, а на некоторых участках смыкались с границами балканских владений Османской империи³.

После выхода Пруссии и Австрии из войны с Францией третья антинаполеоновская коалиция распалась, а острота русско-французских противоречий переместилась с Балтийского на Средиземное море, на Балканы и Ближний Восток⁴. Находясь в растерянности от недавней конфузии и предательства своих союзников по третьей коалиции, Александр I 14(26) декабря 1805 г. подписал рескрипт Д.Н.Сенявину о возвращении в черноморские

порты всех российских кораблей и воинских отрядов, которые находились к тому времени на Средиземноморском театре военных действий⁵.

Между тем, английские корабли с войсками вышли из Неаполя 2(14) января 1806 г. Российские корабли, покинув неапольский порт в 20-х числах января, взяли курс на Корфу. Неаполитанский король Фердинанд IV со своим двором и членами правительства, а вслед за ними и российский полномочный Д.П.Татищев, отправились на Сицилию только в последних числах января 1806 г. Французы вошли в Неаполь 3 (15) февраля 1806 г.⁶

С распадом третьей антинаполеоновской коалиции и выводом российских и английских войск из Германии, Италии и Австрии практически устранялись преграды к проникновению французских войск в пределы раздираемой междоусобиями, анархией и нарастающим национально-освободительным движением на Балканах полиэтничной Османской империи⁷. Оправившись от поражения под Аустерлицем и трезво оценив складывавшуюся ситуацию на Средиземном море и на Балканах, Александр I 3(15) февраля 1806 г. отправляет генералу Б.П.Ласси приказ оставаться на Корфу и других островах Ионической Республики для того, "чтобы насколько возможно препятствовать осуществлению французских расчетов на Оттоманскую империю"⁸.

Беспокойство российского монарха о судьбе Османской империи объясняется тем, что по условиям русско-турецкого договора от 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.), который затем по настоянию Порты 11(23) сентября 1805 г. был досрочно пролонгирован обеими сторонами, Россия являлась союзницей Турции и правительство России считало себя ответственным как за целостность Османской империи, так и за судьбы православного населения в ее балканских владениях⁹. В Петербурге считали, что, овладев Далмацией и Боккой Которской, Бонапарт не упустит возможности переманить на свою сторону христианские народы этого региона, соблазнив их обещаниями создать свои независимые государства, а затем использовать их в борьбе против России.

Эти опасения подтверждались и донесениями российских дипломатов из разных мест Австрийской и Османской империй. В частности, российский представитель в Хорватии Вернег в депеше от 13(25) января 1806 г. сообщал, что его многолетние наблюдения за деятельностью Бонапарта и его дипломатией позволяют предполагать неизбежность дальнейшей агрессии теперь уже против Турции¹⁰. "Пока Бонапарт руководит активностью, духом и огромными ресурсами Франции, – пишет французский эмигрант на русской службе, – не следует ожидать ни передышки, ни соглашения, которые могли бы внушить малейшее доверие, прежде чем самая немыслимая

дерзость поставит свои собственные пределы". После того как Бонапарт принудил венский двор к полному подчинению и раболепному союзу с Францией, предъявил претензии на владения Венецианской республики, он, по мнению Вернега, непременно вступит в пределы Османской империи и даже постарается занять Константинополь. Это необходимо ему для того, чтобы, овладев черноморскими проливами, закрыть проход российским судам, ограничить возможности российской торговли на Черном море, а затем напасть на Россию. "Если учесть, что большая протяженность побережья Турции и Леванта, – пишет Вернег, – дает России многочисленных сторонников, особенно среди греков, то Бонапарт непременно направит свои усилия внутрь страны", т.е. Турции. Заручившись нейтралитетом Австрии, французы, по убеждению Вернега, без труда возбуждают волнения в Боснии и Сербии, которые станут душой восстания в империи, раздираемой междоусобиями группировок и анархией. Наибольшая опасность для государства, в которое проникают французы, по словам Вернега, заключается "в сведениях и познаниях, которые они умеют извлекать в целях завершения разгрома, когда сочтут момент наиболее благоприятным". "Разрушение Оттоманской империи, учреждение нескольких французских колоний в наиболее важных пунктах ... владение Египтом, низведение до ничтожного значения российской торговли на Черном море и ликвидация в известной мере России более всего занимают мысли Бонапарта".

Вернег предостерегал петербургский двор от недооценки ловкости и коварства французов в Далмации, где их эмиссары, по его словам, "не сегодня ... начали шнырять по всему побережью и приобрели там своих союзников в Рагузинской республике и обрабатывают их, имея цель вовлечь народ в тлеющий очаг, который должен воспламенить Восток". В этом нетрудно убедиться, полагал автор депеши, если учесть, что политический и военный режим в балканских владениях Османской империи полностью подчинен людям, которые управляют по своей воле этими провинциями. К таким людям он относит Пазванд-оглу Видинского и предводителя сербских повстанцев Карагеоргия. Первый, по мнению Вернега, опасен для России, а второму можно доверять, поскольку Карагеоргий стремится поддерживать связи как с Россией, так и с австрийским эрцгерцогом Карлом. "Всеобщее вооружение черногорцев под руководством России, – пишет Вернег, – было бы единственным средством навсегда изгнать французов из Далмации". Однако, по его мнению, есть основания опасаться, что французское правительство, воспользовавшись доверительностью и легковерием турецких министров, склонит Порту предпринять поход против Черногории и, возможно, уже соблазнило некоторых соседних пашей оккупировать эту благо-

настроенную по отношению к России страну, чтобы французы спокойнее чувствовали себя в Далмации и в облюбованных ими нациях Черногории. Новые завоевания Франции в Далмации, пишет Вернег, "по сути дела лишь первый шаг к созданию опоры в Турции и завершению насаждения новых суверенов на востоке и севере Европы".

Эту депешу Вернег смог отправить в Неаполь Татищеву 1(13) февраля 1806 г. В сопроводительной записке он еще раз обращал внимание "на критическое положение дел" на Адриатическом побережье. "Нельзя терять времени, – пишет он, – если желают спасти Далмацию и, стало быть, основные (балканские. – В.Г.) провинции Османской империи". Французы должны вводить войска в Далмацию сухопутными маршрутами, уверял Вернег, а вооружение для них будет доставляться из Венеции и Триеста, где прочно обосновался генерал Мармон. По наблюдениям опытных дипломатов, пояснял он, венский двор не хочет добровольно уступать Далмацию французам и в то же время опасается стихийного движения местного населения против французов¹¹.

§1. Развитие событий в Далмации и Боке Которской после заключения Прессбургского мира между Францией и Австрией

Как отмечалось в главе I, после перехода в 1950-х годах части югославских историков на позиции марксизма в югославской и советской историографии 50–70-х годов наметилось некоторое сближение точек зрения при характеристике политики России в отношении национально-освободительного движения сербского и черногорского народов в начале XIX в. И все же, наметившиеся в историографии XIX в. разногласия по ряду вопросов продолжали существовать. В основном они касались освещения конкретных событий, планов военных операций, значения и роли политических и военных деятелей России, Сербии, Черногории и т.д. В 1980–1990 гг. характер этих разногласий стал еще более противоречивым. Для большей наглядности проследим основные направления, по которым наметились сближения и расхождения точек зрения в советской и югославской историографии в 1950–1970 гг. по вопросам политики России в отношении Черногории в начале XIX в. В советской историографии этого периода интересующие нас вопросы рассматривались чаще всего попутно в трудах историков, занимавшихся изучением политики России в регионах Среди-

земноморья и на Балканах: Е.В.Тарле, А.Л.Шапиро, А.М.Станиславская, Г.Л.Арш, И.С.Достян и др.

Характеризуя балканскую политику России в конце XVIII – начале XIX в., Шапиро, например, писал, что царское правительство руководствовалось исключительно экономическими и стратегическими интересами господствовавших классов своей страны. Освободительное же движение балканских народов, в том числе и черногорцев, интересовало царизм менее всего. На движение черногорцев обратили внимание только тогда, когда русскому царизму понадобилось защищать Балканский полуостров от французов. Оценивая политику России с этих позиций, Шапиро делает вывод о том, что русский царизм в начале XIX в. рассматривал черногорцев и другие угнетенные балканские народы только как естественных союзников в войне с Францией¹². В соответствии с этим Шапиро утверждает, что у Александра I сначала не было намерений использовать находившиеся в Средиземноморье вооруженные силы России для действий на Балканах. Руководствуясь этим общим соображением, он, вслед за Тарле, ошибочно считает, что инициатором замысла занятия Которской области был Д.Н.Сенявин, который действовал вопреки намерениям петербургского двора¹³. "Стратегическое значение Которской области ... заключалось в том, – пишет Шапиро, – что оттуда можно было установить военные связи с сербами и герцеговинцами. И Сенявин осуществил эту задачу немедленно после прибытия в Котор"¹⁴. В 1962 г. точку зрения Тарле – Шапиро в данном вопросе поддержала и Станиславская. "У Сенявина, – пишет она, – созрел смелый и далеко идущий план занять Котор и поддержать борьбу против французов черногорцев и населения Которской области"¹⁵. Близким к этой точке зрения было в 1977 г. и мнение И.С.Достян¹⁶. Похожие взгляды можно встретить и в работах Бажовой. В 1996 г. она, например, пишет: "Включившись в конце XVIII – начале XIX в. в борьбу, которую вели Англия и Франция в Средиземноморье, Россия использовала национально-освободительные движения югославянских народов"¹⁷.

Используя в 50-х годах XX в. основные положения марксистской историографии для объяснения причин и характера национально-освободительного движения и соглашаясь с оценками балканской политики России, данными К.Марксом и Ф.Энгельсом, югославские историки в дальнейшем стали обвинять ее не только в использовании освободительного движения балканских народов в своих корыстных целях, но и в сознательном сдерживании и разобщении этого движения у тех народов, которые стремились к объединению своих усилий для достижения общей цели, т.е. освобождения от турецкого ига.

Это положение наиболее активно стало разрабатываться в последнее время в работах югославских историков по истории Черногории. Например, югославский историк Дж.Пейович писал в 1981 г. следующее. В то время когда Черногория стремилась к сближению с большей частью бердских племен, которые располагались на территории от Грахова до реки Лим, Россия хотела вовлечь черногорцев в войну с Францией, а сербские повстанцы из Белградского пашалыка намеревались вовлечь их в восстание против Османской империи¹⁸. Давление России на правителя Черногории митрополита Петра I, по утверждению Пейовича, определило всю его политику вопреки интересам всех югославянских народов. Во время мира между Россией и Турцией в 1804–1806 гг. черногорский митрополит был вынужден строго придерживаться хорошо усвоенного им требования России не допускать борьбы с турками в Герцеговине и Брдах. По той же причине Петр I убеждал дробняков и морачан не выступать против турок и не присоединяться к сербским повстанцам Белградского пашалыка. Выдавая желаемое за действительное, Дж.Пейович уверяет, что при активной помощи Черногории и Герцеговины восстание дробняков и морачан в тот период могло бы стать мощным фактором в развитии национально-освободительного движения против турецкой власти на Балканах, что, в свою очередь, было бы полезным и для дальнейшего разрастания сербского восстания 1804–1813 гг. Из-за занятости в операциях по овладению Бокой Которской черногорцы не смогли помочь сербам в 1806 г. и последующих годах¹⁹.

Еще дальше пошел в этом направлении черногорский историк Ч.М.Лучич. В книге, опубликованной в 1991 г., он пишет, что накануне поражения русских и австрийцев под Аустерлицем правительство России посредством незначительных и лживых обещаний стремилось установить союзнические отношения с Черногорией ради своих ближайших политических и военных целей. "Поскольку терпимость черногорцев ради чужих интересов была уже испробована ими ранее, поэтому Россия и Австрия торопились подружиться с ними перед новой опасностью. Русские, как славянский народ, имели в этом преимущество, а поэтому постоянно напоминали об общности языка и вероисповедания"²⁰.

Вышеприведенные точки зрения и оценки политики России в отношении освободительного движения в Черногории и прилегающих к ней областях в начале XIX в., на наш взгляд, вряд ли можно считать полностью объективными и безукоризненными. В приведенных выше оценках выдвигаются на первый план только корыстные интересы России и Австрии, а внешнеполитические цели митрополита Черногории представляются в идеализированном виде. Наряду с этим, общая политическая ситуация на Балка-

нах, на Адриатическом побережье и в Черногории воспроизводится без учета опубликованных документов и под нужным авторам углом зрения. В результате смещения акцентов в интерпретации событий утрачивается представление об уникальности политической ситуации на Балканах в начале XIX в., которая, пожалуй, впервые в истории побудила правительство России согласиться на объединение своих внешнеполитических усилий с целями освободительного движения балканских народов.

Чтобы устранить имеющиеся пробелы в изучении данной темы и получить более объективное представление о политике России и черногорского митрополита Петра I Негоша в данный период, мы попытаемся как можно полнее воспроизвести на основании достоверных источников политическую ситуацию в данном регионе, по возможности излагая развитие событий в строгой хронологической последовательности.

* * *

Находившийся до ноября 1805 г. в Черногории с особым поручением М.К.Ивелич по приказу Александра I был отозван в Россию, а на его место, но уже с другим заданием, назначен опытный дипломат статский советник С.А.Санковский. До этого он с 1801 по 1805 г. был генеральным консулом в Генуе²¹. Письмо А.Чарторыйского от 28 сентября (10 октября) 1805 г. и российский посла в Вене А.К.Разумовского об его отзыве М.К.Ивелич получил 8 (20) ноября 1805 г., когда находился в Которе. Сдав дела С.А.Санковскому 27 ноября (9 декабря) 1805 г., М.К.Ивелич, по его словам, "нашел за нужное съездить в Черногорию, дабы не почли мой отъезд в худую сторону...". По уверению Ивелича, митрополит, губернатор и другие черногорские главы встретили его "учтивейшим образом" и проводили "пушечной пальбой". До Котора его сопровождали сам губернатор Вуколай Радонич и некоторые поглавары. Но по прибытии в Котор выяснилось, что австрийские власти запретили купеческим судам выходить из города, поскольку существовала опасность нападения французских военных кораблей, базировавшихся в портах Рагузы²². Между тем, письмом от 30 января (11 февраля) 1806 г. российский посланник в Королевстве Обеих Сицилий Д.П.Татищев известил Ивелича, что приказ о его отзыве из Черногории отменен и ему надлежит вместе с Санковским "стараться обще с черногорцами о истреблении неприятеля", т.е. французов²³. С.А.Санковский в это время уже находился в Черногории в монастыре Станевичи. По свидетельству М.К.Ивелича, Санковский, узнав об условиях Прессбургского мира, в тот же день отправил в Неаполь к Д.П.Татищеву нарочного майора Милетича с просьбой прислать

в Черногорию "в непродолжительном времени военной амуниции, дабы поставить черногорцев в состояние сражаться с французами, да еще отправить к сим берегам (в Боку Которскую. – В.Г.) военные морские силы для ободрения народа и для овладения бывшею австрийскою Албаниею" (так тогда называли Которскую область). Но не получив ответа, Санковский, "для всякой предосторожности и благонадежности", решил отправить обратно в Неаполь через Корфу прибывшего к нему от Татищева нарочного поручика Реди с письмом аналогичного содержания. Между тем, находившийся в Которе российский консул А.О.Мазуревский 25 января (6 февраля) 1806 г. снял со своей резиденции герб России и отправился в Черногорию²⁴.

В письмах, отправленных Татищеву в январе 1806 г., Санковский сообщал, что он употребляет "всевозможные средства утвердить народ (Черногорию. – В.Г.) в приверженности к высочайшему (петербургскому. – В.Г.) двору и возжечь в нем ненависть и мщение против французов". Помимо населения Черногории, сообщал Санковский, ненавистью к французам пылают жители приморских районов Паштровичи, Рисан и Кастиельново. "...С помощью сих приморских жителей и черногорцев, да еще явлением и содействием одного или двух российских фрегатов вся бы бывшая австрийская Албания покорилась нашему великому монарху, через что можно наверно положить, что расстроился бы план Бонапарта, стремящегося разрушить империю Оттоманскую и воздвигнуть ее жителей против России". Однако, пишет Санковский, австрийский комендант Котора пока не может сообщить точного срока передачи французам указанных в мирном договоре территорий. В одном случае он сказал, что передача будет происходить в течение шести недель, а во втором – двух месяцев.

В письме, отправленном во второй половине января 1806 г., Санковский вновь повторяет просьбу прислать в Черногорию боеприпасы и российские военные корабли, поскольку, пишет он, "без помощи ... военных морских сил настает опасность, что сия страна будет потеряна безвозвратно для России и тем открыт будет свободный путь французам идти в Морею и исполнить все их честолюбивые предприятия"²⁵. В письме от 11(23) января 1806 г. Санковский уверял Д.П.Татищева, что при сложившейся ситуации, когда Черногория, с одной стороны, по его словам, "угрожаема нападением турецким, а с другой стороны, находится в опасности быть атакована французами, которым, как то в публике утверждают, Бока ди Катаро ныне уступлена ... верность и приверженность черногорского митрополита и народа к высочайшему (петербургскому. – В.Г.) двору никогда с толикою силою и горячностью как ныне не являлись".

Черногорский митрополит Петр I Петрович Негош, по словам Санковского, "обладая мыслями народа и располагая его действиями, ободряет и поощряет своим примером всех черногорцев быть в совершенном повиновении нашего высочайшего двора, ничего отнюдь не предпринимать в противность его интересов и готов сражаться до последней капли крови с неприятелями... царя и императора всероссийского". Внушения подобного рода воспринимались черногорцами с большой радостью. По уверению Санковского, он продолжает получать почти от всех черногорских нахий уверения, суть которых сводится к следующему: "где владыка и я будем находиться, тут с нами и народ будет, и что мы прикажем, то все черногорцы будут с великою ревностью, мужеством и неустрашимостью исполнять за честной крест и во славу нашего императора". В первой декаде января 1806 г. Санковский условился с Петром I Негошем о том, что митрополит отправит во все пограничные районы Черногории "благоразумных главарей" с поручением удерживать черногорцев от любых действий, которые могли бы причинить обиды их соседям, особенно туркам. Это необходимо делать для того, чтобы жить в добром согласии с жителями турецких владений и не давать причин турецким начальникам для нападения на Черногорию, поскольку визирь Боснии Мустафа-паша и мятежный Сулейман-паша намеревались послать свои войска численностью свыше 12 тыс. человек не только против Дробняков, но и против жителей Мачвы и Ровцов. В надежде уладить миром эти пограничные конфликты Петр I Негош направил письмо митрополиту Боснии Калинику, а С.А.Санковский – боснийскому визирю Мустафа-паше и Сулейман-паше. Но поскольку Сулейман-паша стоял во главе мятежных аянов Боснии и Герцеговины, действия которых были труднопредсказуемы, С.А.Санковский и Петр I Негош ради предосторожности послали игумену монастыря Острог некоторое количество пороха и свинца для раздачи жителям пограничных районов на случай самой крайней нужды. Петр I Негош, со своей стороны, дал указания старейшинам кнежин, какую помощь они должны оказывать друг другу в случае возникновения внезапной опасности со стороны турок. Обеспечив со всех сторон безопасность черногорских границ от нападения турок, пишет Санковский, "... черногорский митрополит и я обратили все наше внимание на приморье, дабы быть в готовности против французов или их предупредить и занять Бока ди Катаро". Для этой цели черногорский митрополит приказал заготовить патроны из имеющихся у него запасов пороха и свинца, а также дал указание закупить в Скутари патронов еще на 1 тыс. золотых рублей (червонных).

Петр I Негош сообщил также Санковскому, что вскоре после заключения перемирия между Францией и Австрией, т.е. 24 ноября (6 декабря)

1805 г., к нему приходили тайным образом жители приморских районов с предложением "отдаться под покровительство России, если токмо он, черноторский митрополит, сделает малейшее движение для удостоверения приморцев, что он намерен им в том вспомоществовать". Митрополит же на это им ответил (пишет Санковский): "Пока они (приморцы. – В.Г.) будут принадлежать союзнику нашего великого монарха (Австрии. – В.Г.), то он (митрополит. – В.Г.) подобного сему предложения не может принять. Но если французы придут в Боку ди Катаро, то приморцы могут тогда твердо на то положиться, что будет им помогать всеми теми силами, кои могут состоять в его распоряжении".

В одном из разговоров с Санковским митрополит Петр I Негош "с воспаленным усердием", по словам Санковского, заявил: "Знаю, что я рожден покорить России все лежащие близ меня народы, и ежели только интерес моего православного царя то позволит, то в неделю его будет Бока ди Катаро. А Герцеговина и турецкая Албания, выключая токмо город Скутари, будут мною покорены нашему (российскому. – В.Г.) государю императору в течение шести недель"²⁶.

В письме от 16 (28) января 1806 г. Д.П.Татищев писал из Неаполя С.А.Санковскому: "Вследствие мира, заключенного между Австриею и Франциею 26 декабря (н/с) уповаю, что не только венецианская область имеет быть причислена к так называемому Итальянскому королевству, но также и Истрия, Далмация и Бока ди Катаро. Из инструкции, при отправлении вашем вам данной, ваше сиятельство усмотрите, что подобное приращение Франции в сих странах совершенно противно видам нашего высочайшего двора, следовательно, в обязанности вашей препятствовать всеми мерами, в руках ваших находящихся, сему событию, имевшему подать Бонапартию все удобства для приведения в действие дальнейших честолюбивых его намерений. Такое сопряжение обстоятельства сего с комиссиею, на вас наложенною, и искреннее участие, которое, принимая во всем том, что до вашего с-ва касается, заставляют меня отправить к вам, милостивый государь мой, поручика Реди нарочным, дабы сообщить вам мысли мои касательно вашего положения. Нет сомнения, что когда французы введут войска свои в Бока ди Катаро, пребывание ваше в сем месте будет подвергнуто великим затруднениям, а также как ваше с-во оставить совершенно сию страну не можете без особенного повеления от государя императора, то и совет вашему с-ву: коль скоро узнаете, что военные посты, занимаемые прежде австрийцами, отдаются французам, переместиться в Черногорию ли, либо в такую часть Паштровического берега, где приверженность жителей обеспечит вас, и стараться питать в народе сем мщенье и ненависть к ново-

му их владельцу, употребить также влияние, через кое ваше с-во успокоили восставших прежде противу цесарцев жителей четырех селений Цупа, на возмущение их против французов, каковому примеру последовали бы, может быть, и бокезинцы, а между тем стараться частыми набегами из Черногории истреблять по частям пришлецов. Одним словом, употреблять все способы, дабы не давать французам спокойно владеть сим краем...

P.S. – Так как я знаю, что ваше с-во претерпевали недостаток в порохе и свинце, то кажется мне, что можно бы было вам купить сии военные снаряды от цесарских офицеров; они с охотою согласятся при отъезде их продать оные даже за дешевую цену"²⁷.

29 января (10 февраля) 1806 г. австрийский комендант города Котора Гизильери объявил населению о предстоящей передаче города и области французам. С.А.Санковский и М.К.Ивелич встретились в Которе 1(13) февраля 1806 г. Первый прибыл из Черногории, а второй – из приморского района Рисана, где жили его многочисленные родственники. 2(14) февраля 1806 г. они отправились к австрийскому уполномоченному по сдаче города французам барону Кавалькабо и по-дружески советовали, чтобы австрийское военное командование сдало города Котор и Кастаново не французам, а местному населению этих городов и черногорцам, поскольку определенный в мирном договоре срок сдачи французам, установленный до 30 января 1806 г., уже истек, а приморцы и черногорцы считают французов своими неприятелями. Кавалькабо отказался пойти на столь рискованный шаг и даже, по уверению М.К.Ивелича, арестовал С.А.Санковского, который, впрочем, на следующий же день был освобожден. 4(16) февраля 1806 г. австрийское командование отдало приказ о выселении из Котора православных славян, а католикам города и его окрестностей было предписано подготовить для обороны от черногорцев купеческие суда, установив на них от 12 до 18 пушек.

В феврале-марте 1806 г. депутации от ряда приморских коммунитад и соседних с ними нахий – Рисан, Грбаль, Катунска, Лушчане, Пиперы и др. – поставили С.А.Санковского в известность о желании населения этих районов принять покровительство, а по возможности и подданство, России. В связи с этим они выражали готовность воевать против французов на стороне русских. Одними из первых заявили об этом старейшины Рисана. В своем обращении от 8(20) февраля 1806 г. они писали: "Прадеды и деды наши, да и мы сами, желаем быть не только под высочайшим покровительством, но и верноподданными единоверного и единоплеменного великого государя императора всероссийского на правах наших привилегий, и обещаем все единодушно, мы и наследники наши, по возможности нашей противо не-

приятеля его сражаться, не шадя даже и жизни всей. Почему уполномочиваем и посылаем к вашему превосходительству, яко к министру е.и.в.ва, от лица всей здешней коммунитады братьев наших: капитана Б.Джурковича, байрактара Д.Лучича, судью М.Поповича, кнеза Богдана Самарджича, кнеза Ив.Бербери для предоставления усердного нашего желания". От имени старейшин Рисана обращение подписал Сава Ивелич²⁸. Санковский 9(21) февраля 1806 г. сообщил жителям Рисана: "Вы можете быть удостоверены, что вы непременно получите просимый вами знак благоволения от своего августейшего монарха. Вскоре время настанет, что вам возможно будет законно низвергнуть иго порабощения иностранного государя... а между тем живите в единстве и уклоняйте от себя все то, что токмо может быть противно вашим интересам"²⁹.

15 февраля 1806 г. черногорский митрополит Петр I Негош собрал в Цетинье "збор" черногорских старейшин, на котором было принято решение отправить на помощь жителям Боки Которской тысячу черногорских воинов. Там же было принято решение послать в Белградский пашалык к верховному вождю сербских повстанцев Карагеоргию нарочного с письмом. Черногорский владыка извещал верховного вождя о ситуации, сложившейся в Далмации и Боке Которской, о прибытии в Черногорию полномочного представителя российского государя С.А.Санковского, о намерении черногорцев и бокезцев не допускать французов в Далмацию и Боку Которскую. Петр I Негош предлагал Карагеоргию объединить усилия сербских повстанцев с черногорцами, приморцами и русскими для достижения общей победы над французами³⁰. Пока в Цетинье заседал "черногорский збор", в Кастельново (Герцег Нови) 16 февраля 1806 г. появились три корабля из эскадры Д.Н.Сенявина (линейный корабль "Азия", фрегат "Михаил", шхуна "Экспедиция") под командой капитана 1-го ранга Г.Г.Белли. Помимо команды на борту кораблей было 140 человек морской пехоты. По получении известий о прибытии отряда российских военных кораблей участники "черногорского збора" 17 февраля 1806 г. отправили австрийскому коменданту Котора Гизильери письмо с предупреждением не сдавать французам Боку Которскую³¹.

18 февраля 1806 г. Г.В.Войнович сообщил Санковскому о намерении французов продвигаться к Боке Которской: "Неприятель переправился из Далмации к Дубровнику и скоро может быть здесь"³². В тот же день на корабль "Азия", которым командовал Г.Г.Белли, прибыли С.А.Санковский, М.К.Ивелич, черногорский митрополит Петр I Негош, черногорский губернатор Вуколай Радонич и др. По свидетельству М.К.Ивелича, на состоявшемся там военном совете было решено: "Дабы все племена славянские

вместе с черногорцами, пользуясь настоящим благоприятным случаем, следовали как можно поспешнее для учинения приступа к крепости Каствельновской, дабы предупредить французского генерала, пришедшего уже с сильною командою войск и располагавшегося не далее 80 верст от Каствельновской крепости".

19 февраля (3 марта) 1806 г. владыка Петр I Негош, по свидетельству того же источника, лично поднял российский флаг над собравшейся неподалеку от крепости Каствельново колонной местных жителей и черногорцев, а 20 февраля потребовал от Гизильери ключи от этой крепости. Последний, пишет М.К.Ивелич, принял решение "сдать все крепости славянским коммунитадам". 21 февраля 1806 г. в 12 часов дня ключи от Каствельново были в руках у старейшин города, которые немедленно сняли австрийский и водрузили российский флаг над крепостью.

После совещания на корабле "Азия" капитан Белли со своей стороны вручил письмо австрийскому командованию, в котором требовал освободить всю территорию, которая должна была передаваться французам.

22 февраля 1806 г. австрийские уполномоченные без особых возражений передали старейшинам коммунитад ключи от Котора, Будвы и других укрепленных мест, над которыми также были подняты российские флаги. "И когда таким образом все крепости были сданы австрийцами славянам, – пишет М.К.Ивелич, – тогда капитан Белли отправил галету в Корфу к вице-адмиралу Сенявину, известив его о всем происшедшем и требуя присылки войск для гарнизону в крепостях. Вследствие сего и прибыл 19 марта 1806 г. Витебского мушкетерского полка шеф генерал-майор Мусин-Пушкин с двумя батальонами на трех военных кораблях, и занял должность коменданта в Боко-ди-Катаро, а Санковский – должность гражданского губернатора"³³. С.А.Санковский в депеше А.Чарторыйскому от 21 февраля 1806 г. так описывал эти события: "Жители Боки Которской через своего представителя обратились ко мне с просьбой не токмо об оказании им покровительства, но и о принятии их в число подданных нашего... монарха". Что же касается черногорского народа, пишет Санковский, то он "единодушно решил повсюду биться с врагами своего августейшего покровителя...". Такое решение черногорцев, поясняет Саиковский, было обсуждено и единодушно принято на заседании народной скупщины Черногории и Брда и только после этого вручено гражданским и военным австрийским властям. "Наибольшая заслуга в занятии Боки Которской нашими войсками численностью в 140 человек, – пишет он, – принадлежит той исключительной и почтительной привязанности и любви, которую питают жители приморских областей к Российской империи. Эти чувства возбуждались и поддерживались митрополитом, ко-

торый во главе 7 тыс. человек находится уже в Герцег Нови и через 2–3 дня будет в Дубровнике³⁴. Жители Доброты, Пераста, Перчан, Рагузы и ряда других далматинских городов и районов прислали на корабль "Азия" своих депутатов, чтобы они удостоверили их преданность России. Христиане ряда герцеговинских нахий, входивших в состав Османской империи, опасаясь мести турок, ограничились письменными посланиями с выражением преданности России и намерением поддержать действия черногорцев³⁵.

Французские войска к тому времени подошли к городу Задар (Зара), но узнав о прибытии в Боку Которскую российских кораблей и о враждебных намерениях местного населения и черногорцев, отступили к Сплиту³⁶.

Турецкое правительство следило за развитием событий на Адриатическом побережье с такой же тревогой. Как только в Константинополе было получено известие о взаимодействии русских и черногорцев в Боке Которской, Порты немедленно направила приказ Али-паше Янинскому обезоружить все христианское население, проживавшее на подвластной ему территории. Али-паша, в свою очередь, приказал собрать в Янину старост (каджи башиев) всех христианских селений и обязал их в 3-дневный срок обеспечить сдачу оружия в их селах. Однако этот приказ не был выполнен в большинстве сел, и Али-паша приказал казнить семерых старост. В ответ на это население подвластных ему владений взбунтовалось; 30 тыс. вооруженных жителей пришли в Янину, объявили себя верноподданными султана и потребовали отстранения Али-паши от власти. Поняв свое бессилие, Али-паша был вынужден отменить свой приказ. Сулиоты с острова Корфу объединились с чамами и потребовали, чтобы Али-паша вернул им крепость Сулу³⁷.

Извещение о заключении мира между Австрией и Францией, а также копию мирного договора, подписанного уполномоченными этих государств в Прессбурге 14(26) декабря 1805 г., в Петербурге получили только в феврале 1806 г. Ознакомившись с условиями этого договора, Александр I писал А.К.Разумовскому: "Усердие, которое приложило е.в-во австрийский император, чтобы передать мне договор, который он заключил с Францией, было для меня бесконечно приятно. Но это обстоятельство нисколько не умалило доподлинную скорбь, которую я испытал, ознакомившись с содержанием этого документа". Российский самодержец выражал сожаление не только по поводу больших потерь, понесенных Австрией, но и в связи с угрозой, которая нависла над другими государствами Европы. "Эти опасности, – пишет царь, – еще больше усугублены положением всей Европы, которое не позволяет не думать о немедленном объединении сил, чтобы противостоять расширению французской державы, и в то же время невозможно вовсе не замечать, что Бонапарт будет преследовать свои планы с той же активно-

стью, как он делал до настоящего времени в период войны и мира, и что его вторжения примут иное и более разборчивое направление, чем то, которое они имели до сих пор, и что настанет момент, когда любые жертвы, любая уступчивость были бы недостаточными для его амбиций".

Александра I больше всего интересовали вопросы: "какую систему примет" венский двор после заключения Прессбургского мира, каким будет его дальнейшее поведение, какими возможностями располагает Австрия на данный момент, на какие средства ее правительство может рассчитывать через некоторое время, какие планы разрабатывает венский двор на будущее и, наконец, какое участие в них отводится России. Наряду с этим Александр I поручал своему послу в Вене довести до сведения австрийского императора и точку зрения петербургского двора на новую геополитическую ситуацию в Европе и каким он, российский самодержец, видит место России и Австрии в ситуации, сложившейся после заключения Прессбургского мира.

Геополитическая ситуация в Европе 1806 г. стала, по мнению Александра I, весьма неблагоприятной для продолжения или возобновления войны с Францией. В связи с этим царь предполагал строить внешнюю политику России на оборонительной основе, не помышляя ни о какой выгоде для своего государства. Однако Александр I пишет: "Я буду держать мои силы насколько возможно в состоянии оказать содействие каждому из моих соседей. Мои армии останутся в боевой готовности и будут находиться в полном составе в течение всего периода настоящей войны. Я не стану отказываться от урегулирования с Францией, которое не противоречило бы моей чести и моим интересам, и хотя я рассматриваю мир как самую насущную необходимость для Европы, я не стану добиваться переговоров, которые в нынешних обстоятельствах были бы, по-видимому, без каких-либо удовлетворительных результатов. Моя система, таким образом, будет в основном состоять в защите моих владений и владений тех держав, которые попросят моего содействия или существование которых будет необходимо для моей безопасности". Александр I считал, что при сложившейся ситуации Наполеон I будет рассматривать Австрию как союзника Франции лишь до тех пор, пока Пруссия, по его словам, "не набросит тень на голову французского правительства". Исходя из этих предпосылок, Александр I советовал Францу I: реорганизовать австрийскую армию, строить укрепления, собрать вокруг себя наиболее выдающихся людей империи с большим опытом и твердым характером, которые смогли бы в кратчайший срок разработать и начать вводить "оборонительную систему" Австрии. Эта инструкция была

подписана царем 18 февраля (2 марта) и отправлена в Вену с бароном Ашем 3(15) марта 1806 г.³⁸

Важность стремительно развертывавшихся в Боке Которской событий требовала присутствия в той области возможно большего числа российских морских сил. В связи с этим 6 марта 1806 г. в Боку Которскую прибыл второй отряд кораблей с двумя батальонами морской пехоты под командованием генерал-майора Мусина-Пушкина, а 16(28) марта – большая часть эскадры во главе с Д.Н.Сенявиным. Утром следующего дня на корабль Д.Н.Сенявина поднялись С.А.Санковский и Петр I Негош. На этой встрече митрополит Черногории объявил о "ревностном желании тамошних жителей пребывать навсегда под счастливейшим скипетром" российского царя. 18 марта Д.Н.Сенявин отправился в город Котор, где его посещали делегации от коммунирад Боки Которской "для изустного подтверждения неограниченной их благодарности за помощь, оказанную им присылкою военных сил"³⁹.

Помимо устной благодарности депутаты вручили Д.Н.Сенявину и письменные послания. В частности, депутаты Поборской коммунирады в своем послании от 13(25) марта 1806 г. писали: "Мы жизнью своей обязаны в.высокопр-ву, удостоившему принять нас и всю провинцию согласно желанию нашему в подданство великого императора всероссийского Александра I, за которого мы обещаем жить и умереть. Быть нам без чести, если бы не была нам оказана милость от в.высокопр-ва, первым принявшего свободное и добровольное волеизъявление народа провинции, подвергавшегося опасности потерять оставшуюся у него свободу, для сохранения которой мы затратили неимоверные усилия и сумели убедить каждого исполнять законы, в которых самым ценным является свобода, и этой подлинной свободой имеет право пользоваться каждый добрый и верный подданный. За это наш коммунирад, который сохранит свои старые обычаи и привилегии, милостью в.высокопр-ва временно ему возвращенные, приносит превеликую благодарность и нижайше просит Вас не отказать в любезности сообщить великому самодержцу нашему императору об огромной и невыразимой радости нашей и готовности пожертвовать жизнью и имуществом для исполнения его приказов и его воли"⁴⁰.

Растроганный их искренней приверженностью к России, Д.Н.Сенявин писал царю: "Я могу уверить Вас, всемилостивейший государь, что радость и восхищение, кои ми сей народ объят по случаю сего вожделенного для них происшествия, явствовал не токмо из слов сих депутатов, но и выражены были также на лицах их, и они все повторили, что, будучи единоверные и единоплеменные с россиянами, за истинное поставляют себе бла-

гополучие быть ныне под одною же властью в.и.в-ва". Д.Н.Сенявин уверял Александра I и в том, что Бока Которская, как по "привязанности к России, так и по ... положению ее, может в случае нужды служить для содержания турок, с одной стороны, в страхе, а с другой, для обороны их же противу французов". Залив Боки Которской, с точки зрения бывалого вице-адмирала, является одной из наиболее удобных гаваней в мире. Которская область с береговой стороны окружена высокими горами. На ее территории в то время находилось восемь крепостей. Со стороны моря вход в просторную и глубокую бухту защищали три крепости: Котор, Кагельново (Герцег Нови) и Спаниола. Благодаря выгодам ее расположения и имеющимся там укреплениям, Боку Которскую можно было бы защищать от многочисленного неприятеля при помощи черногорцев, местного населения и лишь небольшого числа российских солдат. Население Боки Которской, как об этом сказали Сенявину депутаты, имеет в своем распоряжении до 400 судов, на которых могут служить до 25 тыс. искусных матросов и которые почти все вооружены пушками. Кроме того, в Боке Которской можно собрать до 12 тыс. храбрых и уже вооруженных бойцов, готовых, по их уверению, жертвовать не только своим имуществом, но и самой жизнью. "Я почел обязанностью для безопасного мореплавания преусердного сего к России народа, – пишет Сенявин, – учредить конвой как по Адриатике, так и к Черному морю. Положение и прочие выгоды сей провинции возбудили внимание других правительств и желание оною приобрести и [склонить] черногорцев на свою сторону; во время пребывания моего в Катаро я узнал, что на сей конец была в Рагузе доверенная особа от английского правления. Употреблено было много труда, а еще более золота, и, может быть, успели бы англичане, если бы не воспрепятствовал им в том г-н Санковский, который, я осмеливаюсь уверить Вас ... есть человек предостойный и преусердный к службе в.и.в-ва и поведением своим токмо приобрел всеобщую любовь и уважение жителей тамошнего края"⁴¹.

М.К.Ивелич, с 1804 г. как представитель союзной с Портой державы успевший хорошо познакомиться со многими турецкими властями Боснии и Герцеговины, тем временем был отправлен в соседнюю Герцеговину, как он сам пишет, "для уведомления ... турецкого начальства о всем происшедшем" в Далмации ⁴². По прибытии М.К.Ивелича в Герцеговину в марте 1806 г. местные старейшины направили к нему двух депутатов – кнеза Багомулича и кнеза Божу Милянича, которые вручили ему послание герцеговинского народа, датированное 22 марта 1806 г. В том послании говорилось, что в период двухгодичного пребывания Ивелича в Черногории и Далмации герцеговинские турки относились к христианской райе Герцеговины более или

менее сносно, поскольку они опасались заступничества России перед Портой. Теперь же, когда Ивелич должен уехать в Россию, турки вновь начнут угнетать народ с еще большей силой, чего христиане стерпеть уже не смогут. Далее авторы послания просили сообщить в Петербург о верности герцеговинского народа российскому царю и вновь прислать в Герцеговину Ивелича для избавления народа от ненавистного гнета турок, как избавились бокезские христиане "от ярма латинского". "Мы обещаемся с клятвою, – говорилось в послании, – что желаем пролить нашу кровь за его пресветлую корону и пребудем навеки верноподданными, мы и род наш, единойверной, единокровной и единойзычной России". Заверенное печатью послание подписали восемь герцеговинских кнезов⁴³.

Выполнив возложенную на него миссию, М.К.Ивелич из Герцеговины через Рисан и Триест отправился в Вену, а оттуда 8(20) мая 1806 г. – в Петербург⁴⁴.

С.А.Санковский тем временем, являясь новым представителем союзной Порте державы, в марте 1806 г. направил требиньскому паше письмо, в котором просил пропустить через его владения черногорские войска к Рагузе, направляемые туда для того, чтобы преградить путь наступающим французам. Однако турецкий паша проигнорировал просьбу официального представителя союзной державы, поскольку он, по словам Санковского, "весьма склонен был потворствовать французам"⁴⁵. Черногорский же митрополит Петр I Негош сообщил Санковскому, что турецкие паши Боснии и Герцеговины, опасаясь вторжения русских, установили тайные связи с французами и вопреки воле своего султана намереваются впустить их в свои владения. Тайные посланцы Наполеона, уверял Петр I Негош, уже проникли в Сербию и пытаются склонить Карагеоргия на свою сторону⁴⁶. Между тем ситуация в Боке Которской неожиданно осложнилась из-за начавшегося мародерства, в котором приняли участие как черногорцы, так и приморцы. Жители некоторых селений начали покидать свои дома и укрываться на территории, занятой австрийскими и французскими войсками. Командующий оставшейся в Боке Которской российской эскадры Г.Г.Белли, чтобы предотвратить начавшуюся панику, приказал конфисковывать имущество тех, кто сбежал в расположение австрийских и французских войск. С.А.Санковский же, по его уверению, настоял на отмене столь опрометчивого приказа, исполнение которого нанесло бы вред России и укрепило влияние Франции⁴⁷.

Медлительность французского командования в развертывании широкомасштабных операций явно не согласовывалась с предположениями петербургского двора и российских политиков. Это вызвало даже некоторое опасение и у российского посла в Австрии. Выражая удивление в связи с

отсутствием какой-либо реакции со стороны Наполеона по поводу занятия русскими войсками и черногорцами Боки Которской, А.К.Разумовский писал: "Воздержанность Бонапарта ... в связи с занятием нашими войсками Боки Которской и прилегающей к ней области слишком необычна, чтобы не таить в себе каких-либо роковых замыслов"⁴⁸. Чарторыйский, в свою очередь, признавался Разумовскому: "Для меня крайне важно точно узнавать обо всем происходящем теперь в Далмации. Это заставит меня размышлять о средстве, которое бы полностью отвечало этой цели; но для этого нужно, чтобы венский двор, руководствуясь значительностью сего предмета, пожелал помочь нам. Средство это – протянуть через австрийские владения линию агентов от Боснии до границ Далмации... Получая таким образом сведения о приготовлениях французов для нападения на оттоманские владения, мы могли бы принимать соответствующие меры". Наиболее удобными пунктами для наблюдения Чарторыйский считал Землин, через который проезжают колонисты, переселяющиеся в Россию, Петроварадин, Аграм и Цейц. А среди агентов в этих городах Чарторыйский предпочитал видеть Бароцци, Вернега и Коесини, которые, с его точки зрения, наиболее подходили бы для столь деликатного дела⁴⁹.

По сведениям, полученным из разных источников, численность французских войск в Далмации к концу марта 1806 г. не превышала 6 тыс. человек, а французское командование не имело серьезных намерений вести там широкомасштабные наступательные операции. Не желая растрачивать силы на войну с русскими в Далмации, Наполеон решил заставить венский двор заключить соглашение с ним о пропуске французских войск через австрийские владения, чтобы без особых усилий овладеть Далмацией. Такое право, по его мнению, якобы вытекало из сути Прессбургского договора⁵⁰.

Российский генеральный консул в Триесте Ц.Пеллегрини в конце марта 1806 г. сообщал, что часть французских войск уже погрузилась на корабли в Венеции и намеревается следовать в Истрию, а другая часть на 54-х лодках готовится к отправке непосредственно в Далмацию, откуда затем двинется в Боснию⁵¹. Разумовский же, не имея достоверных данных, продолжал придерживаться мнения, что после сосредоточения французских войск в Далмации они непременно начнут продвижение на Восток для нанесения удара по России⁵².

Как только в Париже были получены сообщения о сдаче австрийцами Боки Которской местному населению, черногорцам и русским, французскому послу в Вене А.Ларошфуко было предписано предупредить венский двор о том, что нарушение условий Прессбургского договора может дорого обойтись самой Австрии. В соответствии с этим Ларошфуко заявил министру

иностранных дел Австрии И.Стадиону, что пока русские и черногорцы будут оставаться хозяевами Боки Которской, французы не выведут свои войска из крепости Браунау и не возвратят на родину 5 тыс. австрийских военнопленных. В начале апреля 1806 г. А.Ларошфуко уже объявил конкретный срок передачи Котора французам. Если к назначенному сроку Котор не будет возвращен, заявил французский посол, то Наполеон отдаст приказ о занятии Триеста и других австрийских владений⁵³.

Результаты жестких требований Наполеона не заставили себя долго ждать. После первых же демаршей А.Ларошфуко И.Стадион объявил российскому послу в Вене А.К.Разумовскому о том, что если которское дело не будет улажено мирным путем и российские войска не уйдут из Боки Которской, а Россия начнет войну с Турцией, то венский двор будет вынужден перейти к более решительным действиям против российских войск в Далмации⁵⁴..

Такой оборот которского дела ставил российскую дипломатию в двусмысленное положение, и МИД России в такой ситуации сочло наиболее удобным занять уклончивую позицию в отношении Австрии. А.Чарторыйский предписал Разумовскому сообщить венскому двору о том, что правительство России еще не приняло окончательного решения о выводе своих войск из Боки Которской, но которское дело не должно осложнять дружественных отношений между Россией и Австрией⁵⁵.

Между тем в Сербию 3(15) апреля 1806 г. было доставлено письмо черногорского митрополита от 15(27) февраля 1806 г., в котором Петр I Негош выражал свое "благорасположение" к "сербскому делу". В ответ на это Карагеоргий писал 4(16) апреля 1806 г., что появление посланца из Черногории в трудное для сербских повстанцев время не только обрадовало их до восхищения, но и добавило им храбрости, поскольку предложенные митрополитом меры позволяют объединить силы братских народов для борьбы против иноземного ига. Верховный вождь сербских повстанцев выражал надежду в том, что совместная борьба объединит не только их мысли и дела, но и свяжет сербов и черногорцев в нерушимый и вечный гражданский союз, как их связывали до сих пор неразрывная общность крови, рода, племени и веры. Карагеоргий писал также, что особую радость доставило сербам известие о договоренности черногорцев с жителями Боки Которской и Далмации об их совместной борьбе против французов.

Информируя Петра I Негоша о положении дел в Сербии, Карагеоргий обращал внимание на то, что непокорные султану янычары, которые одновременно были и мучителями сербского народа, изгнаны из Белградского пашалыка и бежали в Боснию и Румелию. Там они не без успеха возмущают

и поднимают против сербов турок, которые уже считают белградских сербов своими врагами. В связи с этим сербские старейшины, уверял Карагеоргий, неоднократно писали визирю Боснии и в боснийский диван о том, что сербы Белградского пашалыка по-прежнему остаются подданными султана и желали бы жить в мире с населением Боснии. Но боснийские власти не верят этому и продолжают воевать против сербов. Сербы же, по словам Карагеоргия, ничего иного не требуют от султана, как только быть "мирными, свободными и безопасными в своей земле под властью... султана Селима... как его навсегда верными подданными". Несмотря на это, говорится в письме, босняки напали на сербов, сожгли многие села, забрали имущество и увели с собой женщин. Они перебили не только мужчин, но не пощадили даже малых детей в колыбелях. Поэтому, пишет Карагеоргий, мы, сербы, "сообща от мала до велика сражаемся с разбойничьей Боснией, которая вопреки приказам султана причиняет нам столько зла... мы бьемся страшно, без пардона и без пощады".

Верховный вождь особо подчеркивал, что сербы с начала восстания никогда еще не были в столь затруднительном и стесненном положении, как в эти дни. Карагеоргий просил митрополита, как правителя независимого и свободного государства и ближайшего соседа Боснии, стать вооруженным посредником между сербами и боснийскими турками. Однако Карагеоргий не очень верил в успех такой миссии, поскольку, полагал он, даже при согласии боснийского дивана вступить в мирные переговоры с сербами, румелийские паши и аяны не подчинятся его решениям и будут нападать на сербов с разных сторон, что заставит его разделить войско на несколько частей и тем самым ослабить и без того непрочную оборону повстанческой Сербии. При сложившейся ситуации, пишет Карагеоргий, сербы нуждаются в скорейшей помощи со стороны черногорцев, которые могли бы ударить в тыл боснякам и поднять на восстание православное население Боснии и Герцеговины. Только совместными усилиями, поясняет он, можно победить неверную султану Боснию. После победы, говорится в письме, "...мы будем жить сообща все вместе, как заповедовал нам наш бог, который влил в нас одну и ту же сербскую кровь, просветил нас одним благочестием; мы должны жить так, чтобы стать единым братством, с единым телом, душой и сердцем, мы должны стать любезными согражданами под крылом и покровительством единоговерного и единоплеменного... царя и благословенного государя всероссийского. Вот те мысли и наши желания, от которых мы никогда не отступимся".

В конце письма Карагеоргий прямо указал на то, что при создавшейся ситуации у черногорцев есть больше возможностей оказать сербам помощь,

чем у сербов – черногорцам. "Если вы нынче не вступите с войском в Герцеговину и Боснию, – пишет Карагеоргий, – то нам придется очень трудно!". Если же черногорцы смогут самостоятельно пробиться через Герцеговину и Боснию, не без умысла намекал верховный вождь, то сербские повстанцы безусловно соединятся с ними. Карагеоргий заверял: "Мы на любое большое предприятие готовы! Только от вас зависит возвратить сербским землям и обширной державе прежнюю честь и достоинство или ввергнуть ее и всех нас в вечное забвение"⁵⁶.

В марте 1806 г. Порты, окончательно определившись в выборе своего внешнеполитического курса, направила Али-паше Янинскому приказ принять в Янине французского комиссара. Янинский мятежник вначале, видимо по привычке, воспротивился было приказу Порты, но, когда появившийся в Янине французский комиссар, по словам российского консула в Бухаресте Л.Г.Кирико, "сообщил ему письменно ... сведения о неприятельских будто намерениях российских войск против его особы", все же принял француза и стал следовать его советам⁵⁷.

Которский вопрос беспокоил не только Париж и Вену, не меньше он волновал и Константинополь. В частности, рейс-эфенди неоднократно требовал от российского посланника А.Я.Италинского, чтобы Россия не вовлекала в войну с Францией черногорцев, которых Порты считает своими подданными, поскольку Турция является нейтральной державой в войне России с Францией. Однако подобные официальные заявления турецкого министра расходились с реальной политикой Порты, на что А.Я.Италинский также не упускал случая обращать внимание турецкого правительства⁵⁸.

Обобщив полученные из разных мест Европы донесения дипломатов и агентов, А.Чарторыйский в начале апреля 1806 г. подготовил записку царю, озаглавленную "Мотивированные замечания по поводу возвращения генерала Ласси в Черное море". В этой записке говорилось, что приказ царя о выводе российских войск из Италии был отдан генералу Ласси до получения известий о заключении Прессбургского мира. После же получения этих известий приказ был отменен, а 24 января (5 февраля) 1806 г. был подписан новый приказ генералу Ласси, которым ему предписывалось оставаться с корпусом в районе Средиземного моря. Но этот приказ не застал Ласси на месте, поскольку в начале марта 1806 г. он с частью корпуса находился в Константинополе и готовился к отправлению в черноморские порты России. В связи с изменившейся после заключения Прессбургского мира международной ситуацией Чарторыйский предлагал царю "...без задержки отдать приказ держать готовыми к погрузке в портах Черного моря 15–20 тыс. человек". Этот корпус вместо войск Ласси должен отправиться в район Сре-

диземного моря для защиты Ионической республики, Сицилии и Корфу. В случае оккупации этих государств французскими войсками Наполеон I через три месяца будет в Константинополе и тогда, пишет Чарторыйский, "греки, черногорцы и другие христианские народы сих стран, не исключая даже сербов, поспешат примкнуть к знаменам французов, коих они отныне будут почитать за своих освободителей, тогда как надежда, которую они возлагали на Россию, навсегда исчезает". Поскольку целостность Ионической республики формально гарантировалась ст. I русско-турецкой конвенции от 21 марта 1800 г. и секретной ст. IV союзного русско-турецкого договора 1805 г., то Порты, полагал Чарторыйский, не в праве будет отказать России в отправке этих войск.

При планировании этой акции Чарторыйский предполагал выяснить и действительное отношение Порты к русско-турецкому договору в новой неопределенной ситуации. Если побуждаемая французами Порты под каким-либо предлогом попытается воспрепятствовать отправке этих войск через проливы, писал Чарторыйский, "то станет невозможным рассматривать ее отказ иначе, как откровенное нарушение союза, что в любом случае предпочтительно неопределенности, в которой до настоящего времени находится Россия в отношении дальнейших намерений Порты". Если выяснится нежелание Порты оставаться в союзе с Россией, тогда "надобность поддерживать Ионическую республику, Сицилию и российские войска на Корфу и в Боке Которской станет еще более неотложной, то для осуществления этой цели останется лишь одно направление – Молдавия, Валахия, Сербия и так далее". Чарторыйский был убежден, что при последнем варианте все христианские народы Османской империи будут действовать в союзе с российской армией, а большинство европейских государств должны признать законность таких действий петербургского двора. В манифесте, который надо опубликовать по этому случаю, следует заявить, что "российские войска вступили на Оттоманскую территорию не ради враждебных действий, а для защиты этой империи, правительство которой позволяет побуждениям Франции увлечь себя вплоть до нарушения самых торжественных положений".

Чтобы не дать туркам и французам опередить Россию в занятии Дунайских княжеств, Чарторыйский предлагал отдать командующему Днестровской армией И.И. Михельсону "эвентуальный приказ" немедленно выступить к Дунаю, как только Италинский предупредит его об отказе Порты пропустить российские войска через ее черноморские проливы⁵⁹.

В записке от 9(21) апреля 1806 г. Чарторыйский вновь возвращается к обоснованию важности для России удержания российскими войсками Боки

Которской⁶⁰. Изложенные в его записках идеи, по-видимому, сначала обсуждались в специально созданном военном комитете по делам Котора и Адриатики, а затем были одобрены царем, о чем свидетельствует в какой-то мере и инструкция Чарторыйского российскому послу в Вене А.К.Разумовскому от 20 апреля (2 мая) 1806 г. В ней говорится: какими бы ни были планы Франции насчет Далмации, Россия не будет взирать безразлично на то, как французские войска концентрируются на побережье Адриатического моря в провинциях, отобранных у венского двора, для новых предприятий, направленных против России. "Нам следует опасаться за Ионическую республику, где размещены наши войска, за Оттоманскую империю, во владениях которой мы никогда не могли бы разрешить французам обосноваться", – писал Чарторыйский. Руководствуясь этими соображениями, Разумовский должен был попытаться убедить венский двор в том, чтобы он, по крайней мере, не создавал благоприятных условий для снабжения французских войск в Далмации провиантом и боеприпасами, а также не предоставлял им права прохода через свои владения по суше из Истрии в Далмацию. Если же венский двор не внимлет увещаниям российского посла и, отказавшись от политики нейтралитета, будет подчиняться диктату Франции, то петербургский двор угрожал Австрии разрывом дружественных отношений, которые до сих пор существовали между ними⁶¹.

Тогда же французский посол в Вене Ларошфуко, в свою очередь, в ультимативной форме потребовал от австрийского правительства, чтобы оно закрыло все адриатические порты для русских и английских кораблей⁶².

В эти же дни, точнее 22 апреля 1806 г., Д.Н.Сенявин известил Санковского о занятии российским десантом о. Корчулы и о своем намерении занять все лежащие против Далмации острова, население которых выразило свою приверженность к России⁶³.

После перехода области под власть российской администрации в сфере местного управления не произошло существенных изменений. Все прежние чиновники продолжали оставаться на своих местах и по-прежнему выполняли возложенные на них обязанности. Однако финансовые поступления в общественную казну провинции резко сократились. При австрийской власти деньги в местную казну поступали в основном за счет предоставления торговым судам Венеции и Триеста права швартоваться в Боке Которской. Из поступавших в казну средств для выплаты жалования чиновникам выделялось до 4 тыс. флоринов. Более точными сведениями Санковский к тому времени не располагал, поскольку местные чиновники с большой неохотой информировали его о финансовой сфере их деятельности, так как не без основания предполагали, что Бока Которская рано или поздно

будет оставлена русскими войсками. Что же касается местного населения, то оно, по наблюдениям Санковского, продолжало жить в мире как с герцеговинскими турками, так и с черногорцами и албанцами. Однако Санковский не без основания сомневался в искренности поведения боснийских и герцеговинских пашей, которые не всегда отвечали даже на его официальные письма как представителя союзной державы. Относительное спокойствие в Боснии и Герцеговине, по его мнению, объясняется тем, что турки этих провинций готовятся к выступлению против белградских сербов, которые теперь сами угрожают Боснии⁶⁴. Пользуясь правами главы временного гражданского управления в Боке Которской, Санковский в апреле 1806 г. назначил Г.Войновича своим заместителем в Кастильново⁶⁵.

Пока десанты российских моряков при содействии местных жителей вели операции по занятию отдельных островов прибрежной Далмации, а С.А.Санковский занимался организацией местного гражданского управления, в Вене 16 апреля 1806 г. по требованию Наполеона была заключена австро-французская конвенция, по условиям которой Австрия давала согласие на проход через свою территорию французских войск, которые будут перемещаться из так называемого Итальянского королевства в Истрию и Далмацию для войны с Россией. Как выяснилось позже, венский двор как можно дольше пытался держать в секрете это соглашение от Англии и России.

Еще раньше французы по тайномуговору с Портой установили контакты с мятежным Али-пашой Янинским и бейлербеем Румелии Ибрагим-пашой Скутарским, которые позволяли французским агентам беспрепятственно проникать в любые места балканских владений Порты и вербовать там наемников для войны с Россией⁶⁶. Российский консул в Арте Егор Флори выезжал в Янину для встречи с Али-пашой, чтобы сообщить ему о недовольстве российского правительства его связями с французами и политикой в отношении сулиотов, чамов и других его подданных. В ответ на это Али-паша высказал встречный протест по поводу действий вице-адмирала Д.Н.Сенявина, эскадра которого препятствует проходу его судов через Корфинский пролив. Е.Флори объяснил ему, что эта крайняя мера вызвана плохим отношением Али-паши к христианскому населению в его владениях и тайными связями с французами. Али-паша, в свою очередь, объявил, что войну против сулиотов и чамов он ведет по распоряжению Порты, которая предписала ему привести всех христиан к покорности. После угрозы применить более жесткие меры Али-паша обещал выпустить из тюрем всех сулиотов и греков, прекратить связи с французами и быть полезным России во всех отношениях, лишь бы Д.Н.Сенявин не препятствовал проходу его су-

дов, а российские войска не мешали ему вести войну с чамами. Если эти условия будут приняты, заявил Али-паша, то в случае войны России с Турцией он готов выступить даже против самой Порты⁶⁷.

В конце апреля 1806 г. Чарторыйский продолжал настаивать на целесообразности удержания Боки Которской и создании в этом регионе промежуточного славянского государства по типу Дубровницкой республики⁶⁸. В частном письме А.Я.Италинскому он писал по этому поводу: "Идея о том, чтобы сформировать здесь промежуточное государство даже под верховенством Порты по примеру Рагузы или Семи островов (Ионической республики. – В.Г.), сия идея, по-моему, полностью соответствуя искреннему желанию е.и.в-ва оградить Оттоманскую империю от всякой агрессии со стороны французов, могла бы лишь приветствоваться Портой, если Вы сочтете удобным уведомить ее об этом. Тем не менее, поскольку в данный момент главное – спасти Австрию от угрожающей ей опасности и восстановить поелику возможно общий мир в Европе, император решил вступить в первые отношения с французским правительством, – как единственное средство, ныне существующее, – для достижения сей важной цели"⁶⁹.

Чтобы вселить в черногорцев еще большую уверенность и надежду на помощь России, митрополиту Петру I Негошу 23 апреля (5 мая) 1806 г. было послано письмо за подписью Александра I, в котором сообщалось: "Приятно для нас, что Вы убеждены в той истине, что на искренней приверженности, на тесной связи с Россией должны быть основаны безопасность, независимость и спокойствие народа, вверенного Вашему управлению. Подвизайтесь в сих правилах, проповедуйте сию истину и будьте уверены, что для нас всегда приятнейшим будет попечением оправдать во всех случаях оказываемое черногорцами к России усердие и споспешествовать их благоденствию"⁷⁰.

Пока петербургский двор и ведущие столичные политики колебались в выборе курса, которого следовало бы придерживаться при решении которого вопроса, эскадра Д.Н.Сенявина и российско-черногорские войска продолжали развивать успех военных действий в Адриатике. Местное население с искренним радушием относилось к российским морякам и военным. Даже недоброжелатели были вынуждены признать безупречное поведение русских в отношении местного населения. Например, католический священник из Будвы писал по этому поводу: "...Русские никого не обижали и не утесняли. Офицеры были хорошо воспитаны, а солдаты вежливы. Они были снисходительны и совсем не суровы... Что же касается религии, то она была также свободна, как при прежних правителях... Кто хотел бы сказать что-

либо плохое о русских, по крайней мере о тех, которые были в Будве, заслужил бы имя лживого человека"⁷¹.

Видя несомненные военные успехи и дружественное отношение русских к местному населению, сенат Рагузинской республики в 20-х числах апреля 1806 г. направил в Котор к Д.Н.Сенявину депутацию, которая передала ему прошение на имя Александра I. Дубровницкие сенаторы писали: "Чрезвычайное великодушие и человеколюбие, которое в.и.в-во благоволили постоянно оказывать нашей Республике, побуждает нас всепокорнейше и всенижайше просить и умолять Вас, чтобы и впредь Вы не лишили Республику могущественнейшего Вашего покровительства. О сем мы с особенным настоянием умоляем в.в-во в настоящее время, когда непобедимые войска Ваши весьма приблизились к нашим границам. Итак, полагаясь на Ваше покровительство, мы всенижайше умоляем и заклиная Вас благоволить приказать Вашим военачальникам не отступить ни мало от той особенной милости, которую в.в-во всегда оказывали нашей Республике, каковое в.в-во доказывали нам не только на словах, но и на самом деле"⁷².

По просьбе сенаторов Д.Н.Сенявин 24 апреля (6 мая) 1806 г. прибыл в Дубровник для заключения с республикой договора. Согласно заключенному договору дубровницкие сенаторы брали на себя следующие обязательства: "как только (они. – В.Г.) узнают, что французское войско вступило на землю Республики, Рагуза примет русский гарнизон, а ее правительство вооружит граждан, дабы они воевали вместе с русскими против французов"⁷³. По заключении договора с дубровницкими сенаторами Д.Н.Сенявин отправился с частью эскадры в Кастельново, предварительно попросив Петра I Негоша выделить в помощь российским войскам до 1 тыс. черногорских воинов для защиты от французов адриатических островов. Это предложение Сенявина было вынесено на обсуждение черногорской скупщины, которая приняла по этому вопросу положительное решение. Участники скупщины постановили еще раз обратиться с посланием к верховному вождю сербских повстанцев Карагеоргию⁷⁴.

В послании, датированном 7(19) мая 1806 г., Петр I Негош писал, что албанские и герцеговинские паши наперекор султанским приказам продолжают засылать свои войска на территорию Черногории. Незаконность их поступков состоит в том, пояснил митрополит, что черногорцы поддерживают союзные Турции российские войска в Далмации, которые воюют с врагами Порты, французами. Именно поэтому черногорцы с полным правом могут содействовать российским морским и сухопутным силам в изгнании французов из Далмации и в освобождении, как сказано в письме, "единоплеменных собратьев далматинцев от нового рабства и неволи", а также не

позволять того, чтобы французы "над славянскими народами господствовали" и чтобы они не посягали на союз России с Османской империей. Исходя из складывавшейся ситуации, Петр I Негош рекомендовал Карагеоргию пока придерживаться оборонительной тактики с войсками, верными Порте, а воевать только с мятежными пашами и аянами. По мнению митрополита, сербам в данной ситуации было бы выгоднее соблюдать все постановления султанских фирманов и не возбуждать лишний раз недовольство Порты⁷⁵.

Подготовка русских войск и черногорцев к обороне Боки Которской и других пунктов далматинского побережья еще не была закончена, а в Рагузу 14(26) мая 1806 г. прибыл курьер из Слано с известием о вступлении французских войск в пределы Рагузинской республики. В тот же день российский генеральный консул в Рагузе К.Фонтоном известил С.А.Санковского о том, что французский корпус численностью до 1 тыс. человек движется в направлении Рагузы, а другой отряд – в направлении Боки Которской⁷⁶.

Утром 15(27) мая 1806 г. французский корпус под командой генерала А.Лористона подошел к западному предместью Рагузы, Пилле. Рагузинцы заперли ворота города и выслали к французам двух сенаторов. Лористон заявил посланцам, что он не намерен занимать Рагузу, а только просит впустить его корпус в город на один день для отдыха. Сенаторы согласились удовлетворить просьбу французского генерала. Но когда французы вошли в Рагузу, Лористон немедленно потребовал от сената сдать ему ключи от города, всю крепостную артиллерию, склады с боеприпасами и продовольствием. Подобная "военная хитрость", видимо, заранее была согласована с рагузинскими сенаторами, которые таким образом попытались снять с себя обвинение в нарушении только что заключенного с Д.Н.Сенявиным договора. Через неделю численность французского гарнизона в городе была увеличена до 1500 человек, а на рагузинцев была наложена контрибуция. Таким образом, Рагуза была сдана французам тихо и без боя, а ее граждане испытали на себе все последствия французской оккупации⁷⁷. По получении от К.Фонтона известий о занятии французами Рагузы С.А.Санковский 15(27) мая 1806 г. обратился к черногорцам с воззванием, в котором писал: "Долго мы ожидали ... чтобы доказать французам, что мы достойны носить имя славян. Сие мгновение настало..."⁷⁸.

Петр I Негош в тот же день написал Санковскому о готовности черногорцев идти к Старой Рагузе (Цавтату), чтобы воевать с французами⁷⁹. Через шесть дней митрополит сообщил, что он с черногорским нерегулярным войском находится в Доброво Фропорской, а к ночи будет в Старой Рагузе⁸⁰. 23 мая (4 июня) 1806 г. черногорцы и приморцы заняли Старую

Рагузу и предприняли попытку выбить из местечка Жупа под Старой Рагузой закрепившихся там французов и рагузинцев, которых было, по словам Петра I Негоша, втрое больше атакующих. Не имея поддержки с моря от российских кораблей, которые в то время находились в канале Старой Рагузы, черногорцы были окружены. Но, вступив в рукопашную схватку с противником, они прорвали кольцо окружения и нанесли значительный урон французам. 25 мая (6 июня) 1806 г. российские корабли вошли в порт Старой Рагузы, а 26 мая черногорцы при поддержке корабельных орудий возобновили штурм французских укреплений в Жупе и оттеснили французов к Новой Рагузе. В этом бою было убито более 200 французов и рагузинцев. Черногорцы захватили 6 французских офицеров, 3 знамени, много ружей и боеприпасов. С черногорской стороны были ранены 7 человек. В этом сражении особо отличились российские моряки: командир корабля "Уриил" капитан 2-го ранга Бочинский, лейтенанты Елагин и Козин, командовавшие кононерками и баркасами. У черногорцев и приморцев отличились: секретарь митрополита Доментин Владевич, черногорский губернатор Вуколай Радонич, протопоп Иван Пророкович, адъютант митрополита подпоручик Витебского мушкетерского полка Павел Кравченков и др.⁸¹

Второй отряд французских войск, двигавшийся к Боке Которской, был замечен российскими сторожевыми постами в последних числах мая 1806 г. Извещая об этом Сенявина 30 мая 1806 г., Санковский писал: "Бока Которская находится под угрозой вторжения французских войск. Войска черногорцев и приморцев приведены в боевую готовность"⁸².

Сражения российских регулярных войск совместно с черногорским и приморским нерегулярным войском против французов с переменным успехом продолжались до конца июля 1806 г. За участие в этих боях были представлены к наградам многие российские офицеры и солдаты, черногорцы и приморцы. Характер и исход этих боев достаточно хорошо и полно освещены как участниками этих сражений, так и историками⁸³. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на их описании, а лишь напомним, что 24 июня (6 июля) 1806 г. в Рагузу был введен еще один корпус французских войск в 3 тыс. человек под командой генерала Молитора, подразделения которого заняли наиболее важные пункты на территории Рагузинской республики. Вскоре после этого численность французских войск в Далмации была увеличена до 13 тыс. человек. В 20-х числах июля 1806 г. в Рагузу прибыл генерал Мармон, который был назначен главнокомандующим французскими войсками в Далмации. 19(31) января 1808 г. он вручил рагузинскому сенату указ Наполеона I о ликвидации Рагузинской республики. Гражданское управление на ее территории передавалось французскому консулу

Брюеру. Так при попустительстве рагузинского сената закончилась 20-вековая история Республики Святого Влаха, последнее правительство которой так благоговело перед гением Наполеона⁸⁴.

§ 2. Ситуация в Далмации и Боке Которской во второй половине 1806 г.

Изменение курса внешней политики венского двора в отношении России, вызванное обострением которского вопроса, серьезно беспокоило Александра I и МИД России. Еще в конце апреля 1806 г. царь предписал послу в Вене А.К.Разумовскому передать императору Францу I свое искреннее сожаление по поводу осложнений, которые возникли между Австрией и Францией из-за занятия российскими войсками и черногорцами Боки Которской. Российский самодержец выражал надежду, что которское дело вскоре будет улажено в ходе переговоров о заключении мира между Россией и Францией, подготовка к которым ведется с начала 1806 г.⁸⁵ Это заявление Александра I не было какой-то дипломатической уловкой, а имело под собой реальную почву. В начале февраля 1806 г. А.Чарторыйский поставил российского посла в Лондоне С.Р.Воронцова в известность о том, что петербургский двор решил начать переговоры с Наполеоном I об условиях заключения мира между Россией и Францией. С этой целью в Париж был отправлен чиновник МИД России, французский эмигрант на русской службе П.Я.Убри, которому было поручено подготовить почву для заключения "всеобщего мира". Если дело пойдет на лад и Наполеон I откажется от занятия Боки Которской и от вторжения в балканские владения Порты, то П.Я.Убри давалось право подписать договор о мире⁸⁶.

В инструкции и директивных указаниях, данных П.Я.Убри 30 апреля (12 мая) 1806 г., указывалось, что уполномоченный должен склонить Францию к заключению перемирия на срок от одного до десяти лет при условии, что каждая сторона сохранит свои позиции за исключением Далмации. П.Я.Убри в любом случае должен добиваться полной или частичной эвакуации французских войск из этой провинции. В инструкции особо оговаривалось, что российский уполномоченный "не должен подписывать никакого соглашения, которое препятствовало бы сохранению Россией ее военных сил на Корфу или дало бы Франции основания объявить недействительными обязательства, взятые на себя Оттоманской Портой по отношению к России". П.Я.Убри мог согласиться на признание присвоенного Бонапартом императорского титула, если Наполеон согласится оставить за королем

Фердинандом IV право мирного владения Сицилией, а также, по словам инструкции, "полной или частичной эвакуации французами Далмации и создания одного или нескольких независимых государств между Османской империей и Италией"⁸⁷.

В тот же день Чарторыйский по указанию царя направил в Вену инструкцию А.К.Разумовскому с предписанием вступить в переговоры с французским послом в Вене А.Ларошфуко относительно мирного урегулирования которского конфликта. Пункты договора, по которым Россия не должна соглашаться на выдвигаемые Францией условия по которскому вопросу, Разумовский должен был передать П.Я.Убри⁸⁸. Выдвигаемые совместно Россией и Англией условия в качестве основы соглашения с Францией сводились к следующим пунктам: 1) Франция должна вывести свои войска из Истрии и Далмации; 2) договаривающиеся стороны должны гарантировать сохранение целостности владений Османской империи; 3) сохранение стоянок для российских и английских кораблей на Мальте, Корфу, в Триесте и других портах Австрии⁸⁹.

Соответствующие извещения о начале русско-французских переговоров по которскому вопросу были разсланы Д.Н.Сенявину, С.А.Санковскому, А.Я.Италинскому и другим имеющим отношение к этому делу лицам.

В частном письме П.А.Строганову, который в это время находился в Лондоне в связи с началом предполагаемых переговоров с Францией, Чарторыйский писал о трех возможных вариантах решения которского вопроса: 1) оставить Боку Которскую за Россией; 2) оставить Котор и всю Далмацию Австрии с условием, чтобы за пределами Триеста не оставалось никаких территорий, принадлежащих Франции; 3) образовать в этом регионе промежуточное государство, которое находилось бы в вассальной зависимости от Порты. Одно из этих трех положений должно стать условием *sine quo pop* (т.е. неперменным условием) как для России, так и для Англии⁹⁰.

Как только в Париже были получены известия об условиях, которые Россия и Англия собираются предъявить Франции, Наполеон отдал приказ генералу Мармону готовить войска для занятия Триеста и других адриатических портов Австрии. Чтобы избежать этого, австрийское правительство предписало военному коменданту Триеста генералу Заху немедленно закрыть порт для английских и российских судов⁹¹. Вслед за тем Наполеон потребовал от венского двора добиться от России эвакуации ее войск из Боки Которской в течение одного месяца. В противном случае Наполеон угрожал ввести свои войска в южные провинции Австрийской империи⁹².

Петербургский двор, со своей стороны, убеждал австрийского императора в том, что российские войска должны оставаться в Боке Которской до тех пор, пока венский двор не добьется от Франции сокращения перебрасываемых через австрийские владения французских войск, численность которых не должна превышать разумной потребности, необходимой для обороны Далмации. Не добившись фиксированных сроков и определения численности перебрасываемых в Далмацию французских войск, пишет Чарторыйский, венский двор рискует предоставить Наполеону I возможность установления господства над Османской империей, что противоречит интересам России и самой Австрии⁹³.

Разумовский же сообщал из Вены, что прибывший в столицу Австрии из Петербурга П.Я.Убри привез с собой документы, в которых будто бы идет речь о решимости Александра I эвакуировать российские войска из Боки Которской в том случае, если Франция согласится принять условия России и Англии⁹⁴.

Несмотря на разноречивые распоряжения, исходившие из МИД России, А.К.Разумовский 19 (31) мая 1806 г. вручил французскому послу в Вене А.Ларошфуко ноту, в которой сообщалось, что петербургский двор согласен с предложением Франции начать переговоры о мире без посредников и готов пойти на уступки при условии, если Франция и ее союзники проявят такую же готовность⁹⁵. Однако Ларошфуко отказался принять ноту российского посла, предложив заменить ее письмом министра иностранных дел Австрии И.Стадиона. Это означало, что Франция не хотела допускать вмешательства России в решение которского вопроса. Реакция венского двора была соответствующей – из Вены был отдан приказ о закрытии порта в Триесте для российских и английских судов, хотя сам город еще не был занят французскими войсками⁹⁶. Вскоре после этого Сенявин известил Разумовского о том, что венский двор запретил российским кораблям входить и в другие порты Австрии⁹⁷.

Пока депеши Д.Н.Сенявина и А.К.Разумовского о закрытии австрийских портов для российских судов находились в пути, Александр I 23 мая (4 июня) 1806 г. подписал новую инструкцию Сенявину, согласно которой перед его эскадрой и отрядом российских войск под командой генерал-майора Р.К.Анрепа была поставлена следующая задача: "обеспечение Ионической республики, Морей и всей Греции от всякого неприятельского нападения" на случай, "если бы каковые-либо неприязненные виды Порты, обнаружившись, довели нас и до разрыва с оною, равномерно если бы французы вступили в какую-либо область Турецкой империи или делали каковые покушения высадки на берега их или острова, к ним прилежащие". При поста-

новке такой задачи эскадре Д.Н.Сенявина царь, как сказано в инструкции, исходил из того, что находившиеся под командой Сенявина морские и сухопутные силы вполне достаточны для очищения Ионического и Адриатического морей "от всех могущих оказаться в оных французских вооруженных судов". По поводу Боки Которской Александр I писал, что после занятия этой области российскими и черногорскими войсками, австрийцы по настоянию французов неоднократно просили его возвратить Котор Австрии. "Желая отвратить новые опасности, могущие соделаться весьма бедственными для Австрии, которая в настоящем положении уже отнюдь не в силах противоборствовать Франции, — пишет царь, — я поручил послу нашему графу Разумовскому вступить по сему предмету в непосредственное сношение с французским послом в Вене...". В зависимости от расположения Франции, предупреждал Александр I Сенявина, возвращение Боки Которской Австрии вполне может быть возможным. Но поскольку известия от Разумовского о согласии Франции на переговоры еще не поступали, то, указывая царь, морские и сухопутные силы, вверенные Д.Н.Сенявину, по-прежнему должны удерживать за собой Боку Которскую, не сдавая ее ни французам, ни австрийцам. Для выполнения этой задачи Сенявину разрешалось привлекать для службы на российских кораблях моряков из числа местного населения⁹⁸.

Двумя днями позже член Военного совета П.В.Чичагов отправил Сенявину более обстоятельную инструкцию, в которой пытался разъяснить характер изменения курса внешней политики петербургского двора, вызванного быстрым сближением Порты с Францией и изменением политики венского двора, связанным с силовым давлением Франции. В связи с этим Чичагов писал Сенявину: "Недопущение французов не токмо к высадке, но даже до сообщения морем или берегом с турками и греками должно быть одним из предметов, обращающих на себя всевозможное внимание ваше. Разведование о их происках и влиянии, каковыя они на тамошние народы иметь могут, не должно также быть упущено". По убеждению Чичагова, главным оружием французов, которое они употребляют против иноземных народов, являются "ухищренное влияние повсюду ими рассеваемых эмиссаров", прокламации, обещания всяких выгод и денежных подачек. Подобные способы, по его словам, "удачливо обращали к ним умы целых народов". Многие примеры доказывают, пишет он, что обольщенные таким образом народы вскоре оказывались под игом вероломных французов. Политику российского двора от французской должны отличать, по мнению Чичагова, следующие качества: "умеренность, твердость слова и бескорыстнейшее желание спокойствия народов и равновесия Европы...". С помощью

такой политики, наставлял управляющий министерством морских сил, можно с успехом "противоборствовать рассеваемым французами ложным внушениям... и доставлять верные сведения об успехах их эмиссаров и о расположении к нам тамошних народов, кои также, как и черногорцы, пожелают, может быть, перейти в подданство или под мощное покровительство" России. Если Сенявин заметит малейшее пособничество турок французам, то Чичагов разрешал ему установить связь с английским морским командованием на Средиземном море и потребовать от него подкрепления, чтобы пресечь, по словам инструкции, "всякие неприязненные на нас от турков покушения".

Вводя Сенявина в курс изменений внешней политики петербургского двора в отношении которского вопроса, Чичагов просил его обратить внимание на следующие обстоятельства. По отношению к Франции Россия еще находится в том же положении, как и до начала последней кампании, тем более, что действительного объявления войны не было ни с одной стороны. Однако уступка Австрией Франции Истрии, Далмации и Боки Которской, наряду с другими очевидными признаками, обнаруживает, по словам инструкции, "дальновидные намерения Бонапарта на Турецкую империю", и это, по мнению Чичагова, доказывает, что "Франция почитает себя в войне с Россией". Чичагов не возражал против занятия Боки Которской российскими и черногорскими войсками, однако считал, что занимать эту провинцию следовало бы после вступления французов в Котор или, по крайней мере, "не делать капитуляции", поскольку тогда Австрия была бы в стороне. "Ныне же венский двор, сообщая нам о сем событии, представил его величеству, сколь несчастные последствия для Австрии произойти могут, если мы не возвратим Катарро, и просил убедительно, чтобы дано было нужное для сего повеление". Желая отвратить новую опасность и узнав о намерении Австрии сблизиться с Францией, а также приняв во внимание сделанное в Петербурге французским торговым агентом Лессепсом заявление о том, что "Франция желает восстановить дружеские с Россией сношения, е.в-во предписал послу графу Разумовскому вступить в непосредственные сношения с французским послом в Вене... дабы объявить ему, что е.в-во готов объяснить о средствах восстановить всеобщий мир, если Франция и со своей стороны обнаружит приличную тому податливость". Поэтому дальнейшие действия эскадры вице-адмирала Д.Н.Сенявина против французов будут зависеть от результатов переговоров Разумовского с французским послом в Вене А.Ларошфуко. Для связи Разумовского с Сенявиным в гавани Триеста должно стоять одно легкое судно, которое могло бы доставлять письма Разумовского⁹⁹.

Инструкция аналогичного содержания была отправлена Чарторыйским Санковскому в Котор с капитаном Станоевичем 26 мая (7 июня) 1806 г. В ней говорилось, что все последующие указания по урегулированию вопросов, связанных с дальнейшей судьбой Боки Которской, Санковский теперь будет получать непосредственно от А.К.Разумовского, которому царь поручил вести переговоры по этому делу с австрийским правительством. В том случае, если будет принято решение о выводе российских войск из Котора, то Санковскому надлежит заверить черногорцев и приморцев в том, что российский царь в полной мере ценит их усердие и приверженность к России и впредь будет заботиться об их благоденствии. "Упования жителей (Боки Которской. – В.Г.) на покровительство высочайшего (петербургского. – В.Г.) двора, – пишет Чарторыйский, – открывают, может быть, нам способы к продолжению сношений Ваших и по выходе из Катарро как с митрополитом, так и с другими жителями, наиболее оказавшими приверженность свою к России". В связи с этим Чарторыйский просил прислать в Петербург список старейшин, которые наиболее отличились при занятии Котора, для представления их к наградам¹⁰⁰. По ходатайству С.А.Санковского за участие в боях за Боку Которскую и Рагузу были награждены: Петр I Негош – белым клобуком, губернатор Вуколай Радонич – орденом св. Анны 2-й степени, игумен монастыря Острог Петроний Демьянович-Носакович – "духовным крестом" на золотой цепи, секретарь черногорского митрополита Доментиан Владевич – пожизненной пенсией и т.д.¹⁰¹. Сам же С.А.Санковский за проведение этих операций был награжден орденом св. Анны 3-й степени¹⁰².

В последних числах мая 1806 г. в Петербург со специальной миссией прибыл австрийский генерал М.Мерфельд, который 27 и 29 мая 1806 г. встречался с Чарторыйским для обсуждения которского вопроса. В ходе встреч Мерфельд поставил российское правительство в известность, что в случае отказа России вывести свои войска из Котора Австрия будет вынуждена применить военную силу¹⁰³. После столь резкого заявления Мерфельда Александр I поначалу хотел было выслать ретивого генерала из России, но потом согласился решать обострившуюся до крайности которскую проблему путем личной переписки с Францем I¹⁰⁴. Однако А.К.Разумовский предупредил, что даже личная переписка императоров не сможет уберечь Австрию от нападения французов, если Россия откажется вывести свои войска из Боки Которской. Он убеждал царя и Чарторыйского, что престиж России в Европе зависит не столько от присутствия российских войск в Далмации, сколько от влияния России на Порту¹⁰⁵.

Проходившие в Вене 4(16) июня 1806 г. переговоры П.Я.Убри с А.Ларошфуко по которскому вопросу также не дали положительных результатов¹⁰⁶.

В эти же дни Разумовский провел консультации с новым английским послом в Австрии, который доверительно сообщил, что в правительстве Англии мнения по вопросу о мире с Францией разделились. Министр иностранных дел Англии Чарльз Д.Фокс и его сторонники хотят мира, но только при условии вывода французских войск из всей Далмации и Боки Которской, т.е. чего ранее добивался и российский царь¹⁰⁷. В Петербурге также хорошо понимали, что с укреплением французов в Далмации и ввиду решимости венского двора силой вернуть Боку Которскую небольшая группировка российских войск в Далмации, оторванная от баз снабжения, даже при самой активной поддержке черногорцев и местного населения не сможет долго противодействовать превосходящим силам французов и австрийцев. В письме к Д.Н.Сенявину П.В.Чичагов писал по этому поводу, что с занятием французами Рагузинской республики сдача австрийцам Боки Которской "по причинам отдаленности театра действий военных" крайне осложняется. Поэтому Сенявин не должен принимать решений, не согласовав их с инструкциями, данными А.К.Разумовскому.

Принимать решение самостоятельно ему разрешалось только в том случае, если до получения известий от Разумовского французы силой попытаются принудить российские войска оставить Боку Которскую. "Если же войска наши успели уже овладеть Рагузою, – инструктировал Сенявина Чичагов, – тогда оставить оную за нами до тех пор, пока вы с французским начальником удостоверительно не постановите, чтобы целость и независимость сей республики обоюдно признана была и тогда вы должны приказать сдать ее прежде бывшим законным ония властям в том положении, в котором ее найдете, а войска, в распоряжении вашем состоящие, тогда вывести".

В случае же применения австрийцами силы для занятия Боки Которской, Сенявину предоставлялось право "употребить все со своей стороны усилия, дабы совокупно с черногорцами и другими преданными нам тамошними народами отразить их нападение и удержать свою позицию". Сенявину разрешалось вызвать подкрепление с о. Корфу, а в случае "большой надобности требовать возможных пособий и от агличан". Когда же генерал Беллегард по повелению венского двора примет во внимание сложность положения, в котором оказались российские войска в Боке Которской, и согласится на мирное разрешение которского вопроса, тогда, пишет Чичагов, "во исполнение воли е.и.в. имеете вы с войсками и флотом отступить от Боки ди

Катаро, удерживаясь однако же в таком расстоянии, чтобы с моря неприятельские суда входа в оный иметь не могли, и буде по занятии оного французами жители для изгнания их пожелали вашей помощи, то чтобы всегда оную подать им удобно было". Перед выводом российских войск из Котора Сенявин должен был "предварить о сем бокезцев и уверить их, что, буде они вооруженною рукою возмогут избавиться чужого и ненавистного им ига, тогда мы, вошед к ним по праву уже войны, примем их навсегда под свое защищение".

В отношениях с австрийцами Сенявину следовало руководствоваться следующими указаниями царя: "Не нарушая права народные, снисходить по возможности к тем поступкам австрийцев, кои по слабости их французами вынуждаемы от них будут, не терпя, однако же, ничего как вредного, так и для состояния империи невместного или будущим действиям нашим стеснительного". Предписывая не прекращать военных действий на Адриатике, Чичагов обещал прислать незамедлительно "достаточное подкрепление как морских, так и сухопутных сил", а также сообщить "новые способы" ведения военных операций¹⁰⁸.

Отсутствие известий из Вены от Разумовского и из Петербурга, вызванное закрытием австрийских портов для русских судов, а также большое расстояние между Балтикой и Адриатикой, ставило Д.Н.Сенявина в затруднительное положение. Он не знал, как ему следовало действовать в тот период, когда в Вене шли переговоры об условиях заключения мира и какие решения будут приняты в отношении Боки Которской. Например, 26 июня (8 июля) 1806 г. он был вынужден спрашивать совета у С.А.Санковского, какое решение ему следует принимать, если французы большим числом войск станут нападать на Боку Которскую¹⁰⁹. Санковский отвечал на это, что согласно высочайшему указанию Боку Которскую надлежит защищать от французов до тех пор, пока туда ни будут введены австрийские войска¹¹⁰.

Переговоры в Вене по которскому вопросу, видимо, понадобились Наполеону для подготовки и переброски в Далмацию дополнительных подкреплений. Кроме того, в середине июня 1806 г. Ш.Талейран направил французскому поверенному в Константинополе П.Рюффену предписание, чтобы он потребовал от Порты "сурово наказывать черногорцев, так как Порты в высшей степени заинтересована в том, чтобы задушить в зародыше все мятежи, вдохновляемые примером сербов, поддерживаемые и поощряемые Россией; это поможет ей (Порте. – В.Г.) лишить Россию влияния на христианские народы"¹¹¹.

В начале июня 1806 г. российский консул в Арте Е.Флори сообщал А.Я.Италинскому, что французы непрестанно делают весьма лестные предложения Али-паше Янинскому. "Они предлагают гарантировать ему сохранение его нынешнего положения, – пишет Флори, – и, кроме того, уступить ему Ионические острова, которые, как они, вероятно, полагают, легко захватить, с тем условием, чтобы он со своей стороны разрешил им свободно и беспрепятственно провести через территорию его провинции некоторое количество войск. Они хотят договориться с ним против кого бы то ни было и даже против его собственного двора (Порты. – В.Г.). Однако, по его словам, он отнюдь не склонен доверять предложениям подобного рода... Он предпочитает, сказал он, навсегда связать себя с нами, чтобы вместе выступить против любого государства, могущего стать нашим врагом... Он весьма ясно дал понять, что религиозные убеждения не могут повлиять на его политические взгляды, что он хочет остаться должностным лицом и сохранить то место, которое обеспечил себе на сегодняшний день ценою стольких трудов и лишений и даже вопреки желанию своего двора (Порты. – В.Г.), чей упадок он видит и чью близкую гибель предчувствует"¹¹².

24 июня (6 июля) 1806 г. в Рагузу вступил трехтысячный корпус французских войск. Это обстоятельство ни у кого уже не оставило сомнения в том, что Наполеон принял окончательное решение силой вытеснить русских и черногорцев из Котора и закрепиться в Далмации. Исходя из этих соображений, Д.Н.Сенявин и С.А.Санковский приняли решение укреплять занимаемые русскими войсками и черногорцами позиции и до конца отстаивать Боку Которскую. О своем решении они поставили в известность австрийского генерала Беллегарда, которому по указанию царя должны были сдать Котор. Письма аналогичного содержания были отправлены ими в Вену Разумовскому и в Петербург¹¹³. Действия Сенявина и Санковского по укреплению оборонительных позиций в Боке Которской вызвали новую волну демаршей со стороны венского двора. Попытки Разумовского представить поступки Сенявина и Санковского как меры, предпринятые только для успокоения местного населения, которое не желает возвращения австрийцев, не были приняты во внимание австрийским правительством. Министр иностранных дел Австрии И.Стадион заявил российскому послу, что в случае отказа российского командования сдать Котор венский двор будет вынужден дать генералу Беллегарду приказ применить военную силу. Во избежание крайностей венский двор предпринял попытку убедить французское командование сдать Рагузу австрийским войскам на срок, пока не будет окончательно урегулирована которская проблема на русско-французских переговорах в Париже¹¹⁴.

В Петербурге, между тем, в первой половине июня 1806 г. состоялось заседание Военного совета, на котором обсуждалось положение в Боке Которской и Адриатике. С докладом по этому вопросу выступал, по всей вероятности, А. Чарторыйский, в котором он не только повторил, но и развил дальше мысль о необходимости удержания за Россией не только Боки Которской, но и других позиций на Адриатическом и Средиземном морях¹¹⁵.

Судя по общему положению дел в Европе, говорится в этом докладе, Наполеон стремится осуществить свои давние замыслы в отношении Востока. Это ему необходимо для того, чтобы обеспечить себе преимущество, которое окончательно расшатает равновесие в Европе. После овладения Далмацией и выхода Франции к границам раздираемой внутренними противоречиями Османской империи пока еще существующее подобие геополитического равновесия в Европе уже невозможно будет сохранить. "Какими бы ни были намерения Бонапарта в отношении Оттоманской империи, хочет ли он завоевать ее или стремится только приобрести решающее влияние на Порту, — пишет автор доклада, — представляется очевидным, что мы не можем примириться ни с тем, ни с другим, если не хотим дать французам возможности появиться на нашей границе или предоставить им все средства к тому, чтобы подстрекать Порту против нас. Не следует скрывать от себя, что с помощью тех подкреплений, которые Бонапарт окажется в состоянии направить к туркам, благодаря своей позиции на восточном берегу Адриатики они смогут стать если и не настолько опасными, чтобы серьезно угрожать нам, то по меньшей мере достаточно опасными для того, чтобы нам пришлось стянуть к их границе большую часть наших сил и тем самым предоставить Бонапарту полную свободу распоряжаться по своему усмотрению на остальной части континента".

Докладчик обратил внимание и на то, что в ходе состоявшихся совещаний петербургского кабинета с лондонским двором было признано, что вывод французских войск из Истрии и Далмации должен стать одним из главнейших требований, на котором должна настаивать Россия во время переговоров с Францией. Однако автор выражал сомнение по поводу согласия Наполеона решать которский вопрос путем мирных переговоров, поскольку тот был очень заинтересован в сохранении позиции, которая является ключом к балканским владениям Порты. "Как только он (Наполеон. — В.Г.) захватит эту позицию, — говорится в докладе, — ему не трудно будет нанести нам удар по Корфу или (если русские и английские военно-морские силы помешают этому) он ограничится тем, что сделает невозможным для нас всякое сообщение с континентом. С этого момента наше влияние в От-

томанской империи будет утрачено навсегда, и Бонапарт будет распоряжаться этой державой по своему усмотрению".

Чтобы предотвратить неприятные для России последствия, считал автор доклада, петербургский двор не должен допустить того, чтобы французы стали соседями турок. Если переговоры по которскому вопросу действительно состоятся в Париже, то российские уполномоченные должны настаивать на том, чтобы Франция не стала соседкой Турции. Это обстоятельство должно стать условием *sine quo non*. Если П.Я.Убри в Париже не сможет урегулировать которское дело путем переговоров, то Россия "должна будет сделать величайшее усилие для того, чтобы путем применения военной силы добиться того, чего она не сможет достичь путем переговоров". Докладчик полагал, что в любом случае необходимо развивать достигнутый в Далмации успех, предоставив морским и сухопутным силам все средства для того, чтобы как можно полнее использовать свои преимущества, усилив их склонением Англии на сторону России*. Ее содействие увеличит силы на Средиземном море и в Адриатике. С точки зрения докладчика, эти меры позволили бы легче добиться уступки Францией этих районов во время возможных русско-французских переговоров. Если же переговоры не состоятся и придется продолжать военные действия, то Россия "получит неоценимый выигрыш, сделав невозможным для французов всякое сообщение с османскими владениями".

Не меньшее значение, по мнению докладчика, имеет приверженность к России черногорцев и бокезцев, которая "столь очевидна, как и отвращение, которое они питают к господству австрийцев или французов". "Эта приверженность, — продолжает он, — которая действительно похожа на фанатизм, превратилась бы в непримиримую ненависть, если бы мы оставили эти народы на расправу их жесточайшим врагам, тогда как если использовать их нынешние настроения и усилить русские войска в Катарро одним корпусом, переброшенным с Корфу, то в этом случае французы вероятнее всего будут в скором времени изгнаны не только из Рагузы, но и из всей Далмации. Успех этого дела тем более вероятен, что по всем известиям, доходящим до нас из этого района, французские войска сильно упали духом и среди них наблюдается высокая смертность".

* А.Чарторыйский, видимо, имел в виду те изменения внешнеполитического курса Англии, которые наметились к этому времени после смерти Вильяма Питта, когда лорд Ярмут в июне-июле 1806 г. от имени нового правительства вел в Париже переговоры с Ш.Талейраном об условиях заключения мира между Англией и Францией (ВГР. Т. III С. 698. Примечание 160).

Наряду с этим автор доклада обращал внимание и на неблагоприятные стороны которской проблемы. "Обнаружив намерение не отказываться ни в коем случае от этой позиции, – пишет он, – мы подвергаем Австрию новым насилиям со стороны Бонапарта, хотя он и должен винить лишь самого себя, а не венский двор в том, что Катарро не было возвращено, как это было предписано е.и.в-вом. Поскольку Бонапарт совершенно не принимает во внимание соображения, противоречащие его видам, сколь бы обоснованы они ни были, не следует удивляться, если он до такой степени злоупотребляет своим положением по отношению к Австрии, что вынудит эту державу открыто выступить против нас. На этот счет я позволю себе лишь заметить, что, быть может, лучше иметь лишнего противника, чем ничтожного и слабого союзника, который не только не принесет какой-либо пользы, но, напротив, может быть нам в тягость, вынуждая нас приносить все новые и новые жертвы..."

Изложив все "за" и "против" по существу которской проблемы, докладчик предлагал членам Военного комитета высказаться и предложить решение по данному вопросу¹⁶. Высказанные суждения вызвали ряд серьезных критических замечаний со стороны членов Военного комитета, а сам Чарторыйский вскоре после этого был отстранен с поста управляющего МИД России. Министром иностранных дел был назначен активный сторонник войны с наполеоновской Францией, член Государственного совета генерал А.Я.Будберг¹⁷.

12(24) июля 1806 г. новый министр иностранных дел России уведомил А.К.Разумовского о том, что оборонительная тактика, которой до сих пор придерживались Сенявин и Санковский в Боке Которской, одобрена царем. "Основания, которые побудили Вас разрешить сдачу только в крайнем случае, – пишет Будберг, – настолько соответствовали благоразумию и положению вещей, чтобы Вы не были полностью правы, поручая секретно г-ну Санковскому ставить препятствия выполнению приказов, которые Вы были вынуждены отдавать ему публично". Но поскольку теперь не осталось никакой надежды *использовать которский вопрос в качестве предварительного условия переговоров с Францией*, а французские войска присутствуют в Далмации и Австрия объявила намерение действовать силой для занятия адриатических городов, то царь принял решение позволить австрийцам вступить в Котор без оказания им сопротивления со стороны российских войск. Отказ петербургского двора сдать Котор австрийцам, поясняет Будберг, неизбежно поставил бы Австрию перед альтернативой: либо быть раздавленной французами, либо уступить их требованиям и повернуть свои войска против русских. В связи с этим царь поручил передать Разумов-

скому следующее указание: "Послать статскому советнику Санковскому четкое и определенное указание передать без дальнейшей задержки город Котор австрийским войскам, которые будут назначены вновь овладеть им". Но передавая Котор, лукаво наставлял Будберг, желательно "умудриться удержать за собой некое секретное и надежное средство, чтобы иметь возможность вновь взять верх над французами в случае, когда переговоры, начатые Францией, пойдут к разрыву... Сие, однако, не должно никоим образом затягивать возвращение Катарро австрийцам в настоящий момент"¹¹⁸.

В середине июля 1806 г. австрийские уполномоченные Беллегард и Эспин вручили Санковскому ноту с требованием незамедлительной эвакуации российских войск из Боки Которской¹¹⁹.

В тот же день Санковский написал в Петербург о негодующем нежелании бокезцев и других приморских жителей оставаться под австрийской властью¹²⁰. Видимо, это и было тем "секретным и надежным средством", на которое намекал Будберг. Через три дня после этого Разумовский сообщил из Вены, что австрийский генерал Люц получил приказ правительства идти на Боку Которскую с восьмитысячным корпусом австрийских войск¹²¹.

Решение петербургского двора о сдаче Котора поставило Санковско-го в очень сложное и неопределенное положение. В этой связи он просил дать ему указания, какой же политики он должен придерживаться в отношении Черногории. "Как бы то ни было, – пишет Санковский, – положение Черногории сейчас самое критическое, и я склонен полагать, что она будет безвозвратно потеряна, как только французы станут хозяевами Боки Которской". Французы, поясняет Санковский, уже привлекли на свою сторону турецкого пашу г. Требинье и при его посредстве установили связь с комендантом Никшича Османом Мусовичем, обещая ему большое вознаграждение за разрешение пройти через его владения для нападения на Черногорию.

Пользуясь влиянием на католиков Скутари, французы уже успели установить дружеские отношения и с Абдула-агой Сердаровичем, который теперь под именем Сеин Гусейн-ага Дервиш в отсутствие скутарского визиря, бейлербея Румелии Ибрагим-паши, управляет Турецкой Албанией (Скутарским пашалыком). Он разрешил французскому консулу обосновать резиденцию в Скутари и отдает ему значительно большие почести, чем российскому консулу, который прибыл из Валоны. По слухам, французский консул якобы уже уговорил Ибрагим-пашу напасть на Черногорию, чтобы отомстить за смерть своего брата Махмуд-паши, который десять лет тому назад был убит в сражении с черногорцами.

Кроме того, архимандрит Хошович из Пивы сообщил 29 июля 1806 г., что герцеговинские турки мечтают о союзе с французами и готовы

действовать вместе с ними против христиан. По уверению того же архимандрита, побывавшего в Сараеве и других городах Боснии, такое настроение господствует и среди боснийских турок. По мнению Санковского, эти факты с полной очевидностью доказывают, что безопасность Черногории находится в прямой зависимости от присутствия российских войск и флота в Которе. Зная это, турки никогда не решатся открыто выступить ни против Черногории, ни против русских, которые пока еще считаются союзниками Порты. "Но как только Бока Которская окажется в руках французов, — пишет Санковский, — то я сомневаюсь, чтобы французский генерал Будэ не преуспел, как он об этом заявляет, в своей миссии наказать примерно черногорцев и склонить митрополита на свою сторону, но уже не предложениями, которые могли бы удовлетворить его амбиции, а силой". Овладев Бокой Которской, поясняет Санковский, французы тем более не согласятся на мир с Россией, а только выиграют время для подготовки новой агрессии в этой части Европы¹²².

Между тем, прибывший в начале июля 1806 г. в Париж П.Я.Убри после непродолжительных переговоров с французским генералом А.Кларком подписал 8(20) июля 1806 г. русско-французский договор о мире и дружбе. Согласно этому договору военные действия между русскими и французскими войсками на суше и на море должны прекратиться с момента его подписания. Российские войска должны будут сдать Боку Которскую французам, поскольку она, как и Далмация, в соответствии со ст. IV Прессбургского договора, должна принадлежать Франции. Российским войскам предоставлялось право беспрепятственно выйти из Боки Которской, с территории Рагузинской республики, из Далмации и Черногории. Французская сторона обязывалась вывести свои войска с "территории турецкой Черногории", "возвратить Рагузинской республике ее независимость с тем, чтобы она пользовалась ею, как в прошлое время, под гарантию Оттоманской Порты". Согласно договору, французы могли удерживать за собой позиции в районе Слано, на полуострове Сабанчело для обеспечения своих коммуникаций с Котором. Франция обязывалась "прекратить все неприязненные действия против черногорцев" со дня подписания договора при условии, если "они будут жить мирно и останутся подданными Порты". По условиям договора черногорцы должны вернуться из Боки Которской в Черногорию, а Наполеон I обещает не наказывать их за участие в войне против Франции. Россия и Франция должны признавать независимость Ионической республики. Российским войскам, действовавшим в районах Средиземноморья, предоставлялось право временно оставаться на территории Ионической республики, но их численность не должна превышать 4 тыс. человек. Они

должны быть выведены оттуда, когда это будет удобно российскому командованию. Россия и Франция обязывались признавать независимость Османской империи и сохранять целостность ее владений.

В дополнение ко всему Россия должна была признать брата Наполеона I Жозефа королем Обеих Сицилий, а Франция – вывести свои войска из Германии¹²³.

Поскольку подписанный П.Я.Убри договор неизбежно должен был привести к разрыву англо-русского союза, ставил Россию в условия полной изоляции, она утрачивала свои позиции в Восточном Средиземноморье и Адриатике, а также влияние на Турцию и христиан ее балканских владений, то условия этого договора были резко раскритикованы как в Петербурге, так и в Лондоне. Оригинальный текст договора был привезен П.Я.Убри в Петербург 25 июля (6 августа) 1806 г. Царь и члены Государственного совета отказались ратифицировать договор, поскольку его содержание явно противоречило характеру данных П.Я.Убри инструкций, а суть была признана "несовместимой с достоинством России"¹²⁴. После подписания русско-французского договора П.Я.Убри отправил с находившимся в плену у французов штабс-капитаном Магденко депешу Д.Н.Сенявину, которая была доставлена в Боку Которскую в ночь на 28 июля 1806 г. В этой депеше Убри сообщал о заключенном им мирном договоре и предупреждал, что отказ от выполнения его условий может повлечь за собой нарушение спокойствия в ряде областей Европы.

Не имея известий ни из Петербурга, ни из Вены от Разумовского, Сенявин и Санковский до получения депеши Убри как-то ухитрились уклониться от требований австрийских и французских представителей вывести российские и черногорские войска из Боки Которской и Далмации. По получении депеши Убри Д.Н.Сенявин, по его же признанию, сначала был готов сдать Боку Которскую к 15(27) августа 1806 г., но затем, хорошо поразмыслив, решил воздержаться от сдачи до получения известий из Петербурга о ратификации русско-французского договора.

Принятое решение оказалось на редкость удачным и своевременным, так как за два дня до предполагавшегося ранее срока вывода российских войск из Боки Которской к Сенявину 13(25) августа 1806 г. прибыл курьер от Разумовского из Вены с депешей управляющего Министерством военноморских сил России от 31 июля (12 августа) 1806 г., в которой сообщалось об отказе царя ратифицировать русско-французский договор от 8(20) июля 1806 г., заключенный П.Я.Убри в Париже¹²⁵. В инструкции от 31 июля (12 августа) 1806 г. П.В.Чичагов предписывал Д.Н.Сенявину: "Всемерно стараться... восстановить себя в прежнее выгодное положение занятием выгод-

нейших позиций и удержанием всего того, что подвигами и храбростью войск наших до сих пор приобретено. Воля е.и.в-ва есть на всемерное продолжение военных действий"¹²⁶.

В инструкции А.К.Разумовскому от 31 июля (12 августа) 1806 г. сообщалось, что заключенный П.Я.Убри 8(20) июля 1806 г. договор царь отказался ратифицировать и, следовательно, прежнее решение о временной сдаче Котора австрийцам отменяется. В случае нападения французских войск на Боку Которскую, пояснял Будберг, российским войскам надлежит оставаться на прежних позициях и вместе с черногорцами и бокезцами отражать атаки любого противника¹²⁷. В целях поощрения черногорского митрополита царь пожаловал Петру I Негошу украшенный бриллиантами и рубинами крест на золотой цепочке, а губернатор В.Радонич и игумен монастыря Острог Петроний также получили ценные подарки¹²⁸. Монастырю Острог была отправлена "ризница", а черногорским церквям – церковные книги¹²⁹. С.А.Санковский тогда же был награжден орденом св. Анны 2-й степени¹³⁰.

Как только в Черногории были получены письма от Александра I и А.Чарторыйского, митрополит Петр I Негош 16(28) августа 1806 г. собрал народный сейм, на котором эти письма были торжественно оглашены. «Весь народ с несказанной и восхитительной радостью, плещущи руками, восклицал гласом великим: "Да здравствует... Александр Великий во веки веков..." Со всех пушек и мартир дважды с весельем салютовали», – писал по этому поводу черногорский владыка. Когда сейм был распущен, продолжает он, "народ расходился с признательностью, радостью и душевным уверением, что народ постарается во веки веков приверженности своей к российскому престолу (не утратить. – В.Г.)... а где только будет надобность, не пощадит и последней капли крови с радостью пролить"¹³¹.

По свидетельству А.К.Разумовского, об отказе Александра I ратифицировать подписанный П.Я.Убри договор и об отмене решения сдать Боку Которскую австрийцам он узнал прежде не из Петербурга, а из Лондона, откуда сообщил ему эту новость находившийся там П.А.Строганов. В свою очередь, Разумовский конфиденциально информировал Строганова, что если Котор и будет сдан австрийцам, то только для того, чтобы вновь захватить его у французов. Для проведения этой операции П.А.Строганов должен договориться с англичанами о поддержке ее английским флотом. В Петербург Разумовский сообщил, что находившийся в Париже Меттерних вручил французскому правительству ноту с требованием вывести французские войска из пределов Австрийской империи и освободить из плена всех австрийских солдат. В ответной ноте Талейран заверил Меттерниха, что оба требования будут удовлетворены, как только русские освободят Котор¹³².

Наполеон же предупредил Меттерниха, что если русские добровольно не сдадут Котор, то французы захватят его силой¹³³.

По получении инструкций из Петербурга об отмене решения о сдаче Боки Которской австрийцам российская миссия в Вене предприняла ряд мер, рассчитанных на продолжение войны с французами на Адриатическом побережье. Членом российской миссии кавалером И.Б.Маллиа на русскую службу были завербованы два австрийских офицера – Андреас Шепеллер и Бернарделли, которые хорошо знали топографию, политическое и военное положение Далмации и прилегавших к ней адриатических островов. По поручению Маллиа А.Шепеллер в августе 1806 г. составил подробное описание Далмации и план ее занятия российскими войсками ("План покорения Далмации"). Он сообщил сведения о дислокации французских войск на Адриатическом побережье и изложил свои советы, какими силами и средствами было бы целесообразнее занимать располагавшиеся там города и селения¹³⁴.

Несколько ранее российские дипломаты в Австрии установили связь с маркизом Ф.О.Паулуччи.

В архивных документах МИДа России первое упоминание о Ф.О.Паулуччи относится к апрелю 1806 г. Точнее, 18(30) апреля 1806 г. А.К.Разумовский сообщил из Вены о том, что он выдал паспорт маркизе Паулуччи, урожденной графине Коскул (Koskul). Ее муж, маркиз Паулуччи, сообщал посолу, по происхождению сардинский аристократ. После перехода на австрийскую службу он был определен в департамент Далмации (departament de Dalmatie), который входил в состав военного министерства Австрии. После заключения Прессбургского мира и уступки Далмации французам Паулуччи был принят на службу короля Этрурии в должности генерал-адъютанта¹³⁵. По свидетельству Разумовского, маркиз Ф.О.Паулуччи давно познакомился с членом российской миссии в Вене кавалером Маллиа и передал ему "Мемуар о Далмации", который 21 сентября (30 октября) 1806 г. Разумовский отправил в Петербург¹³⁶. В дополнение к этому кавалер Маллиа сообщал, что Паулуччи родился в Морее, свою карьеру начал у короля Сардинии, а затем перешел на службу Австрии, выполняя различные поручения австрийского командования в Далмации, Рагузе, Которе и Черногории. Маллиа рекомендовал принять маркиза на русскую службу, поскольку он хорошо знает условия, людей и языки многих народов этой провинции. Паулуччи, по его же уверению, ненавидит французов. По свидетельству Маллиа, Паулуччи имеет большое влияние в генеральном штабе французской армии¹³⁷.

24 сентября (6 октября) 1806 г. А.Я.Будберг писал Разумовскому, что сведения маркиза Ф.О.Паулуччи о Далмации весьма интересны, поскольку он связан с генеральным штабом французской армии. Царь предлагает принять маркиза на службу России, но только после того, как тот перестанет служить Франции. В связи с этим Будберг предписывал кавалеру Маллиа поддерживать связь с Паулуччи и передать ему, что по вступлении на российскую службу маркиз получит чин полковника русской армии¹³⁸. После этого кавалер Маллиа вновь намекнул Паулуччи о желательности его перехода на российскую службу. Маркиз же поделился с кавалером мыслью о том, что в ходе войны России с Францией большинство христианского населения Далмации встанет на сторону российской армии¹³⁹.

2(14) ноября Маллиа информировал Петербург уже об активном сотрудничестве с Паулуччи, который в это время находился в Милане и пользовался полным доверием вице-короля. Он сообщал также, что вскоре намерен сделать официальное предложение Паулуччи о переходе на службу России¹⁴⁰. В конце декабря 1806 г. Маллиа докладывал министру иностранных дел России, что маркиз Паулуччи дал согласие перейти на русскую службу, вскоре он прибудет в Вену, а оттуда намеревается ехать в Петербург¹⁴¹.

На этом история перехода маркиза Паулуччи на русскую службу еще не заканчивается. Его имя окажется тесно связанным с так называемой конвенцией Паулуччи–Карагеоргием от 28 июня (9 июля) 1807 г., о которой имеются разноречивые мнения в отечественной и зарубежной историографии.

Возвращаясь к «Плану покорения Далмации», составленному где-то во второй половине августа 1806 г., следует, хотя бы в общих чертах, отметить, что его автор помимо подробного описания географического положения этой провинции и дислокации морских и сухопутных сил Франции, рассматривает и вопрос о возможности привлечения для войны с Францией местного населения как самой Далмации, так и Черногории, Боснии, Герцеговины и Сербии. Принимая во внимание фактор многовекового угнетения христианских народов австрийцами и османами, автор плана рекомендует опубликовать манифест к народам этих стран, в котором следует особо акцентировать внимание на связях французов с турецкими пашами Боснии и Герцеговины. Он не сомневался в том, что большая часть христиан, несмотря на их связи с австрийцами и французами, непременно поддержит российское войско. В случае успешного взаимодействия христианских народов в балканских владениях Порты и далматинцев с российскими войсками в Далмации и на Днестре, по мнению автора плана, можно будет расчислить

путь и в направлении Константинополя, который нетрудно захватить при поддержке флота¹⁴².

В "Мемуаре о Далмации" от 20 сентября (2 октября) 1806 г. Ф.О.Пауллуччи сообщал о том, что капитан одного из русских фрегатов имеет тайные сношения с французами, а слуга Д.Н.Сенявина регулярно информирует французов о связях русских с митрополитом Петром I Негошем и с бокезцами, также он обращал внимание на контакты самого митрополита Черногории с французами. За признание политической свободы Черногории, говорится в "Мемуаре", митрополит готов восстановить порядок в самой Черногории и жить в мире со своими соседями в Рагузе, Которе, Боснии и Герцеговине. Сообщая о давних отношениях французов с пашами Боснии, автор "Мемуара", отмечает также и их связь с католическим духовенством, например с епископом Валесио и архиепископом г. Бар Георгием. Из боснийских пашей к французам расположены паша из Травника Алчибей, паша из Требинье и др. Однако большинство населения Далмации и соседних с ней турецких провинций, по уверению Пауллуччи, ненавидит французов и будет поддерживать русских. В заключение "Мемуара" Пауллуччи сообщает, что один из его сообщников уже составил план захвата Далмации и готов указать людей и средства для осуществления этой операции¹⁴³. Маллиа в качестве автора этого плана называл А.Шепеллера.

Об отмене решения о сдаче Котора австрийцам С.А.Санковский узнал в середине августа 1806 г. и в соответствии с новой инструкцией приступил к формированию иррегулярного войска из черногорцев, бокезцев и герцеговинцев. В первой половине сентября он сообщил в Петербург, что в это войско записалось свыше 300 христиан и 180 мусульман, а население Черногории и Далмации активно готовится к войне с французами, чему во многом способствуют черногорский митрополит Петр I Негош, архимандрит Ивкович и граф Войнович¹⁴⁴. Сложнее обстояло дело с привлечением населения Герцеговины. Д.Н.Сенявин советовал Санковскому привлечь для борьбы с французами христиан и турок Герцеговины, селения которых ранее были сожжены французами. "Я не могу явным образом на сие посягнуть, – пишет Санковский, – не зная сношений нашего высочайшего двора с Портой Оттоманскою, но однако же тайным образом приглашал начальников герцеговинских нам вспомоществовать. Вследствие сего ... жители Суторини, Грахова и Банян нам вспомоществовали, но турки, хотя обещались и собрались было на границе, а токмо пользовались одним грабежом селений рагузинских. Итак, я думаю, покудова турецкий двор будет наблюдать нейтралитет, не токмо трудно будет нам явным образом действовать в Гер-

цеговине, но еще должно опасаться, что таковой наш поступок не послужил на пользу французов"¹⁴⁵.

11(23) сентября 1806 г. Александр I подписал манифест "О предстоящей войне с Францией", а во второй половине сентября 1806 г. российские регулярные войска, черногорцы и приморцы начали наступление на укрепленные в горах позиции французов. В результате успешного штурма французы были выбиты с занимаемых ими позиций и оттеснены к Рагузе¹⁴⁶. По представлению командира отряда сухопутных войск генерала Попандупуло Д.Н.Сенявин ходатайствовал перед царем о награждении отличившихся во время военных действий приморских жителей: капитана из Рисана Савы Ивелича, капитанов Георгия Панниати и Николы Йовановича, а также турецкого подданного старшины Джоки Кадича из Суторини¹⁴⁷. За успешное руководство операцией и проявленную храбрость Д.Н.Сенявин лично благодарил и графа Войновича¹⁴⁸. С.А.Санковский тогда же вручил Петру I Негошу пожалованный царем золотой крест с драгоценными камнями, 2567 голландских червонных и 58 ливров, которые были истречены митрополитом ранее в ходе сражений по занятию Боки Которской¹⁴⁹. Петр I Негош, в свою очередь, просил царя наградить Д.Н.Сенявина "важным военным орденом 2-го класса" за успешное руководство военными операциями и "за доброе обхождение с народами, здесь обитающими", а С.А.Санковского — чином камергера и орденом св. Владимира 2-го класса¹⁵⁰.

Между тем, 16(28) сентября 1806 г. новый французский посол в Турции генерал Франсуа Гораций Бастьен Себастиани (Г.Себастиани) вручил Порте ноту следующего содержания. Отказ российского императора ратифицировать подписанный в Париже 8(20) июля 1806 г. русско-французский договор о мире ставит всю Европу в положение, в котором она находилась шесть недель назад, и раскрывает дальнейшие замыслы петербургского двора. Этот договор, поясняется в ноте, обуславливал независимость Ионической республики и устранял русских из Средиземного моря, где они обосновались, чтобы с разных сторон напасть на Османскую империю. Именно это положение договора, по мнению французского правительства, и не могло устроить русского царя. После возвращения независимости Рагузе и перехода этой республики под покровительство Порты русские оказались бы в положении, которое не позволит им вступать в сговор с черногорцами и восставшими сербами, что безусловно противоречит их планам.

Кроме того, статья договора о целостности владений Османской империи, утверждалось в ноте, также явилась одной из основных причин отказа ратификации договора российской стороной. Царь понял, что Россия не сможет более отрывать силой владения Порты, как она это сделала с Кры-

мом и Грузией. Более того, петербургский двор понял и то, что размещение французских войск на границах Турции в Албании и Далмации является надежной защитой ее балканских владений. Все эти факты, говорилось в ноте, должны убедить Порту в той опасности, которая угрожает ей со стороны России. "Нижеподписавшийся, – писал Себастиани, – получил совершенно ясное повеление е.в-ва императора французов и короля Италии заявить Блистательной Порте, что согласно принципам дружбы и самого строгого нейтралитета Босфор должен быть закрыт для всех военных судов России и всех других судов той же нации, груженных войсками, боеприпасами и продовольствием", поскольку эти грузы предназначаются для войска, ведущего войну с Францией.

Также французское правительство требует, как сказано в ноте, "предоставить Его величеству Наполеону Великому право прохода через владения Оттоманской империи, чтобы выйти к Днестру для сражения с российской армией". Любое возобновление союза Порты с врагами Франции, т.е. с Россией и Англией, будет расцениваться Наполеоном не только как нарушение нейтралитета Порты, но и как ее соучастие в войне, которую ведут эти державы против Франции. Порта не может сохранять и отношения с двумя миссиями в Неаполе. Император Франции не желает допускать такого положения, чтобы его августейший брат Жозеф Наполеон, король Неаполя и Обеих Сицилий, испытывал затруднения, которые создает ему дружественная Франции держава. Введенная Наполеоном в Далмацию многочисленная армия, утверждалось в ноте, размещена там, прежде всего, для защиты владений Османской империи. Если же Порта вновь окажется в зависимости от России и Англии, то император французов будет вынужден, говорилось в ноте, "использовать эти внушительные силы для цели, совершенно противоположной той, для которой они предназначались вначале", т.е. для нападения на Турцию.

Себастиани потребовал также от рейс-эфенди, чтобы Порта без промедления дала определенный письменный ответ на все пункты, изложенные в этой ноте. От ответа Порты будет зависеть и дальнейшее поведение Наполеона в отношении Османской империи. "Пусть угрозы врагов Франции нисколько не действуют на Блистательную Порту, – писал в заключение ноты Себастиани. – Они уже побеждены, и так будет всегда. Великий Наполеон использует все свои средства во славу его высочества Селима III, своего друга, а его средства – огромны, его гений – еще более велик"¹⁵¹.

Во второй половине августа 1806 г. российскому командованию стало известно, что французские войска намереваются пройти через владения Османской империи и захватить силой Боку Которскую. В связи с этим

Д.Н.Сенявин 28 августа 1806 г. предписал Санковскому подготовить и направить в Кастельново дополнительно до 3 тыс. черногорцев, приморцев, а по возможности, и герцеговинцев. С.А.Санковский 29 августа сообщил, что иррегулярное войско черногорцев и бокезцев уже выступило в поход к Кастельново¹⁵².

В начале сентября 1806 г. отряд французских войск, пройдя через владения Османской империи, попытался прорваться в Дубровник на помощь находившимся там войскам. Однако черногорцы и приморцы преградили ему путь и после сражения принудили к отступлению. Под Кастельново в 20-х числах августа сосредоточилось до 20 тыс. французов. Им противостояли не более 5500 человек иррегулярного войска из черногорцев, бокезцев и российских регулярных войск. В ходе начавшихся боев, по свидетельству Сенявина, французы беспощадно вели себя в отношении приморских жителей и соседних герцеговинцев. "Они (французы. – В.Г.), – пишет Сенявин, – предавали огню и убивали все живое на территории Бока ди Катаро, в Далмации и Герцеговине"¹⁵³. Несмотря на численное превосходство французов, объединенные силы русских, черногорских, приморских и герцеговинских отрядов в ходе сражений, происходивших в сентябре-октябре 1806 г., вытеснили их с территории Кастельново и Суторины до стен Старой Рагузы (Цавтата). В боях под Дубровником за прибрежные острова и Боку Которскую были взяты в плен: французский генерал, 2 полковника, 150 офицеров, 370 военных инженеров, до 3 тыс. солдат, а также захвачены военные трофеи¹⁵⁴.

30 октября 1806 г. Санковский доложит Будбергу: "До настоящего дня мы остаемся хозяевами равнины и наши иррегулярные войска небольшими отрядами не перестают совершать набеги на вражескую территорию с двойной целью: держать его в постоянной тревоге и захватывать языков, дабы знать, что у него происходит". В результате разведывательных рейдов по тылам французских войск было установлено, что французское командование начало тайно выводить часть своих войск из Далмации. В частности, генерал Мармон поспешно отвел свои войска от Витолины, сбросив в море часть боеприпасов и провианта. Делясь своими соображениями с Санковским, А.Я.Италинский усматривал в действиях Мармона ложный маневр, рассчитанный на то, чтобы отвлечь внимание русских, а затем атаковать их со стороны Герцеговины. В связи с этим Д.Н.Сенявин предложил Санковскому "поднять в большом числе герцеговинцев против французов". Санковский, в свою очередь, попросил об этом пивского архимандрита Арсения Гаговича, который имел большое влияние на христианское население Герцеговины. После обстоятельного обсуждения с Арсением Гаговичем этого

вопроса, Санковский пришел к выводу, что при неопределенных отношениях, существовавших в тот период между Россией и Турцией, население Герцеговины нельзя привлекать для войны с французами. "Герцеговинцы, удерживаемые турками внутри страны, – пишет Санковский, – не имеют возможности действовать без их согласия. Они могли бы приложить свои усилия лишь в том случае, когда турки будут поддерживать нашу сторону или когда они выступят против нас и в эту область будут введены наши войска, чтобы поддержать герцеговинцев против турок... Пока же не существует открытого расхождения между нашим (петербургским. – В.Г.) двором и Оттоманской Портой, я буду поддерживать узы дружбы с ними и прививать им ответные чувства в отношении нас". К тому времени, когда отношения России с Турцией окончательно прояснятся, герцеговинцы, по мнению Санковского, будут готовы присоединиться к русским и черногорцам, чтобы вместе с ними воевать против любого противника¹⁵⁵.

В разгаре сентябрьских сражений за Боку Которскую австрийские уполномоченные, генерал-лейтенант граф Г.Беллигард и полковник граф Эспин, 25 сентября 1806 г. направили Д.Н.Сенявину и С.А.Санковскому ноту. В ней сообщалось, что хотя Австрия еще не имеет официального уведомления об отказе Александра I ратифицировать русско-французский договор о мире от 8(20) июля 1806 г., однако возобновление военных действий в Боке Которской и под Дубровником не оставляет в том никакого сомнения. Следовательно, делали вывод австрийские уполномоченные, все остается по-прежнему, и австрийская миссия возобновляет свои требования о сдаче Боки Которской австрийским властям¹⁵⁶.

Чтобы выйти из затруднительного положения и не испортить окончательно союзных отношений с Австрией, которая уже объявила о своем нейтралитете в отношении русско-французской войны, А.К.Разумовский в первых числах октября 1806 г. советовал Санковскому придерживаться уклончивой политики в переговорах с австрийскими уполномоченными. С одной стороны. Санковский и Сенявин должны были обращать внимание на то, что хотя договор о мире с Францией не ратифицирован, но остается в силе согласие Александра I передать Боку Которскую австрийским властям. С другой стороны, Сенявин и Санковский не могут сдать Боку австрийцам, пока в Дубровнике находятся до 10 тыс. французских войск, которые в состоянии занять ее, если русские, черногорцы и бокезцы не будут ее защищать. Другими словами, при помощи такой дипломатической отговорки Сенявин и Санковский должны были выиграть время до тех пор, пока не определятся окончательно и русско-турецкие отношения, которые уже находились на грани окончательного разрыва¹⁵⁷.

16(28) октября 1806 г. А.К.Разумовский более определенно сообщал Санковскому о скором разрыве отношений между Россией и Турцией. Санковский, в свою очередь, сообщил Сенявину о дошедших до него слухах из балканских владений Порты, будто бы в Мостаре получен фирман султана об объявлении войны России и что боснийский визирь якобы уже начал готовить свое войско для похода на Герцеговину. В связи с этим Санковский предлагал Сенявину встретиться с митрополитом Черногории, чтобы договориться о принятии мер предосторожности в случае возможного нападения турок и попросить его изыскать способы привлечь герцеговинцев для отражения нападения боснийского визиря на Герцеговину. В целях предупреждения этого вторжения Санковский считал оправданным введение российских и черногорских войск в Герцеговину, поскольку, по его словам, "народ герцеговинский, будучи нашим присутствием ободрен, непременно ополчится противу наших неприятелей, но если мы не сделаем первого шага, то я полагаю невероятным, чтобы герцеговинцы без нашей помощи и токмо по одним нашим уверениям начали бы действовать против турок"¹⁵⁸.

Через четыре дня Санковский писал: "Приходится сожалеть, что известие о нашем расхождении с турками было вплоть до настоящего времени тайной для служащих Его величества в сей провинции. Возможно, если они были бы вовремя предупреждены об этом, то сумели бы изыскать средства, которых они не могут более иметь, ибо все их действия направлялись к тому, чтобы убедить здешних христиан, что Оттоманская Порта никогда не объявит войну России. Последняя прокламация вице-адмирала Сенявина, которую я распространил в Герцеговине, была составлена в таком духе. Однако все войны, которые мы вели с Оттоманской Портой, доказали нам, какое значение представляют для нас славянские нации... Черногорцы и бердяне, отвлекая на себя турок, уменьшают число оттоманских войск, противостоящих нашей армии. Скутарский визирь, паши Герцеговины и частично Боснии, вынужденные защищать границы своих губерний (пашалыков. – В.Г.), считают войну с черногорцами и бердянцами большой помехой или, по крайней мере, достаточным предлогом для того, чтобы не выставлять свои войска, которые требует от них султан". Принимая во внимание, что Россия будет вынуждена воевать с Турцией, Санковский пытался убедить Д.Н.Сенявина отказаться от планов завоевания Далмации, поскольку удержание Боки Которской потребует ряда дополнительных операций против турок, а следовательно, и дополнительных подкреплений из России. Наилучший способ преуспеть в войне с турками Санковский видел в том, "чтобы поднять на восстание герцеговинцев, рискуя даже вначале несколькими сотнями наших солдат для внезапного нападения на небольшую кре-

пость Никшич, которая преграждает нашу связь отсюда с Герцеговиной". Это зависит только от решения Сенявина и согласия митрополита Черногории¹⁵⁹.

Действительно, первая инструкция П.В.Чичагова вице-адмиралу Д.Н.Сенявину о возможности военных действий его эскадры против Турции была отправлена из Петербурга только 23 октября (4 ноября) 1806 г. Извещая Сенявина о решении царя ввести российские войска в Дунайские княжества с целью удержать Порту в рамках недавно возобновленного русско-турецкого союза и "отвращения" ее от сближения с Францией, Чичагов писал, что в случае вероятного возникновения войны между Россией и Турцией эскадра Сенявина должна быть готова "к нанесению неприятелю со стороны Средиземного моря возможного вреда и беспокойствия", к захвату турецких судов, к пресечению коммуникации через Дарданеллы торговых связей Турции с Египтом, к нападению на побережье и острова Турции¹⁶⁰.

Но еще до получения Сенявиным этой инструкции архимандрит Герцеговинской митрополии Арсений Янков Гагович 6(18) ноября 1806 г. сообщил черногорскому митрополиту Петру I Негошу о "нечаянном пришествии" из Сербии Ивана Ожеговича, который привез с собой "увещательное письмо" сербских военачальников к герцеговинскому народу. В этом послании, пишет Арсений, сербские старейшины просят "воспрять оружие... противу общего врага веры, агарянина, и соединиться с ними", т.е. с сербами. Поскольку герцеговинцы, по словам А.Гаговича, считают черногорского митрополита "главным нашим духовным лицом со стороны... всероссийского императора", то без его совета они не дерзают ничего начинать до тех пор, пока Петр I Негош не напишет им, что нужно делать. "Как Вы прикажете со стороны российской, – пишет архимандрит, – так мы и будем поступать ... (ибо) бесчеловечие и насилие турецкое едва до весны здешний народ терпеть будет, а ежели бы я между ними был и не имел бы надежду на бога и на благочестивого всероссийского государя и на Вас, так еще сего прошлого лета уже сразились (бы) с турками, нашими мучителями"¹⁶¹.

С.А.Санковский, со своей стороны, отправил Арсению Гаговичу письмо с аналогичными предложениями и 9(21) ноября 1806 г. получил от него ответное послание, в котором архимандрит выражал свое согласие приложить все свои силы и авторитет ради осуществления общего дела¹⁶².

Санковский сообщал, что Петр I Негош, в свою очередь, направил в Пиву и Дробняки архимандрита из Морачи, которому было поручено уговорить жителей этих герцеговинских нахий отказаться посылать своих воинов в войско боснийского визиря, когда он вознамерится идти на Черногорию. После выполнения этой миссии морачскому архимандриту надлежало от-

правиться в Сербию, чтобы передать верховному вождю и Правительствующему совету письма черногорского митрополита, в которых Петр I Негош разъяснял суть неопределенных и осложнявшихся отношений между Россией и Турцией¹⁶³. Письмо, адресованное Правительствующему совету Сербии (по просьбе самого Карагеоргия) было написано с таким расчетом, пишет Санковский, "чтобы рассеять среди его членов всякую мысль о разброде и расхождениях, которые, по-видимому, у них (у сербов. – В.Г.) возникли, и влить в них решимость восстановить между собой доверие и согласие, без которых они не могут надеяться сделать нацию счастливой"¹⁶⁴.

Из этих соображений и, возможно, в целях большей конспирации в письме от 12(24) ноября 1806 г., адресованном Правительствующему совету, митрополит Черногории призывал сербских повстанцев вести борьбу только с непокорными султану янычарами и кирджалиями, выполнять все предписания Порты и не допускать к себе "неприятельницу всеобщего благополучия", т.е. Францию, чтобы она не могла разрушить "союз братского согласия и послушания, утвержденного кровью"¹⁶⁵. В письме же к верховному вождю Петр I Негош, по словам Санковского, "выражал надежду склонить Черного Георгия подняться с оружием против турок, в случае если они объявят войну России, и что он (митрополит. – В.Г.) сделает все, что в его силах, для успешного соединения с сербами"¹⁶⁶.

Первыми откликнулись на призывы Петра I Негоша и Арсения Гаговича жители герцеговинской нахии Баня. Они направили своих депутатов к С.А.Санковскому и Петру I Негошу с прошением включить их нахию в состав Черногории. Но в это время Санковский получил известие из Константинополя от Италинского о том, что султан продолжит союзнические отношения с Россией. В связи с этим Санковский был вынужден просить депутатов временно отложить выступление против турок до тех пор, пока не последует окончательного разрыва отношений между Россией и Турцией.

То же самое Санковский сообщил и пивскому архимандриту Арсению Гаговичу. Санковский писал по этому поводу А.Я.Будбергу: "Я уведомил его (Арсения Гаговича. – В.Г.) о наших нынешних отношениях с Оттоманской Портой, предложив ему дать возможно более широкую огласку (о вышесказанном. – В.Г.) в его стране, как я это сделал здесь (в Боке Которской. – В.Г.) и в Черногории". Тогда же Санковский послал письма визирю Боснии и Ибрагим-паше Скутарскому, в которых уведомлял их о восстановлении дружественных отношений между Россией и Турцией и предупреждал о недобрых замыслах французов. Однако эти паши даже не удостоили его ответом¹⁶⁷.

Вскоре после вступления российских войск в Молдавию, которое началось 11(23) ноября 1806 г., из Петербурга в Вену с тайной миссией был отправлен полковник К.О.Пощо-ди-Борго. Он вез секретные письма Александра I австрийскому императору Францу I и эрцгерцогу Карлу, в которых царь доверительно сообщал им, что Россия в данный момент не располагает такими силами и ресурсами, чтобы в одиночку защищать Европу от нашествия наполеоновских армий. При такой расстановке сил в Европе, говорилось в письмах, пассивность Австрии является для нее более опасной, чем ее союз с Россией. Следовательно, делал вывод Александр I, чтобы воспрепятствовать агрессии Наполеона, Австрия и Россия обязаны действовать сообща¹⁶⁸.

В инструкции министра иностранных дел России А.Я.Будберга Поццо-ди-Борго от 12 (24) ноября предписывалось: "Вы можете предложить (императору Францу I. – В.Г.) от имени е.и.в. любую помощь, которую он может оказать своим флотом в Адриатическом море и всеми прочими силами, которыми мы будем располагать в этом районе". Если же венский двор будет интересоваться намерениями России в отношении Турции, то Поццо-ди-Борго должен был ответить, что у России "нет ни малейшего намерения завоевывать что бы то ни было у Турции, а военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров, и прежде всего предупредить намерения Бонапарта, ясно выраженное его послом в Константинополе, провести французскую армию через оттоманские владения, чтобы напасть на нас на Днестре". Давая эти инструкции, в Петербурге допускали, что из-за неопределенности и быстрой перемены ситуации в Европе и на Балканах Поццо-ди-Борго не сможет воспользоваться в полной мере данными ему наставлениями; в таком случае ему предоставлялось право действовать по собственному усмотрению, исходя из новой обстановки¹⁶⁹.

В то же время Разумовский из Вены, а Татищев с Сицилии почти одновременно сообщали о военных приготовлениях Австрии и о признании венским двором факта провозглашения брата Наполеона Жозефа неаполитанским королем. По уверению российских дипломатов эти перемены в характере внешнеполитического курса Австрии начались с прибытием Меттерниха в Париж¹⁷⁰. Консультации и беседы, проведенные Разумовским и Поццо-ди-Борго в начале декабря 1806 г. с австрийским правительством, не дали желательных для петербургского двора результатов, поскольку венский двор, по словам Разумовского, бесповоротно принял "систему строгого нейтралитета"¹⁷¹.

После введения российских войск в Дунайские княжества "каторское дело", по свидетельству Разумовского, оказалось "в состоянии некоторого затишья"¹⁷². Более подробная характеристика русско-французских отношений в этом регионе содержится в депешах Санковского. После недавнего сражения с французами, сообщал он 22 ноября (4 декабря) 1806 г., они остаются "в полном бездействии". Большая часть французского войска отошла вглубь Далмации, оставив в Рагузе гарнизон в 2,5 тыс. человек. Но в то же время французские агенты не прекращают заигрывать с турками и настраивать их против черногорцев. В частности, комендант турецкой крепости Никшич приезжал в Рагузу, где обсуждал с французским командованием план совместного нападения на Черногорию. Тогда же сын французского консула в Рагузе в сопровождении двух французских офицеров ездил в Скутари к Ибрагим-паше.

Характеризуя отношения пашей Боснии и Герцеговины к центральной власти, Санковский пишет: "Турки в этих странах живут в некоторой независимости от Порты и повинуются ей в той мере, в какой интересы их государя совпадают с их собственными". При таком положении дел, считает Санковский, для России было бы выгодным иметь в Скутари представителя петербургского двора. Эту миссию, по его мнению, следовало бы поручить сыну российского консула в Дураццо Тедешини, поскольку он хорошо знает обычай албанцев и установил тесные связи с пашами Боснии¹⁷³.

Русско-турецкая война в определенной мере оказала влияние и на христианское население бывших венецианских владений. По свидетельству Разумовского, к российскому консулу в Венеции Пеллегрини в середине ноября 1806 г. обратились депутаты из Истрии и Фриула, которые заявили о своей готовности поднять восстание против французов, но им для этого необходима помощь российских морских и сухопутных сил, находившихся в Боке Которской. Об этом же просили и жители Шибеника. Понимая деликатность столь многозначащих заявлений, российский консул просил подкрепить словесные заявления депутатов письменными полномочиями, в которых были бы обоснованы причины и планы этих далеко идущих замыслов¹⁷⁴.

Во время повторного занятия о. Корчула, который ранее был оставлен российскими войсками, в морской экспедиции впервые приняли участие черногорцы и приморцы. Чтобы поддержать их воинственный пыл, Санковский в день тезоименитства Александра I организовал у себя большой прием и бал, устроил иллюминацию в Которе, раздавал народу бесплатно водку и разбрасывал деньги.

Между тем французы в декабре 1806 г. увеличили гарнизон в Рагузе до 4 тыс. человек и ввели в Далмацию двадцатитысячный корпус. В районе Гацко появились агенты боснийского визиря, которые призывали население начать войну против русских и черногорцев. Тем же занимались и люди, посланные начальником турецкой крепости Подгорица, в нахиях Конча и Липеры, относившихся к Черногории. Обладание этими нахиями имело очень важное значение, поскольку они являлись "ключом" к Турецкой Албании и Берде. Увеличение французских войск в Далмации и активизация деятельности соседних турецких пашей и аянов обеспокоили митрополита. Несмотря на уговоры Санковского, он ушел из Кастельново и отправился в Черногорию и Берду. В конце декабря 1806 г. в Боку Которскую вернулась эскадра Д.Н.Сенявина. По настоянию черногорцев вице-адмирал удовлетворил их просьбу и распустил иррегулярное войско по домам в связи с наступающими рождественскими праздниками¹⁷⁵.

* * *

Рассмотренные в освещении аутентичных источников события в Далмации, Боке Которской, Черногории и Герцеговине, относящиеся к периоду конца 1805–1806 г., позволяют, на наш взгляд, сделать следующие, наиболее важные, выводы. Во-первых, в занятии Боки Которской и соседних с ней районов Далмации объединенными силами российских войск, черногорцев и бокезцев были заинтересованы как Россия, так и правитель Черногории Петр I Негош. Для военного командования экспедиционных сил России на Средиземном и Адриатическом морях было важно создать в Боке Которской удобный в военно-стратегическом и политическом отношениях опорный пункт для ведения войны с Францией. Правитель Черногории, митрополит Петр I Негош, со своей стороны, вынашивал планы создания независимого черногорского государства, в состав которого он предполагал включить прилегавшие к Черногории районы австрийской Далмации, Дубровник и часть турецкой Герцеговины. В занятии Боки Которской черногорцами и российскими войсками была заинтересована и значительная часть населения Адриатического побережья, которая надеялась таким путем освободиться от австрийской или от французской зависимости. Однако для решения каждой из этих задач в отдельности ни у России, ни у Черногории, ни у приморцев не было необходимых сил и условий. Сложность реализации этих планов состояла в том, что стоявшие перед каждой из сторон задачи могли быть решены все вместе и совместными усилиями. Такая редчайшая возможность появилась только после заключе-

ния Прессбургского мира в период передачи австрийцами французам Далмации и Боки Которской. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что уникальная выгода создавшегося положения для реализации стоявших перед каждой из сторон задач прежде всего была замечена населением Боки Которской. В среде бокезцев возникла и идея о вводе в Боку Которскую черногорцев и хотя бы небольшой части российских войск до вступления туда французов. Эти соображения были сообщены бокезцами Петру I Негошу и С.А.Санковскому в течение десяти дней после подписания Прессбургского трактата.

Во-вторых, вскоре после занятия Боки Которской объединенными силами черногорцев, бокезцев и русских выяснилось, что наряду с вышеназванными выгодами возник клубок новых тесно переплетенных между собой противоречий между Францией и Австрией, между Россией и Австрией, между Россией и Турцией, которые были немедленно использованы французской дипломатией для того, чтобы поссорить Россию с ее союзницами, т.е. с Австрией и Турцией.

Груз старых и новых конфликтов заставил Александра I признать, что сложившаяся после Прессбургского мира ситуация в Европе стала "весьма неблагоприятной для продолжения или возобновления войны с Францией". После этого петербургский двор был поставлен перед необходимостью строить свою внешнюю политику на оборонительной основе. После Аустерлица и Прессбургского мира основная задача внешней политики России будет состоять, по определению Александра I, в "ее защите владений России и владений держав, которые попросят ее содействия".

В-третьих, в свете рассмотренных в главе II фактов не находит подтверждения точка зрения тех югославских историков, которые стремятся доказать, что вовлечение агентами России черногорцев и приморцев в войну с Францией явилось главным препятствием, мешавшим объединению национально-освободительных усилий сербов, черногорцев, босняков, герцеговинцев и других балканских народов, которые в тот период стремились освободиться от османского ига. Источники свидетельствуют, что предложение Д.Н.Сенявина привлечь население балканских владений Османской империи для борьбы с французами не нашло поддержки ни митрополита Черногории, ни православного духовенства Герцеговины. Пивский архимандрит Арсений Гагович был вынужден признать, что христиане Герцеговины смогли бы проявить свою активность только в том случае, если сами турки согласятся поддержать русских в войне с французами или когда Турция начнет войну с Россией. Более того, восстание против турок будет возможным только тогда, когда русские войска будут введены в Герцеговину.

Об этом же свидетельствует и ответ А.Гаговича верховному вождю сербских повстанцев Карагеоргию, который в ноябре 1806 г. пытался склонить население Герцеговины к восстанию против Турции. А.Гагович сообщил Карагеоргию, что народ Герцеговины не дерзнет начать восстания против Турции до тех пор, пока черногорский владыка не подаст сигнал для этого. Таким образом, факты наших источников свидетельствуют, что черногорские и герцеговинские руководители при решении вопроса об объединении сил для совместной борьбы за освобождение от османского ига руководствовались, прежде всего, двумя факторами: состоянием русско-турецких отношений и неизменным присутствием российских войск на своей территории.

В-четвертых, как нам представляется, рассмотренные в главе II факты входят в противоречие с утверждением тех советских историков (Е.В.Тарле, А.Л.Шапиро, А.М.Станиславская и др.), которые полагали, что идея и план занятия Боки Которской были предложены Д.Н.Сенявиным еще до заключения Прессбургского мира. Более того, этот план, по их мнению, был разработан и реализован им вопреки воле Александра I. Но если принять во внимание, что идея и план занятия Боки Которской обсуждались митрополитом Черногории Петром I и С.А.Санковским в связи с просьбой бокезцев "отдаться под покровительство России" через десять дней после заключения Прессбургского мира, что Санковский сообщил Д.П.Татищеву идею о целесообразности занятия Боки Которской 11(23) января 1806 г., а копия Прессбургского трактата была доставлена в Петербург только 17 февраля 1806 г., то становится очевидным, что Д.Н.Сенявин к тому времени не мог знать заключенных в нем условий (см. прим. 5). А не зная их, он вряд ли мог замыслить и разработать план занятия Боки Которской, которая до заключения Прессбургского мира принадлежала Австрии, т.е. союзному России государству.

¹ ВПР. Т. II. С.652. А.А.Чарторыйский – Д.П.Татищеву. 24 ноября (6 декабря) 1805 г.

² Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н.Сенявин. М., 1958. С.107.

³ История дипломатии. М., 1959. Т.1. С.462–469.

⁴ История внешней политики России. Первая половина XIX в. М., 1995. С.53–55.

⁵ ЦГАВМФ. Сборный фонд. Д.184. Л.73. Александр I – Д.Н.Сенявину. 14(26) декабря 1805 г.; Шапиро А.Л. Адмирал Д.Н.Сенявин. С.106. В данной связи уместно напомнить, что к началу января 1806 г. на Корфу и других Ионических островах находилось: 10 линейных кораблей, 7 фрегатов, 4 корвета, 7 вспомогательных судов, 12 канонерских лодок. Артиллерию на них насчитывалось до 1200 стволов. В составе корабельных экипажей было 8 тыс., а в отрядах сухопутных войск и морской пехоты – 15 тыс. человек. Группировка российских войск и кораблей на Средиземноморском театре создавалась постепенно с 1804 по 1806 г. Две

пехотные дивизии были отправлены на Корфу из Севастополя в мае 1804 г., а позднее туда же с Балтики был отправлен еще один отряд под командой А.С.Грейга. Эскадра под командой вице-адмирала Д.Н.Сенявина вышла из Кронштадта 10(22) сентября 1805 г. и прибыла на Корфу 18(30) января 1806 г. Кроме того, "для учреждения и приведения в порядок дел, до флотилии российской в Средиземном море и Архипелаге касающихся", в Вену, а затем в Триест был направлен особый уполномоченный генерал-майор Томара. Об этом см.: История русской армии и флота. М., 1913; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот. М., 1973; *Бажова А.П.* Россия и югославяне. М., 1996. С.63–65.

⁶ *Сироткин В.Г.* Из истории внешней политики России в Средиземноморье в начале XIX в. // Исторические записки. 1960. Т.67. С.229–232; *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807. М., 1962. С.396.

⁷ Об этом см.: *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990.

⁸ ЦГАВМФ. Сборный фонд. Д.184. Л.74–75. Александр I – Б.П.Ласси. 3(15) февраля 1806 г.; *Шатино А.Л.* Адмирал Д.Н.Сенявин. С.106.

⁹ При возобновлении союзного русско-турецкого оборонительного договора 1798 г. подчеркивалось, что основной целью этого договора является: "Оборона целостности владений его султана в-ва и охранение государств его от всяких востолобных и других вредных против них замыслов французского правительства" (ВПР. Т.II. С.694–695. Примечание № 304).

¹⁰ Вернер (Vernier) - французский эмигрант, подданный России. В 1795–1802 гг. с перерывами состоял на службе в российских дипломатических миссиях в Гаеуе и Неаполе. В 1804 г. был арестован в Риме и выдан папой французским властям, которые обвинили его в деятельности, направленной против Французской республики. После освобождения вернулся в Россию и был направлен в Хорватию (ВПР. Т.II. С.701; Т.IV. С.566. Сн. № 27).

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Неаполь. 1806 г. Д.7911. Л.6. Вернер – Д.П.Татищеву, 13 (25) января 1806 г.

¹² *Шатино А.Л.* Средиземноморская проблема внешней политики России в начале XIX в. // Исторические записки. 1956. Т.55. С.277, 287–288.

¹³ *Шатино А.Л.* Адмирал Д.Н.Сенявин. С.110–112.

¹⁴ Там же. С.118.

¹⁵ *Станиславская А.М.* Русско-английские отношений... С.409.

¹⁶ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С.52; *Она же.* Основные этапы и особенности политики России на Балканах в последней трети XVIII в. и до 1830 г. // Международные отношения на Балканах. М., 1974. С.14.

¹⁷ *Бажова А.П.* Россия и югославяне. М., 1996. С.9–10.

¹⁸ *Пејровић Ђ.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С.143.

¹⁹ Там же. С.405–406.

²⁰ *Лукић Ч.М.* Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С.62.

²¹ Далматинский серб на русской службе, генерал-майор М.К.Ивелич был отправлен в Черногорию в конце 1803 г. для нейтрализации антирусской деятельности французского эпископа аббата Долчи, который пытался склонить митрополита Петра I Негаша на сторону Франции. Однако его действия вызвали недовольство черногорского митрополита. Для улаживания русско-черногорских отношений в марте 1805 г. в Черногорию был направлен С.А.Санковский. Подробнее об этом см.: *Ровинский П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1887. Т.I. С.626–630; *Жмыкин В.* Россия и Черногория в начале XIX в. // Древняя и новая Россия. 1881. Т.19. Март. С.420, 437–452; *Достян И.С.* Проблема государственной организации Черногории в русско-черногорских политических связях начала XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. Т.IV. С.3–28.

²² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Министерство. Д.7890. Л.28. М.К.Ивелич – А.К.Разумовскому, 27 ноября (9 декабря) 1805 г.

²³ Там же. Ф. ГА 1–7. 1803. Д.4. П.6. Л.4–11. "Записка о последних происшествиях по высочайше вверенному поручению генералу-лейтенанту графу Ивеличу, случившихся в Боко-ди-Катаро и других местах Албании" (Далее: "Записка М.К.Ивелича...") от мая (б/ч) 1806 г.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4. Д.1. П.3. Ч.1. Л.99. С.А.Санковский – Д.П.Татищеву, январь (б/ч) 1806 г.

²⁶ Там же. Л.17–20. С.А.Санковский – Д.П.Татищеву, 11 (23) января 1806 г.

²⁷ Там же. Л.55–57. Д.П.Татищев – С.А.Санковскому, 16(28) января 1806 г.

²⁸ Там же. Ф. ГА 1–7. 1803–1809. Д.4. П.6. Л.56. С.Ивелич – С.А.Санковскому, 8 февраля 1806 г.

²⁹ Там же. Л.67. С.А.Санковский – С.Ивеличу, 9 февраля 1806 г.

³⁰ Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. М., 1980. Кн.1. С.214–215. Петр I Негош – Карагеоргию, 15 февраля 1806 г.

³¹ АВПРИ. Ф.ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4. Д.1. П.3. Ч.IV. Л.132. Участники "Черногорского збора" – Гизильери, 17 февраля 1806 г.; *Бажова А.П.* Россия и югославяне в конце XVIII – начале XIX в. М., 1996. С.63–64.

³² АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4 Д.1. П.3. Ч.1. Л.172. Г.В.Войнович – С.А.Санковскому, 18 февраля 1806 г.

³³ Там же. Ф. ГА 1–7. 1803. Д.4. П.6. Л.4–11. "Записка М.К.Ивелича..."

³⁴ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.1. Л.122. С.А.Санковский – А.Чарто-рыйскому, 21 февраля (5 марта) 1806 г.

³⁵ Там же. Ф.ГА 1–7. 1803. Д.4. П.6. Л.4–11. "Записка М.К.Ивелича..."

³⁶ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4. Д.1. П.3. Ч.1. Л.148 и об. Г.Белли – С.А.Санковскому, 6 (18) марта 1806 г.

³⁷ Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.127. Л.12–17. "Записка бухарестских и задунайских новостей" до 23 февраля 1806 г.

³⁸ Там же. Ф. Канцелярия. Вена 1806. Д.11521. Л.9–13. Александр I – А.К.Разумовскому, 18 февраля (2 марта) 1806 г.

³⁹ ВПР. Т.III. С.116–117. Д.Н.Сенявин – Александру I, 1(13) апреля 1806 г.

⁴⁰ Там же. С.669–670. Примечание № 79. Послание депутатов Поборского коммуна-да Д.Н.Сенявину, 13 (25) марта 1806 г.

⁴¹ Там же. С.116–117. Д.Н.Сенявин – Александру I, 1(13) апреля 1806 г.

⁴² Доверие турецких властей Боснии и Герцеговине М.К.Ивелич приобрел, по его словам, "политическим уведомлением о настоящих положениях дел" в Далмации еще в 1804 г. Оно еще больше укрепилось, когда он в том же году арестовал появившихся в Герцеговине агентов Ивана Ожеговича и Якова Радмиловича, которые, выдавая себя за российских эмиссаров, пытались поднять в Герцеговине восстание христиан против турок. Объявив И.Ожеговича и Я.Радмиловича самозванцами, Ивелич отправил их в Рисан, а оттуда на российском корабле на о. Корфу, где находился отряд российских войск под командой генерал-майора Р.К.Анрепа (ЦГАДА. Ф.15. Д.28. Дополнительное. Л.31–33. М.К.Ивелич – А.Я.Будбергу, 31 августа (12 сентября) 1806 г.). Позднее Ивелич писал по этому поводу: "Означенный Радмилович в бытность мою в Боке ди Катаро действительно находился в Герцеговине для возмущения народа противу турок, а сотоварищ его Ожегович под именем майора российской службы с таким же намерением был в Бердах, состоявших под покровительством е.и.в.ва: и как таковое предприятие их было противно данной мне инструкции, по тогдашней дружбе Порты с Россией, то от

меня было предписано препроводить оных ко мне в Рисано. При прибытии их туда, оба они признались, что учинили сие по ненависти к туркам и что Радмилович нй капитаном, ни кавалером вовсе не был, а есть отставной прапорщик австрийской службы полку Вукаловича, и решился на таковое предприятие по наставлению Ожеговича, который уверил его пашпортом, что он майор российской службы и отправлен для сего из России. Ожегович же объявил, что он никогда в российской службе не был, а находясь в Яссах получил обманом пашпорт на майорский чин от бывшего там генерального консула Жерве" (АВПРИ. Ф. ГА 1-13. 1804. Д. 6. Л.34-36. М.К.Ивелич - Н.П.Румянцеву, 14(26) мая 1812 г.).

⁴³ АВПРИ. Ф. ГА 1-7. 1803. Д.4. П.6. Л.12.68. Обращение герцеговинцев к М.К.Ивеличу, 22 марта (3 апреля) 1806 г.

⁴⁴ Там же. Л.27-40. "Записка М.К.Ивелича..."

⁴⁵ Там же. Ф. ГА 1-5. 1805. Д.1. П.3. Ч.1. Л.196-200. С.А.Санковский - А.Чарторыйскому, 14 (26) марта 1806 г.

⁴⁶ Там же. Л.325. Петр I Негош - А.Н.Санковскому, 14 (26) марта 1806 г.

⁴⁷ Там же. Л.196-200. С.А.Санковский - А.Чарторыйскому, 14 (26) марта 1806 г.

⁴⁸ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.166-169. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 24 марта (5 апреля) 1806 г.

⁴⁹ Там же. Д.11521. Л.180-181. А.Чарторыйский - А.К.Разумовскому, 31 марта (12 апреля) 1806 г.

⁵⁰ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.186-187. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 29 марта (10 апреля) 1806 г.

⁵¹ Там же. Л.225. Ц.Пеллегрини - А.К.Разумовскому, 29 марта (10 апреля) 1806 г.

⁵² Там же. Л.213-214. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 30 марта (11 апреля) 1806 г.

⁵³ Там же. Л.233-235. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 18 (30) апреля 1806 г.; ВПР. Т.III. С.667. Примечание № 76.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.215-218. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 9(21) апреля 1806 г.

⁵⁵ Там же. Д.11521. Л.158. А.Чарторыйский - А.К.Разумовскому, 6(18) апреля 1806 г.

⁵⁶ Там же. Ф. ГА 1-9. 1804. Д.5. Ч.II. П.5. Л.16-18. Карагеоргий и Правительствующий Совет Сербский - черногорскому митрополиту Петру I Негошу, 4 (16) апреля 1806 г. Документ с сокращениями опубликован в книге "Први српски устанак". Къ. I. С.175-179. В связи с этим автор счел необходимым более подробно пересказать и процитировать отсутствующие в публикации части текста по архивной копии.

⁵⁷ Documente privind istoria României. Colectia Eudoxiu de Hurmuzaki. Seria nouă. Vol. IV. Rapoarte diplomatice ruse (1797-1806). Bucuresti, 1974. P.619. "Записка бухарестских и задунайских новостей" до 9(21) апреля 1806 г.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.456. А.Я.Италинский - Д.Н.Сенявину, 28 апреля (10 мая) 1806 г. О развитии русско-турецких отношений после Прессбургского мира см. гл.III настоящей книги.

⁵⁹ Сб. РИО. СПб., 1982. Кн.82. С.334-339; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.7891. Л.60-67. Записка А.Чарторыйского Александру I, 5 (17) апреля 1806 г.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.7891. Л.75-86. Записка А.Чарторыйского к докладу Александру I от 9 (21) апреля 1806 г.

⁶¹ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11521. Л.172-174, 175-176. Инструкция А.Чарторыйского А.К.Разумовскому. № 24 от 20 апреля (2 мая) 1806 г.

⁶² Там же. Д.11522. Л.249. А.К.Разумовский - А.Чарторыйскому, 21 апреля (3 мая) 1806 г.

⁶³ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.1. Л.361. Д.Н.Сенявин – С.А.Санковскому, 22 апреля (4 мая) 1806 г.

⁶⁴ Там же. 1805. Д.1. П.3. Ч.1 Л.365–372. С.А.Санковский – А.Чарторыйскому, 24 апреля (6 мая) 1806 г.

⁶⁵ Там же. 1805–1821. Д.1. П.14. Л.58. С.А.Санковский – Г.Войновичу, 16 (28) апреля 1806 г.

⁶⁶ Documente ... P.622–623. "Записка бухарестских и задунайских новостей" до 30 апреля 1806 г.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. Д.2261. Л.53–64. Е.Флори – Г.Д.Моцениго, 26 мая (7 июня) 1806 г.

⁶⁸ Там же. Доклады МИД России. 1806. Д.7891. Л.101–105. А.Чарторыйский – Александру I, 26 апреля (8 мая) 1806 г.

⁶⁹ Там же. Ф.Канцелярия. 1806. Д.2255. Л.112–115. А.Чарторыйский – А.Я.Италиному, 26 апреля (8 мая) 1806 г.

⁷⁰ Там же. Ф. Архив главного командования Молдавской армии. Оп. 580а. Д.20. Л.239. Александр I – Петру I Негошу, 23 апреля (5 мая) 1806 г.

⁷¹ Кости? Р. Прилози за повесницу Боке Которске. Дубровник. 1878. Д.II. С.30. Записка каноника д-ра Койовича будимляннина; Шатира А. Адмирал Д.Н.Сенявин. С.121.

⁷² Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузинской республикой // Сб. РИО. М., 1865. Кн.III. Отдел III. С.51–52.

⁷³ Макушев В.В. Материалы ... С.51–52; Милаковий М. Историја Црне Горе. Задар. 1836. С.243.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.38–39. С.А.Санковский – А.Чарторыйскому, 12(24) мая 1806 г.

⁷⁵ Первое сербское... Кн. I. С. 175–177. Петр I Негош – Карагеоргию, 7(19) мая 1806 г.

⁷⁶ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.100. С.А.Санковский – Петру I Негошу, 15 (27) мая 1806 г.

⁷⁷ Макушев В.В. Материалы... С.54–55.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.100. С.А.Санковский – Петру I Негошу, 15 (27) мая 1806 г.

⁷⁹ Там же. Л.55. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 15 (27) мая 1806.

⁸⁰ Там же. Л.65. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 21 мая (2 июня) 1806 г.

⁸¹ Там же. Л.182–183. Петр I Негош – Д.Н.Сенявину 21 мая 1806 г.

⁸² Там же. Л.180–181. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину, 30 мая 1806 г.

⁸³ Броневский В.В. Заметки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818–1819. Второе издание: СПб., 1836–1837; Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818–1819 г. Т.1–II. Макушев В.В. Материалы...; Тарле Е.В. Экспедиция адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземное море // Тарле Е.В. Собр.соч. М., 1952. Т.19. С.250 и др.; Шатира А.П. Адмирал Д.Н.Сенявин; Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С.254–257 и др.

⁸⁴ Макушев В.В. Материалы ... С.63–65.

⁸⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11521. Л.188–189. 193–195. А.Чарторыйский – А.К.Разумовскому, 30 апреля (12 мая) 1806 г.

⁸⁶ ВПР. Т.III. С.672. Примечание № 90.

⁸⁷ Там же. С.134–136. Инструкция А.Чарторыйского, "Директивная записка". "Инструктивная записка" русскому уполномоченному для переговоров с Францией П.Я.Убри от 30 апреля (12 мая) 1806 г.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.11521. Л.201 А.Чарторыйский – А.К.Разумовскому, 30 апреля (12 мая) 1806 г.

⁸⁹ ВПР. Т. III. С.145–147. Вербальная нота МИД России английскому послу в Петербурге Гоузру, 1 (13) мая 1806 г.

⁹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1806. Д.2989. Л.384–397. А.Чарторыйский – П.А.Строганову, 13 (25) мая 1806 г.

⁹¹ Там же. Ф.Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.300–301. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 13 (25) мая 1806 г.

⁹² Там же. Л.319–320. А.К.Разумовский – С.А.Санковскому, 14 (26) мая 1806 г.

⁹³ ВПР. Т. III. С.174. А.Чарторыйский – А.К.Разумовскому, 15(27) мая 1806 г.

⁹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.307–308. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 19(31) мая 1806 г.

⁹⁵ *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. СПб., 1887. Т. IV. С.174–175. А.К.Разумовский – А.Ларошфуко, 19(31) мая 1806 г.

⁹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.332–336. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 22 мая (3 июня) 1806 г.

⁹⁷ Там же. Л.376. Д.Н.Сенявин – А.К.Разумовскому, 21 мая (2 июня) 1806 г.

⁹⁸ ВПР. Т. III. С.183–185. Александр I – Д.Н.Сенявину, 23 мая (4 июня) 1806 г.

⁹⁹ ЦГАДА. Ф.15. Д.508. Л.8–12. П.В.Чичагов – Д.Н.Сенявину, 25 мая (6 июня) 1806 г.

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.3. Ч. II. Л.94–95. А.Чарторыйский – С.А.Санковскому, 26 мая (7 июня) 1806 г.

¹⁰¹ Там же. 1805–1821. Д.1. П.11. Л.7–10, 12–16, 48; П.3. Ч. II. Л.155. А.Чарторыйский – С.А.Санковскому, 26 мая 1806 г.

¹⁰² Там же. Л.14. А.Чарторыйский – С.А.Санковскому, 26 мая (7 июня) 1806 г.

¹⁰³ ВПР. Т. III. С.185–187. Запись беседы А.Чарторыйского с М.Мерфельдом 27 мая (8 июня) 1806 г.

¹⁰⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д. 11521. Л.304–306. А.Чарторыйский – А.К.Разумовскому, 4(16) июня 1806 г.

¹⁰⁵ Там же. Д.11524. Л.35–37. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 9(21) июня 1806 г.

¹⁰⁶ Там же. Д.11522. Л.396–406. А.К.Разумовский — А.Чарторыйскому, 11(23) июня 1806 г.

¹⁰⁷ Там же. Л.405–410.

¹⁰⁸ ЦГАДА. Ф.15. Д.508. Л.13–14. П.В.Чичагов – Д.Н.Сенявину, 21 июня (3 июля) 1806 г.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч. II. Л.233. Д.Н.Сенявин – С.А.Санковскому, 26 июня (8 июля) 1806 г.

¹¹⁰ Там же. Л. 234. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину, 26 июня (8 июля) 1806 г.

¹¹¹ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11524. Л.44,66. Ш.Талейран – П.Рюффену, 13 июня 1806 г. "Из французских бумаг, перехваченных кавалером Маллиа". Приложение к донесению № 327.

¹¹² ВПР. Т. III. С.200–202. Е.Флори – А.Я.Италинскому, 8(20) июня 1806 г.

¹¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.424–429. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 27 июня (9 июля) 1806 г.

¹¹⁴ Там же. Л.437–439. А.К.Разумовский – С.А.Санковскому, 4(16) июля 1806 г.

¹¹⁵ ВПР. Т. III. С.667–669. Примечание № 76. Доклад на французском языке, произнесенный при открытии Военного комитета по делам Каттаро и Адриатики (без даты и подписи).

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Подробнее об этом см.: *Сироткин В.Г.* Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции // *Югословенские земли и Руссия за време првог српског устанка 1804–1813.* Београд, 1983. С.112.

¹¹⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11521. Л.320–323. А.Я.Будберг – А.К.Разумовскому, 13(25) июля 1806 г.

¹¹⁹ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.225. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 18(30) июля 1806 г.

¹²⁰ Там же. Л.157, 165.

¹²¹ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.482–485. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 21 июля (2 августа) 1806 г.

¹²² Там же. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.3. Ч.II. Л.272–273. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 17 (29) августа 1806 г.

¹²³ ВПР. Т.III. С.226–231. Русско-французский договор о мире и дружбе от 8 (20) июля 1806 г.

¹²⁴ Там же. С.672–673. Примечание № 90.

¹²⁵ Там же. С.278–283. Д.Н.Сеявин – Александру I, 18 (30) августа 1806.

¹²⁶ Там же. С.258. П.В.Чичагов – Д.Н.Сеявину, 31 июля (12 августа) 1806 г.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11521. Л.325–330, 342–344. А.Я.Будберг – А.К.Разумовскому, 31 июля (12 августа) 1806 г.

¹²⁸ Там же. Ф. ГА 1–5. Д.1. П.11. Л.45. Александр I – А.Я.Будбергу, 6(18) августа 1806 г.

¹²⁹ Там же. Л.11, 27. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 17 (29) августа 1806 г.

¹³⁰ Там же. П.5. Л.9. С.А.Санковский – Александру I, 17 (29) августа 1806 г.

¹³¹ Там же. Д.1. П.4. Ч.II. Л.247. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 16 августа 1806 г.

¹³² Там же. Ф.Канцелярия. Вена. 1806. Д.11522. Л.559–564, 572, 571. А.Я.Будберг – А.К.Разумовскому, 16(28) августа 1806 г. № 208, 211.

¹³³ Там же. Д.11523. Л.89–94. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 29 августа (10 сентября) 1806 г.

¹³⁴ Там же. Д.11524. Л.86–87. "Отрывок из весьма секретных бумаг", приложенный к депеше И.Маллиа А.Я.Будбергу, № 2 от 6 (18) октября 1806 г.; Д.11527. Л.175–183. И.Маллиа – А.Я.Будбергу, 6(18) декабря 1806 г.

¹³⁵ Там же. Д.11522. Л.343–344. А.К.Разумовский – А.Чарторыйскому, 18 (30) апреля 1806 г. № 144.

¹³⁶ Там же. Д.11524. Л. 82–83. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 21 сентября (3 октября) 1806 г.

¹³⁷ Там же. Д.11527. Л.98–101. И.Маллиа – А.Я.Будбергу, 20 сентября (2 октября) 1806 г. № 344.

¹³⁸ Там же. Д.11526. Л.4–8. А.Я.Будберг – А.К.Разумовскому, 24 сентября (6 октября) 1806 г.

¹³⁹ Там же. Д.11527. Л.150–151. И.Маллиа – А.Я.Будбергу, 8 (20) октября 1806 г.

¹⁴⁰ Там же. Л.160–164. И.Маллиа – А.Я.Будбергу, 2 (14) ноября 1806 г.

¹⁴¹ Там же. Л.184–185. И.Маллиа – А.Я.Будбергу, 24 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.).

¹⁴² Там же. Л.175–183. "План покорения Далмации", август (6/ч) 1806 г. Приложение к донесению И.Маллиа А.Я.Будбергу. № 351 от 6 (18) декабря 1806 г.

¹⁴³ Там же. Л.106–112. "Мемуар о Далмации", 20 сентября (2 октября) 1806 г.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.365, 378–379. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 2(14) и 13(25) сентября 1806 г.; П.14. Л.93. Д.Н.Сеявин – Г.Войновичу, 20 сентября (2 октября) 1806 г.

¹⁴⁵ Там же. Л.414. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину, 27 сентября (9 октября) 1806 г.

¹⁴⁶ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11523. Л.190. Зах – А.К.Разумовскому, 22 сентября (4 октября) 1806 г.

¹⁴⁷ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.12. Л.6–7. Д.Н.Сенявин – Александру I, 30 сентября (12 октября) 1806 г.

¹⁴⁸ Там же. П.14. Л.91. Д.Н.Сенявин – Г.Войновичу, 20 сентября (2 октября) 1806 г.

¹⁴⁹ Там же. П.15. Л.34. С.А.Санковский – Петру I Негошу, 4(16) октября 1806 г.

¹⁵⁰ Там же. П.5. Л.10; П.13. Л.2. Петр I Негош – Александру I, 24 октября (6 ноября) 1806 г.

¹⁵¹ Там же. Ф. Канцелярия. 1806. Л.2259. Л.50–53. Нота Г.Себастиани Порте, 16(28) сентября 1806 г.

¹⁵² Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4. Д.1. П.4. Ч.II. Л.370. Д.Н.Сенявин – С.А.Санковскому, 28 августа 1806 г.; Л.372. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину, 29 августа 1806 г.

¹⁵³ Там же. Ф. Канцелярия МИД. 1806. Д.1250. Л.49. Д.Н.Сенявин – А.К.Разумовскому, 20 сентября 1806 г.

¹⁵⁴ *Свиньин П.П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1819. Ч.1. С.205; *Бажова А.П.* Россия и югославяне... С.82–84.

¹⁵⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1–13. 1804. Д.4. Л.94–95. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 30 октября (11 ноября) 1806 г.

¹⁵⁶ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.417. Нота Г.Беллигарда и Эспина Сенявину и Санковскому от 25 сентября 1806 г.

¹⁵⁷ Там же. Ф. Канцелярия МИД. Вена. Д.11523. Л.307–308. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 21 ноября (3 декабря) 1806 г.; Л.153–156. Выписка из писем Разумовского Будбергу за октябрь 1806 г.; Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Оп.4. Д.1. П.3. Ч.II. Л.383–384. Выписка из донесений С.А.Санковского в МИД России от 6(18) октября 1806 г. и др.

¹⁵⁸ Первое сербское... Кн.1. С.305. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину 4(16) ноября 1806 г.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.493. 498. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 8(20) ноября 1806 г.

¹⁶⁰ *Каллистов Н.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806–1812 гг. // *Морской сборник.* 1910. Т. CCCVI. № 1. С.12–13.

¹⁶¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–13. 1804. Д.6. Л.1–2. А.Гагович – Петру I Негошу, 6(18) ноября 1806 г.

¹⁶² Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.512. Хаджи Арсений Иванов Гагович – С.А.Санковскому, 9(21) ноября 1806 г.

¹⁶³ Там же. Л.510. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 10 (22) ноября 1806 г.

¹⁶⁴ Там же. Л.511.539. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 22 ноября (4 декабря) 1806 г.

¹⁶⁵ Первое сербское... Кн.1. С.306–307. Петр I Негош – Правительствующему Совету Сербскому, 12 (24) ноября 1806 г.

¹⁶⁶ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.511. 539. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 22 ноября (4 декабря) 1806 г.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ *Beer A.* *Zehen Jahre österreichischer Politik.* Leipzig. 1872. S.472–473. Александр I – Францу I, 12 (24) ноября 1806 г.

¹⁶⁹ ВПР. Т.III. С.375–380. А.Я.Будберг – К.О.Пошко-ди-Борго, 14(26) ноября 1806 г.

¹⁷⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11528. Л.9–11. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 14(26) ноября 1806 г. и Приложение № 357.

¹⁷¹ *Васильчиков А.* Семейство Разумовских. Т.IV. С.379–381. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 12(24) декабря 1806 г.

¹⁷² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11523. Л.314. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 21 ноября (3 декабря) 1806 г. Приложение.

¹⁷³ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.511. 539. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 22 ноября (4 декабря) 1806 г.

¹⁷⁴ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.11523. Л.332–333. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 24 ноября (6 декабря) 1806 г.

¹⁷⁵ Там же. ГА 1–5. 1805–1821. Д.1. П.3. Ч.II. Л.562. 616. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 27 декабря 1806 г. (8 января 1807 г.).

Глава III

РАЗВИТИЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА

§ 1. Реакция Порты на заключение Прессбургского мира

Изменение курса внешней политики Порты раньше других заметил господарь Валахии К.Ипсианти. Своими наблюдениями об этом он поделился с российским посланником в Константинополе А.Я.Италинским где-то в конце 1805 г. Италинский, в свою очередь, в январе 1806 г. писал в Петербург: "Отделение Венецианской республики от Австрии и уступка ее Бонапарту является событием высокой значимости в наших (российских. – В.Г.) отношениях с Портой. До сих пор у нас не было соперника, способного оспаривать наше влияние на Оттоманскую империю. Теперь же, благодаря подписанию Австрией договора о мире, Франция сыграет в этом подходящую для себя роль... В сложившейся для Оттоманской империи ситуации Порта не сможет существовать без союза с Россией или Францией. В самом деле, теперь, когда она находится между двух могущественных держав, это необходимо ей более, чем когда бы то ни было... Хотя Порта и приняла решение остаться в союзе с Россией, не известно, что к этому побудило министерство Оттоманской империи, и не является ли это результатом подписания Австрией договора о мире"¹.

По свидетельству Италинского, копия Прессбургского договора была доставлена в Константинополь 10(22) января 1806 г. представителем Управления внешних сношений Франции Ру. При вручении этого договора и сопроводительных писем Ш.М.Талейрана Ру не без значения засвидетельствовал удовлетворение Наполеона Бонапарта по поводу того, что с момента вручения Порте этих документов Франция официально становится непосредственной соседкой Турции².

Характеризуя впечатление, которое произвело на Порту подписание Прессбургского договора, Италинский сообщал, что после возвращения Наполеона в Париж турецкие министры в первый момент выказали огромную радость по поводу прекращения военных действий, которые велись вблизи ее границ. Турки, по уверению Италинского, первое время даже не подумали о той опасности, которая угрожала Порте в связи с уступкой французам Далмации, и отнеслись к этому равнодушно. После столь блистательной победы Франции, полагали в Константинополе, Наполеон на какое-

то время приостановит завоевательные войны в Европе. Сейчас же турецкие министры исходят из того, пишет Италинский, что их "обычная система улеживания и выжидания" способна предотвратить нависшую над их балканскими владениями опасность. Порта была убеждена в том, что ее границы в этом регионе достаточно укреплены высокогорным рельефом местности и храбростью многочисленного населения. "Именно эти два фактора, — пишет Италинский, — внушают правительству Оттоманской империи то чувство безопасности, которого она не испытывала в своих провинциях, граничащих с Польшей".

В связи с таким отношением Порты к условиям Прессбургского мира российский посланник видел свою задачу в том, чтобы как можно скорее рассеять беспечное настроение турецких министров и убедить их, что еще задолго до подписания Прессбургского мира Бонапарт вынашивал захватнические планы в отношении венецианских владений и дальнейшего проникновения через Балканы в Россию. Италинский уверял турецких министров, что Наполеон не будет надолго откладывать реализацию своих сокровенных замыслов и поэтому Порта не должна обольщаться внушениями французских послов и отступать от союза с Россией. Италинский, по его словам, всячески старался внушить Порте мысль, что поскольку у России и Турции есть общая задача, то они должны совместно принимать меры по защите границ Османской империи со стороны Далмации от столь агрессивного соседа, которым является Наполеон.

В Турции в это время во главе ведомства иностранных дел стоял рейс-эфенди Вассиф, но внешнюю политику Порты направлял сторонник французской ориентации министр внутренних дел (кахья-бей) Ибрагим Несими эфенди³. Во время январских встреч рейс-эфенди, в свою очередь, пытался уверить российского посланника в том, что приказы по охране границ этого региона уже отданы Портой своевременно, а боснийский, скутарский и албанский паша заверили ее, что они при поддержке местного населения смогут оказать достойное сопротивление любым проискам французов. Италинский же, в свою очередь, указывал на то, что православные христиане Черногории, Боснии, Герцеговины и даже Албании вряд ли согласятся помогать пашам обороняться от французов, поскольку агенты последних уже давно проникли в эти и другие пашалыки Румелин для того, чтобы подготовить почву для вторжения их войск вглубь этой провинции. По мнению Италинского, французские войска уже теперь могли бы без труда пройти через владения Али-паши Янинского в Фессалию, а оттуда без препятствий на Константинополь. Рейс-эфенди, естественно, не допускал подобного варианта развития событий, будучи уверен в том, что как только дело кос-

нется обороны Османской империи, Али-паша Янинский проявит себя достойным защитником государства и ислама. В то же время, по предъявлении конкретных фактов, сообщенных Италинскому консулами с мест, Вассиф-эфенди был вынужден признать, что французский поверенный в делах в Константинополе П.Рюффен, действительно, имеет предписание от своего правительства обсудить с Портой вопросы по налаживанию дружественных контактов в пограничных с Далмацией нахиях Турции и что Порта дала свое согласие на это и уже разослала приказы пограничным военачальникам не препятствовать установлению дружественных и торговых отношений местного населения с французами. Вассиф сообщил также о заверениях Рюффена, что Франция помимо установления дружественных и торговых связей не имеет иных намерений в отношении Османской империи. Комментируя эти слова рейс-эфенди, Италинский в январских донесениях в Петербург не исключал и того факта, что французские агенты в балканских владениях Порты по-прежнему будут разжигать религиозные разногласия среди населения Албании, Боснии, Черногории и Сербии.

Тогда же Италинский сообщал, что в январе 1806 г. французские дипломаты настоятельно требовали от Порты отказаться от возобновления ее союза с Англией. Не дав официального ответа по этому поводу, Порта в то же время объявила о своем намерении отсрочить на неопределенное время возобновление союзного договора с Англией. В связи с этим Италинский предложил английскому послу в Константинополе свое посредничество в этом вопросе, но Чарльз Арбатнот ответил, что при сложившейся ситуации для Англии было бы полезнее не связывать себя союзом с Турцией. Посол Великобритании, по словам Италинского, полагал, что союз России с Турцией является основной причиной, которая помешает Порте довериться внушениям Франции⁴.

Вопреки настояниям петербургского и лондонского дворов Порта под давлением французской дипломатии в 20-х числах января 1806 г. согласилась признать императорский титул Бонапарта. Узнав об этом, Италинский 24 января (5 февраля) 1806 г. с нарочным отправил депешу российскому консулу в Бухаресте Л.Г.Кирико, чтобы тот как можно скорее переслал ее в Яссы И.Ф.Болкунову, который 7(19) февраля 1806 г. сообщил об этом Чарторыйскому. В своей депеше генеральный консул писал, что по настоянию поверенного в делах Франции в Константинополе П.Рюффена Порта, вопреки торжественным обязательствам, решила "не длить более отказами в признании титула Бонапартиева". Кроме того, она сразу же после этого разослала всем румелийским пашам и в придунайские крепости посыльных с предписанием готовиться к войне. Аналогичное сообщение в тот же день

было послано Болкуновым командующему российскими пограничными войсками на Днестре генералу от кавалерии барону К.И.Мейендорфу⁵.

Понимая невозможность сокрытия этого акта, султан Селим III решил направить личное послание российскому царю. В письме от 31 января (12 февраля) 1806 г. он писал: "Министры Порты, поразмыслив, согласились с тем, что признание императорского титула не противоречит политическим и религиозным принципам государства и не нанесет ни малейшего ущерба нашей (Османской. – В.Г.) империи". В то же время, пояснял султан, отказ от признания титула мог бы создать для Порты "большие затруднения" в отношениях с Францией⁶.

Когда консул Л.Г.Кирико поделился этой новостью в Бухаресте с господарем Валахии, то К.Ипсиланти сказал, что он узнал об этом пять дней назад и уже написал письмо по этому поводу в Петербург. Обращаясь к Чарторыйскому, Ипсиланти с тревогой предупреждал его: "Князь, все предвещает исполнение враждебных планов" со стороны французов и самой Порты. "Я весьма опасуюсь, – продолжает он, – что французы могут воспользоваться недовольством всех христианских подданных (Порты. – В.Г.), и тем легче, что они являются сейчас хозяевами Далмации"⁷.

Между тем господарь Валахии в феврале 1806 г. поставил в известность российского консула в Бухаресте Л.Г.Кирико о том, что все придунайские паша и аяны получили приказ Порты готовить свои войска к войне. В частности, Бекир-паше было приказано собрать в Измаиле до 40 тыс. воинов, паше из Хотина – 10 тыс., паше из Бендер – 15 тыс., аяну из Русука Терсеникли-оглу – 15 тыс. воинов. Другие придунайские паша и аяны должны выделить войска для усиления гарнизонов, расположенных в других придунайских крепостях. Паша и аяны азиатских владений Турции, по уверению К.Ипсиланти, получили приказ собрать армию в 60 тыс. человек, а бейлербей Румелии Ибрагим-паша Скутарский имеет предписание выставить против сербов 40 тыс. воинов. Кроме того, по сведениям Ипсиланти, Порта отдала приказы начать заготовку провианта и фуража, большая часть которого должна быть собрана в Румелии. По сведениям, полученным К.Ипсиланти из других источников, Наполеон обещал султану Селиму III направить в Далмацию до 80 тыс. французского войска, к которому затем присоединятся далматинцы, черногорцы и сербы, чтобы противостоять усилиям России и Англии в этих областях. В то же время К.Ипсиланти полагал, что, несмотря на приказы Порты, Терсеникли-оглу Русуковский вряд ли согласится выделить назначенное число воинов, поскольку они нужны ему для войны с Пазванд-оглу, а видинский паша также не пошлет свои войска, поскольку он серьезно занят войной с сербами и болгарами, которые вос-

стали в подвластном ему Видинском пашалыке. Население Валахии, по заверению К.Ипсиланти, также чрезмерно обеспокоено близостью турок и намерением Пазванд-оглу напасть на Бухарест. "Такое положение дел, неопределенное для всех без исключения жителей этого города, – пишет Л.Г.Кирико, – вынуждает меня просить ваше превосходительство... выслать секретные указания и четкие инструкции, которыми я буду руководствоваться в случае прихода войск или нашествия турок на Валахию"⁸.

Сам же К.Ипсиланти в феврале 1806 г. писал в Петербург А.Чарторыйскому, что его многолетний опыт искушенного политика и обостренное чувство опального господаря вынуждают его пристальнее других всматриваться в суть происходящих в Европе событий и детальнее анализировать их. "Лишенный достаточных сил защиты (себя и Валахии. – В.Г.) и находясь в гуще самых больших опасностей, – пишет К.Ипсиланти, – я вынужден лишь наблюдать, слушать и предостерегать" правительство России.

В этом же письме К.Ипсиланти отмечал, что, по его наблюдениям, французы и их ставленники в Европе активно распространяют слухи о том, что последняя кампания Бонапарта и Прессбургский договор с Австрией не только перечеркнули всякие гарантии России, которыми она обладала в отношении Дунайских княжеств, но и разрушили ее влияние в других регионах Европы. Чтобы окончательно изолировать ее влияние в Европе и принудить к молчанию и бездействию, необходимо прежде всего лишить Россию влияния в Османской империи. Для чего, по мнению этих политиков, уверял К.Ипсиланти, Бонапарту достаточно послать из Венеции одну армию и высадить ее на территории балканских владений Порты. Там у французов найдется немало сторонников, к которым присоединится масса недовольных турецким режимом христиан и даже мятежные паши и аяны. В результате на этих территориях установится новый порядок, который будет поддерживаться французским оружием. И не нужно бояться того, рассуждают сторонники профранцузской ориентации, что Россия упредит Францию в этом деле. Подобная снежному колоссу, нерасторопная Россия несомненно увязнет не только в спорах по соблюдению норм международного права, но и не сможет своевременно подтянуть войска в эти отдаленные от нее области, чтобы преградить французам путь. Бонапарт же, не без основания полагал господарь, постарается удвоить свои интриги в Турции и приумножить там и без того разросшуюся коррупцию, что бесспорно создаст для России дополнительные осложнения. Возмущенная беспрепятственным неуважением со стороны Порты Россия, с точки зрения господаря Валахии, должна будет в конце-концов когда-то встать на защиту своих интересов и

"вызволить самые прекрасные страны и несчастнейшие народы на Земле из-под страшного ига, которое калечило их столетиями"⁹.

§ 2. Обсуждение членами Государственного совета России ситуации в Европе, сложившейся после заключения Прессбургского мира, и мер, направленных на удержание Порты в рамках пролонгированного русско-турецкого договора

Заключение Прессбургского мира и его влияние на развитие дальнейших отношений европейских государств с Турцией весьма беспокоили и правительство России. Обсуждению этих вопросов было посвящено несколько специальных заседаний Государственного совета России, которые состоялись в Петербурге 28 декабря 1805 (9 января 1806), 5(17) и 7(19) января 1806 г. В дискуссии по шести обсуждаемым пунктам члены Государственного совета В.П.Кочубей, А.А.Чарторыйский, П.А.Строганов, П.В.Заводовский, А.И.Васильев, П.В.Лопухин, А.Б.Куракин, Н.П.Румянцев и др., как сказано в протоколе совещания, достигли такой степени согласия, что "можно почтить оные общим правилом", т.е. были единодушны.

Во втором пункте протокола записано: "Франция по приобретении Далмации получила с тем вместе средства переменить отношения, существующие между Россиею и Турецкою империею и привести в исполнение виды свои на сию последнюю державу". Третий пункт протокола гласил: "Для воспрепятствования ей произвести сие в действо, нужно быть в союзе с Англиею; должно, с одной стороны, стараться сохранить доверенность Дивана, а с другой – иметь полезные сношения и связи со славянскими народами и греками, под турецким правлением находящимися". Шестым пунктом протокола предусматривалось: "Надо бы на всякий случай быть в готовности отразить неприятельские покушения, с какой бы стороны ни были, то надлежит держать на военной ноге и еще с большим усилием российские сухопутные и морские силы, расположив оные таким образом, чтобы немедленно можно было употребить их по востребованию надобности, а особливо в Молдавии и Валахии на тот случай, если бы австрийцы вознамерились занять сии княжества или французы покусились бы напасть на Оттоманскую империю"¹⁰.

Вскоре после заседаний Государственного совета А.Чарторыйский в начале февраля 1806 г. предписывал С.Р.Воронцову довести до сознания англичан, что в складывающихся после Прессбургского мира условиях со-

юзным государствам не удастся вернуть Францию в ее прежние границы, поэтому остается только одно средство – заняться спасением "обломков Европы"¹¹.

Для координации действий по этим вопросам в начале февраля 1806 г. МИД России направило в Лондон П.А.Строганова. В данной ему инструкции говорилось, что если Бонапарт в ближайшее время начнет вторжение в балканские владения Турции, то Россия, как союзница этой державы, сочтет своим долгом защищать их самым энергичным образом. Однако Россия, как сказано в инструкции, не может гарантировать безопасность этой территории в дальнейшем, а Бонапарт, используя удобные позиции, приобретенные им теперь в Адриатике, сможет в любое время осуществить свои замыслы. Чтобы Бонапарт не смог продвигаться вглубь владений Турции, петербургский двор предлагает установить в этом регионе "совершенно новый порядок вещей", а именно: "Образовать из всех славянских народов от Боки Которской до Сербии единое независимое государство под господством Порты и под покровительством России. Другое государство могло бы быть образовано из всех греческих народностей, объединенных с Ионической республикой. Оба государства получили бы независимую форму правления, подобную Рагузинской республике или Республике Семи Островов, и первойшей их обязанностью было бы использовать все имеющиеся у них средства, чтобы помешать французам проникнуть в Турцию. До прихода российских, английских и турецких сил, говорится в инструкции, местное население вполне смогло бы сдерживать агрессию французов"¹².

Однако расчеты петербургского двора привлечь для отражения французской агрессии на Балканах силы Англии, Турции, черногорцев и бокезцев были поколеблены, как уже говорилось об этом выше, поступавшими из разных источников сообщениями о том, что сама Порта, несмотря на заверения ее министров, готовится не столько к отражению французской агрессии, сколько к войне с Россией и к подавлению восстания сербов в Белградском пашалыке.

На основании полученных к тому времени сообщений МИД России в феврале 1806 г. подготовил для доклада Александру I специальный документ под заглавием "Записка о Турции". В ней сообщалось, что в Измаиле и Хотине наблюдается пополнение гарнизонов новыми войсками, почти все придунайские паши и аяны получили приказы отправлять свои войска в те пункты, где намечено формирование более крупных воинских соединений, госпoдари Валахии и Молдавии получили предписание подготовить продовольствие и фураж для 10 тыс. человек, бейлербей Румелии Ибрагим-паша с

армией в 40 тыс. человек выступил из Скутари и направился в Румелию, турецкий флот поспешно оснащается новым вооружением, рейс-эфенди намеревается низложить обоих господарей Дунайских княжеств, Порта вопреки советам своих союзников Англии и России признала императорский титул Бонапарта и отказывается от союза с Англией. Признание Портой Бонапарта императором и появление скутарского паши в Румелии, говорится в записке, больше всего свидетельствуют о том, что Порта считает себя в полной безопасности от находящихся на Адриатике французов и намерена направить все свои силы против России. Исходя из анализа изложенных выше фактов, авторы записки приходят к выводу: Порта намерена "аннулировать свой союз с императорским (петербургским. – В.Г.) двором и объединиться с Францией". Если российской дипломатии не удастся расстроить интриги в Константинополе и предотвратить двурушничество турок, прогнозируют составители "Записки о Турции", то России придется отказаться от всякого влияния на решения Порты и следует ожидать перенесения театра военных действий на свою территорию, наконец, "навсегда лишиться неисчислимых выгод, которые открывают нам умонастроения христианских народов Европейской Турции". Если петербургский двор не поспежит доказать им, что он искренне озабочен улучшением их участи, то эти народы без колебаний перейдут на сторону французов. При сложившейся ситуации у России остается один выход – "решительным выступлением принудить Порту вернуться к единственной системе, которая могла бы еще продлить существование Османской империи". Для достижения этой цели, предлагают авторы записки, необходимо предпринять следующие меры в отношении Турции и других держав:

1. Поскольку страх является единственной пружиной, которая действует на турок, следовало бы привести в боевую готовность расположенную на Днестре армию для ее ввода в Молдавию и Валахию. "Главные выгоды немедленного занятия Валахии и Молдавии русскими войсками, – говорится в записке, – состоят в том, что они будут эффективно способствовать обращению к принципам здоровой политики, ибо Константинополь вскоре почувствует нехватку продовольствия, которое эта столица получает большей частью из обоих княжеств. Мы овладеем складами, устроенными там Портой, тогда как малейшее колебание могло бы нас их лишить. Русская армия без труда сможет укрепиться на Дунае, тогда как на Днестре она не будет иметь этих преимуществ. Эта армия протянула бы руку помощи сербам, болгарам и другим христианским народам этих земель. Наконец, на нашей стороне будут все преимущества, являющиеся необходимым следствием быстрого и энергичного решения, неожиданного для врага, тогда как

если представить ему свободу действий, этими преимуществами воспользуется он сам".

2. При вступлении российских войск в Молдавию следовало бы опубликовать манифест, в котором будет объяснено, что российские войска вводятся на территорию княжества не с целью его захвата и аннексии, а для защиты независимости Порты, которая из-за страха перед Францией, по-видимому, намерена слепо следовать ее внушениям. В том случае, если французы захотели бы напасть на балканские владения Порты, российские войска готовы защищать их, поскольку петербургский двор по-прежнему считает своим долгом сохранять верность союзному русско-турецкому договору и, следовательно, вправе требовать от Порты выполнения его условий. Российские войска будут выведены из Молдавии, как только петербургский двор получит неоспоримые доказательства в верности Порты ее союзническим обязательствам.

Авторы записки считали, что вышензложенная позиция МИД России должна быть доведена до сведения правительств Великобритании, Австрии, Пруссии и других государств¹³.

В конце февраля 1806 г. действительный статский советник Н.Пизани представил в МИД России записку аналогичного содержания, озаглавленную "Суждения о нынешнем положении дел между Россией и Оттоманской Портой". В унисон авторам "Записки о Турции" Н.Пизани вторит, что передача французам Далмации и Боки Которской превращает в иллюзию ратифицированный султаном Селимом III 30 сентября (11 октября) и царем Александром I 19(31) октября 1805 г. союзный русско-турецкий оборонительный договор от 11(23) сентября 1805 г.¹⁴ При внутреннем критическом состоянии Османской империи ее правительство не может существовать без поддержки России или Франции. После того как Франция стала непосредственной соседкой Турции, Порты, по мнению Н.Пизани, непременно предпочтет союз с Францией союзу с Россией, которая всегда была естественным врагом Османской империи. Кроме того, Порты беспокоит и то обстоятельство, что Россия в последнее время приобрела большое влияние на христиан Османской империи, которые независимо от конфессиональной принадлежности всегда проявляли к ней решительную приверженность и теперь ожидают, что она рано или поздно освободит их от османского ига. Франция же, утверждает автор записки, никогда не пользовалась среди христианских подданных Порты таким влиянием, как Россия, и, следовательно, появление французских войск в балканских владениях Порты будет менее опасным для нее, чем появление российских войск в Румелии. Если Порты будет по-прежнему придерживаться союза с Россией и Англией, рассуждает

Пизани, то Франция несомненно вторгнется в балканские владения Турции и начнет войну с ней.

Исходя из приведенных и ряда других факторов, Н.Пизани делает вывод, что Порта ни с какой стороны не заинтересована поддерживать прежние союзнические отношения с Россией. Это обстоятельство, по его мнению, находит подтверждение в недавнем заявлении Порты о своем желании возобновить союз с Англией, в увеличении ее войск на границах с Россией, в признании ею императорского титула Бонапарта и во многом другом. Поскольку вышеизложенные факты, по убеждению Пизани, с одной стороны, не позволяют России рассчитывать на сохранение союза с Турцией, а с другой стороны, сама Порта не осмелится начать войну с Россией до истечения срока действия русско-турецкого договора, то война между ними начнется не ранее чем через 6–7 лет. Но поскольку за это время Порта сможет привести в лучшее состояние дезорганизованные теперь армию, флот и исправить положение дел в ее провинциях, то неизбежная война между Россией и Турцией будет более длительной и кровопролитной.

Во избежание нежелательной войны с Турцией, Н.Пизани предлагал объявить Порте, что петербургский двор в отношении с ней намерен придерживаться системы, принятой в период правления Павла I, и потребовать от нее отменить приказы о сосредоточении турецких войск на границах России, об увеличении численности гарнизонов в придунайских крепостях, о пополнении военных складов боеприпасами, провиантом и фуражом. Наряду с этим следует добиваться от Порты, чтобы она возобновила союзный договор с Англией и не приглашала французских инструкторов для обучения турецких войск. "Если же Порта не согласится с этими предложениями, – пишет Н.Пизани, – то надобно оккупировать армией в 50 тысяч человек Молдавию и Валахию, объявив Порте, что поскольку она нарушила свои обязательства, согласившись на признание титула Бонапарта без предварительной договоренности о сем со своими союзниками, что она отказывается возобновить союз с Англией и одновременно усиливает свои гарнизоны на границах с Россией, что она сговорилась с Францией и составила план напасть на Россию, Россия должна была в силу необходимости оккупировать войсками указанные княжества, дабы предупредить вторжение в свои владения и склонить оттоманское правительство, если сие еще возможно, к тому, чтобы оставаться на стороне верных союзников и никогда не отдавать себя под начало Франции". Как только Порта примет такие обязательства и удалит из правительства сторонников Франции, Россия эвакуирует свои войска из Молдавии и Валахии. "При оккупации этих двух княжеств армией в 50 тыс. человек, – пишет Н.Пизани, – следовало бы послать эмиссаров к

сербам, черногорцам и другим народам, которые преданы России, чтобы склонить их к действиям, согласно указаниям, которые будут им даны".

Наряду с этим Н.Пизани рекомендует держать на границе с Пруссией русскую армию в 100 тыс. человек и разъяснить всем правительствам европейских государств мотивы, которыми руководствовался петербургский двор, вводя свои войска в Дунайские княжества. Если же вопреки всем ожиданиям Порты откажется принять вышеназванные условия и решится на войну с Россией, то, по мнению Пизани, следовало бы послать на Константинополь 30-тысячный корпус российских войск, поставив ему задачу сжечь турецкий флот и захватить батареи, расположенные по берегам Черного моря. Действия того корпуса мог бы поддержать и российский черноморский флот. "Оккупация Константинополя, – пишет Пизани, – поставила бы почти всю Румелию под власть России в результате всеобщего восстания всех христиан. И сие привело бы к такому положению, которое навсегда обеспечило бы спокойствие России и ее превосходство над всеми другими державами...". Иначе России через некоторое время придется вести невыгодную оборонительную войну против Турции и Франции. Н.Пизани уверял также, что российский посланник в Турции А.Я.Италинский не способен удержать Порту в той системе, которой она следовала до заключения Прессбургского мира. Чтобы поддерживать с Портой еще какое-то время мир и доброе согласие, Пизани предложил заменить Италинского другим, более способным, посланником¹⁵.

А в это время А.Я.Италинский по предписанию МИД России 22 февраля и 5 марта 1806 г. встречался в Константинополе с рейс-эфенди и также обстоятельно обсуждал с ним ситуацию в Европе и на Балканах, сложившуюся после заключения Прессбургского мира, и перспективу русско-турецких отношений. В ходе этих бесед российский посланник обратил внимание Порты на настойчивость, с которой Бонапарт добивался господства в Далмации, и на опасность его дальнейших замыслов в отношении балканских владений Османской империи. Италинский заверил турецкого министра в том, что царь Александр I считает своим долгом "способствовать сохранению целостности" Османской империи, которой угрожает французская агрессия со стороны Далмации. Чтобы не допустить этого, правительство России решило значительно увеличить свои сухопутные и морские силы, ставил в известность российский посланник турецкого министра. С этой целью, уверял он, в России произведен большой рекрутский набор, приведены в боевую готовность сухопутные войска на Днестре, которые по желанию султана могли бы оказаться в любом месте балканских владений Порты, чтобы помочь ей отразить агрессию французов. Затем

Италинский попытался добиться от рейс-эфенди ответа, чего Порты ожидает после ввода французских войск в Далмацию, какие меры намерена предпринять для отвращения нависшей над ее балканскими владениями опасности. Чтобы пресечь господствовавшее среди турецких министров мнение, будто бы у Порты нет необходимости сопротивляться проникновению Наполеона во владения Османской империи, Италинский, по его уверению, основываясь на данных ему инструкциях из Петербурга, предупредил рейс-эфенди о том, что если Порты подчинится воле Бонапарта и уклонится от союза с Россией, то царь Александр I "употребит против Оттоманской империи те же самые силы, которые он намеревался применить для ее защиты". Более того, запугивал российский посланник турецкого министра иностранных дел, в этом случае Россия не будет одинокой, она объединится с Англией, и тогда даже Франция не уберезит Османскую империю от неминуемой гибели.

В этих же беседах Италинский не упустил случая упрекнуть Порту за то, что она в угоду Наполеону I обещала отказаться от союза с Англией, за то, что рейс-эфенди жаловался французскому посланнику по поводу необходимости ратифицировать союзный договор с Россией, который Порты, по ее уверению, рассматривает как гнетущее ее ярмо, и, наконец, за поздравление, которое турецкие министры направили французскому посланнику в связи с успехами Франции в войне с Англией и Россией. Высказал Италинский и ряд претензий по поводу несоблюдения Портой торговых и иных соглашений, обусловленных русско-турецким союзным договором. "Я просил оттоманских министров не упускать из виду, — пишет он, — что наши договоры с Портой не являются чистой и безвозмездной уступкой с ее стороны, что они — результат отваги солдат е.и.в., что они достигнуты ценой большой крови и огромных финансовых издержек...". Эти и другие приведенные им факты Италинский расценил как измену Порты союзу с Россией.

Рейс-эфенди и участвовавший в беседе юрист Исмет-бей со своей стороны заверили посланника, что после Прессбургского мира Порты, узнав о планах Наполеона I, еще больше заинтересована в союзе с Россией и намерена вместе с ней принять надлежащие меры для защиты своих балканских владений. С этой целью, уверяли они, отданы приказы произвести набор рекрутов в Румелии и Азии, а в Софии, Адрианополе и Нише уже приступили к организации лагерей, куда начали подвозить боеприпасы, оружие и провиант. Организация лагеря в Нише, по уверению турецких министров, преследует двоякую цель: сдерживать сербов и создать внушительную группировку войск для отражения французской агрессии. Эти приготовления, заявил рейс-эфенди, никоим образом не направлены против

России, и поэтому всякие подозрения о сближении Порты с Францией и об ее отказе от союза с Россией весьма неприятны султану и его министрам. Но больше всего они опасаются распространяющихся в Константинополе и во всей империи слухов о близкой войне с Россией и о намерении русского царя использовать против Порты те российские войска, которые готовятся для ее же защиты. Рейс-эфенди в очередной раз заверил Италинского в том, что Порта уже отдала необходимые указания и об урегулировании претензий петербургского двора, касавшихся нарушения торговых соглашений, жалоб российских купцов, вывода турецких войск из Измаила и других пограничных с Россией крепостей¹⁶.

"По собственным моим наблюдениям и по информации, мне представленной, – пишет Италинский, – Порту обуял страх перед французами. Ее союзники также внушают ей страх. Но страх перед Францией у оттоманского министерства преобладает. Однако из-за такой ситуации нельзя отказываться по отношению к этой державе от системы ее уличиванья. Можно только догадываться, что между Портой и французами нет еще никаких сношений, которые могли бы привести к переговорам, противным интересам императорского (петербургского. – В.Г.) двора. Еще менее оттоманское министерство могло бы по подстрекательству Франции вынашивать замыслы и планы против России"¹⁷.

Чарторыйский в своих мартовских инструкциях вновь и вновь предписывал Италинскому обратить внимание Порты на расхождение ее заверений в верности союзу с Россией с ее поступками. В частности, Порта обещала информировать МИД России о всех своих переговорах с Францией, а сама без предупреждения признала императорский титул Бонапарта и следует всем его советам. Каким же будет ее поведение, недоумевал управляющий МИД России, когда Франция укрепитя в Далмации. Доводы турецких министров о том, что сосредоточение турецких войск у границ России и создание группировки войск под Измаилом вызваны стремлением Порты защитить Россию от нападения французов со стороны Польши – смехотворны. Такая забота Порты о безопасности российских границ, иронизирует Чарторыйский, была бы до известной степени объяснима в то время, когда французские войска находились в Австрии. Теперь же она, по меньшей мере, не уместна. Несмотря на всю нелогичность объяснений рейс-эфенди, Чарторыйский предписывал посланнику: "...Побудить Порту не отходить от политики союза с императорским двором, не допускать ее перехода на сторону Франции, направить все ее внимание на новые владения этой последней на Адриатическом море и убедить ее в отсутствии у нас каких-либо честолюбивых замыслов". Италинскому поручалось еще раз заверить Порту

в том, что царь Александр I, со своей стороны, готов защищать владения Османской империи от любой агрессии, если Порта останется верной ее союзническим обязательствам. Если же Порта вознамерится изменить свою политику, грозил Чарторыйский, тогда у петербургского двора возникнет необходимость позаботиться о безопасности России и царь будет вынужден "проявить столько же энергии для достижения этой цели, сколько он проявит умеренности и настойчивости для того, чтобы побудить Порту придерживаться только той политики, которая отвечает ее интересам и предотвращает неизбежный крах Оттоманской империи"¹⁸.

Между тем 14(26) марта 1806 г. военный губернатор Каменец-Подольска генерал-лейтенант И.Н.Эссен рапортовал царю о том, что "все турецкие крепости, как по Дунаю, так и по Днестру стоящие... действительно, укрепляются и запасаются провиантом", в Хотине ожидают прибытия до 20 тыс. войска и 60 орудий. О приближении австрийских войск к Хотину слухи не подтвердились¹⁹. Между тем, в начале марта 1806 г. и сам султан Селим III подтвердил свою верность русско-турецкому союзу, а также, как сказано в его письме к Александру I, "постоянство... системе, диктуемой... чувствами дружбы и близости"²⁰.

Однако вопреки официальным заверениям султана уже в середине марта 1806 г. в Яссах стало известно, что Порта намерена сменить обоих господарей Дунайских княжеств за то, что они высказались за сохранение оборонительного союза между Россией и Турцией. По словам российского генерального консула в Дунайских княжествах, чиновник молдавского господаря в Галаце (проколаб) сообщал, что получил от своего знакомого из Константинополя письмо, в котором говорилось, что Порта отдала приказ доставить в столицу голову князя К.Ипсиланти. Вместо прежних господарей в Валахию назначен А.Суцу, а в Молдавию – А.Маврокордато²¹. 27 марта (8 апреля) 1806 г. И.Ф.Болкунов также сообщил, что в Бухаресте ожидают на днях прибытия чрезвычайного турецкого посла Мугиб-эфенди, направляющегося в Париж с богатыми подарками султана для Бонапарта и его жены. Среди тех даров особую ценность имеет украшенный множеством алмазов сервиз стоимостью более 1 млн пиастров. Чрезвычайного посла сопровождает в качестве переводчика Алеко Суцу, которого Порта прочит на место господаря Валахии²².

Тем временем А.Я.Италинский, пользуясь отъездом английского курьера из Константинополя в Лондон, отправил письмо российскому послу в Великобритании С.Р.Воронцову, в котором писал, что усилия российского и английского посланников в Константинополе направлены не только на разъяснение турецким министрам опасности, которая угрожает Турции

со стороны французов, но и на устрашение Порты, если она вопреки всем правилам благоразумия вздумает отказаться от союза с Англией и Россией. Успех английской и российской дипломатии в отношении Турции, по глубокому убеждению Италинского, может заключаться только в политике устрашения. Порта, по словам Италинского, уже приведена Арбатнотом и им самим в состояние страха. Однако петербургский двор не совсем одобряет политику устрашения. "Я уверен, – пишет он, – что мы потеряем Порту, если она одной Франции бояться будет". "Турки – недруги всем европейским державам, а вступают в связи и наблюдают (договоры. – В.Г.) только с теми, которых боятся. Вся их политика основана на страхе и незнании, с какой стороны оный более бед предъявляет"²³.

В конце марта – начале апреля 1806 г. российский консул Л.Г.Кирико сообщал из столицы Валашского княжества, что в Бухаресте становится тревожно. По городу ходят слухи о том, что французы якобы со всей серьезностью обсуждают способы и средства, которые позволили бы им реализовать две тайные статьи Прессбургского договора. "Эти статьи, – пишет Кирико, – касаются перехода французских войск через реку Саву и выход их к Дунаю в Сербию и Турцию, а также оккупации Валахии, чтобы затем передать ее в качестве возмещения убытков австрийскому королевскому двору". Л.Г.Кирико предупреждал также, что французы, по доходящим до него сведениям, уже установили тайные связи с сербами и валахами²⁴.

Господарь Валахии К.Ипсиланти также был чрезвычайно обеспокоен меняющейся политикой Порты и настойчиво убеждал Петербург в необходимости введения российских войск в Дунайские княжества. В "Памятной записке о нынешнем состоянии соответственных интересов Российской и Оттоманской империй", написанной в конце марта – начале апреля 1806 г., К.Ипсиланти писал, что так как он родился в Константинополе и сызмальства воспитывался в среде столичной турецкой бюрократии, то хорошо усвоил коварный характер и повадки придворных министров. За время же своего правления в Валахии он, по его собственному уверению, сумел создать широкую сеть своих тайных агентов как в Османской империи, так и в Западной Европе. Эти агенты уже давно снабжают его надежной информацией. Более того, признается Ипсиланти, "я добыл через французских агентов сведения... секретных переговоров Франции и Порты, которые по существу являются их сговором против интересов Вашего императорского величества. Все, что я выяснил (через агентов. – В.Г.), подтверждает эти доверительные сведения. Я информировал об этом князя Чарторийского и господина Италинского. Последний мне ответил, что единственно верным в моей ин-

формации является сообщение об отзыве Парандена (французского поверенного. – В.Г.) и замене его Рюффеном".

Изложив свое понимание характера общей системы международных отношений в Европе, К.Ипсиланти акцентирует внимание на том, что Российская держава всегда была своего рода плотиной, о которую разбивались агрессивные замыслы Франции. Чтобы преодолеть ее сопротивление, Наполеон объявил о своем намерении восстановить польское царство и сделать его барьером между Россией и Европой. С другой стороны, овладев Далмацией, Наполеон сможет преодолеть стену, отгораживающую Турцию от Франции. Таким образом, Франция получает возможность вредить находящемуся на подъеме Российскому государству, от которого зависит, достигнет Франция или нет мирового господства. Поэтому на Россию "будут беспрестанно нападать, будь то путем расшатывания принципов, будь то посредством политических интриг, будь то с помощью оружия". Перед Францией, по убеждению господаря, неизбежно встанет альтернатива: либо задушить Россию, прежде чем развернутся ее природные силы, либо навсегда отказаться от мирового господства. Успех польского дела, поясняет господарь, во многом зависит, на чьей стороне окажутся турки. В начале XIX в. "мы переживаем самую интересную для цивилизованного мира эпоху, поскольку речь идет о его судьбе, а его судьба неразрывно связана с судьбой России". Чтобы добиться осуществления своих замыслов, полагает князь, Наполеону необходимо привлечь на свою сторону Порту. Первые попытки этого К.Ипсиланти усматривает в следующем. Во французской печати появились заметки, авторы которых говорят о необходимости убраться и наказать великого визиря, рейс-эфенди и других сторонников союза с Россией. Вскоре эти турецкие чиновники были отстранены от власти в тот момент, когда они обсуждали с русским уполномоченным договор о возобновлении союза между Россией и Турцией. Следующие подтверждения своим предположениям К.Ипсиланти не без основания усматривает в отказе Порты от ряда статей предшествующих русско-турецких договоров, в признании Портой без согласования с Россией императорского титула Наполеона, в направлении турецкого чрезвычайного посла в Париж, в приказах о военных приготовлениях под предлогом угрозы со стороны Франции и России, в накоплении Портой на границе с Россией войск, которые, по заверению султана, должны действовать против сербских повстанцев, в отказе Порты возобновить союз с Англией. "Нынешнее оттоманское министерство представляет собой орган, вдохновляемый Францией, эхо фальшивых сведений, самохвальства, угроз, оскорблений, распространяемых ею (Францией. – В.Г.) через своих агентов, друзей, лиц на содержании". Новый рейс-

эфенди, по уверению господаря Валахии, с радостью оповещает всех о победах французов и распространяет слухи, направленные на подрыв авторитета России. "Я осмелюсь, наконец, уверить, – пишет Ипсиланти, – ... если е.и.в. не станет сейчас же действовать решительно и всерьез, то французы укрепятся в Османской империи, а их силы объединятся и тем самым получают неоценимые преимущества для нападения до того, как российские силы будут приведены в готовность".

Чтобы удержать Порту от сближения с Францией и заставить ее придерживаться союза с Россией, существует лишь одно единственное средство – ввести сильную русскую армию в Молдавию и Валахию. Если российское правительство согласится сделать это, то господарь Валахии предлагал взять на себя снабжение 50 тыс. русских войск продовольствием, выставить не менее 2 тыс. вооруженных добровольцев. "Если бы я управлял Молдавией, – пишет К.Ипсиланти, – ... то Молдавия смогла бы с такой же легкостью, как Валахия, взять на себя задачу прокормить другие 50 тыс. человек". Присутствие в Дунайских княжествах сильной российской армии, по мнению К.Ипсиланти, неизбежно должно привести в чувство Порту, поскольку эта суровая мера вызовет голод в Константинополе, большей частью снабжаемом продуктами из Валахии и Молдавии. Кроме того, присутствие российских войск в Дунайских княжествах способствовало бы привлечению на сторону России не только православного населения Османской империи, но и христиан других конфессий Австрийской империи. "Командующий российской армией (на Днестре. – В.Г.), – отмечает К.Ипсиланти, – мог бы поддержать и использовать их по своему разумению, с успехом противопоставив их французам"²⁵.

В сопроводительном письме к "Записке" К.Ипсиланти писал: "До конца жизни остаюсь я верен приносимой мною присяге посвятить себя службе в.и.в-ва и свидетелем, государь, выдающихся Ваших интересов и Вашей славы ... Честь требует, чтобы в.в-во было уведомлено мною об этом и я намерен исполнить свой долг с уверенностью, которая внушает мне безграничное усердие"²⁶.

В середине апреля 1806 г. рейс-эфенди в ответ на упреки А.Я.Италинского вручил ему ноту, в которой вновь заверял российского посланника: "Блистательная Порты полностью удовлетворена своими союзниками и было бы невозможно ставить под сомнение ее желание увековечить узы союза. Но ускорить в данный момент возобновление союза с Англией означало бы вызвать явный и хорошо известный ущерб" для Порты, которая приняла и намерена впредь придерживаться системы нейтралитета в Европе. Разъясняя позицию Порты в отношении сербских повстанцев, рейс-эфенди

писал: "Подняв несколько лет назад знамя восстания (против непокорных Порте янычар Белградского пашалыка. – *В.Г.*), сербы осмелились пуститься на различные эксцессы, противоречащие обязанностям подданных. Однако Блистательная Порта постоянно прощала их и, надеясь, что они откажутся от восстания, пыталась успокоить и прикладывала все усилия с целью побудить их путем убеждения вернуться к повиновению. Но эта нация, неизменно упорствуя в своем плохом поведении, довела до крайности свои поступки убийством и порабощением мусульман и эксцессами, которые ею совершались по всей стране. Вот почему назначены командующие, чтобы доброй волей или силой принудить эту нацию к послушанию, изгнать и уничтожить зачинщиков и интриганов и восстановить спокойствие, вернув верноподданных к их мирным очагам. Вскоре сие дело будет завершено в соответствии с желанием Блистательной Порты...". В отношении же Дунайских княжеств Порты, по уверению рейс-эфенди, вплоть до последних дней не допускала никаких нарушений взятых на себя обязательств. Более того, говорилось в ноте, Порты, чтобы оградить население Валахии и Молдавии от произвола и набегов непокорных ей пашей и аянов, была вынуждена направить Пазванд-оглу Видинскому и другим начальникам придунайских крепостей приказы оставить в покое население этих княжеств²⁷.

Подобный ответ Порты на поставленные петербургским двором вопросы, естественно, не мог в полной мере удовлетворить Италинского, поскольку его содержание явно противоречило фактам. Италинский теперь уже открыто настаивал на отказе от прежней "системы ульщения", которой до этого придерживалось в отношении Порты МИД России: "Отныне, – пишет он Чарторыйскому 18(30) апреля 1806 г., – следует придерживаться в отношении теперешнего (профранцузского. – *В.Г.*) турецкого министерства линии, в корне отличной от той, которая была принята до последнего времени"²⁸.

Все ухищрения Порты скрыть ее подготовку к войне с Россией, писал Италинский в тот же день генеральному консулу в Яссах И.Ф.Болкунову, вполне очевидно опровергаются неблагоприятными и нелепыми умыслами ее министров, которые вынуждают петербургский двор "найти в необходимости решиться употребить средства, сопровождаемые движением военных сил". В соответствии с этим Италинский предписывал Болкунову не упускать из виду новый курс политики петербургского двора в отношении Порты и согласовывать свою деятельность с развитием последующих событий²⁹.

А.Чарторыйский, в свою очередь, писал Италинскому в Константинополь: "Я не могу не обратить Вашего внимания на то, что заявления и

уверения, расточаемые рейс-эфенди относительно намерения Порты сохранить союз с императорским двором, мало совместимы с продолжающимися приготовлениями у наших границ и их весьма трудно примирить с холодным и безразличным тоном, характеризующим письмо султана к е.и.в-ву" от 31 января (12 февраля) 1806 г.³⁰

В предписании от 25 апреля (7 мая) 1806 г. Чарторыйский инструктировал Италинского, как лучше доказать Порте, что события в Далмации и Боке Которской неизбежно порождают идею о целесообразности формирования там промежуточного государства под верховной властью Порты по типу Рагузы или Семи Соединенных Островов. "Сия идея, по моему мнению, – пишет Чарторыйский, – полностью соответствуя искреннему желанию е.и.в. оградить Оттоманскую империю от всякой агрессии со стороны французов, могла бы лишь приветствоваться Портой, если Вы сочтете удобным уведомить ее об этом. Тем не менее, поскольку в данный момент главное – спасти Австрию от угрожающей ей опасности и восстановить поелику возможно общий мир в Европе, император решился вступить в прямые отношения с французским правительством, полагая это единственным ныне существующим средством для достижения сей важной цели". Если в процессе переговоров с Портой возникнут осложнения, то Чарторыйский рекомендовал посланнику отложить разговор с рейс-эфенди о проекте создания промежуточного государства до того момента, "как более благоприятные обстоятельства позволят вновь им заняться"³¹.

Парируя демарши российского посланника, рейс-эфенди, со своей стороны, убеждал Италинского в том, что в войне России с Францией Турция считает себя нейтральной державой. Но эта война затрагивает и ее интересы, поскольку Россия вольно или невольно вовлекла в нее черногорцев, которых Порта рассматривает как своих подданных. В связи с этим рейс-эфенди требовал, чтобы российское правительство не вовлекало в эту войну подданных Турции³².

* * *

Анализ рассмотренных в главе III событий позволяет сделать следующие обобщения.

Подписание Прессбургского мирного договора между Австрией и Францией и, особенно, его условия явились "событием высокой значимости" и для русско-турецких отношений. В этой связи Государственный совет России был вынужден признать, что, присоединив к себе Далмацию и Боку Которскую, Франция получила средство "переменить отношения", до того

существовавшие между Россией и Турцией. Выход из создавшейся ситуации на Балканах члены Государственного совета предлагали искать в укреплении союза с Англией, в сохранении доверия между Россией и Турцией, в установлении связей со славянами и греками в балканских владениях Османской империи. Наряду с этим предлагалось, на всякий случай, держать наготове часть вооруженных сил России, которые могли бы отразить агрессию любого противника, вознамерившегося вступить на территорию Турции и, тем более, Дунайских княжеств.

Правительство Османской империи, по оценкам российских дипломатов, явно недооценило ту опасность, которая угрожала ее балканским владениям после присоединения к Франции Далмации и Боки Которской. Вместо ожидаемой подготовки к совместной с Россией и Англией обороне этих владений Порты объявила о своем нейтралитете в отношении войны, шедшей между Россией и Францией. Заявив о своей готовности выполнять условия русско-турецкого договора 1805 г., Порты неожиданно отказалась пролонгировать ее союзный договор с Англией. Более того, вскоре после подписания Прессбургского мира начальники пограничных с Россией крепостей получили приказ Порты усилить гарнизоны и готовиться к войне. В марте 1806 г. стало известно о намерении Порты досрочно сменить господарей Молдавии и Валахии, что явно не могло быть одобрено Россией.

Совершенно иной характер имела политика, которой Порты придерживалась в отношениях с Францией. В январе 1806 г. Порты в одностороннем порядке признала императорский титул Бонапарта, что противоречило ее прежней договоренности с петербургским двором. Вскоре после Прессбургского мира она предписала своим властям в Албании, Боснии и Герцеговине не препятствовать установлению торговых и дружественных отношений с французами.

Усмотрев двурушничество во внешней политике правительства Османской империи, петербургский двор в феврале 1806 г. направил в Лондон П.А.Строганова с поручением убедить правительство Англии в целесообразности установления на Балканах "нового порядка". В данной связи предлагалось: "Образовать из всех славянских народов, от Боки Которской до Сербии, единое независимое государство под господством Порты и под покровительством России". Другое государство предполагалось образовать "из всех греческих народностей", объединив его с Ионической республикой. Первейшая обязанность вновь образованных государств, по мнению российских политиков, должна состоять в том, чтобы они всеми имеющимися у них средствами помешали французам проникнуть в Османскую империю до подхода российских, английских и турецких войск. Другими словами, обра-

шая внимание английских политиков на выгоды сложившейся на Балканах ситуации, которая, пожалуй, впервые в истории позволяла с пользой для всех объединить усилия Англии и России с силами освободительного движения на Балканах, правительство России рассчитывало склонить правительство Англии к установлению в этом регионе такого порядка, который в какой-то мере должен был отвечать и интересам борющихся за свободу черногорцев, сербов, приморцев, греков и других балканских народов. Но, судя по отсутствию положительных откликов, предложение России не нашло поддержки у политиков туманного Альбиона.

Между тем, активным сторонником установления "нового порядка" на Балканах проявил себя господарь Валахии К.Ипсиланти, который в марте 1806 г. стал настойчиво убеждать петербургский двор в целесообразности скорейшего введения российских войск в Дунайские княжества. Он уверял при этом, что борьба русских против французов будет активно поддержана как православным населением Турции, так и всеми христианами Австрии. В ходе этой войны, полагал К.Ипсиланти, военное командование России будет иметь законные права использовать эти народы по своему разумению, т.е. исходя из своих стратегических и тактических планов. Со своей стороны К.Ипсиланти брал на себя обязательство снабжать провиантом российскую армию в 50 тыс. человек.

Установление "нового порядка" на Балканах никак не могло устроить ни Австрию, ни Турцию. В этой связи Порта в апреле 1806 г. заявила протест России по поводу вовлечения ею в войну с французами черногорцев, которых Порта считала своими подданными.

Таким образом, занятие Боки Которской и соседних с ней районов, совместная борьба с французами черногорцев, приморцев и русских в Далмации, а также планы создания "нового порядка" на Балканах, наряду с временными выгодами для России, черногорцев и приморцев, до предела осложнили отношения России не только с Австрией, но и с Турцией.

¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.33–46. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18(30) января 1806 г.

² Там же.

³ Там же. Л.154–158. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18 февраля (2 марта) 1806 г.

⁴ Там же. Л.33–46. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18(30) января 1806 г.

⁵ Documente ... Vd. IV. P.605. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 7(19) февраля 1806 г.

⁶ ВГР. Т.III. С.671. Примечание № 86.

⁷ Первое сербское... Т.I. С.212–214. К.Ипсиланти – А.Чарторыйскому, 9(21) февраля 1806 г.

⁸ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.865. Л.29–30. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 15(27) февраля 1806 г.

⁹ Там же. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1882. Л.22–23. К.Испиланти – А.Чарторыйскому, (6/д) февраль-март 1806 г.

¹⁰ Там же. Ф. Канцелярия. Министерство. 1806. Д.7834. Л.530–532. "Соображение мнений, поданных господами членами Государственного совета по делам политическим в заседании, бывшем января (6/ч) дня 1806 г." См. также: Архив Государственного Совета. СПб., 1879. Т.III. Ч.2. Стлб. 1144, 1146–1177; Сб. РИО. Т.82. С.329. Примечание № 640.

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Министерство. 1806. Д.6788. Л.23–33. А.Чарторыйский – С.Р.Воронцову, 2(14) февраля 1806 г.

¹² ВПР. Т.III. С.54–56. А.Чарторыйский – П.А.Строганову, 6(18) февраля 1806 г. Сравни интерпретацию этих источников в книге: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807 гг. М., 1962. С.411–422.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.7891. Л.18–25. "Записка о Турции" от 23 февраля (7 марта) 1806 г.

¹⁴ ВПР. Т.III. С.582–594, 695. Примечание № 305.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.7904. Л.7–17. Записка Н.Пизани "Соображения о нынешнем положении дел между Россией и Оттоманской Портой" от 26 февраля (10 марта) 1806 г.

¹⁶ ВПР. Т.III С.82–84. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 2(14) марта 1806 г.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.173–192. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 8(26) марта 1806 г.

¹⁸ ВПР. Т.III. С.79–82. А.Чарторыйский – А.Я.Италинскому, 2(14) марта 1806 г.

¹⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.2882. Л.84–87. И.Н.Эссен – Александру I, 14(26) марта 1806 г.

²⁰ Первое сербское... Кн.1 С.224–225. Султан Селим III – царю Александру I, 8(20) марта 1806 г.

²¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.II. П.3. Л.23–26. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 16(28) марта 1806 г.; Documente... Vol. IV. P.619. Записка бухарестских и задунайских новостей до 9 апреля 1806 г.

²² АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.II. П.3. Л.41–43. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 27 марта (8 апреля) 1806 г.

²³ Там же. Ф. Канцелярия. 1806 г. Оп.468. Д.2260. Л.7. А.Я.Италинский – С.Р.Воронцову, 29 марта (10 апреля) 1806 г.

²⁴ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.865. Л.85. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 4(16) апреля 1806 г.

²⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1882. Л.34–40. "Памятная записка о нынешнем состоянии соответственных интересов Российской и Оттоманской империй" К.Испиланти от 10(22) апреля 1806 г.

²⁶ Там же. Л.33.

²⁷ Там же. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.365–368. Нота рейс-эфенди А.Я.Италинскому от 7 сефера 1221 г. или 14(26) апреля 1806 г.

²⁸ Там же. Л.363–364. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18(30) апреля 1806 г.

²⁹ Первое сербское... Кн.1. С.241. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 18(30) апреля 1806 г. Дата документа установлена по отпуску. См.: АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.1671. Л.263–264.

³⁰ ВПР. Т.III. С.128–129. А.Чарторыйский – А.Я.Италинскому, 18(30) апреля 1806 г.

³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.2255. Л.112–115. А.Чарторыйский – А.Я.Италинскому, 25 апреля (7 мая) 1806 г.

³² Там же. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.456. А.Я.Италинский – Д.Н.Сенявину, 28 апреля (10 мая) 1806 г.

Глава IV

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА В БАЛКАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОСЛОЖНЕНИЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1806 г.

§ 1. Ситуация в Белградском пашалыке в конце 1805 – начале 1806 г.

Отказ сербов принять нишского аяна Хафиз-пашу, назначенного Портой в Белград в качестве мухафиза, а также последовавший затем разгром его войска у села Иванковцы 8 августа 1805 г., по словам А.Я.Италинского, "чувствительно поразили" турецкое правительство. В связи с этим шейх-уль-ислам издал фетву, в которой назвал сербов Белградского пашалыка мятежниками, посягнувшими на жизнь и имущество мусульман. Основываясь на положениях фетвы, султан Селим III, в свою очередь, обнародовал фирман, объявлявший священную войну против сербской взбунтовавшейся райи. Главкомандующим карательными войсками назначался бейлербей Румелии Ибрагим-паша Скутарский. В соответствии с постановлениями фетвы и фирмана все правоверные мусульмане соседних пашалыков, могущие носить оружие, должны были присоединяться к войску бейлербея и идти воевать против сербов Белградского пашалыка¹.

Объявление священной войны весьма обеспокоило сербских повстанцев. В связи с этим в конце ноября 1805 г. на Народной Скупщине было принято решение послать обращение к турецкому султану, российскому царю, австрийскому императору и константинопольскому патриарху с просьбой вмешаться и убедить Порту отменить объявленный против них карательный поход². В этих посланиях повстанцы заверяли, что, несмотря на войну с мятежными янычарами, сербы по-прежнему считают себя верно-подданными султана и согласны платить ему положенную дань. Сербский народ лишь об одном просит: оградить его спокойствие от бесчинства местных властей "крепкими законами". Прошение на имя султана (арз-мазар) от 30 ноября 1805 г. удалось отправить в Константинополь через лесковацкого аяна Шашит-пашу только 24 декабря 1805 г. Письмо патриарху от 30 декабря 1805 г. в Константинополь отправил господарь Валахии К.Ипсиланти

2(14) января 1806 г.³ Послание австрийскому императору в начале 1806 г. доставила сербская депутация, в состав которой входили председатель Правительствующего Совета Сербского М.Ненадович, секретарь того же совета Б.Груйович и купец из австрийских сербов М.Урошевич⁴. По прибытии в Вену сербские депутаты просили императора Франца I заступиться за сербов перед султаном, а также продать им за деньги оружие и боеприпасы. Отказав депутатам в продаже оружия, венский двор, однако, обещал свое посредничество в урегулировании сербского дела мирным путем. Более того, император обещал написать письмо султану, а эрцгерцог Карл – белградскому, видинскому, зворницкому, травницкому пашам и бейлербею Румелии Ибрагим-паше Скутарскому, в которых намеревался просить их воздержаться от нападения на сербов до обсуждения сербского вопроса в Константинополе после того, как туда будут доставлены письма австрийского и российского императоров⁵.

Во время своего пребывания в Вене сербские депутаты смогли тайно встретиться с российским послом в Австрии А.К.Разумовским и вручить ему еще одно послание Александру I. В том недатированном послании депутаты писали, что с самого начала восстания, т.е. с 1804 г., турки не нападали на Сербию столь многочисленными силами и так жестоко, как в конце 1805 – начале 1806 г. Особой жестокостью отличаются боснийские турки. Они жгут сербские села, уводят в плен женщин и детей, безжалостно убивают младенцев. Пазванд-оглу Видинский и паша из Ниша погубили многих священников, сербских и болгарских старейшин только за то, что подозревали их в намерении присоединиться к восставшим сербам.

В послании сообщалось и о начавшихся восстаниях христиан в Герцеговине, которые выражали готовность соединиться с сербами. Сербь надеются, что их поддержат и черногорцы. "Да сие новим сербским восстанием нарещи можно, – пишут депутаты, – которого една часть под Видином в Краине с турки биеся, другая часть Ниш обсадила, а прочии в Босни и Ерцеговине борются; а часть една Белград в обсаждении держит и бранит Сербию против беспрерывно нападающих боснийских турков от страны Шабца. Сицево есть днес сербов положение".

Однако недостаток денег, оружия и амуниции, говорится в послании, является главной причиной, которая не позволяет сербам занять Белград. Их силы постоянно отвлекаются для отражения нападения турок со стороны Боснии и Албании. Для того чтобы сербские повстанцы могли активно сопротивляться, депутаты просили царя выделить для них: 1 или 2 млн рублей денег, различного оружия из расчета на 50 тыс. пеших воинов, от 100 до 200 полевых пушек вместе с опытными артиллеристами, несколько полков регу-

лярного войска, которое должно вступить в Сербию через Валахию или из Корфу через Черногорию.

Депутаты полагали, что в случае появления российских войск в балканских владениях Порты к ним смогут присоединиться до 200 тыс. христиан, населяющих Сербию, Боснию, Герцеговину, Черногорию, Далмацию и Албанию. Если же российские войска не вступят в балканские владения Турции, тогда сербы, по мнению авторов обращения, могут отчаяться и будут навсегда потеряны для России. Депутаты уверяли, что Россия, как союзница Турции, имеет полное право на такое предприятие, поскольку обе державы обязаны по договору оборонять эти области от французов, находящихся в Далмации. Поскольку из-за царившей в Румелии анархии турецкие власти не в состоянии постоянно защищать эти территории, говорится в документе, то это с успехом могут сделать только сербы вместе с другими христианами указанных выше областей. За содействие российским войскам в войне против Франции депутаты просили Александра I помочь сербскому народу освободиться от османской зависимости⁶.

§ 2. Демарши российского и австрийского правительств перед Портой в защиту сербских повстанцев в январе–июне 1806 г.

В Вене и Петербурге по-разному отреагировали на обращения предводителей сербских повстанцев.

Поверенный в делах Австрии в Петербурге Агилар по предписанию из Вены 4(16) января 1806 г. особой нотой поставил в известность МИД России о том, что венский двор заинтересован в прекращении волнений в Белградском пашалыке, поскольку они создают крайне нежелательную напряженность на австрийской границе с Турцией. Австрийское правительство считает несовместимой с дружественными отношениями, существующими между венским двором и Портой, продажу оружия и боеприпасов сербам, так как они намерены воевать против их законного государя, т.е. султана⁷.

Управляющий МИД России А.Чарторыйский, в свою очередь, 11(23) января 1806 г. подготовил записку "По делам сербским", которая была доложена Александру I 29 января (10 февраля) 1806 г. В ней Чарторыйский писал, что победы сербов над войсками белградского визиря Хафиз-паши, Пазванд-оглу и боснийского визиря настолько сильно прогневили султана и Порту, что был отдан приказ отправить против сербов значительные силы,

при этом не скрывалось, что целью операции является полное истребление этого непокорного племени. Чарторыйский обращал внимание царя на то, что опасность угрожает сербам не только со стороны турок, но и со стороны французов, которые могут напасть на них из Далмации. Если Россия откажет им в помощи в этот критический для них момент, "то сербы будут или разорены до основания турками или же убежденные крайностию, и видя французов в близости, они предадут себя их покровительству, и нет сомнения, что французское правительство поспешит воспользоваться сим случаем, дабы увеличить свое влияние в делах турецких и привести в действие виды свои насчет Оттоманской империи". То и другое, полагал автор записки, было бы во вред России. Более того, уверял он, черногорцы, бердяне, герцеговинцы и другие единоверные в тамошних краях народы, которые считают себя отчасти под покровительством российского царя, видя равнодушное отношение петербургского двора к сербам, последуют их примеру и будут искать поддержку у французов.

В связи с вышеизложенным Чарторыйский предлагал: 1) отправить в Константинополь Италинскому оригинал прошения сербов от 30 ноября 1805 г., предписав посланнику "употребить всевозможные старания, дабы преклонить министерство турецкое к отмене военных против сербов приготовлений, к доставлению им должной справедливости и к принятию во уважение представлений их касательно будущего области их управления"; 2) "поставить сербов в состояние на первый случай противоборствовать турецким войскам, кои на них нападут". Для этих целей Чарторыйский предлагал отправить сербам 10 тыс. червонных через генерального консула в Яссах И.Ф. Болкунова и просить венский двор продать сербам необходимое количество военных припасов; 3) предписать Болкунову сообщить сербам о принятых Россией мерах и советовать им "защищать себя с признанною храбростью противу турков, стараясь наиболее овладеть Белградом, и не упуская при том уверять Порту в готовности своей вступить паки в ее подданство, коль скоро она согласится на справедливые их требования, и наконец, чтобы он отвращал их от всех сношений с французами".

Приняв рекомендуемые им меры для спасения сербов, Россия, по мнению Чарторыйского, могла бы рассчитывать не только на их преданность, но и на содействие в будущее время. "Равным же образом и другие единоверные народы, о коих выше упомянуто, всеконечно пребудут России верны и преданы"⁸. Получив одобрение царя на все свои предложения, Чарторыйский 3(15) февраля 1806 г. отправил А.Я.Италинскому соответствующую инструкцию по поводу сербов, а 18 февраля 1806 г. Болкунову в Яссы были посланы для передачи сербам 10 тыс. червонных.

В инструкции от 3(15) февраля 1806 г. Чарторыйский предписывал Италинскому известить Порту об обращении сербов к России и довести до сведения султана совет Александра I: "Предать забвению прошлое поведение сербов и думать только о пользе, которую он мог бы извлечь в будущем из их отваги, не направлять более свои военные приготовления против них". Согласно этому предписанию, Италинский должен был попытаться "обеспечить установление у сербов правительства, близкого по характеру к правительствам Молдавии и Валахии... с той разницей, что главой нации будет не греческий князь-фанариот, а местный". Если же у турецких министров при этом возникнут сомнения по поводу выплаты сербами установленной дани и выделения ими определенного числа войск, то Италинскому поручалось сделать официальное заявление Порте, что петербургский двор готов "гарантировать новый порядок, если Порта предоставит сербам хат-и-шериф или другой акт, который закрепит их привилегии"⁹.

Тем временем сербские повстанцы, воспользовавшись замешательством самой Порты и нежеланием румелийских пашей и аянов посылать свои войска в распоряжение бейлербея Румелии, на которого была возложена обязанность введения реформ низам-и-джедид в Румелии, в январе-феврале 1806 г., по свидетельству секретаря Правительствующего Совета Сербского Б.Груйовича, принимали меры, которые "нужны суть к сохранению безопасности... противу Босны и прочих окольных мест, в которых тайно турки собираться начали". Конкретно: они благополучно отразили нападение боснийских турок под Шабацием, разбили отряд Пазванд-оглу под Неготином и одержали ряд побед в других районах. Основные силы сербских повстанцев в это время были сосредоточены под Белградом и отражали вылазки кирджалиев Кусанджали Халила. Учрежденный в конце 1805 г. Правительствующий Совет Сербский тогда находился в Смедерево и занимался, по словам Б.Груйовича, "ведением народных дел с совершенною властью"¹⁰.

В середине января 1806 г. в лагерь сербских повстанцев прибыл первый посланец главнокомандующего российской армией генерала И.И.Михельсона. Им был босниец, недавно перешедший на службу в российскую армию, Угричич Требинский, числившийся по выданным ему бумагам как Бей Новокрещенов. Из письма верховного вождя сербских повстанцев Карагеоргия видно, что появление в лагере посланца главнокомандующего российской армией, расположенной на Днестре, "до восхищения" утешило обеспокоенных неизвестностью сербских повстанцев. Своим присутствием, кротким словом, ревностным примером и военным искусством, пишет Карагеоргий, Бей Новокрещенов вселил "новый дух" в сербское воинство. Ознакомив представителя главнокомандующего российской армией с общим

положением дел в повстанческой Сербии и с нуждами народа, Карагеоргий при отъезде посланца отправил с ним письмо, в котором просил Михельсона снабдить сербов деньгами и оружием, а также прислать к ним искусных воинов. Выражая благодарность за "первую посещения услугу", Карагеоргий писал: "В прочем все сие вашему премудрому просмотрению и об нас попечению покорнейше предающе, вручаем нас и целое воинство наше и весь народ сербский милости и щедротам вашим, и заступлению у высочайшего всероссийского двора, нас всемилостивейше покровительствующего"¹¹.

Между тем, в 20-х числах января 1806 г. 30-тысячный корпус сербских повстанцев двинулся по направлению к Боснии с намерением соединиться с герцеговинцами и черногорцами. В то же время 20-тысячный корпус сербов осаждал Белград, заняв окружавшие город ретраншаменты и форштаты. Под Нишем, где сосредоточивалась основная группировка войск румелийских пашей, превосходящие силы турецких войск нанесли тяжелое поражение находившемуся там же корпусу сербских повстанцев. Однако Карагеоргий отправил туда достаточно сильное подкрепление, и сербы, прорвав окружение, двинулись в Боснию, где вскоре заняли несколько селений. В 20-х числах января 1806 г. сербские повстанцы продолжали вести борьбу и в районе Неготинской Крайны с войсками Пазванд-оглу.

Однако в это время в 15 селах Видинского пашалыка восстало болгарское население, которое намеревалось присоединиться к сербским повстанцам. В связи с этим Пазванд-оглу взял часть войск из Неготинской Крайны и послал все имевшиеся в его распоряжении силы против восставших болгар. Подавив восстание, Пазванд-оглу велел жестоко расправиться с повстанцами: в трех селах были перебиты все жители, многие села сожжены, где в домах сгорели женщины и дети, 200 болгарам по приказу Пазванд-оглу отрубили головы¹². "Такая варварская экзекуция, – пишет К.Испиланти, – подняла всех жителей 3-х подвластных ему уездов", которые напали на карателей и убили их предводителя¹³.

Сербы в это время заняли стратегически важный остров на Дунае – Порицу, который представлял собой аванпост пограничной Орсовской крепости. Опасаясь проникновения сербов в пределы Видинского пашалыка, Пазванд-оглу послал против них дополнительный 3-тысячный корпус войск. Порта в то же время направила новые приказы боснийским и албанским пашам идти походом на сербов. Если сербы будут разбиты, пишет К.Испиланти, "то первым следствием этого станет истребление всех христианских подданных, будь то путем убийства, будь то посредством нового бремени, которое взвалят на него" турки. По мнению господаря Валахии, такой уча-

сти не удалось бы избежать и Дунайским княжествам, от которых остались бы только пепел и жженные кости. Враждующие между собой соперники, Пазванд-оглу Видинский и Терсеникли-оглу Рушукский, предупреждает К.Ипсиланти Чарторыйского, вновь пытаются объединить вокруг себя своих сторонников. "Если образуется сия коалиция, что весьма вероятно, то Пазванд-оглу занял бы в ней господствующее положение, поскольку он обладает более сильной волей и характером, чем любой из других представителей. Только он одарен кругозором, способным охватить широкий горизонт".

Пазванд-оглу, по свидетельству господаря, уже присылал на правый берег Дуная в район Мехединцы, который граничит с Валахией, один из своих отрядов численностью в тысячу человек, видимо, для выяснения обстановки. Предводитель этого отряда вызвал к себе исправников, чтобы допросить их, как ведет себя валашское население и не намерено ли оно последовать примеру сербов. Он потребовал от них при малейших признаках волнений в их районе немедленно известить об этом Пазванд-оглу, который знает средство, как нужно тушить пожар в своем доме. "В настоящее время, – пишет К.Ипсиланти, – было бы достаточно заслать через Дунай нескольких разбойников, которые причинят зло дюжине крестьян и учинят свару, и из-за этого может вспыхнуть первая искра мятежа, которой поспешит воспользоваться Пазванд-оглу, чтобы прибыть сюда и затушить ее". Господарь Валахии не сомневался в том, что с согласия Порты подобный план уже разработан французами, М.Суцу и союзом придунайских аянов¹⁴.

Российский консул в Бухаресте Л.Г.Кирико, в свою очередь, 25 февраля поставил в известность генерального консула в Яссах И.Ф.Болкунова о том, что господарь Валахии получил предписание Порты заготовить для армии бейлербея Румелии 3 тыс. киле* ячменя, 4 тыс. киле муки и сухарей, 960 киле пшена. Из Константинополя были получены известия, что в столице Румелии, Софии, бейлербей уже собрал армию в 40 тыс. человек. Хотя официально объявлено, что это войско готовится к походу на сербов, однако многие предполагают, что столь многочисленная армия готовится к войне с Россией и непременно будет введена в Дунайские княжества¹⁵.

В Константинополе же события разворачивались следующим образом. Отправленную из Петербурга инструкцию Чарторыйского от 3(15) февраля 1806 г. вместе с прошением сербов Александру I от 30 ноября 1805 г.

* 1 киле = 28,8 килограмма.

А.Я.Италинский получил где-то в конце февраля – начале марта 1806 г. Во всяком случае, российский посланник передал рейс-эфенди прошение сербов вместе со своей нотой 5(17) марта 1806 г. После знакомства с этими документами рейс-эфенди во время переговоров с Италинским заявил, что прошение сербов Порты расценивает не более как уловку сербских вождей, цель которой, передает Италинский слова рейс-эфенди, усыпить Порту и задержать военные приготовления, ведущиеся для подавления этого восстания, ибо, с одной стороны, сербы делают вид, что просят милосердия у своего государя, а с другой – продолжают вести вооруженную борьбу и истреблять мусульман. "При нынешнем положении вещей, – пишет Италинский, – Порта полностью передоверила эту часть своих прерогатив бейлербею Румелии и дала ему все необходимые инструкции и средства, чтобы добиться покорности сербов то ли силой, то ли путем примирения, если они проявят к этому расположение".

В результате переговоров, проведенных с рейс-эфенди и другими министрами, Италинский убедился в том, что "сербское дело приобрело для Порты самое большое значение, и я склонен думать, – пишет он, – что она лишь в крайнем случае пойдет с ними на переговоры, которые по сути могли бы приблизиться к их идее". Италинскому удалось выяснить также, что бейлербею Румелии Ибрагим-паше Скутарскому действительно отдан приказ использовать для усмирения сербов прежде всего мирные средства и только в случае их неповиновения применять угрозы и насилие. Посланник сообщил и о том, что прибывший в Константинополь бейлербей Румелии объявил Порте о получении им важных известий из лагеря сербских повстанцев. Находившийся под Белградом тайный агент бейлербея, греческий купец, в своем письме предупредил, чтобы Ибрагим-паша и Порта не доверяли прошениям сербов, поскольку они имеют цель усыпить бдительность верховной власти. Агент бейлербея уверял, что сербские повстанцы полны решимости продолжать восстание и закупают у австрийских купцов большое количество боеприпасов и провианта.

По наблюдениям Италинского, некоторые из турецких министров даже высказывали опасения, что войско самого бейлербея Румелии, состоящее в основном из албанцев-католиков, не станет воевать против христиан-сербов. Под этим предлогом они рекомендовали султану вызвать из азиатских провинций войска, состоящие из мусульман. Однако бейлербей заверил Порту, что он сможет усмирить сербов без применения больших воинских сил, поскольку среди них есть много людей, которые хотели бы договориться с ним мирным путем. Ибрагим-паша добавил, что через своих агентов он

постарается добиться более глубокого раскола среди предводителей восстания, чтобы уменьшить влияние сторонников продолжения восстания¹⁶.

26 марта (7 апреля) 1806 г. австрийский посланник в Константинополе (интернунций) И. Штюрмер встретился с А.Я. Италинским для того, чтобы согласовать с ним характер своих демаршей перед Портой по урегулированию сербского вопроса. Во время беседы И. Штюрмер поставил Италинского в известность о том, что он получил из Вены письмо от императора Франца I к султану Селиму от 12 марта 1806 г. (н/с) и предписание согласовывать свои действия в защиту сербов с российским посланником. Это делается, пояснил И. Штюрмер, чтобы помешать разрастанию сербского восстания, предводители которого, по сведениям венского двора, заявили о своем желании обратиться за помощью к Наполеону I. После консультаций с российским посланником Штюрмер 28 марта вручил рейс-эфенди послание Франца I. Однако, по словам Италинского, ни султан, ни чиновники Порты не проявили ни малейшего "предрасположения вести переговоры" с австрийским интернунцием по сербскому вопросу. Более того, когда драгоман австрийского посольства в Константинополе Теста сообщил кяхьябею о письмах эрц-герцога Карла боснийским и румелийским пашам и попросил его отменить приказ о наступлении на сербов, то упомянутый чиновник высокомерно отказал ему в этом, заявив: "Для получения сербами прощения, — передает слова кяхья-бея Италинский, — надобно, чтобы они попросили его с веревкой на шее и начали бы выдавать наиболее виновных" зачинщиков восстания. Зная характер и повадки румелийских пашей, Италинский считал, что бейлербей Румелии Ибрагим-паша Скутарский после Прессбургского договора "не станет ни вести переговоров с сербами, ни действовать против них", поскольку опасное соседство с французами в Далмации заставит его оставаться в границах его собственных владений¹⁷.

Как и следовало ожидать, заступничество российского и австрийского монархов за сербов, по словам Италинского, было "неприятно султану Селиму", и он, отвечая на письмо австрийского императора, попросту обошел этот вопрос молчанием¹⁸. В письме Болкунову Италинский признавался: "Как арз-мазары (прошения сербов султану от 30 ноября 1805 г. — В.Г.), так царское письмо (Франца I Селиму III от 12 марта 1806 г. — В.Г.) и мои представления не произвели никакого плода". Турецкие министры, пишет посланник, официально распространяют слухи о невозможности установления порядка в Сербии мирным путем. Они всюду твердят, что достоинство Порты требует применения оружия и уверены в эффективности действий собранного против сербских повстанцев ополчения. Однако бейлербей Румелии и другие паши на самом деле получили указания "стараться всячески

советами, обещаниями, средствами лести и коварства преклонить оный народ к успокоению и обращать в повиновение, и не иначе употреблять силу, как в крайности, и то с великою осторожностью. Сведений сих сообщение сербскому правительству может иметь полезные следствия"¹⁹.

Сведения Италинского вскоре вполне подтвердились. В конце марта 1806 г. Порты под большим секретом поручила господарю Молдавии А.Мурузи послать в Сербию своих представителей с поручением склонить сербских повстанцев к примирению. Эта секретная миссия была поручена Мурузи, потому что, – пишет Болкунов, – "он с самого начала в деле сербского народа оказал недоброжелательство к оному коварными внушениями и советами, которые легко могли ввергнуть нацию сию в заблуждение"²⁰. Господарь Молдавии, в свою очередь, поручил эту миссию бану Карадже, боярину Ставри и архимандриту Серафиму, который был родом из Сербии. В целях секретности представители молдавского господара должны были выехать порознь в Бухарест, а оттуда вместе отправиться в Сербию. По сведениям, дошедшим "с верной стороны" до российского генерального консула, посланцам А.Мурузи, пишет И.Ф.Болкунов, "поручено стараться привести сербов и прочих задунайских болгар в положение повиновения Порте"²¹.

Между тем, К.Ипсиланти в конце марта – начале апреля 1806 г. сообщил в Петербург о том, что комендант Орсовской крепости Реджеб-ага получил письмо бейлербея Румелии, в котором сообщалось о результатах обсуждения сербского вопроса в ведомстве муфтия Румелии. Высший духовный иерарх этой провинции издал фетву, где объявлял, что мусульманские законы позволяют воинам ислама применять силу для подчинения иноверцев вплоть до физического истребления непокорных. В связи с этим Порты, по уверению господара Валахии, вновь поручила бейлербею Румелии, визирю Боснии, Пазванд-оглу, Терсеникли-оглу и другим пашам в их поступках по отношению к непокорным сербам руководствоваться правилами и интересами ислама. Однако, вопреки указам Порты, пишет К.Ипсиланти, Терсеникли-оглу из-за боязни нападения Пазванд-оглу не выводит свои войска за пределы Рушукского округа, а Пазванд-оглу даже заключил мир с сербами²².

Пока уполномоченные молдавского господара готовились к отъезду в Сербию, российский генеральный консул в Яссах И.Ф.Болкунов, со своей стороны, отправил туда же своего посланца, Д.Х.Джайковича, который повез сербским повстанцам выделенные царем 10 тыс. червонных и письма. В этих письмах Болкунов предупреждал Карагеоргия и Правительствующий Совет о готовящейся поездке посланцев А.Мурузи и давал рекомендации по поводу ответа, который сербы могли бы дать Порте в сложившейся ситуа-

ции. В Смедерево Д.Х.Джайкович прибыл 27 марта (8 апреля) 1806 г. и передал в Правительствующий Совет Сербский деньги и почту.

В ответном письме "до восхищения утешенные" члены Правительствующего Совета благодарили царя за его заступничество перед Портой и вновь просили "исходатайствовать фирман" султана о прощении сербских повстанцев. Если же султан откажется это сделать, то в этом случае члены Совета просили царя прислать в Сербию, как сказано в их письме, "скорую, явную, вооруженную помощь ... из нескольких полков состоящую", как об этом говорили в январе 1806 г. находившиеся в Вене сербские депутаты. Члены Совета выражали надежду на то, что султан и Порта уважат заступничество российского царя за сербов и пожалуют им фирман, в котором признавалось бы за сербами право на установление в их земле некоторой автономии в сфере внутреннего управления. Если такой фирман будет им пожалован, то в таком случае члены Правительствующего Совета просили царя Александра I помочь им "лучший порядок вещей в земле нашей становить, неискусное правление наше путеводити и устроить нужную ему важность и силу дати...". "Каждый России совет и всякое ее наставление, – пишут члены Правительствующего Совета, – будет нам всегда всемилостивейшее повеление, которое мы всегда точнее и во всяких обстоятельствах с энтузиазмом исполнять будем. Верное подданничество, которым мы законно его султанову величеству обязаны, всегда строжайше хранить будем, а также и все новые обязанности и должности, которые по новому порядку вещей на нас возложены будут, с должным повиновением и точностью всегда исполнять будем. Всеобщего же неприятеля, французов, и их коварных внушений и лукавые хитрости береглися мы до сих пор осторожнейше и берещись всегда будем, яко от огня. Они суще неприятели России и наши такожде суть". В этом же письме советники признавали, что иноплеменные государства явно "неприятствуют" восстанию сербов и не желают освобождения их отечества от иноземного ига. "Едина только величественная и сербам прелюбезнейшая Россия благословляет и любит нас, аки свой род и племя. Она едина приятствует нам и праведному борению нашему. Она едина нас освободити и совершенно избавити может и хочет! Вся надежда наша в ней и вся помощь от нее! Она нам существование и вечное счастье приуготовляет! ..." – в таких словах выражали свою признательность за помощь России члены Правительствующего Совета Сербского в их письме И.Ф.Болкунову от 11(23) апреля 1806 г.²³

Секретарь Правительствующего Совета Б.Груйович в письме П.Новиковичу-Чардаклии, находившемуся в то время в Петербурге, сообщал, что председатель совета М.Ненадович, который командовал сербским войском,

воевавшим на границе с Боснией, одержал победу над боснийскими турками и 12 апреля 1806 г. вернулся в Смедерево. Сербские повстанцы, по свидетельству Б.Груйовича, к этому времени заняли город Пореч, а также Парачинскую, Рожанскую, Крушевацкую, Алексичанскую нахии, Полак Парзарский, Стари Влахи и другие районы. Верховный вождь и другие воеводы надеются вскоре соединиться с черногорцами. "А все окрестные сербы, – пишет Б.Груйович, – готовы (восстать. – В.Г.), все нас к себе зовут, чтобы с нами заодно действовать. Только у нас оружия нет". Б.Груйович информировал своего друга и о том, что черногорцы уже выступили в поход, заняли Боку Которскую и часть Далмации, окружили Дубровник и Скутари²⁴.

Выполняя просьбу Правительствующего Совета Сербского, Александр I 30 апреля (12 мая) 1806 г. подписал письмо, адресованное султану Селиму III. В нем говорилось: "В настоящем положении дел строгие меры, готовящиеся против них (сербов. – В.Г.), могут иметь наименее несчастливейшие последствия от соседства французов. Уверение мое по сему столь положительно, что я ни мало не колеблюсь просить Ваше Султаново Величество предпочтительно употребить кротость и ласку противу сего народа, который с удовольствием покорится, если постановления с ним сделаны будут на справедливом основании, и обратит оружие свое на защиту и славу империи Вашей". Применяемые же теперь против сербов суровые меры, по убеждению российского монарха, могут привести к ослаблению сил Порты и могущества самого султана²⁵.

В тот же день, по поступившим из Сербии сообщениям, венский двор под давлением Франции окончательно отказал сербам в продаже оружия, боеприпасов и продовольствия. Кроме того, командованию пограничных войск было отдано распоряжение применять военную силу в случае, если сербы попытаются распространить восстание в районах, прилегающих к реке Саве, с целью соединиться с черногорцами²⁶.

В мае 1806 г. сербские повстанцы продолжали развивать свое наступление в нескольких направлениях. В начале мая они, разбив 5-тысячный корпус босняков, которым командовал Хассан-паша, заняли г. Шабац. Затем они пробивались к Орсовской крепости, находившейся на границе с Австрией. В результате пограничных инцидентов, которые иногда заканчивались перестрелкой сербов с австрийскими пограничниками, резко осложнились сербско-австрийские отношения. Австрийские власти, обвинив сербов в захвате четырех австрийских судов на Дунае, потребовали от Правительствующего Совета уплатить 800 тыс. форинтов. Поскольку Совет отказался от выплаты денег, австрийские пограничники стали конфисковывать не только провозимые через границу деньги, товары и любые грузы, но и личные вещи²⁷.

В конце мая 1806 г. из Петербурга в Бухарест прибыли П.Новакович-Чардакля и Алекса Лазаревич, которые еще летом 1805 г. были посланы в качестве сербских депутатов в Константинополь, а после сражения сербов с войском визиря Хафиз-паши у с. Иванковцы были вынуждены тайно выехать в Одессу, а затем в Петербург. Они везли с собой рекомендации петербургского двора о целесообразности установления непосредственных связей сербских повстанцев с занявшими Боку Которскую черногорцами и российскими войсками в Далмации. В это же время из Сербии в Бухарест прибыл посыльный воеводы Миленки Стойковича, которому было поручено дожидаться там ответа русского правительства на письмо Правительствующего Совета Сербского. Принимавший их российский консул Л.Г.Кирико сообщил сербским депутатам и посланцу М.Стойковича, что ходатайство российского и австрийского монархов перед султаном за сербов оставлены Селимом III и Портой без внимания. Однако это обстоятельство не должно обескураживать сербских повстанцев. Это известие, по словам Л.Г.Кирико, не особенно беспокоило сербов, заявивших, что их теперешнее положение на самом деле "является весьма трудным, но не кажется им отчаянным ввиду полного доверия и обоснованной надежды, питаемой ими к действительности покровительства императорского (петербургского. – В.Г.) двора".

Прибывший из Сербии посланец сообщил Кирико о том, что сербам действительно удалось заключить перемирие как с комендантом Орсовской крепости Реджеб-агой, так и с Пазванд-оглу, который даже разрешил им закупать в Видинском пашалыке продовольствие. Сербы пытались договариваться о мире и с боснийскими пашами, но те коварно обманули их, и теперь сербы относятся с подозрением и недоверием ко всем соседним туркам. Господаря же Валахии К.Ипсиланти сербы считают своим благодетелем, поскольку он во многих случаях оказывал им свое содействие²⁸.

28 мая 1806 г. сербские депутаты тайно были приняты самим господарем Валахии. К.Ипсиланти поговорил с ними о перспективах развития сербского восстания, посоветовал, как сербам следовало бы вести себя с посланцами молдавского князя, и распорядился выдать депутатам по 100 червонных на дорогу. Он рекомендовал им отказаться от их намерения ехать домой через Орсово, где их может задержать Реджеб-ага. Господарь предложил им ехать через Германштадт (Сибю). Л.Г.Кирико, тем временем, выправил для них у австрийского консула в Бухаресте паспорта на имя российского купца Трифона Любомирова и его приказчика Петра Суботева, которые по торговым делам должны ехать через Германштадт и Венгрию в Рагузу. Все бумаги, которые депутаты везли из Петербурга и Ясс в Сербию, были сложены в один пакет и отправлены отдельно почтой в Рагузу на имя

генерального консула К.К.Фонтон. Сделанная на пакете надпись гласила: Фонтону отправляются документы и бумаги по делу российских подданных купцов Трифона Любомирова и Данилы Липинского. По свидетельству Кирико, такая осторожность в связи с сербами была необходима, прежде всего, при проезде депутатов через австрийскую таможену, где австрийцы с особой тщательностью следили за сношениями русских с сербами.

Захватив с собой прибывшего из Сербии курьера Алексея, П.Новикович и А.Лазаревич 29 мая 1806 г. на почтовых лошадях отправились домой по указанному выше маршруту²⁹.

В июне 1806 г. французский дипломатический представитель в Турции Пьер Рюффен получил от Ш.Талейрана предписание передать Порте ноту, в которой должно быть указано, что Россия в отношении Турции действует как враждебное государство. Она пытается вывести из-под ее подчинения Сербию тем же путем, каким были выведены Валахия и Молдавия. Требование России предоставить сербам самоуправление, с точки зрения французского правительства, является, по сути, сигналом к восстанию других христианских народов Европейской Турции. В связи с этим Талейран от имени Наполеона I рекомендовал Порте задушить в зародыше восстание сербов и лишить Россию ее влияния на них³⁰.

В конце июня 1806 г. рейс-эфенди передал содержание этих нот французского правительства А.Я.Италинскому и потребовал от своих русских союзников объяснений. Вслед за этим турецкое министерство вручило ноты российскому и австрийскому посланникам, в которых указывалось, что Блистательная Порта не оставит без внимания ходатайства их императоров за сербов и постарается урегулировать этот вопрос предпочтительно мирными средствами. Но в любом случае турецкое правительство будет настаивать на сдаче сербами оружия, выдаче их вождей и установлении в Сербии прежнего порядка³¹.

§ 3. Мероприятия Порты по урегулированию положения в балканских владениях и очередная неудачная попытка введения реформ инзам-и-джедид в первой половине 1806 г.

Как уже отмечалось в предшествующих главах, вскоре после заключения Прессбургского мира правительство Османской империи взяло курс на сближение с Францией, не разрывая, однако, союзнических отношений с Россией. В переговорах с российским и австрийским посланниками Порты

официально стала заявлять, что в отношении русско-французской войны она теперь старается занимать нейтральную позицию. Однако подобное утверждение входило в противоречие с ее обязательствами, вытекавшими из пролонгированного в сентябре 1805 г. русско-турецкого оборонительного союза. Для обсуждения неотложных мер, которые следовало предпринять в условиях неопределенности внешнеполитической обстановки и обострения кризиса в балканских владениях, в Константинополе в конце 1805 – начале 1806 г. был созван чрезвычайный государственный совет. На его заседаниях обсуждался план мероприятий по защите империи от внешних и внутренних врагов. Основным замысел этого плана сводился к необходимости формирования нескольких группировок войск в разных районах европейских владений Турции. Две группировки так называемых обсервационных войск численностью от 40 до 70 тыс. человек было решено сосредоточить в районах Софии и Ниша. Меньшие по численности группировки предполагалось создать в г. Монастыре (Битоль) и Измаиле. Пограничные с Россией крепости было решено спешно поправить, а их гарнизоны усилить. По официальному заявлению рейс-эфенди, перед софийской и нишской группировками, которые подчинялись бейлербею Румелии Ибрагим-паше Скутарскому, ставилась двоякая цель: защита границ от нападения извне от любого противника и усмирение восставших в Белградском пашалыке сербов³². Однако вскоре выяснилось, что перед бейлербеем Румелии была поставлена еще одна, секретная, задача: насильственное введение реформ низам-и-джедид. Это мероприятие весьма беспокоило как большинство населения Румелии, так и практически всех румелийских пашей и аянов, которые еще с конца XVIII в. активно сопротивлялись введению нового порядка всеми доступными им средствами.

Сославшись на занятость делами на границах с Далмацией, где в это время активно действовали черногорцы и русские. Ибрагим-паша Скутарский категорически отказался заниматься формированием и обеспечением обсервационных войск, собираемых под Софией и Нишем. Он поручил это хлопотное дело своему казначею Мехмед-Ходже. К тому же некоторые из турецких министров не имели полной уверенности и в преданности войск самого бейлербея, поскольку большую часть его "элитного" корпуса составляли албанцы-католики, которых Порта опасалась посылать против христианского населения Румелии. По настоянию сомневавшихся министров султан даже выдал Ибрагим-паше фирман, дающий право бейлербею Румелии набирать в софийско-нишскую группировку войска мусульман из азиатских владений империи. Однако Ибрагим-паша отказался от такой привилегии и настоял на том, чтобы Порта сама позаботилась о пополнении этой группи-

ровки людьми, лошадьми, оружием, боеприпасами, провиантом, фуражом и т.д.

Встречные требования бейлербея Румелии оказались столь внушительными, что меры по их удовлетворению стали предметом нескольких заседаний турецкого дивана.

Чтобы сдвинуть с места дело по формированию софийско-нишской группировки обсервационных войск и ускорить прибытие в столицу Румелии (Софию) самого бейлербея, султан в марте 1806 г. послал за ним своего оруженосца Бекир-бея. Ибрагим-паша появился в Константинополе только где-то в середине марта 1806 г.³³ Хотя в разосланных румелийским пашам и аянам фирманах султан и угрожал смертной казнью за несвоевременную явку их войск к местам сбора, однако многие из них, опасаясь вступления в их владения войск бейлербея для введения реформ низам-и-джедид, накануне и во время мусульманского праздника байрама с большой неохотой занимались подготовкой к походу на сербов и не спешили посылать свои войска в ставку бейлербея. В связи с этим Порта была вынуждена посылать повторные приказы. Например, повторный приказ был послан рушукскому аяну Терсеникли-оглу о назначении его сераскером войска, которое формировалось на базе военных округов, располагавшихся на правом берегу Дуная. В январе 1806 г. Терсеникли-оглу удалось собрать в Рушукке не более 4 тыс. воинов, но и их он был вынужден распустить по домам по случаю байрама, приказав быть готовыми к походу весной этого года. Аналогичная картина наблюдалась в ставках многих румелийских пашей³⁴.

В феврале 1806 г. Порта издала указ обезоружить, по словам Л.Г.Кирико, "весь народ христианский в Румелии от Базарджика до Софии". Ее гонцы вновь скакали с приказами комендантам придунайских крепостей готовиться к войне с Россией. Такие приказы, например, получили коменданты Браилова и Систова. Аналогичные приказы вместе "с казной для вышесказанных приготовлений" получили Терсеникли-оглу Рушукский и Пазванд-оглу Видинский. Рушукский аян формально дал согласие собрать 50-тысячный корпус, но с условием, что его войска будут воевать только тогда, когда Россия объявит войну Турции. Это условие Л.Г.Кирико объяснял нежеланием Терсеникли-оглу выводить свои войска за пределы его владений, поскольку он опасался вторжения своего врага Пазванд-оглу или войск бейлербея, которому было поручено ввести реформы низам-и-джедид во всех пашалыках Румелии.

Изворотливый Пазванд-оглу в это время активно пользовался методом "кнута и пряника". С одной стороны, он, по словам Кирико, "старается ласками приглашать к себе князей Украины (Неготинской Крайны. – В.Г.),

одевая их кафтанами и собольими шапками и позволяя убивать всякого турка, который бы чинил им беспокойство", а с другой стороны, "в нескольких сумнительных ему селениях жителей перебил, жен и детей велел жечь". Заподозрив в связи с восставшими болгарами Видинского пашалыка православного епископа Калиника, Пазванд-оглу приказал казнить самого епископа и всех его родственников, которые жили в Видине³⁵. Сераскером войск, набравшихся из военных округов на левом берегу Дуная, Порта назначила коменданта Измаила Бекир-пашу, приказав ему спешно укреплять все левобережные крепости, усиливать их гарнизоны и запастись боеприпасами и провиантом.

Эти и другие распоряжения Порты способствовали быстрому распространению в Молдавии и Валахии слухов о скором вступлении российских войск в Дунайские княжества³⁶. Беспокойство валашского населения еще больше усилилось после того, как Пазванд-оглу потребовал от дивана Малой Валахии уплатить ему 2 тыс. кесетов (1 млн пиастров), которые якобы задолжал ему бежавший к сербам обер-кнез Неготинской Крайны. Прибывший из Видина в Крайову с отрядом войск чиновник заявил в диване, что сбежавший обер-кнез Неготинской Крайны утаил от Пазванд-оглу собранные с народа налоги, а деньги спрятал у своей сестры, которая была замужем за валашским боярином Болтяну. Если эти деньги не будут возвращены, угрожал видинский чиновник, то Пазванд-оглу разорит всю Валахию³⁷.

Опасаясь вторжения войск Пазванд-оглу, К.Ипсиланти, молдавский митрополит Вениамин, валашские и молдавские бояре обратились к российскому генеральному консулу в Дунайских княжествах И.Ф.Болкунову с просьбой, чтобы царь Александр I, как сказано в письме Болкунова, "немедленно... и наискорее" распорядился прислать к Бухаресту часть легких российских войск численностью 2–3 тыс. человек, которых на первое время будет достаточно для того, чтобы не позволить войскам Пазванд-оглу переправиться на левый берег Дуная. Болкунов сообщал также, что для охраны Валахии князь К.Ипсиланти за свой счет уже набрал корпус наемников из разных христианских народностей численностью до 1500 человек. Господарь и валашские бояре уверяют, пишет И.Ф.Болкунов, что как только российские войска появятся в Дунайских княжествах, "многие тысячи воинственного и храброго народа готовы соединиться под знаменами его и в короткое время возрастут от 30 до 50 тысяч, что самые сербы, ободрясь приближением россиян, усугубят свои силы на поражение общего врага христианства, и, наконец, что при храбром подкреплении небольшой армии регулярных войск силы народа, стенающего под мучительским правлением турок, достаточны будут для нанесения последнего удара колеблющейся их

империи"³⁸. О намерении Пазванд-оглу напасть на Валахию российские консулы сообщили и посланнику в Константинополе. Италинский, по его словам, "в самых резких выражениях" потребовал от Порты принять строгие меры в отношении видинского непокорного паша³⁹.

Порта направила повторные приказы Пазванд-оглу и Терсеникли-оглу об отправке их войск в Измаил в распоряжение сераскера Бекир-паши и в Софию к бейлербею Румелии. Однако видинский паша и рушукский аян и на этот раз отказались подчиниться приказам из Константинополя, даже не удостоив Порту объяснением причин своего отказа.

В конце марта 1806 г. господарь Валахии также получил фирман, повелевавший ему выделить как можно больше лошадей и подвод для перевозки к Измаилу и Джурджу пушек, боеприпасов и другого снаряжения, которое вскоре будет доставлено из Константинополя по Дунаю⁴⁰.

Во второй половине апреля 1806 г. румелийские аяны получили предписания великого визиря доставить в его ставку, находившуюся в Адрианополе, большое количество съестных припасов и фуража. За невыполнение приказа великий визирь угрожал смертной казнью. В апреле 1806 г. господарь А.Мурузи также получил приказ доставить из Молдавского княжества в Рушук 2 тыс. кантарей сухарей, 2 тыс. килей ячменя и 500 килей муки. Общее количество поставок от Молдавского княжества определялось суммой в 60 млн пиастров. В соответствии с этим молдавские крестьяне с 13 апреля 1806 г. начали перевозить на своих подводах из Галаца порох, который был доставлен из Константинополя. 16 апреля 1806 г. из Галаца в Хотин были доставлены 4 пушки, ядра, картечь и порох. "Со всех сторон доходят сюда (в Яссы. – В.Г.) слухи о продолжении вооружения Порты и великих ее приуготовлениях, как в столице, ровно и в крепостях турецких", – докладывал генеральный консул в Дунайских княжествах И.Ф.Болкунов в Петербург в первых числах мая 1806 г. Не отвечая прямо на вопросы И.Ф.Болкунова, кто приказал и по какому поводу ведутся приготовления к войне, А.Мурузи, видимо, опасаясь страшного наказания, пытался уверить генерального консула в том, что эти незначительные меры не должны волновать петербургский двор, поскольку Порта по-прежнему искренне стремится сохранить дружбу с Россией и не ведет приготовлений к войне⁴¹.

Угроза применения смертной казни мало беспокоила Пазванд-оглу и Терсеникли-оглу. Последнего больше волновало вступление войск бейлербея Румелии в его владения для введения реформ низам-и-джедид. Терсеникли-оглу предупредил Порту о том, что он не позволит высадить на территории его придунайских владений любые правительственные войска, если даже они и предназначены для усиления крепостей, располагавшихся в Бес-

сарабии. В целях безопасности Терсеникли-оглу приказал вооружить население подвластных ему нахий и каз, запретил жителям Рушукского, Систовского, Никопольского и других районов заниматься хлебопашеством на землях, относящихся к Валашскому княжеству.

В надежде уладить дело мирным путем Порты направила к Терсеникли-оглу греческого епископа, которому было поручено примирить непокорного аяна с его давним врагом Иликли-оглу Силистрийским. Однако Терсеникли-оглу не внял его уговорам и, послав против Иликли-оглу 2-тысячный корпус войск, занял несколько селений вблизи самой Силистрии. Одновременно Терсеникли-оглу распорядился собрать для укрепления рушукской и других крепостей все христианское и мусульманское население, включая иностранцев. На этих работах в апреле-мае 1806 г. было занято до 32 тыс. человек. Столь масштабные мероприятия рушукского аяна вызвали самые разнообразные предположения и толки. Одни полагали, что эти приготовления ведутся по приказу Порты, чтобы отразить нападение русских; другие высказывали предположение, что Терсеникли-оглу больше русских опасается вторжения войск бейлербея Румелии, которому был отдан приказ султана, пишет Л.Г.Кирико, "неприменно восстановить повсюду в Турции низами-джедид". В связи с этим Терсеникли-оглу, по словам Кирико, "намерен учинить в своем владении всевозможное сопротивление; тому же последуют и другие аяны в Румелии, кои равномерно приуготовляются".

Изворотливый и коварный Пазванд-оглу решил изменить свою тактику в отношениях с сербами. Как сказано в "Записке бухарестских известий", которая регулярно составлялась российскими консулами Л.Г.Кирико и И.Ф.Болкуновым, Пазванд-оглу в это время "старался ласкать сербов, позволяя вывоз к ним из Видинского округа съестных припасов и вина за деньги; но при том, боясь народа, употребляет всякую осторожность против оного". Сербы же, говорится в этом же документе, хоть и ведут себя приятно с комендантом Орсовской крепости Реджеб-агой, но постепенно приближаются к границам его владений. Не спешили посылать свои войска в распоряжение бейлербея Румелии и другие паши и аяны. В частности, несмотря на получение грозного приказа, Исмаил-бей Серрский во второй половине мая 1806 г. продолжал оставаться в пределах своих владений, занимаясь их укреплением.

Нежелание румелийских пашей и аянов посылать свои войска к бейлербею Румелии вынудило Порту идти на крайность. Было принято решение дать прощение предводителям кирджалийских отрядов с условием, что те согласятся вступить в состав обсервационных войск бейлербея. Так, например, в мае 1806 г. был прощен предводитель кирджалиев Дели-Кадри, кото-

рому было выдано 200 кесетов для уплаты кирджалиям, находившимся у него в подчинении. Али-паша Янинский также не послал своих войск ни в одну из формируемых бейлербеем группировок. Он продолжал поддерживать связи с французами, получая от них значительные суммы денег, и использовал свои войска в личных интересах.

Французское правительство поддерживало связь не только с Али-пашой Янинским и боснийскими пашами. Оно установило связь с богатыми и наиболее влиятельными банкирами в Вене и через них пересылало в Константинополь крупные суммы денег, которые предназначались для закупки в Румелии скота, провианта и фуража для французских войск в Далмации⁴². В этот же период Талейран заменил французского генерального консула в Дунайских княжествах Л.Парана. Он был переведен из Ясс в Бухарест на должность подкомиссара (консула), которую до этого занимал Сен-Люс. На место генерального консула в Яссах в звании резидента во владениях Османской империи, расположенных на левобережье Дуная, был назначен Карл Фридрих Рейнхард. Находившиеся в Молдавии французы и их сторонники-греки еще до приезда резидента начали распространять слухи о том, что назначение Рейнхарда, который прославился своим умением настраивать людей против России, не случайно и поэтому следует ожидать дальнейшего осложнения русско-турецких отношений⁴³.

Между тем, в конце мая – начале июня 1806 г. в Константинополь из разных источников стали поступать известия о том, что с территории австрийских владений в повстанческую Сербию был введен 15-тысячный корпус австрийских сербов с полным вооружением и крупнокалиберными пушками. На судах по Дунаю туда же были доставлены провиант, боеприпасы и прочее снаряжение. В связи с этим Порта вручила интернунцию И.Штюрмеру ноту протеста. По поручению министра иностранных дел Австрии И.Стадиона Штюрмер 13 июня 1806 г. в ответной ноте был вынужден признать факт перехода из австрийских владений в Сербию "незначительного" количества добровольцев из числа австрийских сербов, а также нелегальной переброски оружия, боеприпасов и провианта. Однако, оправдываясь Штюрмер, это было сделано нелегально и без ведома венского двора. Более того, – говорится в ноте Штюрмера, – "с момента, когда (венскому. – В.Г.) двору стало известно об этом беспорядке, он тотчас же отдал самые строгие распоряжения, чтобы заставить их вернуться, угрожая, что в случае непослушания они будут объявлены дезертирами вне закона". Министр иностранных дел Австрии И.Стадион, подчеркивалось в ноте, уже имел возможность довести до сведения представителя Порты в Вене Мухиб-эфенди распоряжение венского двора, запрещающее сербам закупать оружие во

владениях Австрии, и предписание интернунцию в Константинополе еще раз заверить Порту в том, что австрийское правительство тщательно следит за тем, чтобы сербам не доставлялось огнестрельное оружие и боеприпасы, которые могли бы способствовать продолжению восстания⁴⁴.

Между тем, формирование группировок наблюдательных войск под Софией, Нишем и Монастырем продвигалось очень медленно и с серьезными осложнениями. Посланный султаном к бейлербею Румелии оруженосец сообщал, что Ибрагим-паша выехал в Скопле для заготовки провианта. Однако к карательному походу против сербов бейлербей по-прежнему относится неодобрительно. Ибрагим-паша заявил, что он не отказывается выполнить этот приказ султана и сделает это только из-за своей преданности ему. Но выполняя его, он прежде всего попытается использовать мирные средства. Силу же будет применять только в крайнем случае и вопреки своим убеждениям. По получении этих и других известий, пишет Италинский, "рвение Порты в сербском деле с некоторого времени ощутимо остыло". Возможно, это охлаждение, предполагает российский посланник, явилось результатом разочарования, вызванного и плохими известиями, полученными из Белграда, крепость которого плотно осаждена сербами. Занимая там весьма прочные позиции, рассуждает Италинский, повстанцам было бы целесообразно занять Белградскую крепость, тогда они могли бы отражать нападение турок в течение всего лета, что заставило бы Порту искать с ними нужного сербам соглашения⁴⁵.

Чтобы хоть как-то поправить дело по наведению порядка в балканских владениях, Порты приняла решение вызвать из азиатских владений располагавшийся там сравнительно небольшой корпус регулярных войск (низамов) под командой Кади-паши⁴⁶. В мае 1806 г. султан приказал Кади-паше приступить к введению реформ низам-и-джедид в Адрианополе, Пловдиве и других прилегающих к ним районах. Основываясь на донесениях агента из Адрианополя, А.Я.Италинский информировал Петербург по этому поводу: "Появление корпуса Кади-паши в Адрианополе вызвало недовольство в связи с тем, что Кади-паша имеет приказ установить там низам-джедид". Тот же агент из Адрианополя сообщил, "что настроения в отношении этой новой военной организации как никогда плохие и все турки этого района ищут средства уклониться от нее"⁴⁷. Вначале адрианопольские и пловдивские янычары отказались брать присланное им Кади-пашой новое обмундирование, сшитое по образцу формы, которую носили регулярные войска – низамы⁴⁸. Попытки применить силу, чтобы добиться послушания, а затем ввести реформу, привели к открытому сопротивлению янычар и местного населения этих районов.

Вскоре после начавшихся волнений в Адрианополе, в начале июня 1806 г., бейлербей Румелии Ибрагим-паша прибыл в Софию, где к этому времени собралось немногим более 20 тыс. воинов, и двинулся с этим корпусом к Нишу, куда должны были прибыть еще до 50 тыс. человек. По плану бейлербей во главе части обсервационных войск должен был наступать на сербов, окружавших Белград, а войска боснийских пашей – напасть на сербских повстанцев со стороны Карановца, Крушевца и Ужице⁴⁹. Оставшиеся обсервационные войска должны были заниматься введением реформ в других районах.

Появление войск бейлербея в районе Лесковца в середине июня 1806 г. также вызвало массовые восстания. Там 17(29) июня 1806 г. восстали свыше 20 тыс. христианских семей, большую часть которых составляли болгары. Изгнав появившиеся там войска, повстанцы затем сами покинули села и со всем имуществом перешли к сербским повстанцам⁵⁰. Во второй половине июня 1806 г. вспыхнуло восстание в семи селах Неготинской Крайны, которые входили в состав владений Пазванд-оглу. Видинский паша приказал своему помощнику Молле подавить восстание. Однако и здесь восставшие, оставив свои жилища, со всем имуществом ушли к сербским повстанцам⁵¹.

Еще хуже обстояло дело с формированием группировки обсервационных войск Порты в Монастыре. Этому активно противодействовал Али-паша Янинский. Он признавался российскому консулу в Арте Е.Флори, что, как и янычары, в начавшейся в Румелии войне желает поражения султану. По подстрекательству Али-паши албанское население Монастырского района подняло мятеж и в середине июля 1806 г. изгнало присланного бейлербеем офицера для введения реформ. В помощь восставшему населению Али-паша выделил 6-тысячный корпус своих войск, который, вступив в город, разогнал остатки формировавшейся там группировки, а заодно ограбил и жителей города⁵².

Принудительное введение реформ в Адрианополе, Пловдиве, Лесковце, в Албании и других районах чрезвычайно встревожило румелийских пашей, аянов и янычар. В эти летние тревожные для всех месяцы большинство румелийских аянов – пишет российский консул в Бухаресте Кирико – "свято утвердили между собой быть соединенными для защиты своих прав против новой системы Порты и единогласно отказались ехать в Софию по повелению румель-валесия, где положено было намерение учинить общий военный совет"⁵³. Во главе оппозиционных румелийских аянов на этот раз встал рушукский аян Терсеникли-оглу. Он заключил союз с аянами Адрианополя, Пловдива, Базарджика, Серр, с Али-пашой Янинским и даже при-

мирился со своим злейшим врагом Пазванд-оглу. Видинский паша, в свою очередь, заключил перемирие с Исмаил-беем Серрским, с белградскими сербами и даже стал вести себя "ласково и по-приятельски" с господарем Валахии К.Ипсианти⁵⁴.

По получении более достоверных сведений А.Я.Италинский сообщил, что в союзе румелийских аянов к июлю 1806 г. состояло не менее 170 человек, в объединенном войске которых насчитывалось свыше 40 тыс. активно действующих бойцов. Между союзом аянов и адрианопольскими янычарами был заключен тайный договор, по условиям которого аяны отказывались посылать свои войска к Софии и Нишу, а вместо этого обязывались по первому требованию янычар направить их в Адрианополь и Пловдив на помощь восставшему там народу⁵⁵. "Не только янычары, – дополняет сведения посланника генеральный консул И.Ф.Болкунов, – но и христиане, жительствующие в Адрианополе, с коими ныне турки обходятся наидружественно, и даже сам митрополит тамошний, должны были вооружиться заодно с ними", чтобы воевать против низамов Кади-паши. В конце июля 1806 г. объединенные силы румелийских аянов, янычар и местного населения разбили под Адрианополем войско Кади-паши, 700 человек из которого перешли на сторону оппозиционеров. После этой победы Терсеникли-оглу заявил, что если султан не откажется от нововведений и лишит янычар и аянов прежних прав и привилегий, то их объединенные силы начнут новый поход на Константинополь и свергнут султана Селима III с престола⁵⁶.

Поражение войск Кади-паши под Адрианополем, массовые волнения и восстания в Лесковце, Неготинской Крайне и других районах Румелии и Албании, успехи сербских повстанцев в Белградском пашалыке, активный отпор введению новой системы со стороны большинства пашей и аянов Румелии, – все это вместе взятое ставило под угрозу срыва выполнение намеченного ранее плана защиты империи от внешних и внутренних врагов, в том числе и введение реформ низам-и-джедид. В конце июня 1806 г. Л.Г.Кирико писал по этому поводу: "Приезжающие из Турции уверяют, что Порта, кажется, наклонна отстать от намерения своего касательно постановления низам-джедида"⁵⁷.

Чтобы спасти положение, Порта решила любыми путями устранить организатора и вдохновителя союза румелийских аянов Терсеникли-оглу. Он был убит неизвестным наемником 31 июля (12 августа) 1806 г. в 25 км от села Терсеник, в котором он родился. Убийство предводителя союза румелийских аянов временно в какой-то мере разрядило кризисную ситуацию. Воевавшие под Адрианополем войска Терсеникли-оглу, узнав о гибели своего аяна, вернулись в Русчук, что позволило Кади-паше вернуться в Адриа-

нополь и, одержав победу над оставшимися там войсками союза, казнить семерых румелийский аянов.

На место Терсеникли-оглу, пишет Кирико, "с общего согласия тамошних (рушукских. — В.Г.) жителей и войск был избран ему приемником и наследником имени Мустафа Байрактар, воспитанник убитого, бывший аяном в Разграде"⁵⁸.

В надежде закрепить наметившийся успех Порты распорядилась вызвать из Азии еще некоторое число регулярных войск, однако союз аянов потребовал удалить всех низамов Кади-паши в Азию и прекратить насильственное введение реформ. В противном случае союз аянов угрожал начать поход на Константинополь⁵⁹. Несмотря на угрозы, султан продолжал настаивать на введении реформ и приказал усилить низамов Кади-паши артиллерией⁶⁰. Но поход сил румелийской оппозиции на Константинополь в августе 1806 г. и начавшиеся волнения в столице все же принудили Селима III пойти на уступки. В середине августа 1806 г. он дал обещание не принуждать янычар к несению регулярной службы, сохранить за ними и аянами прежние права и привилегии, а также отослать Кади-пашу с его войском в Азию⁶¹. Но как только войска румелийских аянов начали расходиться по домам, султан "забыл" свои обещания и отдал приказ Кади-паше начать наступление на недавно избранного рушукского аяна Мустафу Байрактаара. Во время подготовки этой кампании объединенные силы аянов под командой Ахмед-эфенди напали на лагерь Кади-паши, располагавшийся между Силистрией и Чорлу, и разгромили его. В кровопролитном сражении Кади-паша потерял до 2 тыс. человек убитыми, свыше тысячи пленными, 200 верблюдов, навьюченных оружием, боеприпасами и провиантом⁶². После этого поражения султан и Порты были вынуждены официально признать право Мустафы Байрактаара на аянство в Рушук. В знак признания ему была отослана сабля. Однако формальное признание оказалось лишь вынужденной уловкой, так как, отправляя посыльных в Рушук с саблей и фирманом об утверждении Мустафы Байрактаара в должности, великий визирь одновременно разослал верным Порте аянам приказы готовить войска к походу на Рушук. Такой приказ был отдан и вновь назначенному на место господаря Валахии А.Суцу, который хвастливо обещал Порте прислать голову Мустафы в Константинополь⁶³.

Активную деятельность против Мустафы Байрактаара развили и французские дипломаты и эмиссары, находившиеся в Дунайских княжествах и Видинском пашалыке. Французский вице-консул (подкомиссар) в Бухаресте Л.Паран, в частности, подговаривал Пазванд-оглу и его союзников присоединиться к походу на Рушук. Если видинский паша возглавит этот поход и

первым нападет на Мустафу Байрактара, то французский дипломат сулил обеспечить поддержку в Константинополе претензий Пазванд-оглу на Варну⁶⁴. Рушукский аян в это время заключил союз с валашскими боярами, которые не хотели принимать А.Суцу в качестве господаря Валахии, и при посредстве Манук-бея предпринимал попытки примириться с Портой⁶⁵.

Интриги Порты и французских агентов против Мустафы Байрактара вскоре привели к тому, что часть румелийских аянов откололась от прежнего союза и потребовала от рушукского аяна передать союзу и Порте полагающиеся им части владений Терсеникли-оглу. Чтобы удовлетворить законные претензии как со стороны Порты, так и со стороны союза румелийских аянов, на лидерство в котором он претендовал, Мустафа Байрактар объявил распродажу имений Терсеникли-оглу, которые сам же и скупил по назначенным им же заниженным ценам. Внеся в казну Порты и союза установленные законом проценты и взяв с них расписки в получении, Мустафа Байрактар таким образом сохранил за собой все приобретенные Терсеникли-оглу владения⁶⁶.

§ 4. Сербо-турецкие переговоры о перемирии, проходившие в июле–сентябре 1806 г., и отношении сербских повстанцев к условиям "Ичкова мира"

В нашей литературе еще нет определенного мнения, когда и при чьем посредничестве был заключен так называемый "Ичков мир" между сербскими повстанцами и Портой. Некоторые авторы полагают, что "Ичков мир" был заключен осенью 1806 г. при посредничестве России⁶⁷. Однако это не совсем так. Скорее наоборот. Вот что свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении документы.

Прибывшие в Сербию в июне 1806 г. уполномоченные молдавского господаря А.Мурузи по поручению Порты сообщили сербским старейшинам, что верховный визирь и бейлербей Румелии согласны возобновить переговоры с ними на условиях более умеренных требований с сербской стороны. Видимо, к этому же призывали сербских старейшин французский полковник Белье, прибывший в это время в Сербию из Янины, и французский консул в Бухаресте. Они же, по-видимому, не упустили возможности представить сербам в нужном им свете результаты завершавшихся в Париже переговоров о заключении русско-французского договора о мире⁶⁸. Во всяком случае, вскоре после этого верховный вождь сербских повстанцев и

Правительствующий Совет Сербский приняли решение направить в Константинополь депутата Петра Ичко, которому было поручено вести переговоры с Портой о заключении мира на более умеренных условиях по сравнению с теми, что были переданы Порте ранее, т.е. в начале мая 1805 г.⁶⁹

В связи с этим Карагеоргий обратился с просьбой к российскому посланнику в Турции А.Я.Италинскому оказать сербскому депутату помощь и содействие в ведении переговоров с Портой. Согласно выданным П.Ичко полномочиям, подписанным верховным вождем Карагеоргием и членом Народного собрания М.Миловановичем, ему поручалось вести переговоры с Портой от имени всего сербского народа. Это было сделано, пишет Карагеоргий Италинскому, чтобы "сохранить себя от смертельной погибели"⁷⁰. Как видно из полномочий П.Ичко от 1(13) июля 1806 г., "умереннейшие пункты" сербских повстанцев состояли теперь из четырех основных требований: 1) сербы признают себя подданными Порты и выплачивают ей дань один раз в год; 2) сбор дани, размер которой будет определен позже, должен осуществляться назначенным Портой чиновником (мухасилом) и небольшим числом его помощников, которые будут постоянно жить среди сербов; 3) остальная администрация Белградского пашалыка ("общая царская, мухасила и сербские народные службы») также может назначаться Портой, но только из представителей сербского народа, которые будут управлять под ее же контролем; 4) янычары, кирджалии и прочие воинские отряды должны быть выведены из пределов Белградского пашалыка, а вместо них сербы сами будут охранять границу Турции с Австрией⁷¹.

Решение сербской скупщины о возобновлении мирных переговоров с Портой и слухи о некорректных высказываниях П.Ичко в Бухаресте по поводу недостаточной помощи России сербским повстанцам были неожиданными для русских дипломатов и до некоторой степени обеспокоили их. Приехавший по своим делам из Ясс в Бухарест И.Ф.Болкунов 18(30) июля 1806 г. сообщил Италинскому, что 16 июля 1806 г. через столицу Валахии "проехал в Царьград бывший в Семлине от Порты комиссаром, а ныне, по видимому, служащий сербам некто Ичко-оглу". Он говорил своим валахским приятелям, продолжает Болкунов, что "хотя Россия и обнадежила их (сербов. – В.Г.) всякою помощью, однако же они, получив будто от нее только некоторую сумму денег, начинают ныне сомневаться в рассуждении ее медлительности и молчания, опасаясь быть оставленными собственному жребию". В данной связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в эти же дни в Бухаресте находился направлявшийся в Константинополь новый французский посол в Османской империи Г.Себастиани. Выехав из

столицы Валахии 19 июля 1806 г., он прибыл в Константинополь 28 июля 1806 г.⁷²

Сведения Болкунова подтвердил и К. Ипсиланти. Господарь писал А.Чарторыйскому, что Себастиани уговаривал его склонять сербов к примирению с Портой. Если сербы пойдут на мир с ней, сулил французский посол, то Франция могла бы гарантировать вождям и всем участникам восстания полную безопасность, добившись им помилования у султана. Себастиани уверял также господаря Валахии, что война черногорцев с французскими войсками на Адриатическом побережье спровоцирована Россией и поэтому Наполеон намерен покарать черногорцев, а заодно и подавить сербское восстание, если сербы добровольно не покорятся Порте. При этом посол дал понять, что в своей войне с этими народами Порта в любой момент может рассчитывать на французские войска, находящиеся в Далмации⁷³.

По прибытии П.Ичко в Константинополь А.Я.Италинский какое-то время колебался, какую позицию ему следует занять в отношении сербского депутата. Для большей уверенности русский посланник счел не лишним запросить Карагеоргия о подлинности данных П.Ичко полномочий и не является ли он подставным лицом⁷⁴. "В состоянии ли Ичко-оглу употребить во зло оказанную ему доверенность?" – делился своими сомнениями Италинский с Болкуновым. И все же, несмотря на возникшие у русского посланника подозрения в отношении миссии П.Ичко, он принял решение действовать в точном соответствии с данными сербскому посланцу инструкциями. "Принимая за истину то, что Черный Георгий представляет в своем письме, и отдаляя всякое подозрение касательно доброй совести депутата, не могу ласкать себя надеждой, что Порта... приняла за благо восстановить спокойствие в Сербии на условиях полномочия, данного Ичко-оглу"⁷⁵.

Прямых свидетельств о характере переговоров П.Ичко с представителями Порты в архивах России не сохранилось, поскольку они велись в тайне от русской миссии в Константинополе. Не сохранились и подлинные документы, фиксирующие условия мира, на которых сербы соглашались прекратить восстание. Однако до нас дошла копия от 1820 г. тех условий, которые Порта вручила П.Ичко 3 августа 1806 г. Согласно копии, Порта требовала от сербов Белградского пашалыка оставаться ее подданными и выплачивать дань в размере 722 тыс. пиастров, которая должна передаваться представителям Порты два раза в год. Размеры налогов в пользу спахив пашалыка к 3 августа 1806 г. еще не были определены. Их общая сумма должна была определяться на месте совместно с представителями от белградских спахивов. При этом заинтересованные стороны обязаны были составить точные списки с указанием числа сел и семейств, находившихся

во владении каждого спахии. Порта, со своей стороны, обещала потребовать от белградских спахиев, чтобы они взымали с каждой сербской семьи не более 10 пиастров в год. Налоги в пользу спахиев должны были собираться два раза в год сербскими кнезами, но при посредничестве спахийского предводителя (али-бея), который устанавливал размер налогов в пользу каждого спахии. Наряду с этим Порта обязывалась предоставить сербам Белградского пашалыка следующие привилегии:

1. Дать амнистию участникам восстания, погасить их прежние недоимки и освободить на 6 месяцев от всех налогов.

2. Удалить из Белградского пашалыка "всех турецких претендентов", необузданных смутьянов и, в особенности, янычар, виновников всех бедствий. Для охраны крепостей, расположенных в пределах пашалыка, по выбору самих сербов будет назначен паша, под командой которого будет свита не более 500 человек. Люди из состава его свиты будут распределены в Белграде, Смедереве, Шабаце и Ужице.

3. Предоставить свободу вероисповедания и право самим распоряжаться церквями, монастырями, школами и т.д.

4. Порта соглашалась признать верховного вождя повстанцев главой сербского народа, "дав ему, а также его наследникам титул баш-кнеза, который, таким образом, станет в семье наследственным". Вместе с тем султан обещал пожаловать ему три села с правом передачи их по наследству. Порта соглашалась уступить баш-кнезу право назначать кнезов в нахиях. При этом нахийским кнезам разрешалось иметь при себе 15 вооруженных охранников для охраны дорог и сбора налогов. Баш-кнез мог иметь при себе 50 вооруженных воинов. Сбор налогов в сербских селах должны были осуществлять местные кнезы и отчитываться в этом перед баш-кнезом или перед лицами, назначенными им управлять делами народа. Собранные налоги должны были передаваться затем паше или мухасилу, которых назначит Порта.

5. Временно назначенный белградский паша будет лишен права назначать своих людей в нахии, так как его власть не должна распространяться за пределы крепости. Управление в нахиях будет передано баш-кнезу или же лицам, им назначенным. Если же паше понадобится принять решение, затрагивающее округа, то он обязан сделать это только через посредство баш-кнеза.

6. Туркам, проживающим в крепостях или же прибывшим в Сербию по торговым и другим делам, будет дозволено проезжать через сербские села при наличии специального пропуска, выданного баш-кнезом.

7. Временные паши будут сменяться в Сербии лишь по обоснованным жалобам населения или по другим веским на то основаниям, поскольку их смена наносит народу большой ущерб.

8. Из вышеуказанной суммы общих налогов сербы обязаны выплачивать 80 тыс. пиастров на почтовые расходы и 130 тыс. пиастров – белградскому паше, доставлять ему же ежегодно по одной тысячи вазов фуража и дров⁷⁶.

Поскольку текст приведенного документа дошел до нас в более поздних копиях, то в литературе имеют место различные точки зрения как о времени его возникновения, так и о его содержании⁷⁷. В данной связи хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, в копии 1820 г. указано, что изложенные в документе условия переданы П.Ичко 3 августа 1806 г. Во-вторых, некоторые из этих условий упоминаются и в других источниках. В частности, генеральный консул в Яссах И.Ф.Болкунов 3(15) октября 1806 г. сообщал в Петербург о том, что в Константинополе был подписан фирман, которым султан даровал сербам некоторые привилегии и, как сказано в письме, "наложил на них ежегодную дань по 2 тыс. мешков", т.е. кесетов. По этому случаю – пишет Болкунов – "все военачальники и прочие чины собираются в Смедерево"⁷⁸.

В письме И.Ф.Болкунову верховный вождь сербских повстанцев 3(15) октября 1806 г. сообщал, что вскоре после побед, одержанных сербами над войском бейлербея, вернулся из Константинополя П.Ичко с султанским мухасилом Хассан-агой и привез фирман. В фирмане сказано, пишет Карагеоргий, "гарнизоны турецкие будут, да в поле, в земли и в деревнях, да турки ни во что не будут мешаться, но сербы сами себя учреждати и свободно полем и землю управляти и дань собирати да могут". Сербам должны отдавать султану ежегодную дань около 1 млн пиастров через назначенного султаном мухасила. Первая часть дани в 500 тыс. пиастров должна быть передана немедленно по прибытии Хассан-аги, который с 20 подчиненными ему турецкими чиновниками будет находиться в Белградском пашалыке⁷⁹.

Поскольку переговоры с П.Ичко в июле 1806 г. чиновники Порты вели в тайне от российской миссии, то А.Я.Италинский в августе 1806 г. располагал о них незначительной информацией. "Депутат сербский, – писал он Болкунову, – явсь однажды у меня, не казался после. Уверяют, что Порта благосклонно его приняла и отправила к румели-валиссы"⁸⁰. Российский консул в Бухаресте Л.Г.Кирико добавляет к этому, что неделей раньше А.Я.Италинский известил К.Ипсиланти о результатах сделанного им запроса по поводу переговоров Порты с П.Ичко. По словам Кирико, ответ рейс-эфенди русскому посланнику был весьма уклончив, но из него стало ясно,

что Порты до 10 августа 1806 г. уже передала свои условия сербскому депутату и направила его в ставку бейлербея Румелии. При этом рейс-эфенди дал понять Италинскому, что последние успехи турецких войск позволяют Порте надеяться на быстрое усмирение сербов. Комментируя ответ рейс-эфенди Италинскому, К.Ипсиланти, в свою очередь, просил передать русскому посланнику, чтобы он обратил внимание Порты на явное противоречие заявления рейс-эфенди об успехах войск бейлербея с действительным положением дел. Господарь Валахии сообщал, что по имеющимся у него сведениям, сербы в конце июля – начале августа 1806 г. нанесли ряд тяжелых поражений войскам бейлербея Румелии, боснийского визиря и вступили в пределы владений Позванд-оглу⁸¹.

Из приведенных фактов можно понять, что летние победы сербов совпали с рядом серьезных поражений войск Порты в других областях ее балканских владений и с походом сил румелийской оппозиции на Константинополь, в результате которого султан Селим III в очередной раз был вынужден отказаться от введения реформ низам-и-джедид, а также признать прежние права и привилегии за янычарами и аянами. Видимо, этими же причинами и обстоятельствами следует объяснять и ту вынужденную уступку, которая была сделана сербам во время переговоров с П.Ичко, и его поспешную отправку из Константинополя в ставку бейлербея Румелии. По свидетельству И.Ф.Болкунова, Ибрагим-паша в это время находился в Скопле. Так, например, 30 июля 1806 г. Болкунов писал: "Румель-валиссы, которого пребывание полагаемо было в Софии или Ниссе, не смог удалиться от главной квартиры в Ускюбе (Скопле. – В.Г.) по причине начавшегося беспокойствия в границах Албании"⁸². В это время войсками у г. Ниш командовал его казначей Мехмед-Хассанджи. По свидетельству некоторых источников, Ибрагим-паша прибыл к Нишу вместе с мухасилом Хассан-агой и П.Ичко где-то в конце августа 1806 г., т.е. после победы сербов под Делиградом 22 августа 1806 г.⁸³ Возможно, в это время до Ибрагим-паши уже дошли слухи о намерении султана заменить его на посту бейлербея Румелии.

Восстание в Адрианополе и ряде других районов, поход сил румелийской оппозиции на Константинополь и капитуляция султана перед ними, победы сербских повстанцев у Мишара и Делиграда, а также отказ Александра I от ратификации русско-французского договора 8(20) июля 1806 г., который последовал 31 июля 1806 г. – все это вселяло в сербов уверенность и надежды на дальнейший успех. Исходя из сложившейся к середине августа 1806 г. ситуации, верховный вождь сербских повстанцев писал Болкунову 19 августа 1806 г.: "Мы теперь то делаем, чтобы Крайну (Неготинскую. –

В.Г.) завоевавши, свободную коммуникацию с Валахией при Фетисламе (Кладово. – *В.Г.*) имели, через которую дорогу и сие писание Вам отправили и распоряжение даем, чтобы и в будущем с вами путь безопасен и свободен был"⁸⁴.

Чтобы не допустить беспрепятственного сообщения между сербскими повстанцами и Малой Валахией, через которую к сербам могла доставляться помощь из России, Пазванд-оглу в начале августа 1806 г. приказал находившемуся в Кладово Молле напасть на сербов в районе Берковцы. Но его атака была отбита и сербские повстанцы, преследуя отступающего Моллу, сами вошли в пределы владений Пазванд-оглу, заняли укрепленные пункты Чернечу, Теке и вплотную подошли к Кладово⁸⁵. 31 августа 1806 г. П.Новикович-Чардаклия известил русских консулов в Бухаресте и Яссах, что с выходом сербских войск к Дунаю в районе Кладово путь из Малой Валахии в Сербию свободен. Остаются только препятствия, которые причиняются австрийскими пограничными властями⁸⁶.

Летние победы сербов дались им нелегко. В кровопролитных сражениях они потеряли много убитых и раненых. "Народная казна за порох и амуницию пошла вся, а порох и свинец весь выстрелили", – писал Г.Вуянович Болкунову 20 сентября 1806 г. Поскольку бои шли в пору жатвы и уборки урожая, то хлеба в полях, а фрукты и овощи в садах и огородах были сожжены или отравлены скотиной. По этим и другим причинам почти вся страна осталась без нового урожая, и люди голодали. При создавшейся ситуации Правительствующий Совет и верховный вожь обратились с просьбой ко всем сербам австрийских владений, к правительствам России и Австрии, чтобы они срочно оказали сербскому народу помощь деньгами, боеприпасами и оружием⁸⁷. По докладу министра иностранных дел А.Я.Будберга, русское правительство 31 августа 1806 г. постановило ассигновать на нужды сербского народа 13 тыс. червонных (или 100 тыс. пиастров)⁸⁸. "Для принятия сербами нужных мер к защищению, – писал Будберг, – определенной для них суммы будет достаточно, а что касается посылки к ним оружия и боеприпасов, то при сложившемся положении дел с Портой Россия еще не может снабдить их ими. Это будет возможно только тогда, когда Порта окончательно откажется удовлетворить предъявленные ей Россией требования, среди которых одно из главнейших есть обеспечение спокойствия сербов"⁸⁹. Однако уже на следующий день Александр I лично распорядился изыскать возможность для доставки сербам свинца и пороха⁹⁰.

Между тем, во второй половине августа 1806 г. бейлербей Румелии Ибрагим-паша прибыл к Нишу, под стенами которого стояли сербы, разослал приказы румелийским аянам привести войска для похода на сербов и

готовился к нападению на повстанцев. Но где-то в последних числах августа 1806 г. в Ниш прибыли сербский депутат П.Ичко и назначенный Портой мухасилом в Белградский пашалык Хассан-ага. Они привезли с собой султанский фирман, который предписывал бейлербею Румелии примириться с сербами на условиях "умеренных" требований и совместно с ними очистить Белград, Шабац и другие крепости от янычар, кирджалиев и прочих непокорных Порте войск. Узнав о прибытии своего депутата и мухасила в ставку бейлербея, предводители восстания направили в Ниш специальную делегацию, которая передала Ибрагим-паше 100 тыс. пиастров и уговорила его не посылать свои войска в Сербию, пообещав очистить крепости от янычар и кирджалиев своими силами⁹¹.

В ходе переговоров между бейлербеем Румелии и сербскими депутатами 2(14) сентября 1806 г. было заключено соглашение, согласно которому на введение нового порядка в Сербии отводилось два месяца, а войска бейлербея Румелии, боснийского визиря и Пазванд-оглу приостанавливали на такой же срок военные действия. Сербские повстанцы, в свою очередь, обязывались снять осаду с Ниша, Белграда, Шабаца и других блокированных ими крепостей, отведя свои войска на одну милю от их стен. В том же договоре особо оговаривалось, что войска Пазванд-оглу должны быть отведены из Превалы и Чипроваца, которые относились к району Неготинской Крайны, а сербские войска должны были оставить Теке, Ридово, Каменицу и Баню. Договаривающиеся стороны обязывались вывести свои войска из этих пунктов к 13(25) сентября 1806 г.⁹²

По завершении переговоров в Нише мухасил Хассан-ага отправился в Смедерево, куда и прибыл 25 сентября 1806 г. Вскоре после завершения переговоров боснийский визирь известил Карагеоргия о том, что он получил приказ Порты вывести из Шабаца и соседних с ним укрепленных пунктов гарнизоны боснийских войск и начать переговоры с сербскими повстанцами о заключении мира. В связи с этим Хусрев Мехмед-паша предложил Карагеоргию направить в Травник полномочную депутацию от сербского народа⁹³.

§ 5. Усиление французского влияния на Порту, низложение господарей Дунайских княжеств, компромисс султана с оппозицией и смена членов правительства и румелийской администрации (июль–октябрь 1806 г.)

Как отмечалось выше, в ходе переговоров о заключении мира между Россией и Францией, происходивших в Париже в июле 1806 г., российский уполномоченный П.Я.Убри, в соответствии с предписанием петербургского двора, добивался включения в договор статьи о создании одного или нескольких государств, которые должны были располагаться между Османской империей и Италией⁹⁴. Поскольку новые государственные образования, по замыслу петербургских стратегов, должны были создаваться вблизи или даже за счет территории балканских владений Турции, а в их состав должна была войти значительная часть христианского населения ее владений, то, естественно, Порты не могла оставаться равнодушной к подобным геополитическим новшествам. Видимо, это обстоятельство и стало одной из козырных карт в дипломатической игре Наполеона I, который при активном содействии своего посла в Константинополе Горация Себастиани довел до сведения Порты столь опасный для нее замысел петербургского двора.

Но как бы то ни было, однако, султан Селим III неожиданно для петербургского двора и без его ведома в начале августа 1806 г. подписал фирман о смещении господарей Валахии и Молдавии. Господарь Валахии К.Ипсиланти официально обвинялся в государственной измене за связь с мятежным предводителем румелийских аянов Терсеникли-оглу Рущукским и за подстрекательство сербов к восстанию. Фирман о своем низложении К.Ипсиланти получил в Бухаресте 16(28) августа 1806 г. В тот же день он со свитой придворных бояр выехал из города в сопровождении нескольких сотен воинов и нескольких пушек. После отъезда господаря российский консул Л.Г.Кирико, получив из Константинополя известие о подписании Портой секретного приказа, предписывавшего арестовать российских консулов в Бухаресте и Яссах, упаковал весь консульский архив и отправил его И.Ф.Болкунову в Яссы. Через три дня после выезда К.Ипсиланти в Бухарест вошла сотня вооруженных всадников, которых прислал из Рущука Мустафа-паша Байрактар якобы для поддержания порядка в городе. Затем аналогичное "предложение" было получено и от Пазванд-оглу Видинского, но оставшиеся в Бухаресте бояре с благодарностью отказались от его добровольных услуг.

Господарь Молдавии А.Мурзи поступил иначе. Опасаясь гнева Порты, он 20 августа 1806 г. с небольшой охраной выехал из Ясс, а 22 августа через Валахию и Варну отправился в Константинополь⁹⁵.

Вместо К.Ипсиланти господарем Валахии назначался А.Суцу, а господарем Молдавии – Кара-Калимаки. Но поскольку правительство России активно возражало против низложения господарей, султан временно воздержался от подписания официального документа о назначении новых господарей. В результате создавшегося междувластия до сентября 1806 г. Дунайскими княжествами управляли выборные бояре (каймакамы или баш-бояре)⁹⁶.

Депеша с сообщением о низложении К.Ипсиланти и А.Мурузи была отправлена Италинским из Константинополя 11(23) августа и получена в Петербурге 26 августа (7 сентября) 1806 г. В тот же день министр иностранных дел России А.Я.Будберг по указанию царя писал Италинскому: "Самовольное низложение князей Молдавии и Валахии слишком очевидное нарушение обязательств Порты перед императорским (петербургским. – В.Г.) двором, чтобы не привлечь внимания е.и.в-ва к последствиям сего первого шага такого рода. Каковы бы ни были действительные мотивы, которые могли побудить к этому турецкое министерство, очевидно, что не остается более надежды видеть, что оно возвращается к единственным подходящим для него принципам...". В связи с этим поступком Порты царь поручал Италинскому "без малейшего промедления" в официальной ноте напомнить Порте "со строгостью" о покушении придунайских аянов на привилегии Валахии и Молдавии, о преступной беззаботности турецкого правительства к чрезмерным репрессиям в отношении ее подданных-христиан, о недостаточности предпринимаемых им мер по защите границ Османской империи на Адриатике, об ущемлении торговых интересов России турецкими таможенными чиновниками, об уклонении от выполнения статей русско-турецких договоров, о невыполнении условий конвенции 1800 г. относительно Ионической республики, о поощрении Портой противозаконных и антигуманных поступков Али-паши Янинского, об ее отказе от союза с Англией, о преднамеренном уклонении Порты от пункта русско-турецкого договора о проходе российских судов с войсками через Константинопольский канал; наконец, Италинский должен был особо обсудить вопрос о низложении господарей Дунайских княжеств, которые были смещены Портой намного ранее установленного в 1802 г. семилетнего срока без согласования этого с Россией, являющейся законной покровительницей этих княжеств. "Поэтому, – пишет Будберг, – е.и.в-во настаивает, чтобы они (К.Ипсиланти и А.Мурузи. – В.Г.) были немедленно восстановлены на своих постах и пребы-

вали на них вплоть до истечения полных семи лет, установленных вышеуказанным актом", т.е. хат-и-шерифом 1802 г. "Если Порты будет упорствовать в своем решении или ограничится неясным и, следовательно, неудовлетворительным ответом, — заключает инструкция министр, — то император предписывает Вам незамедлительно затребовать паспорта для себя и для всей императорской миссии, кроме статского советника Фонтана, которого Вы назначите поверенным в делах при оттоманском министерстве"⁹⁷.

Эта инструкция была доставлена в Константинополь на специально посланном бриге 13(25) сентября 1806 г., а вскоре после этого Италинский вручил Порте ноту с перечислением всех вышеуказанных претензий петербургского двора⁹⁸.

В эти же дни, точнее 16(28) сентября 1806 г., французский посол в Константинополе Г.Себастиани, в свою очередь, вручил Порте ноту французского правительства. В ней сообщалось, что российский император отказался ратифицировать русско-французский мирный договор, недавно подписанный уполномоченными России и Франции. Русско-французский договор, говорилось в ноте Себастиани, предоставлял независимость Ионической республике, что влекло за собой удаление русских со Средиземного моря, где они обосновались, чтобы напасть с разных сторон на владения Османской империи. Вывод российских войск и флота, естественно, не устраивает петербургский двор. Кроме того, говорилось в ноте французского правительства, по тому же договору Рагузе возвращалась независимость под покровительством Порты. Эта статья ставила русских в положение, при котором они не смогли бы вступить в сговор с черногорцами и, особенно, с восставшими сербами, что, безусловно, противоречило их намерению. Другими словами, блефовал Себастиани, эта статья русско-французского договора обуславливала независимость Османской империи вообще и целостность ее балканских владений в особенности, поскольку Россия по условиям того договора утрачивала всякую возможность отрывать силой от ее провинций лучшие земли, как она это уже сделала с Крымом, Грузией и проходом Фаз. По русско-французскому договору, подчеркивалось в ноте Себастиани, к Франции отходили Албания и Далмация, а это делало ее могущественным и дружелюбным соседом Турции, который всегда бы мог силой защитить ее интересы. Обеспокоенный дальнейшей судьбой Османской империи император Франции предписал своему послу, говорилось в ноте, потребовать от Порты, чтобы та закрыла проход через Босфор для военных кораблей и других судов России, груженных войсками, боеприпасами и продовольствием. В то же время Порты должна предоставить Франции право прохода через территорию Османской империи французским

войскам, которые должны будут подойти к Днестру, чтобы сражаться с российской армией. Любое продолжение или возобновление союза Порты с Англией или Россией, предупреждал в ультимативной форме французский посол, будет рассматриваться императором Франции не только как нарушение нейтралитета, но и как соучастие Турции в войне против Франции. Император Франции ввел в Далмацию многочисленную армию для защиты Турции, но двуличное поведение Порты и ее уступчивость России и Англии могут изменить планы Франции, и тогда она направит всю свою мощь против Турции. В заключительной части ноты Себастиани писал, что Наполеон настоятельно требует от Порты немедленного, определенного и категорического ответа, от которого будет зависеть и дальнейшее поведение императора Франции. В случае положительного ответа, пишет Себастиани, "Великий Наполеон использует все свои средства во славу своего друга... Селима III, а его средства огромны, его гений еще более велик"⁹⁹.

Под напором сил внутренней оппозиции и под давлением российской и французской правительств султан Селим III попытался найти выход из создавшегося положения, идя на компромисс с внутренними и внешними противниками.

В середине сентября 1806 г. он подписал фирман о смене великого визиря, на место которого был назначен командир янычарского войска (янычар-ага) Хильми Ибрагим-паша. Вскоре были произведены значительные перестановки как среди членов центрального правительства, так и среди провинциальной администрации. В частности, вместо Ибрагим-паши Скутарского бейлербеем Румелии был назначен малоизвестный и безынициативный Морали Осман-паша, а должность главного инспектора Румелии занял бывший визирь г. Трикала Бекир-паша¹⁰⁰.

Сообщая в Петербург об изменениях в составе турецкого правительства, А.Я.Италинский писал: "Здесь помирились с повстанцами, и чтобы добиться этого, сменили все министерство, начиная с великого визиря, кроме рейс-эфенди, которого почитают непричастным к этому (т.е. введению реформ. – В.Г.). Но этот переворот не может привести к перевороту в политической системе Порты, так как *кехайя-бей* (министр внутренних дел. – В.Г.) остается, продолжая влиять на нее (Порту. – В.Г.) и оставаться тайным руководителем политической машины, и доверие к нему султана крепче, чем когда-либо". Эти перестановки и смещения в центральном правительстве и в румелийской администрации, по мнению Италинского, были произведены султаном для того, чтобы успокоить мятежников, не меняя политической системы в целом¹⁰¹.

Для выяснения ситуации в столице Османской империи и для эвакуации консульств из Дунайских княжеств в июле 1806 г. был отправлен один из чиновников МИД России, грек по национальности, действительный статский советник К.К.Родофиникин. Но когда было получено известие о том, что султан воздержался от подписания указа о назначении новых господарей, МИД России решило изменить прежнее предписание, данное Родофиникину. 17(29) сентября 1806 г. была подписана и отправлена Родофиникину новая инструкция следующего содержания: "Перемены, последовавшие в Молдавии и Валахии, соделывают на сей раз несовместимым и неприличным всякие требования с нашей стороны у Порты относительно первоначального назначения вашего. По сему и признано нужным оставить посты наши (консульства. – В.Г.) в том краю на прежнем основании, предписав консулам нашим, чтобы они сходно с наставлением, данным им от посланника Италинского, воздерживались от всяких сношений с нынешними тех княжеств правителями и их наместниками". Самому же Родофиникину предписывалось "на первый случай" оставаться в Яссах "без всякого публичного характера", сообщать главнокомандующему Днестровской армией И.И.Михельсону и в МИД России сведения о положении дел в Дунайских княжествах и ожидать, "какой оборот примут дела в дальнейшем"¹⁰².

Главнокомандующий Днестровской армией также был обеспокоен безвластием в Дунайских княжествах. 23 октября 1806 г. он сообщил Будбергу, что из-за осложнившейся там обстановки вынужден отказаться от намеченной ранее поездки в Петербург, поскольку с волнением ожидает курьера из Константинополя с известиями от Италинского. Задержка с прибытием курьера, полагал Михельсон, неблагоприятно отразится на Дунайских княжествах, так как это может быть использовано Портой или мятежными пашами, которые, по словам Михельсона, "до последка ограбят и разорят Молдавию и Валахию". В связи с обострением русско-турецких отношений Михельсон просил выделить "дополнительные пропорции" пороха, ядер и других боеприпасов, которые могут понадобиться как для его армии, так и для "сербов и других народов". Главнокомандующий просил разрешения царя передать сербам пушки, которые находились в Тирасполе¹⁰³.

Военный министр С.К.Вязмитинов доложил царю о просьбе Михельсона 8(20) октября 1806 г. Александр I потребовал от Михельсона официальную заявку с указанием точного количества боеприпасов и только после этого разрешил удовлетворить ее полностью¹⁰⁴.

Ожидаемые в Петербурге и в штабе Днестровской армии известия А.Я.Италинский отправил из Константинополя только 6(18) октября 1806 г.

В донесении царю посланник писал, что врученная им Порте 17(29) сентября 1806 г. "резолуция" Александра I и "эффективная" поддержка английского посла Ч.Арбатнота сделали свое дело, и султан Селим III 3(15) октября 1806 г. согласился восстановить на княжение К.Ипсиланти и А.Мурузи. В связи с этим 4 и 5 октября 1806 г. в Порту были приглашены А.Мурузи и один из агентов К.Ипсиланти, поскольку сам князь не смог явиться в Константинополь. При соблюдении всех необходимых по этому случаю церемоний им было объявлено решение султана о возведении господарей на их прежние престолы. Однако к этому времени письменный акт (фирман) о возвращении им прежних княжеств еще не был составлен¹⁰⁵. Депеши аналогичного содержания Италинский отправил 6(18) октября 1806 г. Будбергу, Михельсону, К.Ипсиланти, который в это время находился в Тульчине, Д.Н.Сенявину, К.К.Родофиникину и другим¹⁰⁶. В Петербурге депешу получили 23 октября (4 ноября) 1806 г.

Между тем, еще до получения известий от Италинского, И.И.Михельсон 13(25) октября сообщил царю о прибытии в Тульчин князя К.Ипсиланти и сопровождавших его валашских бояр. По приезде в Тульчин К.Ипсиланти представил Михельсону исчерпывающую информацию о положении в Дунайских княжествах. Он сообщил, что Молдавия и Валахия находятся "в страдательном положении". Небывалые поборы с населения и вывоз хлеба из княжеств истощили жителей до крайности. Пазванд-оглу собрал большое войско и до невозможности увеличил свои требования к Валахии. Противник французской партии Мустафа Байрактар пытается уговорить сербов прекратить восстание. С назначением новых господарей "возросла сила французских интриг" и быстро охлаждается приверженность бояр к России. В Галаце сосредоточено много зерна и других припасов, которые подготовлены к отправке в столицу Османской империи. Прибывший из Константинополя французский офицер свободно разъезжает по всем крепостям Валахии. "Все сие сообразя, – пишет Михельсон, – я не считал иначе, как что время токмо хотят выиграть в переговорах, пока улаженные планы их созреют... Каково бы расположение Порты ни было, поелику по всему видимому, на расслабленное тело ее больше страх действует, нежели рассудок, я, не преставая считать, что во всяком случае занятие нами Молдавии и Валахии есть дело необходимое, старался в сходственность высочайших повелений е.и.в-ва быть более к тому готовым". Тогда же К.Ипсиланти информировал Михельсона о том, что в Бендерах, Хотине и Аккермане находится в общей сложности не более 10 тыс. турецких войск, следовательно, занять эти крепости и прилегающие к ним районы вплоть до самого Дуная не составит для русской армии особого труда. Кроме того, русские

войска найдут там достаточное количество продовольствия. Признавая доводы К.Ипсиланти вполне убедительными и обоснованными, Михельсон в то же время считал, что если будет принято решение о вводе его армии в Молдавское княжество, то он предпочел бы прежде всего, как сказано в его письме, "послать несколько партий легких войск со всех сторон к Яссам, дабы не допустить нынешнего господаря тамошнего и его сообщников уехать". В связи с этим главнокомандующий предполагал поручить находившемуся в Яссах К.К.Родофиникину, чтобы он "мог принять там способы к задержанию" Кара-Калимаки со всей его свитой¹⁰⁷.

По получении известий от Италинского о восстановлении К.Ипсиланти и А.Мурузи на княжение Михельсон не изменил своего мнения о неизбежности ввода войск в Дунайские княжества. В этой связи он 19 октября писал Александру I: "Благоуспешный оборот дел при Порте к славе оружия в.и.в.ва дает довод ясный, сколь действует над Портою более страх, нежели добрая воля. А сие тем паче утверждает меня в той мысли, которую осмелился я от 13-го числа представить, что каково бы расположение Порты к нам ни было, занятие Молдавии и Валахии нам есть необходимо". Возражая против доводов А.Я.Италинского, который для удержания Порты в прежней системе отношений с Россией предлагал держать Днестровскую армию на границе с Турцией в готовности "к открытию военных действий", Михельсон, со своей стороны, доказывал царю, что держать в таком состоянии армию осенью и зимой будет труднее и убыточнее для казны, чем ведение самой войны. Кроме того, если армия будет сосредоточена на границе с Турцией, то, полагал Михельсон, турки успеют подготовить свою армию, ослабить и истребить сторонников России в Дунайских княжествах и в Сербии, проложить путь французам к Дунаю. "И тогда, – пишет он, – край, простирающий руки к скипетру в.и.в. без пролития и капли крови может сделаться опасным".

При этом Михельсон был убежден в том, что Наполеон имеет вполне определенные виды на Валахию и Молдавию и что Порта теперь уже не в силах воспрепятствовать ему в этом. Исходя из таких представлений, главнокомандующий Днестровской армией писал царю: "Если мы не упрем их (французов. – В.Г.) до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, не овладели бы теми выгодами, кои нам принадлежат, и тогда трудно будет бороться" против французских и турецких войск. Следовательно, делал вывод Михельсон, занятие Дунайских княжеств российскими войсками необходимо для России не только для удержания Порты в прежней системе отношений, но в большей степени для сохранения выгод, которые приобретает она для защиты Дунайских княжеств от посягательств На-

полеона, для охраны российских границ от проникновения "так близко к ним гнездящихся французских интриг", для защиты Валахии от своевольтва и грабежей Пазванд-оглу, для "подкрепления сербов в доверенности их к России". Все это вместе взятое, полагал он, принесет пользу только в том случае, если российские войска с помощью сербов и других единовольных России народов "вознамерятся сделать диверсию против правого фланга французской армии, находившейся в Италии"¹⁰⁸.

§ 6. Вторжение войск Пазванд-оглу в Малую Валахию и усиления российских дипломатов по защите населения княжества от грабежей и насилий

Вскоре после того как войска сербских повстанцев оставили Теке и другие обусловленные в договоре пункты Неготинской Крайны, Пазванд-оглу неожиданно для всех ввел свои войска в Малую Валахию, заняв сразу же и ее главный город Крайову. По приказу видинского паши были арестованы некоторые из валашских бояр, поддерживавших связь с Мустафой Байрактаром и сербскими повстанцами. Кроме того, Пазванд-оглу потребовал от крайовского каймакама уплатить 30 тыс. кесетов, которые ему следовало получить якобы за защиту Малой Валахии от нападения сербов. По его же приказу аян из Рахова начал насильно вывозить из Малой Валахии болгарские семьи, переселившиеся туда из балканских владений Турции 15 и более лет назад. Такие поступки Пазванд-оглу, пишет К.К.Родофиникин, "происходят от бешенства, в коем он находится, видя сербов у самых ворот Видина, крепко его теснящих"¹⁰⁹.

В это же время союзник видинского паши силистрийский аян Илли-оглу вторгся во владения Мустафы Байрактара и занял небольшую крепость Ени-Пазар. Войска Пазванд-оглу и его союзников начали грабить население занятых ими районов по обоим берегам Дуная. Они вывозили скот и недавно собранный урожай, угоняли в Видинский пашалык людей и взымали с населения небывалые до того налоги. Комендант Орсовской крепости, албанец Реджеб-ага, попытался было воспрепятствовать грабежу, но за это поплатился вторжением видинских войск в свои владения. Прибывший из Сербии в Бухарест 23 сентября 1806 г. посыльный Гавриил Вуянович рассказал, что ворвавшийся во владения орсовского аяна отряд видинских войск под командой Дели-паши грабил и жег как валашские, так и сербские села. Ограблены были Теке, Чернеча, Кладово и другие места, указанные в сербско-турецком договоре.

Вторжение войск Пазванд-оглу в Малую Валахию и Неготинскую Крайну по существу сорвало установившееся было перемирие. На правом берегу Дуная видинским отрядам противостояли сербские войска под командой воеводы М.Стойковича, а на левом – войска Реджеб-аги и валашские ополченцы (милиция). В надежде уладить дело мирным путем крайковский каймакам направил в Видин депутацию из бояр и богатых купцов, которая повезла с собой часть затребованных Пазванд-оглу денег. Однако несговорчивый паша арестовал депутатов и приказал заковать их в цепи. Он распорядился держать их в тюрьме до тех пор, пока крайковский каймакам не заплатит всей назначенной им суммы¹¹⁰.

Чтобы защитить Малую Валахию от грабежей и насилий войск видинского паши, валашские бояре при содействии российских дипломатов в Дунайских княжествах начали формировать и вооружать отряды (милицию) из наемников и местного населения. В середине сентября 1806 г. в Бухарест прибыл К.К.Родофиникин, которому было поручено помочь боярам принять срочные меры для "охранения земли от разорения". Под его руководством с 17 сентября 1806 г. началось вооружение 2-тысячного отряда милиционеров; командовать ими поручено четырем валашским боярам. Тогда же Родофиникин, по его словам, "дал знать сербам, чтобы (они. – В.Г.) учинили сильную противу Видина демонстрацию"¹¹¹ и расчистили путь для "беспрепятственного и верного" сообщения между Сербией и Валахией, который понадобится и для доставки сербам 13 тыс. червонных, доставленных от генерала И.И.Михельсона майором Макаровым¹¹².

Италинский 18 сентября 1806 г. писал Родофиникину из Константинополя: "В ожидании разрешения кризиса (в Дунайских княжествах. – В.Г.) необходимо противодействовать, насколько это в нашей власти, как административным, так и финансовым мероприятиям новых господарей и ничем не пренебрегать для этой цели"¹¹³.

Российский генеральный консул в Яссах И.Ф.Болкунов, со своей стороны, 20 сентября 1806 г. направил Пазванд-оглу ноту с требованием прекратить грабежи мирного населения и вывести войска из Малой Валахии, которая по условиям русско-турецких договоров находится под покровительством и защитой России¹¹⁴.

Прибывший из Сербии арнаутский капитан Бей Новокрешеный (он же Угричич Требиньский) в последних числах сентября 1806 г. явился к А.Чарторыйскому, который тогда находился в местечке Пулово, и заявил, что он имеет возможность набрать наемников из числа своих прежних сослуживцев сербов, болгар, албанцев, босняков, часть которых находится в Валахии и за Дунаем, а часть – в Херсонской губернии. Чарторыйский до-

ложил об этом царю, который приказал отправить Бея Новокрещенова к К.И.Мейендорфу, чтобы тот, уточнив личность и реальные возможности арнаутского капитана, принял нужное решение¹¹⁵.

В связи с восстановлением прежних господарей А.Суцу покинул Бухарест и остановился в Рушукe у Мустафы Байрактара. В Рушукe Суцу получил предписание Порты направить в Сербию верных людей, чтобы склонить сербских повстанцев к примирению на условиях их полного прощения и предоставления всех просимых ими привилегий¹¹⁶. В помощь Суцу из Константинополя прибыли два офицера французской армии. Один из них, поляк Фальковский, вскоре объявился в Яссах, а второй, фамилия которого не указана в источнике, – в Бухаресте. Из названных городов они отправились сначала в Видин, а затем – в Сербию¹¹⁷.

Усиление активности французских агентов в Дунайских княжествах и Сербии осенью 1806 г. не осталось незамеченным в Петербурге. Министр иностранных дел А.Я.Будберг 16(28) октября 1806 г. отправил К.К.Родофиникину предписание покинуть Валахию, явиться в распоряжение главнокомандующего Днестровской армией И.И.Михельсона и при его штабе возглавить, как сказано в предписании, "экспедицию, которая должна стараться и узнавать в точности состояние войск неприятельских, о силе армии их, о эмиссарах, которые со стороны французского правительства при войске турецком находиться будут"¹¹⁸. Тогда же Будберг предупредил и Михельсона, чтобы он не обольщался заверениями непокорных Порте пашей и начальников придунайских крепостей. Однако министр рекомендовал главнокомандующему Днестровской армией по-прежнему "ласкать их... лестными видами" на будущее¹¹⁹.

Пока эти инструкции находились в пути, К.К.Родофиникин по приказу И.И.Михельсона, выехав из Тульчина 19 октября, на следующий день прибыл в Яссы и немедленно, по его словам, отправил письмо Карагеоргию с просьбой "приблизиться с сильным корпусом к Видину, что побудило бы Пазванд-оглу вывести войска свои из Валахии". Затем он послал письмо в Бухарест, чтобы каймакам и бояре направили в Малую Валахию не менее тысячи человек со всей валашской артиллерией (которая состояла из двух пушек) для занятия Крайовы и очищения ее от войск Пазванд-оглу¹²⁰. Болкунов, в свою очередь, просил Михельсона прислать в Яссы 4 тыс. червонных для пересылки их сербам¹²¹. Приезжавший в сентябре 1806 г. в Бухарест посыльный сербских повстанцев Гавриил Вуянович по возвращении в Сербию, сообщая Болкунову о благополучной доставке денег, одновременно "христа ради" просил, чтобы, как сказано в его письме, "войска российские сюда (в Сербию. – В.Г.) поспешили и неприятеля предупредили, чтобы

сербские труды не пропали"¹²². Другими словами, Г.Вуянович, видимо по поручению повстанческого руководства, давал понять Болкунову, что сербы в ближайшее время не смогут послать свое войско в пределы Видинского пашалыка. В эту тревожную пору, переполненную неопределенностью и ожиданием надвигавшейся со всех сторон опасности, валашские бояре старались не проявлять открыто своих симпатий. По свидетельству Болкунова, никто из бояр не пришел даже на похороны Л.Парана, который в эти дни умер в Бухаресте¹²³.

Несмотря на быстро меняющуюся международную ситуацию на Балканах, междоусобная борьба румелийских пашей и аянов не прекращалась вплоть до ввода российских войск в Дунайские княжества. В начале ноября 1806 г. А.Я.Италинский писал по этому поводу: "Междоусобные брани турецких аянов никогда не прекращались. Они усилились, когда Порта для поддержания низам-джедида отправила к Адрианополю до 40 тыс. войска, в том числе регулярного под начальством Кади-паши. Неудача сего паши к обращению в должное повиновение аянов Порте и последовавшее вскоре потом умерщвление Терсеник-оглу разбила аянов на партии и умножила между ими брани, которые поныне продолжаются"¹²⁴.

Принимая во внимание это обстоятельство и следуя рекомендациям А.Я.Будберга "ласкать лестными видами" коварных, но враждующих между собой придунайских пашей и аянов, главнокомандующий Днестровской армией И.И.Михельсон накануне ввода российских войск в Дунайские княжества разослал комендантам турецких крепостей письма, в которых предлагал им содействовать российским войскам при проведении этой операции. За содействие или даже за нейтралитет Михельсон сулил пашам и аянам сохранить за ними их прежние владения. Турки по-разному отреагировали на столь необычное предложение российского командования. В частности, командиры гарнизонов, располагавшихся в Измаиле, Браилове и Джурджу отклонили предложения Михельсона, отправив его письма в Константинополь. Начальники турецких гарнизонов в Хотине, Бендерах, Килии и Аккермане соглашались сдать охраняемые ими крепости без боя. Мустафа Байрактар, аян из г. Мачин и Иликли-оглу Силистрийский также соглашались оказать содействие российским войскам. Иликли-оглу даже предложил разместить в его владениях до 5 тыс. российских войск.

Положительная реакция ряда влиятельных придунайских аянов на предложения И.И.Михельсона крайне обеспокоила Порту и ее французских наставников. В связи с этим к Мустафе Байрактару были посланы особые уполномоченные Порты и французский офицер Кони. По пути следования в Русшук эти уполномоченные убеждали придунайских аянов в том, что Россия

ни за что не согласится сохранить за ними их прежние владения, поскольку она намерена создать из Дунайских княжеств, Сербии, Черногории и Далмации самостоятельные и независимые от Порты государства. От имени султана уполномоченные обещали прощение всем давшим согласие не воевать с Россией аянам, если они вновь покорятся Порте и откажутся от своих необдуманных решений. В Рушуке уполномоченные Порты передали Мустафе Байрактару особый фирман, в котором султан объявлял о присвоении ему звания трехбунчужного паши, придворного титула "великого конюшего", назначал его сераскером всех придунайских войск и признавал за ним право на все владения и имущество Терсеникли-оглу. В ответ на такую милость султана Мустафа Байрактар отрекся от всех обещаний, данных русскому командованию и валашским боярам, и передал уполномоченным Порты свою тайную переписку с К.Ипсиланти, И.И.Михельсоном, К.К.Родофиникиным и др. После отъезда уполномоченных Мустафа Байрактар заключил союз с Пазванд-оглу и энергично начал готовиться к войне с Россией¹²⁵. С ноября 1806 г. Мустафа Байрактар, по словам Михельсона, "открылся как первый наш противник"¹²⁶.

§ 7. Возобновление военных действий в Белградском пашалыке и занятие сербскими повстанцами Белграда

Как отмечалось выше, по прибытии турецкого мухасила Хассан-аги в Смедерево там собралась сербская скупщина, на которой решался вопрос о прекращении восстания на условиях Ичкова мира. Однако в ходе обсуждения наметились серьезные разногласия. Значительная часть старейшин настаивала на принятии условий Порты, а другая, во главе с верховным вождем, предлагала отклонить их. В конечном итоге было принято компромиссное решение заключить с войсками бейлербея Румелии временное перемирие.

Во французской газете "Монитор" за 11 ноября 1806 г. ее корреспондент в Землине писал по поводу переговоров сербов с мухасилом: "Создается впечатление, что сербские повстанцы не удовлетворены последними уступками султана и добиваются признания независимости Сербии. Есть основание предполагать, что переговоры нужны им для затяжки времени, а не для заключения подлинного мира"¹²⁷. На этот раз французский корреспондент не ошибался в своем предположении. Прибывший в Бухарест 26 октября 1806 г. посыльный из Сербии Т.Демелич передал Л.Г.Кирико уст-

ное сообщение Карагеоргия о том, что заключенное сербами в Смедерево перемирие с турками и их переговоры с мухасилом Хассан-агой не должны беспокоить командование российской армии. В действительности же повстанцы только ждут сигнала от русского командования, чтобы начать штурм Белграда и послать свои войска для занятия Неготинской Крайны, чтобы расчистить путь для соединения с российскими войсками. Если русское командование поможет хорошо вооружить и тех сербских повстанцев, у которых еще нет оружия, то они, по заверению Карагеоргия, смогут воевать не только с турками, но и противостоять французам¹²⁸.

Руководствуясь последними указаниями Александра I и учитывая настоятельные просьбы верховного вождя сербских повстанцев, инспектор артиллерии военного министерства России А.А.Аракчеев 3 ноября 1806 г. отправил приказ шефу артиллерийского полка генерал-майору Ильину выделить из запасов полка порох, свинец и бумагу для 10 тыс. сербских ополченцев из расчета по 60 патронов на человека¹²⁹. Через 9 дней Ильин рапортовал Михельсону о том, что 326 пудов пороха и 42 пуда свинца уже отправлены сербам из Каменец-Подольска¹³⁰. Вместе с тем, МИД России, со своей стороны, 21 ноября 1806 г. предупредило Михельсона: "По настоящему положению дел наших с турецким правительством, кажется, нельзя еще теперь принимать никаких решительных мер в рассуждении сербов, но тем не менее (нужно. – В.Г.) стараться утвердить упование их на помощь России. Не имея избытка в ружьях, не можем мы согласно с их требованием оными их снабдить, но коль скоро войска наши приблизятся к их границам, то, по крайней мере, отпускать к ним поколику возможно пороху и других военных припасов". Не возражал Будберг только против немедленной посылки в Сербию 3 или 5 русских офицеров для обучения сербских ополченцев военному делу и организации работ по постройке укреплений. Но и в данном случае, предупреждал он, до тех пор пока Порты не объявила войны России, это следует делать в "наивеличайшей тайне и со всею осторожностью, дабы Порты того не свела"¹³¹.

Болкунов из Ясс отправил с Г.Вуяновичем 4 тыс. червонных, который и передал их в Бухаресте Т.Демеличу в начале ноября 1806 г. Эти деньги вместе с рекомендациями Михельсона и Родофиникина посыльный благополучно доставил в лагерь сербских повстанцев¹³². Основной смысл рекомендаций командующего Днестровской армией сводился к тому, чтобы сербы, пишет Болкунов, "сосредоточив против видинских владений знатный корпус войск, держали Пазванд-оглу в беспрестанной заботе и что сею диверсиею могут они сделать много пользы страждущей Валахии, которой обстоятельства не позволяют еще оказать другой помощи"¹³³.

Тем временем в конце октября 1806 г. в Смедерево была собрана еще одна народная скупщина для обсуждения последних условий Порты. Несмотря на разногласия, Смедеревская скупщина 5 ноября 1806 г. приняла решение согласиться с этими условиями и направить в Константинополь депутацию в составе двух человек для заключения окончательного мира. В полномочии, выданном П.Ичко и Ж.Константиновичу, указывалось, что названным депутатам сербского народа поручается "твердо и окончательно" уладить с Портой все дела на основе достигнутой в Смедерево договоренности с мухасилом Хассан-агой и белградскими спахиями. Кроме того, на этой же скупщине было постановлено послать в Вену Иеремию Гагича с письмом к австрийскому императору, в котором сербы просили запретить австрийским пограничным властям снабжать белградских кирджалиев боеприпасами и провиантом, а также отменить запрет на закупку хлеба для нужд голодающего сербского народа¹³⁴. На Смедеревской скупщине было достигнуто соглашение и с мухасилом, обещавшим разослать от имени Порты всем турецким начальникам крепостных гарнизонов приказ о выводе войск из крепостей и передаче их сербам. Когда этот приказ был проигнорирован начальниками гарнизонов, предводители сербских повстанцев с одобрения мухасила начали подготовку к штурму Белграда и Шабача. В ходе подготовки сербам удалось подкупить сотника (булюк-башу) из состава белградского гарнизона албанца из Скутари католика Конду. В ночь с 29 на 30 ноября 1806 г., за несколько часов до начала штурма Белграда, Конда провел в город нескольких сербов, которые в начале штурма, открыв городские ворота, впустили атакующих повстанцев¹³⁵. Под натиском штурмующих сербов Кусанджали-Халил с 800 кирджалиями укрылся в верхней крепости и отсиживался там две недели. Оставшись без боеприпасов и продовольствия, осажденные кирджалии были вынуждены начать переговоры с сербами и мухасилом. 14 декабря 1806 г. Кусанджали-Халил подписал акт о капитуляции, 17 декабря 1806 г. вывел кирджалиев из крепости, а сам в лодке уплыл в Видин. Брошенные им кирджалии небольшими группами разошлись по окрестным лесам, где их вылавливали и истребляли сербы¹³⁶.

В данной связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что время штурма Белграда, видимо, не случайно совпало с занятием войсками Мустафа-паши Байрактара Бухареста, куда они вошли в тот же день, т.е. 30 ноября 1806 г.

* * *

При оценке рассмотренных в главе IV событий отметим те моменты, которые чаще всего выпадают из поля зрения как зарубежных, так и российских исследователей.

Во-первых, обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство мероприятий, предусматривавшихся планом Порты по защите Османской империи от внешних и внутренних врагов, не было обеспечено достаточными военными силами и материальными ресурсами. По этим и другим причинам реализация этого широкомасштабного плана была практически сорвана на первых же этапах. Насильственное введение реформ низам-и-джедид и, прежде всего, попытки реорганизации янычарского войска и института аянов вызвали активное противодействие как столичных чиновников и горожан, так и большинства провинциальных пашей, аянов, янычар и гражданского населения. Наиболее активно это проявилось в Адрианополе, Пловдиве, Нише, Лесковце, в Белградском и других пашалыках Румелии. Всеобщее недовольство внутренней политикой Порты, кульминацией которого явился поход румелийской оппозиции на Константинополь, поставило султана Селима III перед необходимостью в очередной раз отказаться от введения нового порядка, согласиться на кардинальные перемены в составе правительства, а также идти на разрыв отношений со своими бывшими союзниками Россией и Англией и на сближение с Францией.

Во-вторых, все вышеназванное указывает на то, что обострение кризиса в балканских владениях Османской империи и осложнения в сфере международных отношений в данном регионе не могли не отразиться и на сербо-турецких отношениях. Совокупность указанных факторов позволила сербским повстанцам активизировать свою деятельность и добиться значительных успехов в борьбе с турками. Уже в апреле 1806 г. Правительствующий совет повстанческой Сербии информировал Петербург об изгнании из большинства нахий Белградского пашалыка всех турецких войск и просил правительство России установить в их земле "лучший порядок". С другой стороны, обострение кризисной ситуации в Европейской Турции и летние победы сербов поставили султана и Порту перед необходимостью отказаться от карательного похода против сербов Белградского пашалыка, согласиться в августе 1806 г. на условия Ичкова мира и 2(14) сентября 1806 г. заключить перемирие с сербами.

В-третьих, в свете изложенных в главе IV фактов было бы несправедливо отрицать определенное влияние заступничества Австрии и России на решение Порты об отмене карательного похода на сербов. Несмотря на различие подхода правительств Австрии и России к характеру и планам сербского восстания, султан и Порты, в той или иной мере, все же были вы-

нуждены считаться с рекомендациями российского и австрийского монархов – об этом свидетельствуют попытки Порты уговорить сербских повстанцев прекратить восстание.

В-четвертых, при характеристике внешней политики сербских повстанцев в данный период в нашей и зарубежной историографии из поля зрения исследователей обычно выпадает ее изменчивость. Например, когда Порта в конце 1805 г. объявила о карательном походе на Сербию, сербские депутаты в феврале 1806 г. сообщили о готовности повстанцев помогать русским войскам воевать против французов в Далмации. Взамен этого депутаты просили помочь освободиться от османского ига, ввести российские войска в Дунайские княжества и Сербию, снабдить 50 тыс. сербских воинов оружием, боеприпасами и деньгами. В подтверждение этого Правительствующий совет в апреле 1806 г. информировал Петербург о выходе сербских отрядов на границу с Боснией и об их готовности идти на соединение с черногорцами и русскими, которые недавно заняли Боку Которскую, часть Далмации, окружили Дубровник и Скутари. В августе 1806 г. Карагеоргий известил правительство России о том, что отряды сербских повстанцев готовятся к занятию Неготинской Крайны, чтобы выйти к берегу Дуная в районе крепости Кладово, где они предполагают соединиться с русскими войсками.

Между тем, во время перемирия с турками, заключенного 2(14) сентября 1806 г., повстанческое руководство уже не поднимало вопрос о готовности сербов воевать с французами. Более того, накануне введения российских войск в Дунайские княжества, точнее, когда уполномоченный МИД России К.К.Родофиникин 19 октября 1806 г. предложил сербам "учинить диверсию" против Видина для того, чтобы Пазванд-оглу вывел свои войска из этой крепости и из пределов Малой Валахии, Карагеоргий потребовал для проведения этой операции ввести российские войска в Сербию. Отказ верховного вождя от своих первоначальных обещаний, естественно, не мог не насторожить как правительство России, так и командование Днестровской армии.

¹ Подробнее об этом см.: *Вукчевић М. Карађорђе*. Београд, 1912. Књ. II. С.343–344; *Грачев В.П. Начальный этап русской политики в отношении Первого сербского восстания 1804–1813 гг. // Югословенске земље и Русија...* С.188–189; *Грачев В.П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.* М., 1990. С.170–172.

² Первое сербское ... Кн.1. С.182–185. Обращение сербского народа к султану Селиму III от 30 ноября 1805 г.; С.178–182. Карагеоргий и М.Неиладович – Александру I, 30 ноября 1805 г.

³ Первое сербское ... Кн.1. С.197–199. Б.Груйович – А.Я.Италинскому, 2(14) января 1806 г. Подробнее об этом см.: *Вукићевић М. Карађорђе. С.303–307; Грачев В.П.* Балканские владения... С.173–175.

⁴ Списи бечких архива о првом српском устанку од А.Ивића. III. Суботица, 1937. Књ. С.7. Полномочия сербским депутатам от 11(23) января 1806 г.

⁵ Там же. С.56. Эрцгерцог Карл – Карагеоргию, 7 марта (н/с) 1806 г.

⁶ Первое сербское... Кн.1. С. 216–219. Обращение сербской депутации в Вене к царю Александру I от февраля (б/ч) 1806 г.

⁷ Там же. С.200–202. Доклад А.Чарторыйского Александру I от 11(23) января 1806 г.

⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Министерство. Оп.468. Д.7892. Л.428–433. Доклад А.Чарторыйского Александру I, 11(23) января 1806 г.

⁹ Первое сербское ... Кн.1. С.210–212. А.Чарторыйский – А.Я.Италинскому, 3(15) февраля 1806 г.

¹⁰ Там же. С.197–199. Б.Груйович – А.Я.Италинскому, 2(14) января 1806 г.

¹¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.395. Л.84–85. Карагеоргий – И.И.Михельсону, 18(30) января 1806 г.

¹² АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.127. Л.11–13. "Записка бухарестских и задунайских известий" до 31 января (12 февраля) 1806 г.

¹³ Первое сербское ... Кн.1. С.212–214. К.Ипсиланти – А.Чарторыйскому, 9(21) февраля 1806 г.

¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1822. Л.22–23. К.Ипсиланти – А.Чарторыйскому (б/д); *Богшиич В.* Разбор сочинения Н.Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. С.41–44.

¹⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 804. Д.5. Ч.II. П.3. Л.10–11. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 4(16) марта 1806 г.

¹⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.46. Л.160–163. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 16(28) марта 1806 г.; Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.242–248. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 16(28) марта 1806 г.

¹⁷ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.46. Л.185–192. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 31 марта (12 апреля) 1806 г.

¹⁸ Там же. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д.2257. Л.363–364. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18(30) апреля 1806 г.

¹⁹ Первое сербское ... Кн.1. С.241–242. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 18(30) марта 1806 г.

²⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.1671. Л.105. И.Ф.Болкунов – А.Я.Италинскому, 29 мая (10 июня) 1806 г.

²¹ Там же. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.I. П.4. Л.41–43. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 31 марта (12 апреля) 1806 г.

²² Первое сербское ... Кн.1. С.245–247. К.Ипсиланти – А.Чарторыйскому, не позднее 3(15) апреля 1806 г.

²³ Там же. С.235–239. Правительствующий Совет Сербский –И.Ф.Болкунову, 11(23) апреля 1806 г.

²⁴ Там же. С.239. Б.Груйович – П.Новоковичу, 12(24) апреля 1806 г.

²⁵ Там же. С.240; ВПР. Т.III. С.143–144. Александр I – Селиму III, 30 апреля (12 мая) 1806 г.

²⁶ Documente... Vol. IV. P.622. "Записка..." до 30 апреля (12 мая) 1806.

²⁷ Ibid. P.621. "Записка..." до 14(26) мая 1806 г.

²⁸ Первое сербское ... Кн.1. С.248–250. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 3(15) июня 1806 г.

- ²⁹ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д.148. Л.100. Л.Г.Кирико – И.Ф.Болкунову, 30 мая (11 июня) 1806 г.
- ³⁰ Первое сербское ... Кн.1. С.253–254; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.11524. Л.65–66. Ш.Талебран – П.Рюффену, 8(20) и 13(25) июня 1806 г.
- ³¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2258. Л.61–71. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 2(14) июля 1806 г.
- ³² Там же. Д.46. Л.1–2. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 4(16) января 1806 г.
- ³³ Там же. Д.2257. Л.33–46. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 18(30) марта 1806 г.: Documente... Vol. IV. P.619. "Записка..." до 9(21) апреля 1806 г.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.II. П.1. Л.6–7. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 2(14) января 1806. № 91.
- ³⁵ Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.127. Л.14–17. "Записка..." до 23 февраля 1806 г.
- ³⁶ Documente... Vol.IV. P.608–610. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 26 февраля 1806 г.
- ³⁷ Ibid. P.613–614. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 8(20) марта 1806 г.
- ³⁸ Первое сербское... Кн.1. С.219–221. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 4(16) марта 1806 г.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2257. Л.173–192. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 8(20) марта 1806 г.
- ⁴⁰ Documente... Vol.IV. P.619. "Записка..." до 9(21) апреля 1806 г.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.9. Ч.II. П.5. Л.7–10. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 3(15) мая 1806 г.
- ⁴² Documente... Vol. IV. P.621–622. И.Ф.Болкунов – А.Чарторыйскому, 3(15) мая 1806 г.; P.622, 624, 625–626. "Записка..." до 30 апреля (12 мая), до 14(26) мая, до 28 мая (9 июня) 1806 г.
- ⁴³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1873. Л.25–26. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 4(16) мая 1806 г.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1806. Д.2258. Л.169–174. Копия ноты И.Штюрмера Порте от 13 июня (н/с) 1806 г.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2258. Л.163–168. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 16(28) июня 1806 г.
- ⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Lavallee Th. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris. 1885. P.440; Juchereau de Saint-Denny. Revolutions de Constantinople en 1807–1808. Paris. 1819. P.27; Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1997. С.305–311.*
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2258. Л.163–168. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 16(28) июня 1806 г.
- ⁴⁸ Documente... Vol. IV. P.627. "Записка..." до 11(23) июня 1806 г.
- ⁴⁹ Первое сербское ... Кн.1. С.248–250. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 3(15) июня 1806 г.
- ⁵⁰ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.863. Л.34. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 24 июня (6 июля) 1806 г.; Documente... Vol. IV. P.629–630. "Записка..." до 29 июня 1806 г.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.141. Л.30–31. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 12(24) июня 1806 г.
- ⁵² Там же. Ф. Канцелярия МИД. 1806. Оп. 468. Д.2261. Л.136–137. Е.Флори – Г.Д.Мочениго, 11(23) сентября 1806 г.
- ⁵³ Documente... Vol. IV. P.632. "Записка..." до 12(24) июля 1806 г.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2258. Л.61–71. А.Я.Италинский – А.Чарторыйскому, 2(14) июня 1806 г.; Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.865. Л.143–145. "Записка..." до 5(17) июля 1805 г.

⁵⁵ Там же. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Оп.468. Д.2258. Л.300–304. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 17(29) июля 1806 г.; Documente... Vol. IV. P.635–639. "Записка..." до 30 июля 1806 г.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.141. Л.30–31, 43–46. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 12(24) и 30 июля (11 августа) 1806 г.

⁵⁷ Documente... Vol. IV. P.630. "Записка..." до 29 июня (11 июля) 1806 г.

⁵⁸ Первое сербское ... Кн.1. С.264. "Записка..." до 12(24) августа 1806 г.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. Д.11523. Л.70. Копия донесения английского посла в Турции Ч.Арбатнота министру иностранных дел Великобритании Ч.Д.Фоксу, 14 августа (н/с) 1806 г.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Оп.468. Д.2258. Л.466–470. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 18(30) августа 1806 г.

⁶¹ Там же. Д.1880. Л.21–42. К.К.Родофиникии – А.Я.Будбергу, 14(26) сентября 1806 г.

⁶² Там же. Оп. 517. Д.865. Л.190. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 20 и 26 августа 1806 г.

⁶³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.865. Л.206. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 14(26) сентября 1806 г.

⁶⁴ Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.149. Л.274–280. Л.Г.Кирико – К.К.Родофиникину, 20 сентября (2 октября) 1806 г.

⁶⁵ Там же. Л.Г.Кирико – И.Ф.Болкунову, 4(16) сентября 1806 г.

⁶⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.140. Л.213–214. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 23 сентября (5 октября) 1806 г.

⁶⁷ Станиславская А.М. Русско-английские отношения... С.448.

⁶⁸ Первое сербское ... Кн.1. С.282. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 18(30) сентября 1806 г.; АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.865. Л.131–132. "Записка..." до 18(30) июня 1806 г.

⁶⁹ Петр Ичко родился в с. Котраница Каиларского среза, располагавшегося между городами Бер и Остров в Южной Македонии. Свою карьеру он начал секретарем молдавского князя А.Мурузи, а затем служил переводчиком при турецких миссиях в Вене и Берлине. Перед поездкой в Константинополь в качестве сербского депутата П.Ичко занимал должность торгового консула Порты в Белграде (АВПРИ. Ф. Канцелярия. *Saupagne Turquie* 1806. Д.1872. Л.6–7. И.И.Михельсон – Александру I, 13(25) августа 1806 г.) Подробнее об этом см.: *Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. II. С.385.

⁷⁰ Первое сербское ... Кн.1. С.256–257. Карагеоргий – А.Я.Италинскому, 1(13) июля 1806 г.

⁷¹ Там же. С.257–258. Полномочия сербского народа П.Ичко от 1(13) июля 1806 г.

⁷² АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.1671. (136/3). Л.167. И.Ф.Болкунов – А.Я. Италинскому, 18(30) июля 1806 г.; *Вукићевић М.* Карађорђе. Књ. II. С.342.

⁷³ *Panaitescu P.P.* Corespondenta lui C. Ipsilanti eu guvernul rusesc 1801–1810. București, 1933. P.29. К.Ипсиланти – А.Чарторыйскому, 24 июля (5 августа) 1806 г.; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т.1. С.33–39.

⁷⁴ Первое сербское ... Кн.1. С.259–260. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 2(14) августа 1806 г.

- ⁷⁵ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.130. Л.72–73. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 2(14) августа 1806 г.
- ⁷⁶ Первое сербское ... Кн.1. С.260–264. Условия мира с сербами, переданные Портой П.Ичко, 3 августа 1806 г.
- ⁷⁷ См. комментарий Р.Перовича к документу в кн.: Први српски устанак. Београд, 1977. Књ.1. С.198–203.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.III. П.10. Л.8–9. И.Ф.Болкунов – А.Я.Будбергу, 3(15) октября 1806 г.
- ⁷⁹ Первое сербское ... Кн.1. С.298–299. Карагеоргий – И.Ф.Болкунову, 3(15) октября 1806 г.
- ⁸⁰ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.130. Л.84–85. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 17(29) августа 1806 г.
- ⁸¹ Там же. Д.148. Л.121. Л.Г.Кирико – И.Ф.Болкунову, 10(22) августа 1806 г.
- ⁸² Там же. Д.141. Л.30–31. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 12(24) июля, 30 июля (11 августа) 1806 г.
- ⁸³ Там же. Ф. ГА 1–9. 1807. Д.9. Л.11–24. Обзор событий в Сербии до 1811 г.
- ⁸⁴ Первое сербское ... Кн.1. С. 265–267. Карагеоргий – И.Ф.Болкунову, 19(31) августа 1806 г.
- ⁸⁵ Први српски устанак. К?.1. С.216–217. К.Йованович – Ст.Стратимировичу, 28 августа 1806; Documente... Vol. IV. P.639. "Записка..." до 22 августа 1806 г.
- ⁸⁶ Первое сербское ... Кн.1. С.267–268. П.Новакевич – Л.Г.Кирико; П.Новакевич – И.Ф.Болкунову, 31 августа (11 сентября) 1806 г.
- ⁸⁷ Там же. С.287–289. Г.Вуянович – И.Ф.Болкунову, 20 сентября 1806 г.
- ⁸⁸ Там же. С.268–300. Документы № 164,167,172,173,180.
- ⁸⁹ Там же. С.272. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 11(23) сентября 1806 г.
- ⁹⁰ Исторический архив. М., 1960. № 1. С.119. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 12(24) сентября 1806 г.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д.9. Л.11–24. Обзор событий в Сербии до 1811 г.
- ⁹² Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д.130. Л.3–6. А.Я.Италинский – К.К.Родофинкину, 18(30) сентября 1806 г.
- ⁹³ Први српски устанак. К?.1. С.225. К.Йованович – Ст.Стратимировичу, 2 октября 1806 г.; Списи бечких архива. К?. III. С. 387–388. П.Митесер – Й.Дженейну, 13 октября 1806 г.; Вухићевић М. Караџорђе. Књ. II. С.415–420. Ђорђевић М.Р. Политичка историја Србије XIX и XX века. Београд, 1956. С.154.
- ⁹⁴ ВПР. Т.III. С.136. Инструкция МИД России П.Я.Убри от мая (6/ч) 1806 г.
- ⁹⁵ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1804. Д.5. Ч.II. П.8. Л.22–23. И.Ф.Болкунов – А.Я.Будбергу, 27 августа (8 сентября) 1806 г.
- ⁹⁶ ВПР. Т.III. С.263–264, 273–278, 284–289, 703. Примечание № 186; АВПРИ. Ф. ГА 1–8. 1804. Д.5. Ч.П. П.10. Л.33, 49. И.Ф.Болкунов – А.Я.Будбергу, 12(24) октября 1806 г.
- ⁹⁷ ВПР. Т.III. С.300–303. А.Я.Будберг – А.Я.Италинскому, 26 августа (7 сентября) 1806 г.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.130. Л.36. А.Я.Италинский – К.К.Родофинкину, 18(30) сентября 1806 г.
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.2259. Л.50–53. Нота Г.Ф.Себастиани Порте от 16 сентября 1806 г.
- ¹⁰⁰ Подробнее об этом см.: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. М.–Л., 1947. С.125–126; Мутафчиева В. Кърджалийско време. София, 1977. С.310–311.

- ¹⁰¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1806. Оп.468. Д.2259. Л.65–68. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 18(30) сентября 1806 г.
- ¹⁰² Там же. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1879. Л.19–21. А.Я.Будберг – К.К.Родофиникину, 17(29) сентября 1806 г.; Первое сербское... Кн.1. С.289–290. К.К.Родофиникин – И.И.Михельсону, 24 сентября (6 октября) 1806 г.
- ¹⁰³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д.1873. Л.61. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 23 сентября (5 октября) 1806 г.
- ¹⁰⁴ ЦГВИА. Ф.1. Оп.1. Д.1107. Л.156–158. Доклад С.К.Вязмятинова Александру I, 8(20) октября 1806 г.
- ¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Константинополь. 1806. Д.2256. Л.8–11. А.Я.Италинский – Александру I, 6(18) октября 1806 г.
- ¹⁰⁶ ВПР. Т.IV. С.347–348. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 6(18) октября 1806 г.
- ¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1872. Л.15–17. И.И.Михельсон – Александру I, 13(25) октября 1806 г.
- ¹⁰⁸ ВПР. Т.III. С.360–361. И.И.Михельсон – Александру I, 19(31) октября 1806 г.
- ¹⁰⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1880. Л.41–42. К.К.Родофиникин – А.Я.Будбергу, 14(26) сентября 1806 г.
- ¹¹⁰ Первое сербское... Ки.1. С.294. Г.Вуянович – И.Ф.Болкунову, 30 сентября (12 октября) 1806 г.; С.296. Л.Г.Кирико – И.Ф.Болкунову, 10(22) октября 1806 г.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1880. Л.47–48. К.К.Родофиникин – А.Я.Будбергу, 24 сентября (6 октября) 1806 г.
- ¹¹² Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д.130. Л.165–166. И.Ф.Болкунов – Л.Г.Кирико, 23 сентября (5 октября) 1806 г.; ЦГВИА. Ф. 14209. Оп. 5/165. Св.22. Д.14. Л.1–2. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 24 сентября (6 октября) 1806 г.
- ¹¹³ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.130. Л.3–6. А.Я.Италинский – К.К.Родофиникину, 18(30) сентября 1806 г.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.140. Л.215–216. И.Ф.Болкунов – Пазванд-оглу, 20 сентября (2 октября) 1806 г.
- ¹¹⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.395. Л.42. А.Чарторыйский – К.И.Мейендорфу, 4(16) октября 1806 г.
- ¹¹⁶ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. Д.149. Л.345–346. Л.Г.Кирико – К.К.Родофиникину, 5(17) октября 1806 г.
- ¹¹⁷ Там же. Л.339–342. Л.Г.Кирико – К.К.Родофиникину, 8(20) октября 1806 г.
- ¹¹⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.394. Ч.1. Л.164–165. А.Я.Будберг – К.К.Родофиникину, 16(28) октября 1806 г.
- ¹¹⁹ Там же. Л.125. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 16(28) октября 1806 г.
- ¹²⁰ ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.165. Св.23. Д.39. Ч.1. Л.23. К.К.Родофиникин – И.И.Михельсону, 20 октября (1 ноября) 1806 г.
- ¹²¹ АВПРИ. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.141. Л.49. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 22 октября (3 ноября) 1806 г.
- ¹²² ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.5/165. Св.22. Д.14. Ч.2. Л.611. Г.Вуянович – И.Ф.Болкунову, 22 октября (3 ноября) 1806 г.
- ¹²³ АВПРИ. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.14. Л.109–111. И.Ф.Болкунов – И.И.Михельсону, 7(19) ноября 1806 г.
- ¹²⁴ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Оп.517. Д.49. Л.428. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 2(14) ноября 1806 г.

¹²⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.2884. Л.178–186. Кирико Л.Г. Краткое историческое обозрение происшествий на правом берегу Дуная и Валахии с начала княжения К.Испиланти по 1812 г. Ср.: Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. С.125–126.

¹²⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.2877. Л.280. Выписка из журнала донесений Михельсона Александру I с 26 ноября по 19 декабря 1806 г.; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1887. Л.7. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 9 января 1807 г.

¹²⁷ Moniteur. 1806. II. XI.

¹²⁸ Первое сербское... Кн. I. С.302. И.Ф.Болкунов – А.Я.Италинскому, 23 октября 1806 г.

¹²⁹ Там же. С.303. А.Аракчеев – Ильину, 3(15) ноября 1806 г.

¹³⁰ ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.5/165. Св.11. Д.109. Л.54. Ильин – И.И.Михельсону, 12(24) ноября 1806 г.

¹³¹ ВПР.Т. III. С.402–403. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 21 ноября (3 декабря) 1806 г.

¹³² Первое сербское... Кн. I. С.304. Л.Г.Кирико – И.Ф.Болкунову, 4(16) ноября 1806 г.

¹³³ Там же. С.302–303. И.Ф.Болкунов – Л.Г.Кирико, 30 октября (11 декабря) 1806 г.

¹³⁴ Први српски устанак. Књ. I. С.235–237, 238–239. Документы № 184, 186, 189. Подробнее об этом см.: Гавриловић Сл. Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад, 1974. С.47–49.

¹³⁵ Први српски устанак. Књ. I. С.241–243. Документы № 192, 193, 195; АВПРИ. Ф. ГА 1–9. Д.9. Л.11–24. Обзор событий в Сербии до 1811 г.

¹³⁶ Подробнее об этом см.: Вукићевић М. Карађорђе. Књ. II. С.428–429, 435–445; Тошковић Ј. О паду Београда и Шапца. Београд, 1930; Гавриловић Сл. Војводина и Србија... С.67–70.

Глава V

НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ

Прежде чем приступить к рассмотрению фактических данных по означенным в данной главе вопросам, возникает необходимость обратить внимание на характер разногласий, которые имели и имеют место в нашей отечественной и зарубежной историографии при освещении причин и целей русско-турецкой войны 1806–1812 гг., а также при оценке влияния этой войны на динамику и характер национально-освободительного движения.

Как отмечалось в главе I, значительная часть российских историков XIX в. (С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Н.А.Попов, А.Н.Попов и др.), отрицая завоевательный характер русско-турецкой войны 1806–1812 гг., выдвигали на первый план стремление правительства России оказать помощь христианским народам Османской империи в их справедливой борьбе за независимость. В отличие от названных историков специалист по истории русско-турецких войн XVIII–XIX вв. военный историк А.Н.Петров исходил из предпосылки, согласно которой любая война так или иначе преследует завоевательные цели. Подходя к оценке русско-турецкой войны 1806–1812 гг. с этих позиций, Петров назвал ее "странной войной", поскольку она, с его точки зрения, не имела "твердо поставленной цели". Другими словами, у правительства России, когда оно начинало войну с Турцией, не было ясно выраженных завоевательных целей.

Зарубежная историография XIX в., особенно французская, в свою очередь отрицала завоевательный характер наполеоновских войн и обвиняла Россию в этом грехе. А.Тьер, Б.С.Куниберт, О.Сор, Г.Дицль, Б.Калай, Г.Варди, Д.Бакер и др., вторя тезисам наполеоновской пропаганды, обвиняли Россию в том, что она ради своих интересов вовлекала в войны с Францией и Турцией балканских христиан, а после их окончания бросала эти народы на произвол судьбы.

Позднее этот тезис был подхвачен и развит дальше сербской и югославской историографией второй половины XIX – начала XX в. Некоторые представители югославской историографии второй половины XX в. довели эту концепцию, на наш взгляд, до абсурда. Один из ее основоположников Д.Перович утверждал, что сербская революция 1804–1813 гг. в силу своей

буржуазной природы изначально не могла согласовать свои задачи и методы борьбы с завоевательной политикой царского правительства феодальной России, которое преследовало на Балканах свои империалистические интересы. Связав себя с Россией, сербские повстанцы, с одной стороны, восстановили против себя другие европейские державы, а с другой стороны, утратили возможность влиять на развитие национально-освободительного движения в других областях балканских владений Османской империи. С началом русско-турецкой войны 1806–1812 гг. у России, пишет Д.Перович, "обнаружилась тенденция трактовать просьбы сербских повстанцев о русской помощи и протекторате как предлог для проведения политики подчинения Сербии российской верховной власти и права непосредственного вмешательства во внутренние дела сербов"¹.

Чтобы убедиться в произвольном истолковании интересующей нас проблемы и несостоятельности аналогичных точек зрения, внимательно присмотримся к фактам, которые зафиксированы в аутентичных источниках, относящихся к кануну и начальному периоду русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

§ 1. Стратегические планы "странной войны" и первоначальная цель введения российских войск в Дунайские княжества

Письма господаря Валахии К.Ипсилянты и донесения российских дипломатов из разных мест Османской империи не оставляют сомнения в том, что к осени 1806 г. Порты под впечатлением военных успехов Наполеона и под давлением французской дипломатии не только решила на разрыв союзных отношений с Англией и Россией, но и начала скрытую подготовку к войне с последней. Но, будучи до крайности ослабленной внутренними неурядицами, она стремилась оттянуть войну до более подходящего времени. На основе анализа поступавших из разных концов Европы сведений А.Чарторыйский, значительная часть членов Государственного совета Российской империи, а также и главнокомандующий российской армией на Днестре И.И.Михельсон пришли к убеждению о необходимости нанесения быстрых и энергичных ударов по наиболее уязвимым местам Османской империи, которые должны были привести Порту к "чрезмерному потрясению", вынудили бы ее отказаться от ориентации на Францию и остаться верной русско-турецкому союзному договору 1805 г. В то же время в Петербурге понимали, что превентивные удары достигнут намеченной цели

только в том случае, если сухопутные и морские силы России будут взаимодействовать не только с морскими силами Англии, но и с христианами балканских владений Турции, которые заинтересованы в освобождении от османской зависимости и в создании своих национальных государств. Однако взаимодействие с населением балканских владений Порты и Черногории вполне очевидно вступало в противоречие с союзными отношениями России как с Турцией, так и с Австрией. Не устраивало оно и Англию, а тем более Францию. Опасность утратить и без того слабые надежды на сохранение союза с Турцией и тем более с Австрией заставляла Александра I и некоторых влиятельных политиков России сдержанно относиться к заманчивой идее активного привлечения балканских христиан к реализации превентивных мер в отношении Турции, на чем активнее других настаивали А.Чарторыйский, Н.Н.Новосильцев и П.А.Строганов.

Разногласия между Александром I и А.Чарторыйским по этим вопросам, возникшие с наибольшей остротой в период разрешения Которской проблемы, привели к тому, что Чарторыйский был вынужден подать в отставку, которая и была принята царем в июне 1806 г. Вскоре после этого ушли в отставку Н.Н.Новосильцев, а затем П.А.Строганов, направленный потом в Лондон. И тем не менее, Чарторыйский, оставаясь членом Сената и Государственного совета, продолжал активно настаивать на реализации стратегического плана, основу которого составляли принудительные меры, направленные на удержание Порты в союзе с Россией. В частности, в записке от 22 января (3 февраля) 1807 г. он писал, что успех переговоров с Портой о заключении мира на выдвигаемых Россией условиях мог бы зависеть от двух главнейших обстоятельств:

а) от эффективных военных действий российских войск на Ионических островах, в Боке Которской и Дубровнике, в Дунайских княжествах, от атаки флотом черноморских портов Турции с севера и юга;

б) от массового восстания христианского населения в балканских владениях Турции и их взаимодействия с российскими войсками².

В другой записке от 1(13) марта 1807 г. он же высказывал соображения о том, что началу мирных переговоров должны предшествовать синхронные и энергичные военные действия, которые принудят Порту согласиться с нужными России условиями. Если Порта пойдет на переговоры, то Россия могла бы предъявить ей следующие требования:

1. Предоставление сербам автономии, гарантами которой будут выступать Россия и Австрия; сербы же обязаны будут платить султану умеренную дань.

2. Турция обязуется совместно с Россией принять участие в изгнании французов из Далмации.

3. Порта должна будет признать необходимость пребывания российских войск в Дунайских княжествах до заключения мирного договора с Россией. Если же Порта откажется вести переговоры на этих условиях, то Чарторыйский не исключал возможность похода российских войск на Константинополь и даже раздела европейских владений Турции³.

Как увидим ниже, не все из идей Чарторыйского отвергались царем и новым министром иностранных дел А.Я.Будбергом.

Разъясняя причины ввода российских войск в Дунайские княжества, А.Я.Будберг 15(27) ноября 1806 г. писал А.Я.Италинскому в Константинополь: "При таком неопределенном положении вещей императорскому двору не остается ничего иного, как твердо и последовательно осуществить заранее намеченный его величеством план, имеющий целью не только сохранить свое достоинство и защитить свои права, но и побудить Порту при помощи чрезвычайного потрясения (подчеркнуто мной. – В.Г.) вернуться к тем единственным принципам, неизменного соблюдения которых требуют ее самые насущные интересы. В связи с этим генерал Михельсон, главнокомандующий армией на Днестре, получил приказ вступить в Молдавию, но не как враг, коим его не преминут представить недоброжелатели, а с единственной целью восстановить прежние отношения" с Турцией⁴.

Соответственно такая же цель была поставлена и перед эскадрой вице-адмирала Д.Н.Сенявина. "Предпринимаемые действия на Дунае войсками, под начальством вашего высокопр-ва состоящими, и приближение к архипелагу эскадры г-на вице-адмирала Сенявина, – писал Будберг Михельсону, – увеличивая опасность положения Порты, конечно, усилят стремление ее к скорейшему прекращению войны. Так как ни желания, ни намерения е.и.в-ва не было распространять пределов империи своей новыми от Порты Оттоманской завоеваниями, но все меры стремились единственно к тому, дабы державу сию вывести из заблуждений, в каковые вовлечена коварными внушениями французского правительства, и дабы на прочном основании восстановить доселе с нею существовавшее согласие, то для скорейшего достижения сей толико желаемой цели е.и.в-во за благо признать изволил по сему предмету поручение полковнику Поццо-ди-Борго, состоящее в том, чтобы он из Вены, где ныне находится, немедленно отправился на эскадру вице-адмирала Сенявина, а оттуда изыскал бы случай сделать внушения турецкому правительству относительно истинных распоряжений государя императора к Порте Оттоманской и готовности его приступить к мирным переговорам. На случай податливости турецкого министерства на

таковые предложения, как в том нельзя сомневаться, г-н Поццо-ди-Борго снабжен полною мочью и нужными наставлениями к заключению прелиминарного договора". В том случае, если Порта даст согласие на подписание прелиминарного договора, Михельсону надлежало приостановить военные действия, но не выводить своих войск с занятых позиций до окончательного подписания мира с Турцией⁵.

По получении приказа из Петербурга передовой отряд российских войск в 3500 человек под командой генерала П.Долгорукова, переправившись через Днестр у Могилева, 11(23) ноября 1806 г. вступил в пределы Молдавского княжества, а 16 ноября 1806 г. занял Яссы. Основной корпус российских войск под командой генерал-лейтенанта М.А.Милорадовича вошел в Яссы 18 ноября 1806 г.⁶

Молдавский митрополит, ездивший перед этим в Брашов встречать восстановленного Портой господаря Молдавии А.Мурузи, рассказывал, что накануне переправы через Днестр П.Долгорукий пригласил к себе молдавских исправников из приграничной зоны и объявил им о решении российского царя Александра I и военного командования России провести через Молдавию и Валахию 65-тысячное войско, чтобы помочь Турции противодействовать намерению Франции ввести ее войско через австрийские владения в турецкую часть Далмации. Одновременно, пояснил Долгорукий, российские войска будут защищать Валахию от набегов и грабежей Пазвандоглу и других турецких пашей и аянов. Он же просил, чтобы молдавские бояре и исправники оказали содействие в снабжении российских войск провиантом и фуражом за наличные деньги.

Возвращавшийся в Яссы князь А.Мурузи к этому времени прибыл в Брашов. Узнав о вступлении российского корпуса на территорию Молдавского княжества, он 14 ноября 1806 г. отправил в Константинополь курьера с донесением о случившемся, а сам со свитой отправился в Фокшаны. Там он потребовал, чтобы трое молдавских бояр явились к нему для экстренного заседания молдавского дивана. Однако находившийся в Яссах К.К.Родофиникин отсоветовал им ехать в Фокшаны, пояснив, что такой поступок может быть расценен петербургским двором как неприязненный в отношении России акт. Молдавские бояре не послушались приказа А.Мурузи, а приветствовали вступление российских войск в княжество и даже согласились продать им любое количество провианта и фуража.

По получении известий о вступлении российских войск в Молдавию Порта, прежде всего, отправила посыльного с фирманом в Видин, в котором предписывала Пазвандоглу срочно вывести его войска из Малой Валахии, освободить арестованных им валашских заложников во главе с боярином

Бибескулом и вернуть все незаконно полученные с княжества деньги. Пазванд-оглу отказался выполнять эти требования и еще больше ужесточил требования к валашскому дивану. Он грозил послать в Бухарест до 5 тыс. своих войск и лишить жизни всех заложников. В свою очередь, Порты приказала Мустафе Байрактару принять необходимые меры для защиты Валахии от набегов видинских войск, направив в Кулу, Джурджу и Никополь по 2 тыс. воинов. Несмотря на предписания Порты и противодействие Мустафа-паши Байрактара, войска Пазванд-оглу вторглись в пределы Валашского княжества и стали грабить мирное население. В такой критической обстановке, свидетельствует Л.Г.Кирико, валашские бояре сначала пришли в замешательство, а опомнившись, спешно начали вооружать местное население и вербовать наемников для защиты Бухареста⁷.

Основную вину за происходившие в Валахии беспорядки константинопольские греки-фанариоты возлагали не столько на Пазванд-оглу, сколько на К.Ипсиланти. Они стали распространять слухи, что бывший господарь Валахии, покинув княжество и отправившись в Петербург, оставил народ на попечение российского консула. Фанариоты убеждали Порту в том, что, получив фирман о своем восстановлении на княжеском престоле, К.Ипсиланти не только не приступил к исполнению своих обязанностей, но даже не удосужился ответить на письмо великого визиря. Усматривая в этом поступке Ипсиланти демонстративное пренебрежение к воле султана и распоряжениям Порты, константинопольские фанариоты уговаривали султана отменить свое решение о восстановлении К.Ипсиланти на княжеском престоле Валахии.

Чтобы пресечь интриги фанариотов против Ипсиланти, Италинский поручил советнику посольства И.Фонтону передать в канцелярию Порты письмо российского консула в Бухаресте Л.Г.Кирико, в котором сообщалось, что К.Ипсиланти выехал из Бухареста еще до получения фирмана о его восстановлении на престоле. Встреча И.Фонтона с драгоманом Порты Ханжерли состоялась 14 (26) ноября 1806 г. Передавая письмо Л.Г.Кирико драгоману, Фонтон просил его убедить Порту, чтобы она не принимала скоропалительного решения о повторном смещении К.Ипсиланти до получения известий из Петербурга. Если оттуда сообщат, что К.Ипсиланти действительно отказался от княжества, то Порты будет вправе назначить господарем Валахии другого претендента. Ханжерли 15(27) ноября 1806 г. известил И.Фонтона и отца князя К.Ипсиланти о том, что до получения писем из Петербурга Порты согласна воздержаться от принятия решения по этому вопросу. Наряду с этими известиями А.Я.Италинский сообщил также, что слухи о скором начале войны между Россией и Турцией в Константинополе

воспринимаются с радостью не только французами, но и той частью турок, которые являются противниками союза с Россией⁸.

Между тем, в самой Валахии бояре во главе с митрополитом Досифеем в ноябре 1806 г. отправили из Бухареста в Петербург посольного Казимира Янко с письмом к К.Ипсиланти, в котором выражали ему "свое полное повиновение и благодарность за усилия по сохранению благополучия Валахии" и ее привилегий, а заодно сообщали о восстановлении его на княжеском престоле благодаря настоянию российского царя Александра I, единственного покровителя Валахии. "Мы просим Вас, государь, – пишут бояре, – продолжать Вашу деятельность с тем же рвением на пользу нашей родины и заверяем Вас, что мы всегда сохраняли самое глубокое почтение и уважение к Вам". Вслед за митрополитом Валахии Досифеем письмо подписали бояре Деметриус Гика, Деметриус Раковиц, Константин Филипеску, Карл Гика, Григорий Бранкован и Коистантин Варлам⁹.

Поражение прусских войск в начале октября 1806 г. под Иеной и Ауэрштедтом и вторжение французов в Польшу произвело в Константинополе, по выражению посланника, "великое действие касательно расположений правительства" Турции, которое, по всей вероятности, "кончится совершенным разрывом с нами, ежели мы в борьбе с французами не предусеем положить предел буйственным амбициям Бонапартия". По примеру венского двора, делится своими наблюдениями Италинский, Порта намеревается "дать положению своему образ вооруженного нейтралитета". Российский посланник предполагал, что это намерение Порты связано с ее стратегическим расчетом выиграть время, чтобы как можно лучше подготовиться для будущих, по его выражению, "военных происшествий, когда обстоятельства окажутся неблагоприятными для России"¹⁰.

Поскольку ввод российских войск в Дунайские княжества затрагивал интересы не только Турции, но и ряда европейских государств, то МИД России решило поставить в известность об этом как Порту, так и правительства наиболее заинтересованных держав. В частности, согласно данной А.Я.Италинскому инструкции от 15(27) ноября 1806 г., российскому посланнику поручалось объявить Порте, что российские войска вошли в Молдавию не как враги, а лишь с единственной целью восстановить прежние союзнические отношения с Портой. Но прежние отношения могут быть восстановлены только тогда, когда Валахия будет очищена от войск мятежных пашей и аянов, когда в Дунайских княжествах будут восстановлены прежние права и привилегии, когда в целях безопасности этих княжеств будут созданы вооруженные силы, способные защитить их от мятежных соседей. Петербургский двор, говорилось в инструкции, "заинтересован

главным образом не в самих господарях Мурузи и Ипсиланти, а в спокойствии и благосостоянии обоих княжеств. Отсюда и вытекает обязанность России поддерживать порядок вещей, установленный лишь благодаря ее вмешательству и находящийся под ее покровительством"¹¹.

С аналогичным заданием был направлен в Вену полковник К.О.Поццо-ди-Борго. В данной ему по этому случаю инструкции говорилось: "Военная оккупация Молдавии и Валахии имеет единственной целью принудить Порту восстановить отношения, ранее существовавшие между нею и Россией в силу договоров; и прежде всего предупредить намерение Бонапарта, ясно выраженное его послом в Константинополе, провести французскую армию через оттоманские владения, чтобы напасть на нас на Днестре"¹².

Между тем К.Ипсиланти, который в это время находился в Петербурге и готовился к возвращению в Валахию, 14(26) ноября 1806 г. передал А.Я.Будбергу записку, в которой излагал свои соображения по поводу освобождения, защиты и реорганизации управления в Дунайских княжествах.

Наряду с выражением искренней благодарности за решимость Александра I защищать интересы балканских христиан, князь уверял царя в том, что он готов делом доказать свою преданность России в этот судьбоносный исторический период, который, по его словам, "не идет в сравнение с любой другой предшествующей эпохой и который станет решающим для счастья и славы Российской империи и для высвобождения различных христианских народов, не имеющих в своем несчастье и нынешних страданиях иной надежды, кроме как в действенном покровительстве е.и.в.". Для достижения намеченной цели К.Ипсиланти предлагал предпринять следующие меры:

1. Генерал Михельсон должен иметь полную свободу действий проводить военные операции, сообразуясь с обстоятельствами и не дожидаясь новых повелений сверху.

2. Молдавия и Валахия должны быть объединены под единым правительством, возглавляемым князем К.Ипсиланти. Первым долгом нового правительства будет снабжение российской Дунайской армии необходимым провиантом, кроме жалования, обмундирования и других расходов, необходимых для ее содержания.

3. Генералу Михельсону следует согласовывать свои действия с князем К.Ипсиланти, который обязуется помогать ему советами, поскольку он знает местные условия, настроения турок и христианских подданных, что облегчит взаимоотношения российских военачальников с турецкими.

4. Сербы должны быть снабжены боеприпасами, ружьями, пушками и деньгами. К ним следует направить опытных российских офицеров для ру-

ководства военными операциями и организации их войска. Эти офицеры должны действовать только по приказам генерала Михельсона.

5. Необходимо выделить 20 тыс. комплектов обмундирования и прочего снаряжения для формирования национальной армии в Валахии и Молдавии, офицеры в которой будут русские.

6. Михельсону следует дать полномочия на использование любых денежных сумм, которые потребуют соображения службы.

7. Переговоры по урегулированию отношений с Портой должны вестись только с ведома штаб-квартиры главнокомандующего. Для их ведения царь назначит своего доверенного представителя при генерале Михельсоне и снабдит его соответствующей инструкцией¹³.

Предложения К.Ипсиланти не получили полной поддержки у петербургского двора. Отвечая на каждый пункт предложений Ипсиланти, А.Я.Будберг 16 ноября 1806 г. писал, что мысли князя в общих чертах не противоречат планам царя Александра, но в настоящее время операции российской армии Михельсона зависят только от характера дальнейших отношений России с Турцией и Пруссией. Познакомившись с предложениями К.Ипсиланти, пояснял Будберг, царь, в свою очередь, внес в них следующие поправки:

1. Полномочия Михельсона не смогут распространяться далее тех, которые на него были возложены в связи с приказом вести наступательные операции только до Дуная.

2. Исходя из существующих к данному времени отношений между Россией и Турцией, петербургский двор не может возражать против возвращения А.Мурузи в его княжество. Если же князь Мурузи по каким-либо причинам сам не пожелает вернуться в Молдавию или же Порта разорвет контакты с Россией, то управление Молдавией было бы целесообразным поручить К.Ипсиланти на условиях, которые не будут нарушать юрисдикцию молдавского дивана, когда он будет функционировать под руководством К.Ипсиланти.

3. Царь Александр I и МИД России будут рекомендовать И.И.Михельсону опираться на советы князя К.Ипсиланти во всех случаях, когда он сочтет это нужным.

4. Хотя вопрос о характере и размерах помощи сербам окончательно еще не решен, однако петербургский двор постарается иметь в запасе некоторое количество оружия и боеприпасов, чтобы передать их сербам тотчас, как только российские войска установят с ними связь. Деньги же им уже пересылались несколько раз. Офицеров к ним, конечно, можно будет посылать, но только под самым большим секретом и с крайней осторожностью,

поскольку между Россией и Турцией еще нет официального разрыва отношений.

5. Поскольку у России нет возможности для вооружения и снаряжения национальной гвардии Валахии и Молдавии, царь предлагает создать корпус из добровольцев под командой опытных офицеров из числа балканских жителей, которые, по их уверению, имеют возможность обойтись без русского оружия и снаряжения. Создание добровольческого корпуса могло бы проходить под опекой князя К.Испиланти и под руководством генерал-аншефа И.И.Михельсона. Россия, со своей стороны, могла бы снабдить добровольческий корпус пушками.

6. И.И.Михельсону будут даны полномочия проводить необходимые денежные расчеты, для чего ему будут выданы и соответствующие суммы денег.

7. Вопрос о характере переговоров по урегулированию отношений с Портой находится в зависимости от событий, которые могут произойти со стороны Пруссии. Передача их в ведение штаб-квартиры Михельсона в настоящее время невозможна, поскольку армейское командование ведет переговоры только в ходе войны или после ее окончания.

В заключение письма Будберг сообщал, что соответствующие указания будут переданы и генерал-аншефу И.И.Михельсону¹⁴.

На вступление российских войск в Молдавию румелийские паши и аяны отреагировали по-разному. Пазванд-оглу, как об этом говорилось выше, заключил перемирие с Мустафой Байрактаром, Реджиб-агой Орсовским, Исмаил-беем Серрским и др. Однако в отношениях с Портой он по-прежнему продолжал игнорировать ее приказы. Более того, понимая возрастающую заинтересованность Порты в его вооруженных силах и использовании его владений, выгодных со стратегической точки зрения, он стал активнее настаивать на передаче ему всех 5 округов (цинутов) Малой Валахии и на назначении его бейлербеем Румелии¹⁵.

В отличие от видинского мятежника рушукский аян Мустафа Байрактар к тому времени находился уже в лояльных отношениях с Портой. В качестве сераскера группировки, состоявшей из войск придунайских аянов, он стал выполнять все приказы султана и Порты. К середине ноября 1806 г. в его распоряжении было до 30 тыс. хорошо вооруженных воинов, основная часть которых была сосредоточена в Рушукке и Джурджу. После назначения его сераскером он за свой счет набрал еще 15 тыс. воинов. В последних числах ноября 1806 г. Мустафа Байрактар получил приказ Порты ввести войска в Валахию и занять Бухарест. 30 ноября 1806 г. 6,5-тысячный корпус сераскера под командой Махмуда вступил в столицу Валахии. Российский

консул Л.Г.Кирико и все прорусски настроенные бояре были арестованы. Очевидец тех событий, случайно избежавший ареста чиновник российского консульства в Бухаресте Никита Сидоровский, в письме к А.Я.Италинскому так писал об этом. Утром 30 ноября 1806 г. турецкий чиновник Махмуд Байрактар пригласил на заседание валашского дивана Л.Г.Кирико и там показал ему письмо Мустафа-паши, в котором содержалось предписание взять под стражу российского консула и просмотреть всю его переписку. Затем Махмуд в сопровождении спатаря Гики и сотни турецких всадников подъехали к дому Л.Г.Кирико, перерыли всю консульскую переписку, выбрали из нее несколько связок официальных бумаг и других записок. Попытки английского консула Ф.Суммерера заступиться за Кирико оказались безрезультатными, и российский консул был отправлен в Русук к Мустафе Байрактару с одним из слуг и двумя российскими купцами. Дом и жена Л.Г.Кирико были взяты "под присмотр" двух турецких чиновников, а сам Никита Сидоровский спрятался в доме одного из своих приятелей. В связи со слухами о занятии российскими войсками Фокшан, пишет Н.Сидоровский, "турки кроме отягощения и насилия своими требованиями о провианте и фураже, поставили вокруг города (Бухареста. – В.Г.) свои караулы и не пропускают никого выехать вон"¹⁶.

По получении известия о занятии войсками Мустафы Байрактара Бухареста И.И.Михельсон отдал приказ генерал-лейтенанту М.А.Милорадовичу идти с его корпусом на Бухарест и выбить из города турецкие войска. Действия корпуса Милорадовича поддерживались судами российской Дунайской флотилии, которой надлежало разорвать сообщение между турецкими войсками, вошедшими в Бухарест, и основными силами сераскера Мустафы Байрактара¹⁷.

Передовой отряд корпуса Милорадовича под командой генерал-майора Уланиуса 2(14) декабря 1806 г. вступил в Валахию и занял Фокшаны. После небольшой передышки отряд Уланиуса форсированным маршем двинулся к Бухаресту и 13(25) декабря подошел к предместью города, где остановился в ожидании подхода корпуса. В это время К.Ипсиланти с отрядом наемников (арнаутов) в тысячу человек находился в монастыре св. Пантелеймона, где он был блокирован турецкими войсками.

Сражение под Бухарестом с находившимися там турецкими войсками началось уже 13(25) декабря 1806 г. и продолжалось около трех дней. С подходом основных сил корпуса Милорадовича, который задержался в пути, помогая арнаутам Ипсиланти выйти из окружения, турки были выбиты из Бухареста, и Милорадович 16(28) декабря 1806 г. рапортовал главнокомандующему о вступлении российских войск в столицу Валахии. На следующий

день он писал Михельсону, что бухарестская группировка войск Мустафы Байрактара разбита и отброшена за реку Аржис, ее разрозненные части отступают к Джурджу и Туртукаю¹⁸.

Очистив Валахию от войск рушукского сераскера, Милорадович расположил в Бузео, Рымнике, Тыргопуле и Фокшанах "наблюдательные отряды", которым поручалось обеспечить сообщение с Яссами и следить за действиями турок со стороны Браилова и Дуная.

При занятии других турецких крепостей российские военачальники попытались применить иную тактику. В частности, генерал-майор К.И.Мейендорф 16(28) декабря 1806 г. послал коменданту Измаила письмо, где сообщал, что он получил приказ ввести свой отряд в Измаил, как сказано в его письме, "в целях соединения с находящимся там турецким гарнизоном, дабы противостоять мятежникам в случае их попыток овладеть силой Вашим округом"¹⁹. Однако эта слишком очевидная "хитрость" не дала желаемых результатов.

В Константинополе тем временем рейс-эфенди вручил А.Я.Италинскому две ноты, одну – 11 декабря, вторую – 21 декабря 1806 г., в которых излагалась оценка Портой русско-турецких отношений со времени заключения Ясского мира до ввода российских войск в Дунайские княжества. В ноте от 11 декабря 1806 г. сообщалось следующее. Советники и эмиссары России начали обольщать православных подданных в европейских владениях Османской империи еще с конца 1791 г. По получении разрешения на провоз своих торговых судов через черноморские проливы, принадлежавшие Турции, российские моряки вывезли в Россию большое число христианских семей, оказывая открытое покровительство православной рае. Российский посланник выдавал жителям Ионических островов (архипелага) российские паспорта и патенты, дающие права торговать и плавать под российским флагом. Только эти односторонние акции, говорится в ноте, со временем должны были бы разрушить русско-турецкий дружественный союз²⁰. Хотя беспорядки подобного рода под прикрытием дружественного союза продолжали умножаться, Порта ради сохранения дружбы старалась сглаживать это неприятное для нее положение вещей. Пользуясь снисходительностью Порты, петербургский двор начал открыто обольщать райю, подстрекать сербов к низвержению установленного в государстве порядка и побудил их под покровом тайны начать мятеж, а затем бунт, поставляя им деньги и боеприпасы; не ограничившись этим, эмиссары петербургского двора без разрешения Порты начали вербовать солдат и матросов в Румелии, Албании и даже в Константинополе, что должно расценивать как полное пренебрежение петербургского двора к правам Порты. Хотя только эти

действия давали основание к разрыву мира, Порты, однако, ради примирения и желая избежать кровопролития, терпеливо молчала и делала вид, что не замечает этих оскорбляющих ее действий.

После смещения господарей Валахии и Молдавии, которое было вызвано "необходимостью в силу политических интересов правительства", Порты, скрепя сердце, была вынуждена согласиться на восстановление прежних господарей только для того, чтобы у петербургского двора не осталось оправданий перед лицом европейских держав. Когда Порты сделала все, чтобы не было споров ни по большим, ни по малым вопросам, говорится в ноте турецкого правительства от 11 декабря 1806 г., петербургский двор подтянул свои войска к границам Османской империи, а российский посланник в Константинополе в течение 30 дней не получал от своего правительства никаких разъяснений по этому поводу. Наконец стали поступать известия о занятии российскими войсками Молдавии, Хотина, пригорода Бендер, а также донесения о распространении манифестов и обращений к возбуждению мятежа и бунта среди греков и других жителей Румелии. Положение дел требует, говорится в завершающей части ноты, чтобы посланник российского двора в Турции Италинский вместе со всеми членами миссии и другими российскими подданными возвратились к своему двору в течение трех дней, считая с даты настоящей ноты, т.е. с 11(23) декабря 1806 г. Они могут отправиться домой любым путем, какой сочтут наиболее удобным, не подвергаясь преследованиям со стороны турецких властей. Другие уполномоченные агенты, купцы и прочие подданные России, находящиеся во владениях Османской империи, должны покинуть их в десятидневный срок. Впоследствии российской миссии не будет дано разрешение пребывать в Константинополе до тех пор, пока российские войска не будут выведены с территории Османской империи и не будет возмещен нанесенный ими ущерб²¹.

Для придания акту объявления войны официального характера 21 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.), т.е. через 10 дней после вручения ноты Италинскому, была составлена особая декларация турецкого правительства, которая была вручена всем посланникам и представителям иностранных государств, аккредитованных в Турции. В этой декларации излагались мотивы, побудившие Порту разорвать отношения с Россией и обосновывались причины объявления ей войны. В декларации сообщалось, что, начиная с подписания Кючук-Кайнарджийского договора с Россией (10 (21) июля 1774 г.), петербургский двор "никогда не верил в дружескую благосклонность" Порты, а его ответы ей "были полны резкости и ухищрений". Более того, петербургский двор путем "хитроумных ухищрений" овладел Крымом,

захватил Грузию, сманивал подданных Порты в свои пределы, выдавая им охранные грамоты, раздавал российские вымпелы капитанам кораблей в Республике Семи Островов Ионического архипелага и в других частях Османской империи. Пользуясь правом гаранта в отношении Ионической республики, петербургский двор ввел туда свои войска и прислал конституцию, написанную в Петербурге; он превратил эту республику в убежище оппозиционных Порте сил, чинил всякие козни губернатору Янины Алипаше и другим турецким чиновникам, тайно собрал войска в Албании и присоединил их к своим войскам, чтобы без согласия Порты отправить их в Италию, через своих поверенных пытался поднять восстание в Черногории, был опорой и советником восставших сербов, снабжая их деньгами и боеприпасами, вербовал в свои войска людей в пределах владений Османской империи и даже в самой ее столице. Рассматривая Валахию и Молдавию почти как свои владения, говорится в декларации, петербургский двор распространял там охранные грамоты, в результате чего назначение Портой господарей в эти две ее провинции стало предметом насмешек. Несмотря на то, что любое отдельно взятое деяние петербургского двора могло бы послужить поводом для объявления войны, тем не менее Порта сохраняла терпение, чтобы избежать кровопролития. Точно так же поступила Порта и в случае смены господарей Валахии и Молдавии, которую петербургский двор намеревался использовать как предлог для объявления войны. Несмотря на то, что Порта и в этом вопросе пошла на уступки России, ее войска через два с половиной месяца внезапно вторглись в пределы Османской империи. Известия об открытии Россией военных действий, о взятии крепостей и захвате Молдавии и Валахии вынудили Порту потребовать немедленного отъезда российского посланника из Константинополя. Но даже и в этой критической ситуации Порта постаралась избежать кровопролития и назначила посланнику России срок, в течение которого петербургский двор смог бы дать объяснение причин вторжения его войск в пределы дружественного государства. Однако в течение 30 дней с начала военных действий российский посланник не смог дать надлежащих объяснений причин вторжения, и дальнейшее ожидание ответа стало опасным и вредным для Османской империи. Принимая во внимание вышеизложенное, Порта сочла неизбежным объявить войну России, полагая, что ответственность за пролитие крови ляжет на петербургский двор²².

Мы сознательно почти дословно пересказали содержание ноты от 11(23) декабря и декларации от 21 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.), чтобы обратить внимание на то обстоятельство, что ни в одном из этих документов ни единым словом не упомянута основная причина ввода российских войск

в Дунайские княжества и прочих действий российского правительства, т.е. сближение Порты с Францией и ее нежелание поддерживать с Россией союзнические отношения, о чем Италинский, как это было показано выше, "прожужжал уши" рейс-эфенди и другим турецким министрам.

Хат-и-шериф об объявлении войны России Порты опубликовала только 5(17) января 1807 г.²³

§ 2. План зимней кампании 1806–1807 гг. и установление линии русско-турецкого фронта на Дунае

16(28) января 1807 г. адъютант Гурко вручил главнокомандующему Днестровской армией И.И.Михельсону секретное письмо министра иностранных дел России А.Я.Будберга, датированное 7(19) января 1807 г. В том письме сообщалось, что по неофициальным сведениям, полученным из Николаева, Порты объявила войну России 18(30) декабря 1806 г. В связи с этим российский посланник А.Я.Италинский отбыл из Константинополя на английском фрегате. Предвидя заранее подобную развязку событий, говорилось в письме, царь распорядился подвести войска Днестровской армии поближе к Дунаю и занять на его левом берегу наиболее удобную для отражения возможного нападения турецких войск позицию. Наступательные операции против турецких войск в ближайшее время не должны планироваться в связи с тем, что "настоящее положение дел требует, чтобы сколь можно старались мы умножить силы наши противу французов, а потому доколе с помощью всевышнего не успеем сделать им сильного отпора, не можно ничего уделить из той армии на подкрепление ваше". Следовательно, пояснял министр, войск для наступательных операций на турецком фронте будет явно недостаточно. В связи с этим перед армией Михельсона ставилась задача: занять вдоль Дуная "такое пространство, какое только обстоятельства и настоящие способы то позволяют", чтобы оказать туркам сильное сопротивление. Для лучшего обеспечения обороны левого берега Дуная Будберг рекомендовал Михельсону занять три важнейшие турецкие крепости: Джурджу, Браилов и Измаил, расположенные на левом берегу этой реки.

По прибытии армии к Дунаю, говорилось в письме, было бы желательно установить свободное сообщение с сербскими повстанцами на правом фланге армии, а сербы, в свою очередь, через Герцеговину должны соединиться с черногорцами и российскими войсками в Далмации, которые будут действовать со стороны Черногории. В результате такого взаимодей-

ствия "мы... зайдем непрерывно всю линию, начиная от Черного моря до Адриатического", что позволило бы установить беспрепятственную связь и с российской эскадрой вице-адмирала Д.Н.Сенявина.

Согласно разработанному плану большая часть эскадры Сенявина должна отправиться к Константинопольскому каналу, а ее меньшая часть останется защищать Котор, побережье Далмации и Ионическую республику. На эту же часть возлагается обязанность обеспечивать связь и взаимодействие между Дунайской армией и основными силами эскадры Д.Н.Сенявина. Согласно плану, российский представитель в Боке Которской статский советник С.А.Санковский должен был организовывать взаимодействие черногорцев с командованием Дунайской армией, а черногорский митрополит Петр I Негош – установить связи с белградскими сербами. "Не сомневаясь отнюдь в приверженности к нам сербов и в искренности их с нами содействия, – писал Будберг Михельсону, – остается при всех случаях утверждать упование их на покровительство высочайшего (петербургского. – *В.Г.*) двора. Его императорское величество... соизволяет, чтобы употреблены были старания склонить к нам тамошних пашей, особливо аяна Руцкусского (Мустафа-пашу Байрактара. – *В.Г.*) и Пазванд-оглу (Видинского. – *В.Г.*), с одной стороны, обещая им покровительство высочайшего двора и обнадеживая им при случае независимое владение в их губерниях, с другой же (стороны. – *В.Г.*), когда бы подались они на предложения наши, не оставляя никакой предосторожности, дабы предохранить себя от всякой могущей с их стороны последовать измены".

В этом же письме Будберг сообщил, что между Россией и Персией начались переговоры о заключении мира и поэтому генералу И.В.Гудовичу даны указания начать военные действия против Османской империи с кавказской стороны турецких владений²⁴.

На следующий день, т.е. 8(20) января 1807 г., инструкция аналогичного содержания была отправлена в Котор С.А.Санковскому. В ней Будберг писал: "Так как в достижении свободного сообщения между краем, где Вы находитесь, и главною нашей армией (И.И.Михельсона. – *В.Г.*) содействие Ваше может весьма много способствовать, то я уведомлял Вас о всех сих обстоятельствах и о первоначальном плане действий наших, особливому попечению Вашему поручаю употребить в сем случае всю деятельность Вашу и все способы, приобретенные Вами доверенностью и любовью к Вам жителей, уверяя и обнадеживая их в сильном покровительстве высочайшего (петербургского. – *В.Г.*) двора". Будберг предписывал С.А.Санковскому "войти в сношение" с Михельсоном и согласовать с ним все свои последующие действия²⁵.

В инструкции российскому послу в Вене министр иностранных дел писал, что Порты по подстрекательству Бонапарта отвергла мирные предложения петербургского двора и объявила войну России. Сосредоточение наблюдательного турецкого корпуса на западных границах Османской империи и декларация Порты явно направлены против России и оправдали необходимость и своевременность тех превентивных и энергичных мер, которые были предприняты императором Александром I. Будберг поручал А.К.Разумовскому заверить венский двор в том, что война России с Турцией "не повлечет за собой планов, коих венскому двору пришлось бы опасаться". Петербургский двор надеется, что Австрия будет придерживаться нейтралитета и "беспристрастно распространит его на все то, что будет происходить на стороне Турции". Разумовский должен был убедить венский кабинет и в том, что в сложившейся после Прессбургского мира международной ситуации обладание Котором стало для России крайне важным и необходимым обстоятельством, поскольку в Далмации находятся российские войска²⁶.

Михельсон в те же дни извещал Будберга, что большая протяженность линии фронта, на которой предстоит воевать с турками, явно не соизмерима с малой численностью его армии. Несмотря на это, жаловался главнокомандующий, из его армии вновь взяли две дивизии для войны с французами. К тому же Михельсону оставались неясны планы сербских повстанцев, которые после занятия ими Белграда не подавали о себе никаких известий, хотя им были отправлены 8 тыс. червонных. Михельсон считал, что к данному времени у него определенно складывалось взаимопонимание с турецкими военачальниками, особенно с комендантом Браильской крепости и Иликли-оглу Силистрийским. Последний, согласно информации Михельсона, к тому времени был изгнан из Силистрии Мустафой Байрактаром и жил у своего друга браильского назыря. Ездивший в Браилово по заданию главнокомандующего надворный советник К.И.Фацарди привез оттуда обнадеживающие известия, что упомянутые турецкие начальники и их союзник, аян из города Мачина, дали согласие содействовать российским войскам против Мустафы Байрактара и Пехливана, которые были их врагами. Для заключения договора с браильским назырем и его сторонниками в Галац с подарками был послан К.К.Родофиникин, а Фацарди поехал в Буджак для переговоров с татарами христианского вероисповедания, т.е. с гагаузами. Если Фацарди уговорит гагаузов, писал Михельсон, то с того участка можно было бы снять до 3 тыс. солдат. Для закрепления на столь обширной территории Михельсон требовал вернуть ему 9-ю дивизию и подчинить Дунайскую флотилию, а также прислать пополнение, состоящее

из тысячи черноморских казаков и дополнительного количества пехоты и кавалерии. Из-за отсутствия необходимых сил Михельсон принял решение отказаться от штурма турецких крепостей, расположенных на левом берегу Дуная, и не начинать наступательных операций до тех пор, "пока обстоятельства лучше не созреют"²⁷.

Заинтересованный в скорейшем и полном очищении Дунайских княжеств и всей Румелии от турок К.Ипсиланти писал тогда же Будбергу, что он, хорошо зная повадки Порты, еще два года назад неоднократно предупреждал петербургский двор о сближении Турции с Францией. "Прибытие в Русук Жобера с послом Порты при Бонапарте, – пишет К.Ипсиланти, – и тройственный союз, который, как утверждают, образован между Францией, Портой и Персией, – факты, которые свидетельствуют, как давно Порта замышляла и обсуждала с Францией враждебные и вероломные планы против России". Если бы царь Александр I не послал свою армию на Дунай и не предвосхитил события, явно льстил князь российскому самодержцу, то для разрушения "нового альянса" России понадобилось бы привлечь значительно большие силы и средства. "Армия генерала Михельсона, – отмечает Ипсиланти, – более чем достаточна, чтобы разгромить все разрозненные силы Османской империи, но она совсем недостаточна, чтобы защитить берега Дуная и оградить Валахию от набегов разбойников, которые приходят грабить, резать, жечь; но они готовы бежать, когда их начинают преследовать российские войска".

Узнав о том, что Михельсон не располагает сведениями о положении дел в Сербии, К.Ипсиланти предложил главнокомандующему послать в лагерь сербских повстанцев опытного и преданного ему боярина, ключаря Манолаки. "Сербы, – подчеркивает господарь, – его знают, и он уже оказал мне услугу, убедив их вступить на территорию Видина и установить там пункт связи с Валахией. Генерал Михельсон дал ему все необходимые инструкции. Сербы теперь – хозяева Белграда, они могут, и даже должны, предпринять многое и, явившись туда, куда их призывают, они охраняли бы для Валахии часть берега р. Дуная". По словам К.Ипсиланти, он же уговорил К.К.Родо-финикина отправиться в Браилов для переговоров с тамошним назырем и Иликли-оглу, недавно изгнанным Мустафой Байрактаром из Силистрии. Если предложить Иликли-оглу некоторую поддержку, уверял господарь, то бывшему силистрийскому аяну нетрудно будет собрать и приумножить его прежнее войско, которое будет в состоянии разгромить его заклятого врага Мустафу Байракта. В заключение Ипсиланти сообщил Будбергу полученную им информацию о том, что французы поспешно

формируют стрелковые корпуса для отправки в Далмацию, но вооружают солдат ружьями, у которых отсутствуют штыки²⁸.

Чтобы выяснить положение дел в Сербии и согласовать с верховным вождем сербских повстанцев свои дальнейшие действия, Михельсон 11(23) января 1807 г. отправил письмо Карагеоргию, где обрисовал ситуацию, сложившуюся после вступления российских войск в Дунайские княжества, и выражал беспокойство по поводу отсутствия ответа от сербов на его письма. Главнокомандующий просил верховного вождя сообщить, какими силами он располагает, каково количество и качество вооружения сербских повстанцев, в чем они нуждаются и, наконец, что происходит в Сербии после занятия повстанцами Белграда. "Я рассчитываю в мыслях, – пишет Михельсон, – что после Белграда остается Видин вашим предметом. Овладением его может усовершенствоваться на вечные времена независимость и спокойствие народа сербского". Исходя из этого предложения, Михельсон рекомендовал направить основной удар сербских повстанцев на Видин, а 4 или 5 тыс. сербского войска послать к Крайове для взаимодействия с российскими войсками.

Зная о происходивших сербо-турецких переговорах в Смедерево, Михельсон предупреждал Карагеоргия, чтобы он не верил лживым обещаниям турецких властей, которые не остановятся ни перед чем, дабы усыпить бдительность повстанцев. "Вам известны пагубные последствия таковых примирений. Нация сербская достойна быть нацией, которой платить дань туркам постыдно; не лучше ли деньги те употребить на воинские потребности нации, на освобождение себя от ига", – писал Михельсон Карагеоргию. Главнокомандующий ставил в известность верховного вождя и о том, что при установлении коммуникаций с сербскими повстанцами он намерен передать им несколько пушек, боеприпасы, продовольствие и награды для особо отличившихся сербских юнаков²⁹. В подтверждение своих обещаний Михельсон 13 января 1807 г. вручил "Крест для ношения на персях" известному сербскому ученому и просветителю, иеромонаху Досифею Обродовичу, находившемуся в то время в ставке главнокомандующего Дунайской армией³⁰. Ответы на эти и другие вопросы Михельсон получил только в конце января 1807 г., но они были недостаточно определены и противоречивы.

В Белградском пашалыке тем временем события развивались следующим образом. После изгнания кирджалиев из Белграда в городе остался бывший белградский визирь Сулейман-паша с небольшим отрядом турецких войск. Он потребовал от сербов распустить повстанческие отряды по домам и вывести из города участников штурма белградской крепости до ратифика-

ции Портой мирного соглашения, заключенного в Смедерево, а также до получения фирмана, в котором будут точно определены пожалованные сербам привилегии. В отсутствие Карагеоргия переговоры с Сулейман-пашой вели Младен Милованович, Милое Попович и мухасил Хассан-ага. По свидетельству современника этих событий, сербы во время переговоров с бывшим визирем "обходились с ним политично" и даже обещали уплатить деньги, которые он задолжал австрийским купцам за поставку для его войска боеприпасов, провианта и фуража³¹. Взамен сербы потребовали удалить из Белградской крепости всех "возмутителей спокойствия" и впустить туда 50 сербских воинов. По совету мухасила Хассан-аги Сулейман-паша согласился на это требование³².

Опасаясь за дальнейшую судьбу Белграда, Порты и французский посол в Турции Г.Себастиани потребовали от венского двора предпринять энергичные меры для того, чтобы не допустить установление связи между сербскими повстанцами и российскими войсками в Валахии³³.

Для выяснения обстановки в Сербии Родофиникин и Ипсиланти по указанию Михельсона направили в лагерь сербских повстанцев валашского боярина Манолаки, который прибыл в Землин 6(18) января 1807 г.

Из отчета боярина Манолаки от 24 января 1807 г. видно, что он по прибытии в Землин 6(18) января 1807 г. не смог проехать в Белград, так как этого ему не позволили сделать австрийские пограничные власти. Но когда в Сербии узнали о его приезде, в Землин прибыли белградский митрополит Леонтий Ламбрович и секретарь Карагеоргия. Из отчета боярина Манолаки известно, что во время его встречи в Землине с белградским митрополитом и секретарем Карагеоргия ими было заявлено, что сербское войско не сможет выступить против Видина к исходу января 1807 г., как об этом просил Михельсон, поскольку большая его часть под предводительством Карагеоргия ведет бои под Шабацем. После очищения Шабаца от боснийских войск верховный вождь с войском предполагает идти к Нишу, где недавно восстало христианское население, которое просит помощи у Карагеоргия. По уверению представителей сербских повстанцев, на 15 января 1807 г. в войске восставших сербов насчитывается не более 20 тыс. воинов. Но несмотря на это, Леонтий Ламбрович и секретарь Карагеоргия заверили Манолаки, что после окончания операций под Шабацем и Нишем сербы постараются послать к Видину до 19 тыс., к Неготину до 10 тыс. и к Кладову до 2 тыс. сербского войска. Однако выступление сербских войск в указанные районы может состояться не ранее первых чисел февраля 1807 г. Кроме того, выше-названные представители сербских повстанцев обещали, пишет Манолаки в отчете, "прекратить всякое сношение между ними (сербскими повстанца-

ми. – В.Г.) и правительством турецким; я советовал им выслать пашу, который находился еще в Белграде, что они и пожелали выполнить через 8 дней по отъезде моем³⁴.

Иначе отнесся к предложениям Михельсона сам верховный вождь сербских повстанцев. В своем письме от 13(25) января 1807 г. Карагеоргий писал, что он готов с радостью прислушиваться к советам российского командования, а народ сербский желал бы увидеть российское войско в Сербии и как можно скорее. Извещая Михельсона о занятости большей части сербских войск в сражениях с босняками под Шабацем, он не сообщал о готовности сербов идти к Видину, Неготину и Кладову³⁵.

Это письмо Карагеоргия в 20-х числах января 1807 г. доставил в Бухарест сербский посыльный Т.Демелич, который доложил, что большая часть сербского войска находится под Шабацем, часть занимает позиции на границе с Боснией, часть под командой воеводы Миленко Стойковича находится неподалеку от границ Видинского пашалыка, а остальное войско находится в Белграде. Миленко готов вступить в пределы Видинского пашалыка, но еще не получил приказа от Карагеоргия.

Ознакомившись с положением дел в Сербии, Михельсон вновь просил передать Карагеоргию просьбу "переправить в Крайову 2 или 3 тысячи человек", которых он обещал снабдить боеприпасами и продовольствием. В письме к воеводе М.Стойковичу Михельсон "приглашал его приступить к Видину и теснить сей город по возможности". "Цель моя состоит в том, – писал Михельсон Будбергу, – чтобы отвлечь внимание турков и не раздробить силы мои, воспрепятствовать им из Видинского округа делать набеги на Валахию"³⁶. Вступление сербов в Видинский пашалык, полагал Михельсон, не будет им стоить чрезмерных усилий и большой крови, поскольку 15(27) января 1807 г. умер Пазванд-оглу, а занявший его место казначей Молла-ага, хоть и подобен, по словам Михельсона, "свирепостью своей" покойному паше, но теперь находится в "раздоре" с другим претендентом на власть в Видинском пашалыке, Мемиш-агой. Смерть Пазванд-оглу и "раздор" претендентов на его место, по мнению Михельсона, могли бы значительно облегчить задачу, поставленную перед отрядом М.Стойковича³⁷.

Неопределенность отношения сербов к России в период их переговоров с мухасилом Хассан-агой и визирем Сулейман-пашой, а также уклончивость ответов верховного вождя по поводу посылки войск в указанных Михельсоном направлениях, вначале настораживали не только командование Дунайской армии, но и МИД России. Например, в письме от 20 января (4 февраля) 1807 г. министр иностранных дел России А.Я.Будберг извещал Михельсона о том, что А.К.Разумовский закупил в Австрии до 50 тыс. ру-

жей для Дунайской армии. "Но как по неизвестности еще о точном расположении к нам сербов, – пишет Будберг, – должно остерегаться, чтобы в провозе через их границы не захватили они оных ружей себе". В связи с этим Будберг предлагал Михельсону послать в Вену расторопного офицера для переговоров с Разумовским и для организации надежной охраны при перевозке оружия по Дунаю³⁸. Михельсон отвечал на это: "Хотя и можно бы, кажется, положиться на сербов, но при перевозке оружия по Дунаю следует опасаться не их, а коменданта турецкой крепости Орсово Реджебаги и видинского начальника Молла-паши". К тому же, пояснял Михельсон, безопасно перевозить оружие по Дунаю можно только до Пешта, а затем сухим путем через Германштадт (Сибиу) в Валахию. В отличие от осторожного министра иностранных дел главнокомандующий Дунайской армией считал целесообразным передать сербам по крайней мере не менее 10 тыс. ружей³⁹.

Но вскоре Будберг изменил свое отношение к сербам. Уже во второй половине февраля 1807 г. он писал Михельсону, что царь "с большим удовольствием усмотреть изволил... благоразумные меры, принятые" им в отношении сербов вообще и, в частности, в снабжении отряда воеводы М.Стойковича продовольствием и деньгами, которые Михельсону пришлось занять у князя К.Ипсиланти. Александр I распорядился вернуть господарю взятые у него 5 тыс. червонных, указав при этом, что содействие сербов безусловно будет полезно Валахии, но оно делается не столько для того княжества, а по приверженности их к России. "Ежели... Валахия извлечет из того свою пользу, – пишет Будберг, – тем лучше; то будет соответствовать желанию государя императора и его предположениям, ибо восстановление благоденствия обоих княжеств составляло один из главнейших предметов, подвигнувших его вел-во ко всем ныне принимаемым мерам. Но в сем случае содействие сербов не должно казаться как бы последствием какого-либо союза или соглашения между Валахией и ими, а единственно действием приверженности сих к высочайшему (петербургскому. – В.Г.) двору...". Поэтому царь предпочитает, подчеркивал Будберг, чтобы и нужное сербам пособие, особенно денежное, они получали от России и "ей одной оставались тем обязаны". Продовольствие же для отряда М.Стойковича, уточнял Будберг, должно отпускаться за счет Валахии и Молдавии, поскольку его отряд можно подразумевать как часть российских войск. "Настоящие сношения наши с сербами, – пишет ранее сомневавшийся в этом Будберг, – не оставляют уже, кажется, никакого сомнения в искреннем их расположении к взаимному с нами действию". Во второй половине февраля 1807 г. министр иностранных дел России уже считал необходимым установление с сербами

свободного сообщения для "соглашения о взаимных мерах" и для того, чтобы "через их посредство войти в сношение с Черногориею"⁴⁰.

В конце января 1807 г. К.Ипсиланти прибыл в Яссы и немедленно информировал Михельсона о предпринятых им мерах. Во-первых, по возвращении в Бухарест он, по его словам, успел сформировать регулярный казачий полк в 1 тыс. человек, но для его полного вооружения не хватило только сабель. Во-вторых, по прибытии в Яссы он отправил в Константинополь два письма, тексты которых согласовал с К.К.Родофиникиным. Когда эти письма дойдут до Порты, она к этому времени, по выражению К.Ипсиланти, уже "будет потрясена и огорошена" целым рядом неприятных известий: занятием сербами Белграда, восстанием христиан в Нише, успешными действиями российских войск в Далмации против французов и, наконец, решительным заявлением английского посла в Турции Ч.Арбатнота о том, что английский двор будет взаимодействовать с Россией. После серии таких известий, уверял Ипсиланти, "надобно ожидать, что это произведет хороший эффект и (его письма. – В.Г.) достигнут своей цели". Цель же этих писем, по словам Ипсиланти, заключается в том, "чтобы побудить Оттоманское министерство осознать свою неразумность и подсказать способ, каким оно может ее выправить", т.е. побудить Порту отказаться от сближения с Францией и вернуться к союзу с Россией⁴¹.

Через две недели К.Ипсиланти сообщал в Петербург уже иную информацию. По полученным им сведениям французы направили в Сербию нескольких агентов, которые старательно распространяют там слухи о неблагоприятных поступках российских войск в Польше. По мнению Ипсиланти, эта дезинформация рассчитана на то, чтобы запугать сербов, стремившихся установить взаимодействие с Дунайской армией русских. Ипсиланти сообщал также, что Порта по совету французского посла Г.Себастиани "удовлетворила почти все просьбы сербов и даже назначила Георгия Черного сербским князем". В связи с этим господарь предложил Михельсону направить в Сербию находившегося в Бухаресте сербского ученого и просветителя Досифея Обрадовича, которого он характеризовал как "опытного человека, говорящего на нескольких языках и весьма усердного".

С необходимыми наставлениями Досифей Обрадович выехал в Сербию 14(26) февраля 1807 г. с намерением "убедить сербов, чтобы они остерегались французских интриг и коварных обещаний Порты, и заверить их в том, что они погибнут, если упустят нынешнюю благоприятную возможность, которая должна упрочить их безопасность и существование благодаря действительному покровительству императорского (петербургского. – В.Г.) двора". По словам К.Ипсиланти, Д.Обрадович заверил его "самым твердым

образом о неколебимости сербов в отношении их верности своим принципам и немедленного осуществления ими обещаний отправиться туда, куда их призвуют"⁴².

§ 3. Действия эскадры Д.Н.Сенявина в Средиземном море в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. (январь–апрель 1807 г.)

Как отмечалось в главе II, после успешных операций против французов у берегов Адриатики эскадра российских кораблей под командой вице-адмирала Д.Н.Сенявина в конце декабря 1806 г. вошла в Боку Которскую.

В Петербурге, между тем, в начале 1807 г. Александр I уже утвердил предложенный П.В.Чичаговым план действий российского военно-морского флота на Черном, Средиземном и Адриатическом морях⁴³.

Как видно из инструкции, подписанной П.В.Чичаговым 8(20) января 1807 г., эскадре Д.Н.Сенявина в составе десяти или более кораблей, нескольких фрегатов и мелких судов надлежало отправиться к Дарданеллам, занять пролив и блокировать сообщение турецких кораблей между азиатским и европейским берегами Османской империи. Кроме того, российские корабли по возможности должны были препятствовать плаванию турецких судов по проливу и Мраморному морю, занять важнейшие пункты в архипелаге, особенно острова Родос, Митилену и др., где имеются корабельные леса и верфи. Некоторые из кораблей должны были блокировать Египет и обеспечивать снабжение провиантом и водой всю эскадру и ее десантные войска. Для выполнения главной задачи Д.Н.Сенявину предоставлялось право использовать все сухопутные войска, которые находились на Архипелаге, Адриатическом побережье и на Корфу. Для проведения операций на Адриатическом побережье Сенявину рекомендовалось оставить ровно столько судов, сколько требуют обстоятельства. Для успешного выполнения поставленных задач Сенявин должен был установить и поддерживать связь через Боку Которскую или иным образом с Дунайской армией И.И.Михельсона.

Наряду с перечисленными выше задачами находившиеся под командованием Сенявина военно-морские и сухопутные силы должны были воспрепятствовать сообщению французов с турками до такой степени, "чтобы не только войска их проходить, но даже курьеры и письменные сношения пропускаемы быть не могли". Особое внимание этому обстоятельству должно было уделяться в Далмации и Боке Которской. Вместе с тем Сенявин

должен был "стараться усилить влияние наше на тамошних народов, а также греков добром, лаской и обнадеживанием в покровительстве и защите склонять к себе; некоторых же и не внемлющих гласу кротости обращать строгостью и страхом...". В этой же инструкции Чичагов писал, что в случае необходимости Сенявин мог присоединить к своей эскадре 5–6 английских кораблей, несколько фрегатов и более мелких судов, которые он должен рассматривать только как "второстепенную силу", помогающую ему выполнить главную задачу. "Главнейшая цель действий наших, – пишет П.В.Чичагов, – направлена быть должна к нанесению удара в самое недра Оттоманской империи, достижением и покорением ее столицы...". Если же понадобится атаковать дарданелльские укрепления с берега, то это необходимо делать "с усилием и решительностью". Если эскадре удастся достичь Константинополя, говорится в инструкции, "то нужно постараться Вам в первую и непременною обязанность всемерное избежание всякого напрасного кровопролития или разорения; особливо стараться должно будет завладеть и сберечь в целости флот их, или суда, кои в добычу достаться нам могут...". В случае невозможности захватить в плен турецкие корабли, Чичагов рекомендовал их уничтожить. "Буде бы, что все желательнее, – пишет Чичагов, – представился Вам благоприятный случай без нанесения дальнего вреда или совершенного разорения городу взять оный в капитуляцию, то, завладев оным и приняв все благонадежные меры к удержанию оного в своей власти, требовать, чтобы турки доставили Вам всю удобность в сношении с генералом от кавалерии Михельсоном, который снабжен всеми нужными наставлениями для начатия мирных переговоров". В этой же инструкции Чичагов ставил Сенявина в известность о том, что "для равномерного нападения на них (турок. – В.Г.) со стороны Черного моря принимаются все могущие способствовать к тому меры..."⁴⁴.

9(21) января 1807 г. Чичагов отправил предписание главнокомандующему Черноморским флотом адмиралу маркизу де Траверсе с приказом привести в готовность флотилию и подготовить транспорты для перевозки десанта из расчета на 15–20 тыс. человек. Все это необходимо для того, чтобы предпринять решительные действия против Турции и со стороны Черного моря⁴⁵. Командование черноморской флотилией, которая должна будет пройти через Босфор и подойти к Константинополю, поручалось контр-адмиралу С.А.Пустошкину. В указе Александра I Пустошкину от 20 февраля (4 марта) 1807 г. говорилось: "Если с помощью Божию подвиг Ваш увенчан будет желательным успехом, город (Константинополь. – В.Г.) покорится и Вы свободное получите сообщение через Мраморное море, тогда ... требовать от турок: во-первых, чтобы эскадра наша из Средиземного моря

беспрепятственно пропущена была через Дарданеллы, кои и велели бы сдать войскам нашим, на сей эскадре находящимся... а во-вторых, чтобы к сношению Вашему с генералом от кавалерии Михельсоном, который снабжен всеми нужными наставлениями для мирных переговоров, доставлена была Вам всевозможная удобность"⁴⁶.

В конце января 1807 г. Англия объявила войну Турции, а английский посол Ч.Арбатнот, покидая Константинополь, пообещал, что через 15 дней столица Османской империи будет разрушена огнем английских кораблей⁴⁷.

Указ о войне с Турцией и инструкцию от 8(20) января 1807 г. Сенявин получил 30 января 1807 г. Он, в свою очередь, 3(15) февраля 1807 г. информировал Чичагова, что на помощь находившимся в Архипелаге английским кораблям уже отправилась английская эскадра под командой вице-адмирала Дж.Т.Дакуорта и что тот просил его прислать несколько русских судов. "Сие последнее..., – пишет Сенявин, – побудило меня также не дожидаться присоединения к эскадре моей английских кораблей ... а следовать к Дарданеллам с одними токмо нашими...". Тогда же Сенявин поставил в известность Чичагова, что он не в силах воспрепятствовать связям французов с турками в Адриатическом регионе, потому что, владея Далмацией и Дубровником, которые непосредственно граничат с Турцией, французы уже давно общаются с турками. Сенявин просил уточнить и пункт инструкции, касавшийся его отношения с греческим населением. "В каком смысле можно им делать обещания для возбуждения их содействовать с нами так, – пишет Сенявин, – чтобы они на предбудущие времена были обеспечены и не подвергались вновь угнетению и лишению нынешних их владетелей?"⁴⁸.

Согласно тому же донесению Сенявина, он назначил к отплытию в Дарданеллы 10 кораблей, 1 фрегат и 1 шлюп. Для защиты Ионических островов, Боки Которской и Далмации им оставлены только 4 корабля, 5 фрегатов, 2 корвета, 5 бригов и все мелкие суда. Основная группа судов эскадры под командой вице-адмирала Д.Н.Сенявина, отчалив 10(22) февраля 1807 г. от Корфу, 22 февраля (7 марта) подошла к Дарданелльскому проливу, имея на бортах 1300 человек десантных войск. Вдогонку эскадре 29 января (10 февраля) 1807 г. из Петербурга были отправлены указ Александра I об объявлении войны Турции и предписание Сенявину действовать согласно указаниям, изложенным в инструкции от 8(20) января 1807 г. 23 февраля 1807 г. между Дарданелльским проливом и о. Тенедос Сенявин увидел стоящую на якоре английскую эскадру под командой вице-адмирала Дж.Т.Дакуорта, которая только что возвратилась после неудачной атаки Константинополя.

Как видно из рапорта Д.Н.Сенявина от 14(26) марта 1807 г., английская эскадра Дакуорта в составе 7 линейных кораблей, 3 фрегатов и 2 бомбардирских кораблей, не дожидаясь подхода российской эскадры, 2(14) февраля 1807 г. отправилась из Мальты к о. Тенедос. 7 февраля 1807 г. она вошла в Дарданелльский пролив и остановилась у Принцевых островов, расположенных в 8 милях от Константинополя. Турки не были готовы к отражению этой атаки, и английская эскадра под беспорядочным обстрелом из береговых орудий 9 февраля подошла к Константинополю, где Дакуорт вручил Порте ультиматум английского правительства. Англичане требовали: разорвать всякие отношения с Францией, передать под английский контроль черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, сдать на милость победителя весь турецкий военный флот и т.д. По причине "противного маловетрия" английская эскадра простояла у стен Константинополя 10 суток. Чтобы выиграть время и избежать обстрела города, Порты все это время вела переговоры с Дакуортом и успокаивала его обещаниями выполнить большую часть основных требований английского правительства. На самом же деле турки использовали это время для подготовки береговых и корабельных орудий к интенсивному обстрелу английской эскадры. По свидетельству Дакуорта, только у одного константинопольского берега было сконцентрировано более 200 пушек, не считая корабельной артиллерии. Увеличено было число пушек и по берегам пролива. Когда по получении категорического отказа Порты удовлетворить требования английского правительства Дакуорт вечером 17 февраля 1807 г. решил возвращаться обратно, то на английскую эскадру был обрушен со всех сторон шквал артиллерийского огня. "По сим причинам, – пишет Д.Н.Сенявин, – вице-адмирал Дукворт за лучшее признал удалиться от Константинополя, имея еще в виду, что Дарданеллы также укрепляют тщательно; и действительно, проходя англичане оные обратно 19 февраля почувствовали великие успехи турков потерю своих людей и повреждением кораблей". Ущерб, нанесенный английской эскадре, был достаточно ощутимым: на двух кораблях были повреждены рангоуты, третий корабль получил большую пробоину, у двух фрегатов разбиты корпуса, 197 человек убиты и 412 ранены.

При встрече с английской эскадрой 23 февраля 1807 г. Д.Н.Сенявин предложил Дакуорту еще раз прорваться через Дарданеллы и обстрелять Константинополь совместно с российской эскадрой. Однако Дакуорт категорически отверг это предложение, уверяя, что без достаточных сухопутных сил прорыв через пролив и обстрел Константинополя приведут к еще большим потерям. "Если британский флот не смог успеть в этом предприятии, – заявил Дакуорт, – то мало надежд на успех у флота других наций". Д.Н.Се-

нявин согласился с мнением вице-адмирала по поводу невозможности занятия Константинополя без подключения достаточных сухопутных сил, однако считал, что "не совсем невозможно" поджечь столицу и флот Османской империи, приумножив тем самым и без того господствовавшие там смятение и беспорядки. После бесплодных переговоров с Дакуортом Д.Н.Сенявин 28 февраля 1807 г. собрал военный совет эскадры, на котором, по его словам, "положили: для пользы службы е.и.в-ва оставить предприятие на Константинополь, содержа оный в тесной блокаде от стороны сей", т.е. со стороны Дарданелл. Английская эскадра 1(13) марта 1807 г. снялась с якоря и ушла, а эскадра Д.Н.Сенявина 11(23) марта 1807 г. заняла о. Тенедос и организовала блокаду Дарданелл, которая продолжалась до 25 августа 1807 г.⁴⁹

Спустя месяц после отказа Дакуорта от взаимодействия с российской эскадрой по запланированной ранее атаке Константинополя, российский посол в Вене А.К.Разумовский назвал поведение английского вице-адмирала "необоснованным и нелогичным". Вместо того, чтобы извлечь выгоду из "оцепенения", которое вызвало это "дерзкое предприятие" в столице Османской империи, Дакуорт, по оценке Разумовского, сначала вступил было в переговоры с турками, а затем неожиданно отступил. Более решительные действия Д.Н.Сенявина, по мнению российского посла, могли бы поправить дело, но он, видимо, не успел своевременно принять необходимое решение. После этой неудавшейся операции, пишет Разумовский, "следует рассчитывать на успехи сухопутной армии, и, возможно, несколько хороших побед, в коих я нисколько не сомневаюсь, осуществят желаемое предприятие (т.е. заключение выгодного для России мира с Турцией. – В.Г.), дабы иметь возможность с наибольшей уверенностью уничтожить Бонапарта"⁵⁰.

§ 4. Возобновление сербо-турецких переговоров о мире. Отказ сербов от примирения с Портой и продолжение переговоров с командованием Дунайской армии об условиях взаимодействия сербских повстанцев с российскими войсками

В первой половине января 1807 г. сербские депутаты Петр Ичко и Ж.Константинович возобновили в Константинополе переговоры об условиях заключения мира между Портой и сербскими повстанцами. На этот раз переговоры проходили под контролем французской миссии. По свидетельству французских и австрийских источников, Г.Себастиани рекомендовал

султану принять практически все условия, которые были выдвинуты сербами на Смедеревской скупшине. Однако взамен этого сербы должны были прекратить всякие отношения с русскими и принять участие в войне с Россией. Получив от сербских депутатов согласие, султан Селим III 15 (27) января 1807 г. подписал соответствующий фирман о примирении с сербами, который чаще всего называют "Ичков мир". По свидетельству командующего французскими войсками в Далмации маршала О.Мармона, он вскоре после подписания султаном фирмана получил от Себастиани сообщение о том, что сербские депутаты дали обещание прекратить восстание, сдать турецким властям ключи от Белграда, вернуть на место снятые с крепостных стен города пушки, отказаться от связи с русскими и принять участие в русско-турецкой войне на стороне Порты⁵¹.

Аналогичная информация промелькнула и в одной из венских газет за 25 февраля 1807 г. В опубликованной там статье о Турции сообщалось, что сербы до сих пор еще не приняли никакого участия в русско-турецкой войне, хотя Карагеоргий через своих депутатов в Константинополе заверил султана в том, что враги Турции являются врагами сербского народа. По свидетельству А.К.Разумовского, эта статья вызвала определенный интерес у находившейся в Вене греческой колонии. Ее представители обратились за разъяснением к турецкому поверенному в делах Порты в Австрии, который на их запрос по этому поводу дал прямо противоположный ответ⁵².

Между тем, где-то во второй половине января 1807 г. из Константинополя в Сербию возвратились сербские депутаты П.Ичко и Ж.Константинович с фирманом султана, где были зафиксированы условия, на которых сербы соглашались прекратить восстание и помириться с Портой. В соответствии с положениями султанского фирмана белградский визирь Сулейман-паша и назначенный Портой мухасил Хассан-ага подготовили и разослали приказы начальникам боснийских гарнизонов, расположенных в Шабце, Ужицах и Соколе, чтобы те вывели из этих городов свои войска и впустили туда сербские войска. Однако боснийские начальники проигнорировали приказы и отказались впускать сербов в эти города. Тогда 25 января 1807 г. 12-тысячный корпус сербских повстанцев под командой Карагеоргия силой выбил босняков из Шабца, а 5-тысячный корпус под командой Милана Обреновича и Якова Ненадовича принудил к капитуляции гарнизон Ужицкой крепости. Взяв контрибуцию в 30 тыс. пиастров с населения Ужицы, сербы разрешили выйти из города не только военным, но и гражданским лицам, которые не захотели оставаться там. Только после того как Порта, пишет К.Ипсиланти, "удовлетворила все просьбы сербов и даже назначила Георгия Черного сербским князем", а города Белградского пашалыка были

очищены от турецких войск, сербы согласились выполнить условия султанского фирмана⁵³.

Этот факт подтвердил и французский корреспондент газеты "Journal de l'Empire", который 7 февраля (н/с) 1807 г. сообщил из Вены, что в Землине между сербами и турками был заключен мир⁵⁴. Но последующие события показали, что ни Карагеоргий, ни Правительствующий Совет Сербский, ни большинство повстанческих воевод не спешили прекращать восстания и разоружаться. Видимо, это обстоятельство и послужило одной из основных причин того, что Сулейман-паша в середине февраля 1807 г. обратился к Порте с просьбой прислать в Белградский пашалык карательное войско. Порта, в свою очередь, предписала новому видинскому начальнику Моллапаше укреплять крепостные стены Видина и готовить свои войска к отражению нападения сербов. В организации обороны Видина принял активное участие и французский бригадный генерал Мерьяж, который по приказу Наполеона прибыл в Видин еще до кончины Пазванд-оглу (т.е. до 15(27) января 1807 г.) в качестве военного советника⁵⁵.

Наряду с мерами силового принуждения Порта поручила бывшему господарю Молдавии А.Мурузи, А.Суцу и Ханджерли отправить к сербам своих людей, которые заодно с французскими эмиссарами в Сербии должны будут, по словам К.Ипсиланти, "посеять там недоверие к доброй воле России"⁵⁶. Шейх-уль-ислам, со своей стороны, потребовал от константинопольского патриарха разослать всем православным иерархам повеления о том, чтобы православные священники в своих проповедях прекратили прославлять победы русских и убеждали прихожан начать войну против России⁵⁷. Однако, по свидетельству К.К.Родофиникина, сербы не поддались внушениям турецких и французских агентов и направили свои усилия на занятие пограничных с Боснией крепостей Сокола и Ужици⁵⁸.

Видя нежелание сербов прекращать восстание, Сулейман-паша и мухасил Хассан-ага обратились к бейлербею Румелии и соседним пашам за помощью. Некоторые из разосланных ими писем были перехвачены сербами. Карагеоргий воспользовался этим случаем и выслал Хассан-агу из Сербии в Австрию, а от Сулейман-паши потребовал вывести турецкий гарнизон из Белградской крепости. Не дождавшись подкрепления ни от бейлербея Румелии, ни от соседних пашей, Сулейман-паша с обезоруженным гарнизоном, состоявшим из 250 воинов, 23 февраля 1807 г. покинул Белградскую крепость и намеревался идти в Ниш. Однако сопровождавшие турок сербы неожиданно напали на них за пределами города и перебили всех вместе с пашой⁵⁹. В тот же день было совершено нападение на мусульманское население в Белграде, а позднее – в Шабаце и других городах Белградского па-

шалыка. Сербы повсеместно захватывали принадлежащие знатым и богатым мусульманам дома, земли, скот, имущество и прочие ценности. По свидетельству современников этих событий, сербские повстанцы отбирали дома и имущество в основном у богатых и зажиточных горожан, среди которых были не только мусульмане, но и представители других религий. Например, в письме от 13 апреля 1807 г. И.И.Михельсон просил Карагеоргия освободить из-под стражи 40 еврейских семей, проживавших в Белграде, за которых хлопотал банкир из Пешта Арнштейн⁶⁰. Австрийский генерал Т.Дука отмечал даже, что беднейшие слои белградских жителей, среди которых были и мусульмане, находились под защитой самого верховного вождя. По словам австрийского генерала, Карагеоргий заботился об их дальнейшей судьбе и лично следил за тем, чтобы им каждый день давали пищу⁶¹.

Давая оценку февральскому перевороту 1807 г., К.К.Родофиникин писал, что после убийства Сулейман-паши "кончились все завоевания и дела революции сербской до соединения (сербов. – В.Г.) с российскими войсками"⁶².

Из этих кратких оценок современников видно, что события 23 февраля 1807 г. явились важным поворотным моментом в развитии национально-освободительного движения сербского народа. Однако и после окончательного разрыва отношений с Портой верховный вождь сербских повстанцев еще не решался посылать своих воинов против Видина и выполнять просьбы Михельсона. Более того, насколько можно судить по письму белградского митрополита Леонтия, Карагеоргий, видимо, сделал митрополиту весьма серьезный выговор за данные им во время встречи с боярином Манолаки обещания направить сербские войска в указанные Михельсоном пункты. В письме к господарю К.Ипсиланти от 9(21) марта Леонтий Ламбрович, пытаясь оправдаться, писал, что боярин Манолаки два или три раза "обособленно" разговаривал с ним. Во время этих частных бесед он якобы уверял митрополита, что прибыл в Сербию с единственной целью – "довести до нашего сведения высочайшую волю и полную решимость ... императора Руси Александра I ... и его намерение ... с помощью господ бога освободить христианские народы от тяжелого ига угнетения и порабощения неверными". В этом же письме белградский митрополит подтвердил факт присылки Портой людей в Сербию с целью склонить повстанцев советами и обещаниями "самых больших привилегий и почетных милостей вернуться к прежнему послушанию и впредь оставаться ее подданными". По уверению Леонтия Ламбровича, он лично вопреки всяческим препятствиям и осложнениям, старался "переменить умонастроения сербов и возродить в их сердцах рвение и пыл православной веры, ради которой они как один должны

восстать и бороться за общее дело". Явно стараясь преувеличить свое влияние на развитие событий в Сербии, Леонтий писал: "Проявляя самое полное внимание к моим речам... они (сербы. – В.Г.) возродили в себе... рвение и пыл и захватили цитадель", т.е. Белградскую крепость. Затем, продолжает белградский митрополит, сербы убили турецкого командующего цитаделью Сулейман-пашу, перебили всех мусульманских жителей, а их жен и детей окрестили в православную веру. "Озаренные самым горячим рвением, – уверяет митрополит, – сербы идут сейчас вперед без каких-либо подстрекательств под достойным похвалы руководством и доблестным командованием генерал-аншефа Карагеоргия Петровича". Однако отсутствие продовольствия, не говоря уже об остальном, доводит простой народ до истощения, что удерживает его от более решительных действий. Это бедствие наиболее ошутимо отражается на тех христианах, которые переселились в Белградский пашалык из других провинций Османской империи. По мнению Леонтия Ламбровича, положение с продовольствием можно было бы поправить, если бы Михельсон и Ипсиланти согласились на присылку части российских войск к берегам Дуная в Малой Валахии. "Наши сербы, готовые присоединиться к ним, – пишет белградский митрополит, – не преминут захватить переправу по этой... реке... и углубиться еще дальше... Если такое соединение, равно как и подкрепление всем необходимым, не будет осуществлено, то ни одно из наших предприятий не сможет стать успешным. Поэтому крайне необходимо не только, чтобы соединились эти две армии, но чтобы одновременно нам была оказана финансовая помощь"⁶³.

Сам же верховный вождь 6(18) марта 1807 г. писал главнокомандующему Дунайской армией: "Вы нас в дружбу и в содействие против... врагов христианского имени позываете, о чем мы вас всегда просили... На вашу бо непобедимую мышцу всегда мы счастье наше возлагали... и скорым пришествием вашим утешались и крепились". Откликаясь на призыв российского командования и пользуясь благоприятными обстоятельствами, могущими привести к избавлению христиан от иноземного ига, пишет Карагеоргий, "мы воздвигли уже всю страну", которая находится под командой воеводы Миленки Стойковича, т.е. Поречье, а его войско теперь приближается к пределам Видинского пашалыка для "устрашения" Видина и для соединения с российскими войсками"⁶⁴.

"Для твердого заключения" договоренности об условиях взаимодействия российских войск и сербских повстанцев Карагеоргий отправил в Бухарест к Михельсону официальную депутацию в составе трех человек – П.Новоковича-Чардаклию, Аврама Лукича и члена Правительствующего Совета Еремию Гагича. В выданных депутатам 6(18) марта 1807 г. полно-

мочиях сообщалось, что верховный вожь, Правительствующий Совет Сербский, князья и воеводы направляют депутацию к главнокомандующему российскими войсками в Молдавии и Валахии "ради соединения и уговора за общее содействие"⁶⁵.

Из писем Карагеоргия, Леонтия Ламбровича и полномочий сербским депутатам видно, что после отказа сербских повстанцев от предложений Порты они приняли решение окончательно разорвать отношения с ней и ее представителями и воевать против турок на стороне России. Для координации совместных действий в ставку главнокомандующего Дунайской армией посылались специальные депутации. Однако, насколько можно понять из писем Карагеоргия и белградского митрополита Леонтия, среди руководства сербских повстанцев еще не было ясности, на каких принципах и по какому плану должны были взаимодействовать сербские повстанцы с российскими войсками в войне против Турции и Франции. Михельсон и К.Ипсиланти предлагали сербам действовать против Видина и переправить часть своих людей на левый берег Дуная для защиты Малой Валахии от набегов видинского и рушукского пашей, а Карагеоргий, помимо получения финансовой и материальной помощи со стороны России, рассчитывал на то, что часть российских войск переправится на правый берег Дуная и будет взаимодействовать с сербскими повстанцами против турок на территории Сербии.

К моменту прибытия сербских депутатов в Бухарест на придунайском фронте сложилась следующая ситуация. К 11(23) марта 1807 г. Дунайская армия, по свидетельству ее главнокомандующего, заняла крепости Хотин, Бендеры, Аккерман и Килию, а Измаил и Браилов были блокированы. 5 и 6 марта 1807 г. российские войска разбили у Джурджу корпус Мустафы Байрактара, после чего рушукский сераскер был вынужден запереться в крепости и ограничиться кратковременными вылазками. Другие придунайские аяны, давние противники Мустафы Байрактара, пользуясь его бездействием, стали вторгаться в его владения. Междоусобная война румелийских аянов, поясняет Михельсон, существенно подрывает силы не только рушукского аяна, но и самой Порты. "Остается желать, – пишет главнокомандующий Д.Н.Сенявину, – чтобы успехи сербов скорее распространились до пределов Валахии и тем составили бы связь между нами, и чтобы бог благословил предприятия Ваши, от коих, уповая, великих последствий с нетерпением будем ожидать от Вас известий"⁶⁶.

Из этого письма видно, что до главнокомандующего Дунайской армией, который, согласно плану, должен был координировать операции своей армии с действиями эскадры Д.Н.Сенявина, еще не дошло известие о несо-

стоящейся атаке Константинополя с моря, от которой Михельсон и другие российские политики и военные ожидали "великих последствий". Несостоявшаяся атака на Константинополь с моря и отказ англичан от дальнейшего взаимодействия с эскадрой Д.Н.Сенявина по блокаде столицы Османской империи ставили петербургских стратегов перед необходимостью срочно вносить коррективы в общий план турецкой кампании, исходя из сложившейся к тому времени ситуации в Средиземноморье и на Балканах.

§ 5. Проект прелиминарного договора с Турцией и миссия К.О.Поццо-ди-Борго

Как отмечалось в § 1, согласно стратегическому плану войны с Турцией после нанесения туркам ряда эффективных ударов в разных областях империи и обстрела Константинополя английской и российской эскадрами, которые по расчетам российских и английских стратегов должны были привести Порту к "чрезмерному потрясению", предполагалось сразу же предложить "оцепеневшим" турецким министрам заключить мир на условиях заранее подготовленного проекта мирного договора, состоящего из семи статей.

Статья первая прелиминарного русско-турецкого договора предусматривала, чтобы договаривающиеся стороны подтвердили все соглашения и договоры, которые существовали до разрыва отношений между Россией и Турцией. Статья вторая договора гласила: "Так как обладание Францией бывшей венецианской Далмацией делает ненадежной безопасность оттоманских владений в Европе, имея в виду хорошо известные замыслы этой державы, и может служить постоянной причиной недоверия и беспокойств для России, что сделает непрочным мир между нею и Оттоманской империей, обе державы всеми возможными средствами постараются заставить Францию отказаться от владения этой территорией, судьба которой будет решена позже Россией и Блистательной Портой". Статья пятая проекта обязывала Порту: "...Превратить Сербию в вассальное и зависимое от нее княжество, управляемое князем, избранным пожизненно, в соответствии с волей и свободным выбором народа, который будет утвержден... султаном". Статус Дунайских княжеств определялся статьей шестой проекта: "Провинции Валахия и Молдавия будут и впредь пользоваться правилами и преимуществами, которые им предоставлены различными договорами, заключенными между императорским (петербургским. – В.Г.) двором и Бли-

стательной Портой, и в особенности положениями хати-шерифа, изданного в сентябре 1802 г.⁶⁷

Миссия по ведению переговоров с Портой поручалась чиновнику МИД России полковнику К.О.Поццо-ди-Борго. Уроженец острова Корсика, граф К.О.Поццо-ди-Борго был ярким противником Наполеона I. В 1805 г. он был принят на русскую службу в чине полковника. В середине ноября 1806 г. Будберг направил Поццо-ди-Борго в Вену, чтобы тот разъяснил австрийскому правительству причины ввода российских войск в Дунайские княжества; в Вене Поццо-ди-Борго оставался до середины марта 1807 г.⁶⁸

Поскольку в феврале-марте 1807 г. атака Константинополя объединенными усилиями английской и российской эскадр не состоялась, то в Петербурге было принято решение внести изменения в первоначальный замысел операции. 12(24) марта 1807 г. Д.Н.Сенявину было отправлено предписание Александра I, в котором сообщалось, что из Вены на его эскадру отправляется полковник К.О.Поццо-ди-Борго с поручением вести переговоры об условиях заключения мира с Портой. Чтобы турецкие министры не уклонялись от ведения переговоров и были более стоворчливыми, Сенявину высочайше предписывалось "навести на них страх" решительными действиями эскадры. В более подробной инструкции П.В.Чичагова от того же числа сообщалось: "Касательно чинимого Вами предупреждения, чтобы с возложенными на Вас военными действиями согласоваться могли и действия на Черном море, а также и сухопутных войск в Молдавии и Валахии находящихся, сообщаю к сведению Вашему, что писано уже к командиру сими войсками г-ну генералу от кавалерии Михельсону, дабы с наступлением весны начал он производить такие действия, которые бы ощутительно подействовать могли к отвлечению внимания турок и военных сил их к стороне Дуная; со стороны же Черного моря прилагаются всякие старания, чтобы в течение наступающего лета изготовить экспедицию для отправления к Босфору. Намерение было поспешить сим отправлением при начале навигации, но разные затруднения воспрепятствовали исполнению оногo"⁶⁹.

В инструкции МИД России от 12(24) марта находившемуся в Вене К.О.Поццо-ди-Борго давалось новое поручение: отправиться к российской эскадре вице-адмирала Д.Н.Сенявина, найти возможность для установления связи с Портой и вручить рейс-эфенди лично или через австрийского интернунция Штюрмера условия прелиминарного договора. Поясняя в инструкции, по каким пунктам Поццо-ди-Борго может сделать уступки, Будберг писал, что основой возвращения Турции к союзу с Россией должна явиться высылка французского посла из Константинополя. Статьи вторая и четвер-

тая о выводе французских войск из Далмации и об оставлении Хотина и Бендер за Россией могли бы быть сняты в случае возражений со стороны Порты. Кроме того, Поццо-ди-Борго мог не настаивать и на третьей статье – о возобновлении союзного договора Англии с Турцией. По поводу пятой статьи, касавшейся Сербии, Будберг давал следующее пояснение: "Особая позиция, которую мы должны занять относительно этой нации, как в отношении единства религии, так и для того, чтобы не обмануть ее особого доверия и преданности, неизменно высказывавшейся нам, не позволяет нам полностью оставить ее под управлением правительства тем более жестокого, чем более оно становится слабым и полностью дезорганизованным, вследствие чего оно не будет звать границ своей ненависти и гонения. Если Вы встретите слишком большое сопротивление полному принятию этой статьи и вместе с тем Вы сможете придумать какую-либо иную возможность никак не жертвовать доблестными сербами, Вы можете допустить послабление по этому пункту". МИД России разрешило Поццо-ди-Борго сократить требуемую Россией численность войск, которые должны были находиться в распоряжении К.Ипсиланти, с 4–5 тыс. до 1,5–3 тыс. человек⁷⁰.

По получении этой инструкции К.О.Поццо-ди-Борго 28 марта (9 апреля) 1807 г. писал из Вены Будбергу: "Ожесточенное сопротивление, оказанное неприятелями английскому флоту, который находился уже под стенами султанского двора, дерзость, порожденная успехами этого флота, успех советов Себастиани и подготовка к обороне, которую турки, должно быть, уже провели, все это убедительно доказывает, что только сила, явное и постоянное превосходство могут заставить турок желать мира". Чтобы исправить последствия бездарно испорченного Дакуортом замысла совместной атаки Константинополя, Поццо-ди-Борго просил царя дать указание главнокомандующему Дунайской армией И.И.Михельсону активизировать наступательные операции на Дунае и довести до сведения турок, что заключение мира зависит только от них самих. При этом он обращал внимание на то, что в сложившейся ситуации приобретает большое значение установление связи с сербскими повстанцами. "Пятый пункт (проекта прелиминарного договора с Турцией. – В.Г.) имеет самое большое значение; если бы замечательный народ (сербы. – В.Г.), заслуживавший своим поистине героическим поведением всяческого покровительства е.и.в-ва, вновь обрел свое счастье, то я был бы безумно рад связать свое имя с этим благословенным делом. Однако поскольку ваше высокопревосходительство не предписывало мне добиваться принятия этой статьи самым решительным образом, но, с другой стороны, поручаете изыскать возможность для того, чтобы сохранить связи с этим народом и защищать его от ярости турок, мне хотелось

бы, чтобы Вы сооблаговостили сообщить мне все имеющиеся у Вас сведения, нужные для того, чтобы я мог успешнее добиться достижения этой цели"⁷¹.

Через два дня после отправки письма Поццо-ди-Борго из Вены отправился в Триест, откуда намеревался отплыть на специальном фрегате на Корфу. По пути в Триест он смог непосредственно познакомиться с положением дел в Далмации и выяснить точку зрения на происходившие события командования находившейся там группировки российских морских и сухопутных сил. Под впечатлением бесед с российскими военными и дипломатами он 9(21) апреля 1807 г. писал Будбергу, что обладание Бокой Которской выгодно для России лишь в двух обстоятельствах: "с точки зрения позиционного преимущества" и для предотвращения французского влияния на народы Балканского полуострова. Пока эти народы, пишет Поццо-ди-Борго, "предпочитают нас (т.е. Россию. – В.Г.), пока они не оставлены нами, они не передадутся нашим врагам", т.е. французам. Но было бы ошибкой превращать Боку Которскую в опорную базу для войны с Турцией и продвижения российских войск вглубь Балканского полуострова, горная местность будет препятствовать ведению войны, а "друзья, как и враги, населяющие эти горы, довольствуются малым и пытаются скрыть в недоступных местах то малое (продовольствие. – В.Г.), чем располагают".

Кроме того, поясняет Поццо-ди-Борго, подвластные Порте земли подчинены ей лишь наполовину, и там не станет спокойнее, если российским войскам удастся на них закрепиться. Непокорные Порте паши в Скутари, Янине, Валоне и Боснии враждуют между собой лишь до известного предела и вряд ли будут мириться с присутствием российских войск и восстаниями местных христиан. Не находил Поццо-ди-Борго и особого проку в передислокации отряда российских войск с о. Корфу в Албанию. Жители Парги, пояснял он, могут воевать с Али-пашой Янинским очень долго, но они никогда не одержат над ним верх, а сама Порта не изменит своего отношения к нему, даже в том случае, когда русские истощат силы этого мятежного паши. Морея и Ионические острова, полагал он, также не могут представлять для русских войск "значения первого порядка", поскольку обладание ими не повлияет на исход русско-турецкой войны. "Поскольку в наших интересах сделать войну быстрой и решающей, – пишет Поццо-ди-Борго, – то лишь превосходство на море отдаст острова в наше распоряжение без необходимости расплыть войска. Одна вылазка в морские просторы Мореи, где все очень слабо, несколько тысяч албанских и греческих солдат на полуострове, который следовало бы занять, освободит эту провинцию, из которой можно получать продовольствие, но охрану ее не следу-

ет поручать нашим войскам, ибо они оказались бы изолированными и отвлеченными на второстепенные дела".

Ссылаясь на опыт прошлых русско-турецких войн, Поццо-ди-Борго считал, что пока российские войска не угрожают самой столице Османской империи, Порта никогда не согласится на мир с Россией. "Хотим ли мы побудить (Порту. – В.Г.) к миру, получив возмещение, вынуждены ли мы разрушить эту империю, удары должны направляться по ее центру и нам на деле нужно действовать против Константинополя, где сераль так низко боится такой возможности. Если мы желаем просто получить мир без мысли о завоеваниях, тогда было бы полезно действовать совместно с англичанами в Дарданеллах. Но как Вы видите, уважаемый генерал, обстоятельства толкают нас к тому, чтобы поджечь (Османскую. – В.Г.) империю со всех сторон, и поэтому я выбрал бы иной план действия".

Исходя из того, что у России нет достаточных сил атаковать Константинополь с моря, Поццо-ди-Борго предлагал армии Михельсона занять область нижнего течения Дуная, оставить в крепостях гарнизоны, способные предотвращать набеги турок, занять Видин, соединиться с сербами и начать наступление на столицу Румелии Софию. На Адриатическом же побережье, по его мнению, следовало создать группировку войск, которая была бы в состоянии по крайней мере сковывать действия боснийских войск. Десантным войскам, находившимся на кораблях эскадры Сенявина, было бы сподручнее занять Салоники и продвигаться в Македонию, где при появлении российских войск непременно должны присоединиться к ним восставшие христиане. Объединенные силы македонской группировки, по замыслу Поццо-ди-Борго, могли бы двигаться либо на соединение с армией Михельсона, либо в направлении Адрианополя, где насчитывается до 60 тыс. человек, две трети из которых составляют христиане. В обоих случаях российские войска вступят в области, почти полностью заселенные христианами, которые готовы бороться за свое освобождение от османского ига. "Если восстание примет значительные размеры, если нам удастся соединиться с основной армией, идущей от Дуная, – развивал свою идею Поццо-ди-Борго, – то судьба Османской империи окажется в наших руках".

Жители Парги, добавлял к этому автор заманчивого плана, могли бы сдерживать наступление не только войск Али-паши Янинского, но и других албанских пашей и аянов, которые до сих пор еще враждуют между собой и редко выходят за пределы своих владений на защиту интересов султана. Для успешного проведения всех предлагаемых операций, по расчетам Поццо-ди-Борго, необходимо иметь в наличии не менее 12 тыс. регулярного войска, а

для охраны Ионических островов достаточно на вербовать до 4 тыс. наемников из местного населения.

Возвращаясь к описанию ситуации в Далмации, Поццо-ди-Борго вновь обращал внимание на то, что находившаяся там группировка российских войск крайне малочисленна и нуждается в подкреплении, прежде всего, полевой артиллерией и мортирами, ибо имевшиеся в ее распоряжении пушки находятся в плачевном состоянии. Нуждается в подкреплении и та часть эскадры Сенявина, которая защищает Далматинское побережье. Морякам нужны, по крайней мере, две бомбарды, фрегаты и более мелкие суда, запасные мачты, порох и прочее снаряжение.

При наличии ограниченного числа российских войск в Далмации, еще раз напоминает Поццо-ди-Борго, начинать оттуда продвижение вглубь балканских владений Порты было бы слишком рискованно, поскольку, помимо вышеуказанного, "христиане, которые в остальном также недисциплинированы, как и турки, никогда не возьмутся за оружие, не видя силы, способной их поддержать; их храбрость всегда находится в пропорции с уважением, которое им внушают либо наши решительные взгляды на их судьбу, либо наличие реальных средств"⁷².

В другой депеше, отправленной из Триеста, Поццо-ди-Борго писал, что в связи с препятствиями, возникшими на пути к заключению мира с Турцией, решительный разрыв сербов с Портой приобретает исключительно важное значение для успешной реализации предлагаемого им плана. Если Карагеоргий действительно имеет возможность и силы двигаться через горы на соединение с черногорцами и выйти к Адриатическому морю, то этот выдающийся вождь, пишет Поццо-ди-Борго, "действительно является нашим единственным искренним союзником в войне с турками". Продвижение сербов в этом направлении было бы важным и потому, что в Далмации теперь у маршала Мармона находится 12-тысячная армия французов, которые пытаются привлечь на свою сторону босняков, чтобы противопоставить их сербам. В связи с этим Поццо-ди-Борго просил дать указание Михельсону активизировать наступательные операции, занять Видин, быстрее установить связь с сербами и блокировать дороги, ведущие в центр Османской империи, и если это удастся сделать быстро, "то операции на Нижнем Дунае становятся менее важными, поскольку они удаляют нас от Сербии, которая в настоящий момент представляет собой реальную силу"⁷³.

По получении известий о неудачных действиях английской эскадры у стен Константинополя и об отказе Дакуорта взаимодействовать с российской эскадрой Сенявина А.Я.Будберг 26 апреля 1807 г. отправил из Бертенштейна (современный Бартошице) с фельд-егерем Федоровым новое пред-

писание К.О.Поццо-ди-Борго и Д.Н.Сенявину. Александр I и Будберг поручали Поццо-ди-Борго уладить разногласия, возникшие между Сенявинным и Дакуортом. Это необходимо было сделать для того, пишет Будберг, чтобы "когда дела подойдут к моменту ведения переговоров (с Портой. – В.Г.), то было бы желательно, чтобы то же самое единство действий могло господствовать между Вами и английским уполномоченным", т.е. Арбатнотом. Согласно новой инструкции, Поццо-ди-Борго должен был разъяснить английскому послу цель своей миссии и убедить его в необходимости смягчить чрезмерно жесткие требования лондонского двора в отношении Порты. Тогда, пишет Будберг, "Англия постарается согласоваться с нашими взглядами, воздерживаясь от всяческих крайних претензий, которые далеки от того, чтобы произвести доброе воздействие, и могли бы лишь предоставить новое оружие Себастиани для возбуждения еще большей дерзости турок и провоцирования их к упорной обороне с целью спастись от унижительных условий. Наш августейший государь убежден, что неопровержимые доводы, которые вы изложите, чтобы внушить Арбатноту большую необходимость как можно быстрее положить конец нашим раздорам с турками, не преминут произвести на него воздействие. Но если же вопреки всем ожиданиям этого не случится, тогда император желает, чтобы Вы изыскали средство вступить в сепаратные переговоры с Портой на уже известной Вам основе". В соответствии с этим первые четыре статьи практически не требуют изменений. Положение дел по-прежнему требует удаления Себастиани из Константинополя, чтобы обеспечить надежный и устойчивый мир России и Англии с Турцией. Статья пятая (о сербах), по мнению Будберга, могла бы быть изменена в пользу этого народа. "Поскольку Вы глубоко прониклись большим значением, которое имеет для нас недопустимость жертвовать сербами, я нахожу излишним распространяться на сей счет. Я убежден в том, что Вы употребите все усилия, чтобы выговорить в пользу сербов все то, что только возможно. Согласно последним известиям, дошедшим до нас оттуда, сербы перебили гарнизон Белграда, а также всех турок, которые были в их досягаемости. После такого отчаянного события и после всего того, что произошло, не следует утешаться мыслью, что они смогут когда-либо пользоваться благосклонностью Порты. Но ничего не выговорить в их пользу – означало бы предоставить их ненависти и мщению правительства, которое столь же безжалостно, сколь слабо и униженно. Поэтому было бы крайне желательно образовать из Сербии княжество по образцу Молдавии и Валахии, которое платило бы Порте дань, но состояло бы под покровительством России, а если это станет необходимым, то и Англии. Впрочем, по этому вопросу, как и по всем остальным, Вы попытаетесь, в меру возможно-

сти, согласовать пожелания нашего августейшего двора с положением, в котором Вы окажетесь во время переговоров". В заключение инструкции Будберг пишет: "Я не устану повторять, что император не имеет никакого желания осуществить завоевание за счет Турции, что с.и.в-во искренне желает восстановить мир на основе договоров, которые существовали до сего времени между двумя империями"⁷⁴.

В связи с тем, что Дакуорт отказался взаимодействовать с эскадрой Д.Н.Сенявина и увел английскую эскадру к берегам Египта, Будберг 26 апреля 1807 г. переслал из Бартенштейна новую инструкцию Александра I Сенявину. В ней сообщалось: "Неудача адмирала Дукворта в предпринятой им противу Константинополя экспедиции... доказывает неудобства и опасности подобных сему покушений; почему и предписываю Вам наипростражайше воздерживаться от оных, разве бы по непредвиденным каким-либо обстоятельствам можно было надеяться на верный и решительный успех. Но как почти невозможно ласкать себя таковою надеждою, то и повторяю Вам предписание от 12-го минувшего марта Вам данное, дабы Вы ограничились наипростражайшей блокадою устья Дарданелл таким образом, чтобы никакое судно, под каким бы то флагом и предлогом ни было, не могло пробраться в Константинополь".

В случае, если эскадра Дакуорта или другая английская эскадра вновь захочет присоединиться к эскадре Сенявина, то он, согласно новой инструкции, должен был взаимодействовать с ней "в совершенном согласии ... не взирая на случившееся". Так необходимо поступить, потому что "мы состоим в наитеснейших связях с его величеством королем великобританским по всем предметам до настоящей войны касающимся". Александр I обращал внимание Сенявина на то, что "предполагаемые с Портою переговоры клонятся единственно к тому, чтобы восстановить мир между нами и Империею Оттоманскою на основании трактатов, до последнего разрыва существовавших! Всякое предприятие, имеющее в виду какое-либо завоевание насчет Порты, было бы совершенно противно умеренным и бескорыстным моим правилам и намерениям". В остальном же царь разрешал Д.Н.Сенявину "действовать всегда по собственному ... благоусмотрению", руководствуясь ранее данными инструкциями⁷⁵.

§ 6. Попытки И.И.Михельсона установить связь с Портой и передать ей проект статей русско-турецкого договора о мире. План "ужасной диверсии против Турции", составленный маркизом Ф.О.Паулуччи

Как отмечалось выше, миссия по вручению Порте проекта прелиминарных статей русско-турецкого договора о мире возлагалась не только на К.О.Поззо-ди-Борго. При удобном случае это поручалось сделать и главнокомандующему Дунайской армией И.И.Михельсону.

В соответствии с этим Михельсон, по совету К.Испиланти, "в генеральных выражениях" сообщил начальнику турецкой крепости Браилов "наклонность" восстановить доброе согласие между Россией и Турцией. Кроме того, аян из крепости Мачин Такир-бей согласился доставить в Константинополь "партикулярное" письмо Михельсона к прусскому посланнику в Османской империи барону Пильсаху с просьбой, чтобы он передал Порте то же предложение. Мачинский аян и его союзник Иликли-оглу Силистрийский также обещали, по словам Михельсона, "доставить через нарочного своего до сведения султана известным им посредством все то, что мы желаем". Чтобы "мачинские приятели" скорее выполнили это поручение, Михельсон выдал им 2 тыс. червонных. Кроме того, письмо аналогичного содержания было отправлено и к Мустафе Байрактару с "татарской султаншей", которая, возвращаясь из Петербурга, побывала в ставке Михельсона.

"Итак, – пишет Михельсон, – теперь не останется турецкому министерству ни малейшего места к сомнению, чтобы мы отклонились от мира и имели властолюбивые намерения". В связи с этим, уверял он, турецкие войска "имеют повеление... не действовать до некоторого времени, что выполнят с точностью, ибо из Журжы, Зимницы и Турно никаких набегов внутрь земли не делают, да и действительно невозможным казалось бы, чтоб диван турецкий не поддавался на умеренные наши требования". Но деятельность Себастиани в Константинополе, полагает генерал-аншеф, "будет надолго большою препотою к миру, ибо желания наши турецкому министерству известны".

И тем не менее, удивляется Михельсон, турецкое правительство до сих пор не сделало и шагу к примирению с Россией. Возможно, только голод сможет заставить Порту сделать это, поскольку разорванные коммуникации с Дунайскими княжествами и блокада со стороны Дарданелл лишили Константинополь продовольствия и там ощущался крайний недостаток в нем. "Желая от всего сердца видеть успешно выполненную высочайшую

волно относительно до восстановления доброго согласия с Портою, не упущу, однако, брать все меры вести и войну с успехом, если бы продолжение оной соделалось неизбежным, хотя по всем соображениям не могу думать, чтобы Порта могла противопоставить нам знатные силы как по причине волнений, существующих внутри империи, так и по невозможности им продовольствовать теперь армию. Край к Исакке и Тульче весь разорен, а в Болгарии около Рушука можно токмо прокормить еще до 40 тысяч человек сверх ныне имеющихся у Мустафы Байрактара, а по всему тому прежде исхода июля месяца можно полагать, что не соберется более армия, как от 40 до 70 тыс. человек простирающаяся, которая, вероятно, разделится на два пункта, то есть на Измаил и Журжу".

"Буде Порта не сделает никакого отзыва на доходящие к ней из разных сторон предложения наши, – продолжает рассуждать Михельсон, – (следует. – В.Г.) употребить самые деятельнейшие меры, чтоб подкрепить восставшие народы и возбудить еще и другие провинции противу Порты, ибо нет сомнения, чтоб военные действия не были повсюду со стороны турок произведены со свирепостью по наущению Себастиана, вперяющего им, что Россия стремится разрушить турецкую империю". Для поддержки восставших христиан, пишет Михельсон, нужны деньги, несколько тысяч ружей, пистолетов, сабель, порох и свинец, которых они не имеют. Более того, продолжает он, "чтобы показать народам, что мы искренне думаем о спасении их, нужно бы начать в Молдавии и Валахии хотя некоторым временным образованием правительства, образовав также и правительство сербов, обнадеежить болгар и греков, что не будут и они оставлены. При таком положении дел можно несомнительно надеяться, что будет положен конец всякой возможности для Порты быть нам опасною, каковою, конечно, уже она не будет, когда отторгнется от нее вся Бессарабия, а Молдавия и Валахия, и Сербия воспримут образованное бытие, хотя бы то было и под верховною властию Порты". Если же окажется невозможным снабдить "задунайские народы" деньгами и оружием, то будет вполне достаточно и того, "чтобы одна часть (этих народов. – В.Г.) претерпела сильное поражение от турок, [тогда] все другие от страха и не видя от нас больше помощи разбегутся или покорятся опять под прежнее иго, и все силы неприятельские, руководимые искусными французскими эмиссарами, обратят противу нас. Победить нас не возмогут никогда, но по многочисленности своей могут частно и часто большой вред нам наносить"⁷⁶.

Между тем, находившиеся в Бартенштейне по случаю подписания 14(26) апреля 1807 г. русско-прусской конвенции о союзе Александр I и Будберг решили принять на русскую службу маркиза Ф.О.Паулуччи, кото-

рый уже несколько лет тайно сотрудничал с российской дипломатической миссией в Австрии. Еще в октябре 1806 г. и в начале января 1807 г. он передал через российскую миссию в Вене свой план и соображения по занятию российскими войсками Далмации. В апреле 1807 г. Ф.О.Паулуччи прибыл в Бартенштейн и лично встретился с А.Я.Будбергом. Во время беседы Будберг ознакомил маркиза с замыслами петербургского двора, направленными на скорейшее заключение мира с Портой, и дал понять, что император Александр I желал бы иметь "точные и подробные сведения" о количестве и намерениях французских войск в Далмации "в обстоятельствах, требующих особой бдительности и внимания"⁷⁷.

Там же, в Бартенштейне, Филипп Осипович Паулуччи 2 мая 1807 г. представил план, составленный, по его словам, "поспешно и без предварительного знания военной и политической ситуации в Турции". Для того чтобы составить более подробный и точный план военных операций всех российских сил в Турции, который "поставил бы под угрозу саму столицу Османской империи", маркиз хотел иметь "отменное представление" о численности и позиции российской армии в Молдавии и Валахии, состоянии русско-сербских и русско-черногорских отношений, численности российских войск в Боке Которской и Республике Семи Соединенных Островов, боевых возможностях эскадры вице-адмирала Сенявина и находившихся на ней десантных войсках и, наконец, о морских силах России на Черном море.

Исходя из предполагаемой достаточности, надежности и сбалансированности всех перечисленных выше компонентов, Паулуччи изложил, пока в общей форме, предварительный вариант "проведения быстрой и эффективной операции", которая могла бы заставить Порту подписать мир на требуемых Россией условиях. "Учинив устрашающую диверсию против Турции, – пишет маркиз, – можно было бы изменить и весь ход дел в Европе". Для того чтобы быстрее достичь желаемой цели, он предлагал, прежде всего, согласовать план действий российских войск с действиями сербских повстанцев. По плану Паулуччи, сербы с частью российских войск должны преградить путь в Боснию войскам Бонапарта, которые непременно получат там поддержку как со стороны боснийских пашей, так и от местных католиков, поскольку французы уже расположили их к себе еще в начале своего вступления в Далмацию. В самой же Далмации, по собранным Паулуччи данным в сентябре 1806 г., находилось до 12 тыс. французских войск. Они располагались на территории между Истрией, Далмацией, Рагузинской республикой и на соседних с ней островах. Диверсия сербского корпуса в направлении Далмации, по мнению маркиза, могла бы быть осуществлена без

особых осложнений, поскольку от города Зворника до места расположения сербских постов на границе с Далмацией не более 36 немецких миль. Для такой операции было бы достаточно иметь один сербский корпус численностью в 10–12 тыс. человек, так как в Зворнике нет гарнизона, могущего оказать сильное сопротивление. В Зворнике корпус следовало бы разделить на два отряда, один из которых пошел бы через Травник в Книн. В случае смелого и решительного удара связь с Хорватией была бы нарушена. Когда передовой отряд овладеет верхней частью Далмации, второй отряд должен идти из Сараева (Босна-Сарай) на Мостар, который может быть легко занят, так как эта небольшая турецкая крепость снабжена лишь 7–8 железными пушками. Установив связь с передовым отрядом, сербы могли бы спуститься по реке Неретве и выйти к форту Опус (?), укрепленному французами (да и то слабо) только со стороны моря, чтобы помешать высадке десанта. В случае удачно проведенной операции сербы смогли бы блокировать все сухопутные коммуникации между французской дивизией, расположенной в Далмации, и дивизией, размещенной в Дубровницкой республике. Обогнув таким образом Далмацию, сербы смогут двигаться вдоль моря и вытеснить французов из Макарской, Сплита, Шибеника и т.д.

Во время проведения этой операции черногорский митрополит со своими войсками мог бы войти в Герцеговину и продвигаться из Грахополя в направлении Требинья, Слано и т.д., установить связь через Мостар с сербами и согласованно с ними участвовать в последующих операциях по вторжению в Албанию и Далмацию. Третью населения всей Далмации, по уверению Паулуччи, исповедует религию "греческого обряда", т.е. православие. Поскольку большая часть православного населения сосредоточена в северной части этой области, то эти районы следовало бы занять в первую очередь. Население далматинских районов, где преобладают католики, также ненавидит французов. Оно готово поддержать тех, кто пожелал бы освободить их от назойливых гостей. Чтобы привлечь на свою сторону и эту часть населения, необходимо прежде всего склонить к этому католических священников, поскольку они руководят всей политической жизнью народа. "Морнары, – пишет маркиз, – все хорошо вооружены и полны отваги, которая характерна для славян, от которых они берут свое начало". Для успешного исхода такой операции необходимо, чтобы корабли крейсировали по Адриатическому заливу и, по возможности, не допускали во внутренние каналы Далмации французские корабли до тех пор, пока сухопутные войска французов находятся на ее территории.

В этой же записке Паулуччи излагает свой план проникновения российских войск из Далмации в Албанию, который, по словам маркиза,

"потрясет до основания Турецкую империю". Он исходит из того, что в Боке Которской в тот момент находилось всего лишь 6 тыс. российских войск. Из этого числа маркиз предлагал оставить в Которе – 500, в Кастиельново – 300, между Будвой и Сан Стефано – 200 человек. К оставшимся 5 тыс. следовало добавить тысячу местных жителей. В таком составе, с небольшими пушками на мулах, войска могли бы двигаться "дерзкими и быстрыми переходами", а затем ворваться в Турецкую Албанию. Там, пройдя через Скутари, Эльбасан и Ошри, присоединить к себе греков и католиков, живущих в этой, по словам маркиза, "красивой и богатой стране". Овладев Албанией, уверяет автор плана, можно было бы раздробить силы турок, которые к тому времени уже были бы заняты обороной Румелии, сражаясь с вступившими в эту область русскими и сербскими войсками. В это же время эскадра Д.Н.Сенявина, имея на борту десант, должна войти в Дарданеллы и начать атаку Константинополя.

Если предложенный план привлечет внимание петербургского двора, заключает свою записку Паулуччи, то Михельсон прежде всего должен согласовать план своих операций с Карагеоргием. "Лицо, которому было бы поручено выехать в Валахию и Сербию для определения такого плана, – пишет Паулуччи, – могло бы также предварительно побывать в австрийских владениях, сопредельных с Далмацией, чтобы точно разузнать силы и настроения французов, поскольку этот факт весьма важен для реализации общего плана". Этот же человек в Которе должен ускорить подготовку операции для вступления в Албанию, поскольку Сенявин к тому времени уже получит соответствующее указание⁷⁸.

В инструкции от 11 мая 1807 г., данной Будбергом Ф.О.Паулуччи, говорится: "Поскольку поддержка французов могла бы поступить к туркам из Далмации и поскольку нам особенно важно иметь точные и подробные сведения о том, что имеет отношение к этому вопросу, е.и.в-во решил направить туда доверенное лицо, дабы собрать все сведения, могущие просветить императорское министерство по всем мерам, которые следует предпринять в обстоятельствах, требующих особой бдительности и внимания. Выбор е.и.в-ва пал на Вас, г-н маркиз, и, доверяя Вам столь важную миссию, он льстит себя надеждой, что Вы оправдаете благоприятное мнение, сложившееся у е.и.в-ва о Ваших желаниях и принципах, которые Вы еще более проявите, исполняя особое знание, приобретенное Вами о местности и жителях сих земель, чтобы с самой большой определенностью выполнить порученную Вам задачу".

Согласно инструкции, Ф.О.Паулуччи должен был выехать из Бартенштейна и, минуя Вену, направиться в Триест, чтобы выяснить численность

французских войск в Далмации, их дислокацию и намерения, расположение складов и т.д. В его задачу входил сбор сведений о настроениях жителей Далмации, Боснии, Герцеговины и других турецких областей, о степени их "приверженности" к Франции. Паулуччи должен был выяснить состав и силы французской обсервационной армии, которая формировалась тогда в Фиуме, ее маршрут и вообще все, что может интересовать российское командование. По выполнении этого задания маркизу надлежало отправиться через Венгрию в Белград. По пути следования он, по возможности, должен был интересоваться настроением венгров и их желанием выполнять распоряжения австрийского правительства.

По прибытии в Белград ему нужно было "с особым вниманием" изучить положение, в котором находится город, силу сербского гарнизона, "состояние духа жителей этого города". Затем он должен был встретиться с белградским митрополитом Леонтием, который, как сказано в инструкции, "в силу своего положения пользуется большим доверием сербов", и с комендантом города М.Миловановичем, поскольку они оба "предрасположены к интересам" петербургского двора. В разговорах с ними Паулуччи следовало подробно объяснить, какой опасности подвергнется сербский народ, если доверится посулам Франции и согласится вновь подчиниться Порте. В то же время ему предписывалось уверить сербов в том, что они "всегда могут рассчитывать на могущество России, народ которой происходит из того же корня и исповедует ту же веру, что и сербы". Паулуччи поручалось также узнать численность сербов "под ружьем", в какой степени они предрасположены к России, об отношениях, которые сербы поддерживают или могут иметь с французами, о планах военных операций сербов, об их желании установить связь с российской армией в Валахии и с черногорцами, об их потребностях в оружии, боеприпасах, деньгах и т.д. "Что касается оружия, – пишет Будберг в инструкции, – то этот вопрос не встретит каких-либо трудностей; как только мы будем знать на сей счет желание сербской нации, и Вы можете по этому вопросу, как и по всем другим, заверить лиц, с коими Вы установите отношения, что императорский двор не упустит ничего, дабы поддержать сербов всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, при условии, если мы сможем иметь уверенность, что они будут неизменно действовать в отвечающем нам духе".

По прибытии в Сербию Паулуччи должен был встретиться с Карагеоргием и вручить ему письмо Будберга. "В зависимости от того, как он Вас примет, и более или менее от того, как он постарается раскрыть свои планы и взгляды, – наставлял Будберг маркиза, – Вы определите степень доверия, какую Вы можете к нему проявить. Впрочем, Вы попытаетесь получить от

него те же сведения, которые я советовал Вам собрать в Белграде, и постараетесь... осведомиться, в частности, о военных планах... где Черный Георгий считает возможным действовать наступательно, а где намеревается ограничиться обороной; о средствах, которые он считает наиболее подходящими для использования при соединении с российскими войсками". После выяснения обстановки в Сербии Паулуччи должен был явиться в Бухарест или в другое место, где будет находиться штаб Михельсона, и дать ему полный отчет о сведениях, собранных в Триесте, Сербии и в пределах Австрии.

В постскриптуме Будберг поручал маркизу выяснить, какие отношения существуют между белградским митрополитом Леонтием и Карагеоргием, "пользуется ли один доверием другого и, особенно, не относится ли ревниво последний к влиянию, которое сумел обрести прелат на народ". В случае, если они "плохо сходятся", Паулуччи должен был попытаться примирить их между собой. "Вы скажите тому и другому, – заключает Будберг инструкцию, – о благосклонности, которую желал бы проявить к ним наш августейший государь"⁷⁹.

* * *

Рассмотренные в гл. V факты, на наш взгляд, не оставляют сомнения в том, что встречающиеся в зарубежной, а порой и в отечественной, историографии оценки причин и целей русско-турецкой войны 1806–1812 гг., а также влияния этой войны на развитие национально-освободительного движения сербского, черногорского, герцеговинского, греческого и других балканских народов далеко не всегда согласуются между собой и во многом противоречат свидетельствам аутентичных источников.

Как показывает анализ программных документов правительства России, донесений российских дипломатов, а также обращений и просьб представителей упомянутых народов к русскому царю и других материалов, правительство России при выработке курса балканской политики в период после Прессбургского мира, защищая свои интересы на Балканах, не упускало из виду и интересы народов, населявших балканские владения Османской империи. Наглядным подтверждением тому является предложенный правительством России проект учреждения "нового порядка" на Балканах, который предусматривал создание двух славянских, одного или двух греческих государств на Балканах в составе Османской империи. По расчетам политиков России, этот проект не мог нанести вред и раздираемой внутренними междоусобицами Османской империи: во-первых, удовлетворив требования этих народов о предоставлении им права на автономное управле-

ние, Порты обретет в них своих союзников; во-вторых, создание новых государственных образований в составе Османской империи и под протекторатом России, Австрии, а при согласии с ее стороны и Англии, позволило бы воздвигнуть защитный барьер от Черного до Адриатического моря, который смог бы преградить путь наполеоновской агрессии на Балканы, а также позволил бы создать на Адриатическом побережье базу для союзных России и российских войск, с которой удобно бы было угрожать тылам французских войск в Италии.

Непредсказуемость последствий при реализации столь рискованного для нее проекта насторожила не только Порту, но и австрийское правительство. Их отказ участвовать в его реализации поставил Россию перед необходимостью решать эту непростую задачу во взаимодействии с силами национально-освободительного движения, что до предела осложнило отношения России с Турцией и привело к русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Между тем, с выходом российских войск на Дунай выяснилось, что верховный вождь сербских повстанцев, вопреки прежним заверениям, уже не хотел воевать с французами и отказался посылать свои отряды на соединение с черногорцами, которые тем временем вместе с русским отрядом пытались пробиться через Герцеговину для соединения с сербами. Более того, настаивая на введении российских войск в Сербию, Карагеоргий не спешил идти и на соединение с российскими войсками на Дунае. Нерешительная и изменчивая политика верховного вождя сербских повстанцев в сочетании с неудачами в других местах не позволила командованию Дунайской армии провести быстро и решительно намеченный план по "устрашению" Порты. Потеря инициативы и времени позволила Порте с помощью французов консолидировать силы мятежных пашей и организовать более или менее надежную оборону, фронт которой протянулся вдоль Дуная от Крайовы до Измаила.

¹ *Перовић Д.* Из историје првог српског устанка. Београд, 1979. С.55–60.

² ЦГАДА. Ф. Бумаги Строгановых. Д.355. Л.208–209. Записка А.Чарторыйского от 22 января (3 февраля) 1807 г.; ВПР. Т.III. С.689. Примечание № 144. Подробнее см.: *Сироткин В.Г.* Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции // Югословенские земли и Русия за време првог српског устанка 1804–1813 гг. Београд, 1983. С.97–98.

³ ВПР. Т.III. С.689. Примечание № 144; *Сироткин В.Г.* Международные отношения... С.97–98.

⁴ ВПР. Т.III С.381–387. А.Я.Будберг – А.Я.Италинскому, 15(27) ноября 1806 г.

⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1885. Л.77–79. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 19(31) марта 1807 г.

⁶ *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Т.1. С.92.

⁷ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.865. Л.268–269. Л.Г.Кирико – А.Я.Италинскому, 14(26) ноября 1806 г.; Ф. Канцелярия. 1806. Д.2259. Л.413–414. К.К.Родофинкин – А.Я.Будбергу, 17(29) ноября 1806 г.

⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1806. Д.2259. Л.336–341. А.Я.Италинский – А.Я.Будбергу, 18(30) ноября 1806 г.

⁹ Там же. Ф. ГА 1–9. Д.5. П.10. Ч.II. Л.107. Митрополит Валахии Досифей и валашские бояре – К.Ипсиланти, ноябрь (6/ч) 1806 г.

¹⁰ Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.130. Л.96. А.Я.Италинский – И.Ф.Болкунову, 18(30) ноября 1806 г.

¹¹ ВПР. Т.III. С.381–387. А.Я.Будберг – А.Я.Италинскому, 15(27) ноября 1806 г.

¹² Там же. С.375–380. Инструкция Будберга К.О.Пошко-ди-Борго. 14(26) ноября 1806 г.

¹³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. *Sapragne Turquie* 1806. Д.1882. Л.106–107. К.Ипсиланти – А.Я.Будбергу, 14(26) ноября 1806 г.

¹⁴ Там же. Д.1881. Л.37–41. А.Я.Будберг – К.Ипсиланти, 16(28) ноября 1806 г.

¹⁵ Там же. Ф. Генеральное консульство в Яссах. 1806. Д.149. Л.Г.Кирико – К.К.Родофинкину, 26 ноября (8 декабря) 1806 г.

¹⁶ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1806. Д.140(863). Л.281–282. Н.Сидоровский – А.Я.Италинскому, 1(13) декабря 1806 г.; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.2884. Л.178–186. Л.Г.Кирико. Краткое историческое обозрение.

¹⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.2877. Л.280. Выписка из журнала донесений И.И.Михельсона с 26 ноября по 19 декабря 1806 г.

¹⁸ Там же. Ф. 14209. Оп.2/163. Св.85. Д.1. Л.3. М.А.Милорадович – И.И.Михельсону, 16(28) декабря 1806 г.; *Петров А.Н.* Война России с Турцией... С.96–121.

¹⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.395. Л.109. К.И.Мейендорф – паше Измаила, 16(28) декабря 1806 г.

²⁰ О деятельности российских дипломатов в Турции по переселению болгар в Россию см.: *Грачев В.П.* Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX век // *Българското възрождение и Русия.* София, 1981. С.264–289.

²¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Д.2259. Л.495–500. Нота Порты, врученная А.Я.Италинскому 11(23) декабря 1806 г.

²² Там же. Ф.Канцелярия. 1807. Д.2263. Л.24–27. Декларация Порты от 21 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.) о причинах объявления войны России, врученная послам государств, аккредитованных в Турции.

²³ Там же. Д. 1885. Л.11–15. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 7(19) января 1806 г.; ВПР. Т.III. С.726. Примечание № 304.

²⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1885. Л.11–15. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 7(19) января 1807 г.

²⁵ Там же. Ф. ГА 1–5, 1805. Д.1. П.4. Л.1–7. А.Я.Будберг – С.А.Санковскому, 8(20) января 1807 г.

²⁶ Первое сербское... Кн.1. С.312–314. А.Я.Будберг – А.К.Разумовскому, 8(20) января 1807 г.

²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1807. Д.1887. Л.7об.–10. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 9(21) января 1807 г.

²⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1911. Л.1–2об. К.Ипсиланти – А.Я.Будбергу (6/д) 1807 г. (В Петербурге письмо получено 19(31) января 1807 г.).

²⁹ *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // *Русский вестник.* 1863. Т.46. Кн.7. С.114–116. И.И.Михельсон – Карагеоргию, 11(23) января 1807 г.

³⁰ Первое сербское... Кн. I. С.315. Приказ Михельсона по Дунайской армии от 13(25) января 1807 г.

³¹ Први српски устанак. Књ. I. С.241–243, 247. Документы № 192, 193, 195, 200.

³² Списи бечких архива. Књ. I. С.1, 5, 31. Документы № 1, 3, 18. Подробнее об этом см.: *Вукићевић М.* Карађорђе. Т. II. С.446; *Ђорђевић М.Р.* Политичка историја... Књ. I. С.156–157.

³³ Списи бечких архива... Књ. IV. С.36, 50–53, 54–55. Документы № 21, 31, 33. Подробнее см.: *Ђорђевић М.Р.* Политичка историја... Књ. I. С.157.

³⁴ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д.395. Л.145. Отчет боярина Манолаки о поездке в Землин от 24 января (5 февраля) 1807 г. Перевод с греческого, современный подлиннику; заверен К.К.Родофиникиным.

³⁵ Первое сербское... Кн. I. С.314–315. Карагеоргий – И.И.Михельсону, 13(25) января 1807 г.

³⁶ Там же. С.319–320. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 26 января (7 февраля) 1807 г.

³⁷ ЦГВИА. ВУА. Д.2909. Л.42об. И.И.Михельсон – Александру I, 27 января (8 февраля) 1807 г.

³⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1885. Л.35–36. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 20 января (1 февраля) 1807 г.

³⁹ Там же. Д.1887. Л.35об. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 14(26) февраля 1807 г.

⁴⁰ ВПР. Т. III. С.511–512. А.Я.Будберг – И.И.Михельсону, 18 февраля (2 марта) 1807 г.

⁴¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1911. Л.5–6. К.Ипсиланти – И.И.Михельсону, 28 января (9 февраля) 1807 г.

⁴² Первое сербское... Кн. I. С.320–321. К.Ипсиланти – А.Я.Будбергу, 14(26) февраля 1807 г.

⁴³ Подробнее об этом см.: *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря как первоначальная идея в плане войны России с Турцией 1806–1812 гг. // Морской сборник. 1910. № 356. Т. I. Неофициальный отдел. С.1–45; Т. II. Неофициальный отдел. С.1–25; *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Д.Н.Сенявина в Средиземное море. М., 1954; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н.Сенявин. М., 1952. С.184–190.

⁴⁴ *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы... Т. I. С.13–15.

⁴⁵ Там же. С.16.

⁴⁶ Там же. С.26.

⁴⁷ *Тарле Е.В.* Экспедиция адмирала Сенявина... С.51.

⁴⁸ *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы... Т. I. С.17–20, 32.

⁴⁹ ЦГАВМФ. Ф. Департамент морского министерства по экспедиции Д.Н.Сенявина. Д.571. Л.32–37. Д.Н.Сенявин – Александру I, 14(26) марта 1807 г.; *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы... Т. I. С.32–34; *Шапиро А.Л.* Адмирал Д.Н.Сенявин. С.195–196, 206–211; *Афанасьев Д.М.* К истории черноморского флота // Русский архив. 1902. № 2. Кн. I.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д.1. Л.13–14. А.К.Разумовский – К.К.Родофиникину, 2(14) апреля 1807 г.

⁵¹ *Marmont A.* Memoires du marechal Marmont, duc de Raguse. Paris, 1863. Vol. III. P.94–95. Подробнее об этом см.: *Вукићевић М.* Карађорђе. Т. II. С.455; *Гаврилович М.* Српски покрет и руско-француски односи од 1804 до 1807 гг. // Из нове српске историје. Београд. 1926. С.68.

⁵² АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д.11536. Л.160–161. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 16(28) февраля 1807 г.

⁵³ Первое сербское... Кн. I. С.320–321. К.Ипсиланти – А.Я.Будбергу, 14(26) февраля 1807 г. Подробнее об этом см.: *Вукићевић М.* Карађорђе. Т. II. С.455, 465–471.

⁵⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д.11542. Л.4–41. Французская газета "Jurnal de l'Empire" за 7 февраля 1807 г.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д.11536. Л.160–161. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 16(28) февраля 1807 г. Об этом см.: *Ворпе А.* A mission de l'adjutant-comandant Meriage a Widin (1807–1809) // *Annales de l'école libre des sciences politiques.* 1886. Vol. I. P.259–293.

⁵⁶ Первое сербское... Кн. I. С.352–354. К.Ипсиланти – И.И.Михельсону, 22 апреля 1807 г.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия МИД. 1807. Д.1889. Л.45–47. Барон Зенфт – А.Я.Будбергу, 9 апреля 1807 г.

⁵⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1806. Д.1880. Л.32–33. К.К.Родофиникин – А.К.Разумовскому, (б/ч) март 1807 г.

⁵⁹ *Гаврилович М.* Ичков мир // Из нове срpske историје. Београд. 1926. С.91–97; *Вукићевић М.* Карађорђе. Т. II. С.408.

⁶⁰ ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.5/165. Св.22. Д.18. Л.27–28. И.И.Михельсон – Карагеоргию, 13(25) апреля 1807 г.

⁶¹ *Вукићевић М.* Карађорђе. Т. II. С.408.

⁶² АВПРИ. Ф. ГА 1–9. 1807. Д.9. Л.11–24. Обзор событий в Сербии до 1811 г.

⁶³ Первое сербское... Кн. I. С.330–332. Белградский митрополит Леонтий Ламбрович – К.Ипсиланти, 9(21) марта 1807 г.

⁶⁴ Там же. С.325. Карагеоргий – И.И.Михельсону, 6(18) марта 1807 г.

⁶⁵ Там же. С.326. Полномочия сербских депутатов от 6(18) марта 1807 г.

⁶⁶ ЦГВИА. Ф. 14209. Оп.5/165. Д.19. Св.22. Л.4. И.И.Михельсон – Д.Н.Сенявину, 11(23) марта 1807 г.

⁶⁷ ВПР. Т. III. С.738–739. Примечание № 347; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1901. Л.17–19. Приложение к депеше А.Я.Будберга полковнику К.О.Поццо-ди-Борго от 25 апреля (7 мая) 1807 г.

⁶⁸ ВПР. Т. III. С.375–380. А.Я.Будберг – К.О.Поццо-ди-Борго, 14(26) ноября 1806 г.

⁶⁹ *Каллистов Н.Д.* Прорыв через Дарданеллы... Т. I. С.29–30. Александр I – Д.Н.Сенявину 12(24) марта 1807 г., А.Я.Будберг – Д.Н.Сенявину, 12(24) марта 1807 г.

⁷⁰ Первое сербское... Кн. I. С.332–335. Экстракт из инструкции МИД России К.О.Поццо-ди-Борго от 12(24) марта 1807 г.

⁷¹ ВПР. Т. III. С.540–545. К.О.Поццо-ди-Борго – А.Я.Будбергу, 28 марта (9 апреля) 1807 г.

⁷² АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1902. Л.10–13. К.О.Поццо-ди-Борго – А.Я.Будбергу, 9(21) апреля 1807 г.

⁷³ ВПР. Т. III. С.550–553. К.О.Поццо-ди-Борго – А.Я.Будбергу, 9(21) апреля 1807 г.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1901. Л.35–44. А.Я.Будберг – К.О.Поццо-ди-Борго, 25 апреля (7 мая) 1807 г.

⁷⁵ Там же. Ф. Канцелярия. *Sapragnie Turquie.* 1807. Оп.468. Д.1907. Л.6–9об. Александр I – Д.Н.Сенявину, 26 апреля (8 марта) 1807 г.

⁷⁶ ВПР. Т. III. С.570–572. И.И.Михельсон – А.Я.Будбергу, 28 апреля (10 мая) 1807 г.

⁷⁷ ВПР. Т. III. С.583–588. Инструкция А.Я.Будберга Ф.О.Пауллуччи, 11 (23) мая 1807 г.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Сношение России с Турцией. 1807. Оп.89/8=а. Д.2169. Л.1–9об. Ф.О.Пауллуччи – А.Я.Будбергу, 2 мая 1807 г.

⁷⁹ ВПР. Т. III. С.583–588. Инструкция А.Я.Будберга Ф.О.Пауллуччи, 11(23) мая 1807 г.; *Болитшич В.* Разбор сочинения Н.А.Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. С.75–76.

Глава VI

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ДАЛМАЦИИ, БОКЕ КОТОРСКОЙ, ЧЕРНОГОРИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ ПОСЛЕ НАЧАЛА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 гг.

§ 1. Ситуация в Далмации и Боке Которской в первой половине 1807 г. и план соединения с войском славяно-сербским

Как отмечалось во вводном разделе и предшествующих главах, в югославской историографии при характеристике взаимодействия российских войск с черногорцами и приморцами в Далмации и Боке Которской доминирует точка зрения, согласно которой Россия, вовлекая балканские народы в сферу своих политических и военных интересов, мешала объединению славянских народов и сдерживала естественное развитие национально-освободительного движения сербов, черногорцев и герцеговинцев. С таких же позиций оценивается югославскими историками и запланированный поход объединенных сил русских и черногорцев в Герцеговину и неудачная осада пограничной турецкой крепости Никшич. Например, Дж.Пейович пишет по этому поводу, что, планируя эту операцию, С.А.Санковский обещал черногорскому митрополиту поддержать черногорцев силами российских войск. Но когда Петр I Негош начал поход в Герцеговину, привлек к этой операции герцеговинцев из Пивы, Белопавичей и Пиперов, обещанных российских войск не оказалось¹. Между тем, вот что об этом свидетельствуют наши источники.

Прежде чем приступить к подробному рассмотрению событий, разворачивавшихся в Далмации и Боке Которской в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг., следует напомнить, что еще до начала этой войны в Боке Которской, в Кагельново, в Будве и на некоторых островах Адриатического моря закрепилась сравнительно небольшая группировка российских войск численностью от 5 до 7 тыс. человек под командой полковника Ф.Книппера и часть кораблей из эскадры Д.Н.Сенявина, которой командовал Г.Г.Белли. После овладения этим плацдармом они вместе с черногорцами и приморцами продолжали с успехом отражать атаки французских войск. Не имея достаточных сил для овладения этой территорией, Наполеон угрожал венскому двору применением жестоких мер, если Австрия не отберет у

России и не передаст Франции районы, которые по условиям Прессбургского мира отходили к ней. В связи с этим венский двор требовал от российского правительства возвратить занятую черногорцами и приморцами территорию австрийскому военному командованию и вывести оттуда российские войска. Но поскольку Россия находилась в состоянии войны с Францией, петербургский двор считал себя вправе удерживать эти, теперь уже французские, территории, под своим контролем, чтобы лишить французов удобного плацдарма для нападения на балканские владения союзной Турции.

В связи с этим министр иностранных дел России А.Я.Будберг писал российскому послу в Вене А.К.Разумовскому, чтобы он не поддавался ни на какие уговоры и требования венского двора о передаче Боки Которской и других районов военному командованию Австрии до тех пор, пока не станут известны результаты переговоров Поццо-ди-Борго с Портой о восстановлении прежних дружественных отношений России с Турцией. При складывающихся отношениях России с Турцией, пояснял Будберг, обладание Котором представляет для России больший чем когда-либо интерес. Чтобы вернуться на исходные позиции, т.е. возвратить австрийцам Котор, Кастильново и другие далматинские районы, необходимо, по меньшей мере, вывести французские войска с территории Рагузинской республики².

Сообщение об объявлении Портой войны России А.Я.Будберг отправил в Котор Санковскому 8(20) января 1807 г. В том же письме министр извещал его о вступлении российских войск в Дунайские княжества, о занятии сербами Белграда и о намерении Карагеоргия послать сербские войска в Боснию и к Видину³.

Однако еще до получения этих сведений командование российских войск в Далмации стало готовить к обороне расположенные на Адриатическом побережье опорные пункты, в которых находились гарнизоны российских войск, на случай внезапного нападения на них турок. От присутствия российских войск на Адриатическом побережье, пояснял С.А.Санковский, во многом зависит судьба славянского населения всего балканского региона. "Главная наша здесь сила, – писал Санковский Сенявину 8(20) января 1807 г., – состоит в приверженности и усердии народов славянских к России и что сие их расположение к нам должны мы подкрепить предприятиями, коими мы можем подать им случай оказать оные чувства на самом деле". В этом же письме Санковский уверял Сенявина, что жители Герцеговины, входившей в состав Османской империи, также изъявили готовность присоединиться к русским войскам и, как сказано в письме, "не отважатся поднять оружие противу турок прежде, нежели мы вступим в их отечество"⁴.

Тогда же Санковский отправил письмо и митрополиту Черногории Петру I Негошу, в котором предупреждал его о скором начале войны между Россией и Турцией. В связи с надвигавшейся войной Санковский просил митрополита "принять в замечание поступки наших соседей (турецких пашей Боснии, Герцеговины и Албании. – *В.Г.*) и подготовить тайным образом народы ополчиться противу турок". Санковский полагал, что черногорскому митрополиту нетрудно будет сделать это, поскольку он в то время пребывал в Бердах, находящихся на границе с Зетой и Герцеговиной. В связи с этим Санковский рекомендовал Петру I Негошу: "Сохранять нынешнюю дружбу и доброе соседство с албанским визирем (Ибрагим-пашой Скутарским. – *В.Г.*) ... оказывая ему в публике должное уважение и дружелюбие, пока о его настоящем намерении не будет нам наверно известно". Когда же Порта объявит войну России, а боснийские и герцеговинские турки начнут враждебные действия против русских в Далмации, в этом случае Санковский советовал митрополиту: "Ни мало не медля, войти в Герцеговину с некоторой частью нерегулярного (черногорского. – *В.Г.*) войска", в помощь которому будет придан отряд регулярных российских войск численностью до 500 человек. Согласно предложенному Санковским плану, черногорские и русские войска под общим командованием митрополита Петра I Негоша должны будут овладеть пограничной турецкой крепостью Никшич для того, чтобы ее занятием "ободрить ... славяно-сербский народ"⁵.

"Я всегда готов вступить в Герцеговину. Уповаю на господу, что крепость Никшич через короткое время будет в наших руках, поскольку народ везде такого случая с нетерпением ожидает", – отвечал митрополит Санковскому 12(24) января 1807 г. Не возражал митрополит и против поддержания осторожных и сдержанных отношений с Ибрагим-пашой Скутарским, недавно смещенным Портой по требованию французского посла Г.Себастиани с поста бейлербей Румелии⁶. Через три дня черногорский владыка вновь подтвердил свою готовность совместно действовать по предложенному русским командованием плану: "Коль скоро турки откроют неприятельские противу нас действия, мы тотчас с нашими войсками нерегулярными и частью регулярными можем вступить в Герцеговину и, соединясь с православными христианами, при помощи господу сил и благосклонной России будем врагов веры нашей прогонять, и если бог даст, избавим православных христиан от ига турецкого"⁷.

В 20-х числах января 1807 г. предложение Санковского о занятии пограничной турецкой крепости Никшич было одобрено в Петербурге. В связи с этим А.Я.Будберг предписал Санковскому ускорить выполнение его инструкции от 8(20) января 1807 г. Операция по занятию Никшича, писал ми-

нистр иностранных дел, безусловно ускорила бы установление устойчивой связи российских войск и черногорцев с христианским населением всей Герцеговины. "К занятию крепости сей можно приступить теперь, поскольку овладение оной будет способствовать действиям нашим вообще и поколику настоящие способы наши в том крае то дозволят"⁸.

Находившийся к этому времени на Корфу вице-адмирал Д.Н.Сенявин 3(15) февраля 1807 г. с корабля "Твердый" отправил Санковскому письмо, в котором извещал об уходе большей части его эскадры с Корфу к Дарданеллам, где он будет действовать по обстоятельствам против "нового врага", т.е. турок. Сенявин просил сохранять это в тайне до тех пор, пока Санковский вместе с капитан-командором Баратынским и полковником Ф.Книппером не примут надлежащих мер "для обеспечения той провинции и для доставления себе по возможности содействия от соседственных, к нам приверженных народов". Однако Сенявин не настаивал на последнем и предоставлял Санковскому действовать по своему усмотрению, "сколь оно приличествует положению дел в тамошнем крае"⁹.

Санковский установил и поддерживал связь с главнокомандующим Дунайской армией И.И.Михельсоном. Письмом от 22 февраля 1807 г. он сообщал генералу, что после занятия Боки Которской черногорский митрополит Петр I Негош "изъявил ... твердое свое намерение подражать во всех подвигах славному сербскому вождю Георгию, и тем дальнейшие высочайшего (петербургского. – В.Г.) двора виды в здешних странах с помощью божию произвести к желанному окончанию"¹⁰. После этого Санковский в начале марта 1807 г. познакомил митрополита с намерениями российского командования осуществить соединение адриатической группировки российских войск с сербскими повстанцами. Петр I Негош, по словам Санковского, "воспринял их с присущим ему энтузиазмом", поскольку надеялся "стать соучастником вызволения славяно-сербской нации, томившейся под игом турок". Более того, Петр I Негош, со своей стороны, предложил план конкретных операций по соединению черногорцев с сербами. Для обсуждения этого плана в Кастельново состоялось совещание командиров российских сухопутных и морских сил в Далмации, на котором Санковский изложил свои соображения о целесообразности осуществления внезапного и быстрого маневра, который не позволил бы скутарскому визирю Ибрагим-паше помешать вступлению русских и черногорских войск в Герцеговину. В противном случае, поясняет Санковский, "мы не можем питать надежду на восстание этой нации (герцеговинцев. – В.Г.) в нашу пользу", поскольку турки не преминут воспользоваться бездействием российских войск и "насилием обеспечат себе верность христиан". "Без такой быстроты дей-

ствий, — пишет он, — наше положение в этой стране станет весьма критическим, поскольку христиане, составив неблагоприятное представление о наших силах и средствах, будут вынуждены считаться с волей наших противников и даже из-за боязни встать на их сторону, дабы сражаться против нас, не видя иной возможности избежать полного уничтожения угнетением, ярость и жестокость которого они уже испытали во многих случаях".

На совещании в Кастельново Петр I Негош предложил провести российские войска в Герцеговину через Черногорию, где они могли бы соединиться с черногорским ополчением у г. Острог, откуда совместными силами выступить на Никшич. Полковник Ф.Книппер и капитан-командор Баратынский в принципе не возражали против предложенного митрополитом плана, но указали на то, что суровая и на редкость снежная зима существенно осложнит проведение военных операций и снабжение боеприпасами, провиантом и фуражом войск, которые будут действовать в горной местности вдалеке от баз снабжения. С.А.Санковский поддержал мнение военных, и они вместе убедили митрополита отказаться от его рискованного плана, реализация которого к тому же вызвала бы противодействие со стороны Ибрагим-паши Скутарского.

После обсуждения других предложений было решено в течение 15 дней сформировать в Которе корпус российских войск численностью до 1 тыс. стрелков, придав им четыре пушки. Там же должно было формироваться и иррегулярное войско из черногорцев. В целях конспирации следовало объявить, что это войско готовится для отправки в Кастельново для войны с французами. В действительности же оно должно было направиться в Рисан, соединиться там с отрядом стрелков, а затем отправиться к Никшичу, двигаясь через Грахово и Бани, где были сосредоточены запасы боеприпасов, провианта и фуража. Одновременно отряды, сформированные из жителей горных районов Брдо, Морачи, Дробняков и Ливы, должны будут блокировать коммуникации, связывающие турок с Герцеговиной и, в частности, с крепостью Никшич. Российские войска, дислоцировавшиеся в Кастельново, совместно с собравшимся на границах Герцеговины народным ополчением должны были двигаться по дороге на Требинье с целью поднять восстание среди христианского населения одноименного кадилука. Этот ложный маневр был рассчитан на то, чтобы сбить с толку местных турок и помешать французам оказать поддержку тем районам, куда в действительности будет направлен основной удар. После занятия Никшича там предполагалось оставить гарнизон численностью до 200 человек, а остальные войска, пробившись через Герцеговину, должны будут подойти к крепости Нови Пазар, где и соединятся с войсками сербских повстанцев.

Для обороны Боки Которской от французов было решено оставить возможно меньшее число российских войск, подкрепив их несколькими ротами, вновь сформированными из экипажей двух линейных кораблей, ошвартовавшихся в Кагельново. В случае нападения войск Ибрагим-паши Скутарского на Черногорию предполагалось ввести в действие российские морские силы, расположенные у Дульчино и Дураццо¹¹. Последняя мера была предусмотрена не случайно, поскольку, по свидетельству Разумовского, Порты еще в начале февраля 1807 г. отдала приказ Али-паше Янинскому и Ибрагим-паше Скутарскому организовать нападение не только на сухопутные войска, но и на российские корабли, находившиеся в Адриатическом море. Но, по сведениям, полученным от А.К.Разумовского, балканские паши отказались выполнить этот приказ Порты, сославшись на то, что имеющиеся в их распоряжении силы смогут оказать сопротивление русским только со стороны Бутринто¹².

Разработанный на военном совете в Кагельново план соединения с войском славяно-сербским Санковский отправил в штаб Дунайской армии И.И.Михельсону 9(21) марта 1807 г. с черногорским дворянином С.Б.Пламенцем, которому митрополит Петр I Негош поручил находиться при войске Карагеоргия в качестве проводника, когда оно двинется в Герцеговину на соединение с русскими и черногорскими войсками, прорывающимися через Герцеговину к Нишу и Нови Пазару. Санковский тогда же извещал Михельсона о том, что эскадра Сенявина, отойдя от Корфу, уже пленила два турецких фрегата и движется к Константинопольскому каналу, т.е. к Дарданелам¹³.

В этот же день, т.е. 9(21) марта 1807 г., черногорский митрополит вручил С.Пламенцу письмо для верховного вождя сербских повстанцев, в котором извещал Карагеоргия, что 21 марта (2 апреля) 1807 г. российские регулярные и черногорские иррегулярные войска намерены выступить в поход "к землям неприятельским в Герцеговину". "Чтобы это намерение наше вам, любезнейшим витязям, заблаговременно известно было, и чтобы вы также некоторую часть войска Вашего к нашим войскам отправить на встречу могли, – пишет митрополит, – то я по согласию с доверенной в черногорских делах особе е.и.в. ... статского советника, кавалера и командующего в Боке ди Котора, комиссара С.А.Санковского, отправляю одного из ближайших моих (людей. – В.Г.), черногорского дворянина (племяча. – В.Г.) господина Савву Богдановича Пламенца, который лично Вам обо всем обстоятельно может рассказать, и через которого Вы равным образом уведомите нас о Вашем состоянии и намерениях, чтобы мы друг с другом как сердцами так и силами братски были соединены и в нынешнее, самим богом

посланное нам время, при благополучном царствовании великого Александра I, любезнейших братьев наших, под игом варварства стенающих (герцеговинцев. – В.Г.), освободили и всеобщую вольность и свободу под высочайшим покровительством благословенной и нам единовенной и единоплеменной России вечно утвердить могли..."¹⁴.

Сведения А.К.Разумовского о нежелании Али-паши выполнять указания Порты оказались не совсем точны. Правитель Янинского пашалыка, мятежный Али-паша, одним из первых отреагировал на подготовку русских и черногорцев к походу в Герцеговину. Видимо, по наущению французских советников, Али-паша еще в начале января 1807 г. занял Превезу и Воницу, а затем, по свидетельству российского консула в Превезе И.Властопуло, "яко враг имени российского ... с нарочитым пренебрежением" арестовал его, т.е. Властопуло, и взял под стражу все российское консульство в Превезе. В связи с этим инцидентом полномочный представитель России в Ионической республике Г.Д.Мочениго поручил командиру 14-го егерского полка генерал-майору Штейтеру, охранявшему ближайший к Превезе о. Св. Мавры, вступить в переговоры с янинским пашой. После длившихся 42 дня переговоров Али-паша освободил Властопуло и других чиновников российского консульства, которые затем были переправлены на о. Св. Мавры. При отъезде российского консула из Превезы жители города тайно вручили ему обращение к российскому царю, в котором просили Александра I, чтобы он, как сказано в письме Властопуло, "исторг их из-под ига толико жестокого против греков тирана" и чтобы они, греки Превезы, были переданы "под управление соседственных им островов Ионической республики, как они находились во время еще бывшего венецианского правления". После переезда российского консульства из Превезы на о. Св. Мавры генерал-майор Штейтер отправил Властопуло в Итаку с поручением "собрать воинских старейшин греков, уроженцев ближайшей твердой земли, и там укрывающихся с давнего времени по причине смертоносных гонений от оною янинского визиря". По установлению с греческими старейшинами связи Властопуло вместе с ними вновь вернулся на о. Св. Мавры, где они дали согласие служить в российских войсках, а затем, по словам консула, "возвратились для набору ратников, сколь можно более". Выполнив эти поручения, И.Властопуло прибыл в Котор, откуда по поручению Г.Д.Мочениго отправился в Паргу¹⁵.

§ 2. Поход в Герцеговину и неудачная осада турецкой крепости Никшич

Намеченный на 21 марта 1807 г. поход российских и черногорских войск в Герцеговину был перенесен на более позднее время. По этому поводу С.А.Санковский в конце марта 1807 г. писал Ф.Книпперу, что перенесение срока похода в Герцеговину может поставить под угрозу срыва выполнение плана всех намеченных петербургским двором операций, которые должны быть осуществлены в Далмации и других областях Балканского региона. Санковский обращал внимание Ф.Книппера на то, что боснийские паши уже начали применять силу, чтобы удержать христиан своих владений от перехода на сторону русских и чериогорцев. В частности, требиньский паша потребовал от герцеговинской нахии Зупцы прислать заложников, которые будут казнены, если христиане этой нахии вознамерятся примкнуть к русским и черногорцам¹⁶.

Несмотря на это, подготовка к походу на Никшич шла медленно и недостаточно организованно. Особенно неудовлетворительно велись заготовка и подвоз боеприпасов и провианта. Только в первых числах апреля 1807 г. майор граф Георгий Васильевич Войнович был назначен командиром отряда иррегулярных войск, который должен был вступить в Герцеговину со стороны нахии Зупцы. В связи с его назначением полковник Ф.Книппер 3 апреля 1807 г. просил Войновича уведомить его о том, достаточно ли в его отряде людей, лошадей, боеприпасов, провианта и фуража, нуждается ли он в подкреплении и готов ли к выступлению¹⁷.

В эти же дни черногорский митрополит Петр I Негош готовил к отъезду в Петербург архимандрита Симеона Ивковича с "особыми препоручениями". Помимо обычной информации о положении дел в Черногории и Далмации Ивковичу поручалось доставить в столицу России план создания славяно-черногорского государства, разработанный Петром I Негошем и его ближайшими сподвижниками¹⁸.

Между тем, назначенные для похода в Герцеговину два отряда российских войск в первых числах апреля 1807 г. получили приказ к выступлению. Первым выступил отряд из Кастельново (2 апреля), вторым – отряд из Рисана (4 апреля). По соединении с черногорским войском объединенные силы под общим командованием митрополита Петра I Негоша 4 апреля двинулись в направлении Грахово, куда прибыли в тот же день. Местные жители Грахово и района Баняне, получив известия о прибытии к ним русских и черногорских войск, не дожидаясь срока общего вступления в Герцеговину, самовольно стали совершать набеги на соседние герцеговинские

нахии и изгнали турок из населенных пунктов Билеч, Оксалич и Коленичи, спалив там несколько домов. В ответ на это герцеговинские турки напали на район Бани, население которого попросило защиты у черногорского митрополита.

В связи с этим Петр I Негош предложил Санковскому двинуть корпус объединенных сил из Грахово в Бани, а оттуда, после изгнания турок, двигаться в направлении Никшича. Но поскольку к этому времени еще не было заготовлено для похода вглубь турецких владений и осады Никшича достаточного количества боеприпасов и провианта и средств их доставки, Санковский не согласился изменить утвержденный на военном совете план операции. Он полагал, что поход на Никшич следует начинать только тогда, когда наберется запас боеприпасов и провианта, достаточный хотя бы на 10 дней похода, или будут созданы условия для беспрепятственного сообщения между Никшичем и Рисаном, где имелись запасы боеприпасов и продовольствия. Для их доставки из Рисана и других мест к тому времени даже не было подготовлено достаточное количество лошадей.

Чтобы выручить жителей Бани, было решено отправить им на помощь отряд черногорцев и две роты российских стрелков под общим командованием митрополита Петра I Негоша. Санковский тем временем должен был заняться формированием отряда из жителей Грахово. Собранный Санковским отряд в 115 человек и отряд под командой капитана Ивелича, состоявший из 240 человек, получили задание наблюдать за движением турок, которые сосредотачивались в крепости Клубук, располагавшейся между Грахово и Требинье в 10 верстах от первого пункта.

Однако еще до прибытия митрополита с войском в Баню, баяне сами разбили и отогнали нападавших на них неприятелей, среди которых, как выяснилось, были не только турки, но и православные герцеговинцы. "Поведение христиан в Бане, — пишет Санковский, — показалось мне подозрительным, равно как и заверения, которые делались в Грахово некоторыми герцеговинскими предводителями, будто бы народ в отдаленных нахиях еще не убежден в том, что войска его величества (Александра I. — В.Г.) вошли в Герцеговину".

Вскоре Петр I Негош сообщил Санковскому, что его корпус находится уже в местечке Рудины, которое расположено на полпути от Грахово к Никшичу, и что он ожидает там Санковского, который должен привести дополнительно еще отряд русских войск. Санковский, в свою очередь, предложил митрополиту вернуться в Грахово со всеми его войсками. Однако Негош прибыл в Грахово с двумя ротами российских стрелков, оставив в Рудинах весь черногорский корпус. Он заявил Санковскому: пока русские

остаются в Грахово, герцеговинцы не присоединятся к ним, а если русские не пойдут, то он один со своими черногорцами двинется к Никшичу. Если поход на Никшич задержится, уверял митрополит, то собравшиеся в Остроге люди разойдутся и оставят черногорцев без прикрытия. После настоятельных требований Петра I Негоша и по совету офицеров штаба российских войск в Далмации Санковский согласился с предложением митрополита следовать за ним с отрядом регулярных российских войск, поручив оборону Грахово двум стрелковым ротам под командой капитана Ивелича и коменданта коммуниада Рисан.

Прибыв 11(23) апреля 1807 г. в Рудины, где находился лагерь черногорского корпуса, Санковский не обнаружил там герцеговинцев, обещавших присоединиться к черногорцам. Несмотря на это, объединенные силы черногорцев и русских 12(24) апреля 1807 г. двинулись в направлении Никшича. Передовой отряд черногорских войск, которому было поручено первым начать штурм Никшича, возглавил гувернадур Черногории Вукотай Радонич. Этот отряд успешно преодолел три линии турецких укреплений на подступах к Никшичу и занял высоту, расположенную на расстоянии ружейного выстрела от пригородной зоны Никшича, а российский подполковник Забелин приказал обстреливать крепость из полевой пушки. В крепости находился турецкий гарнизон, состоявший из 700–800 человек. На предложение сдать крепость без боя турецкий комендант ответил решительным отказом.

Первые попытки овладеть крепостью штурмом оказались безуспешными, поскольку черногорцы не захотели поддержать атаку. Недостаток боеприпасов и продовольствия делали невозможным долговременную осаду крепости. В связи с этим было принято решение дожидаться подхода герцеговинцев и занять пригород Никшича, который не имел надежных укреплений. Хотя в окрестных селениях, по словам Санковского, находилось до тысячи герцеговинцев, способных носить оружие, однако они не спешили присоединяться ни к черногорцам, ни к русским; но в то же время женщины из соседних сел продолжали снабжать продовольствием турецкий гарнизон Никшича.

Вскоре стали покидать позиции и сами черногорцы: из 1600 человек их осталось 400, из 1000 человек бердянцев осталось 220 человек, остальные разошлись по селам. "Недисциплинированность нерегулярных войск и их непостоянство в отношении пребывания на посту, — пишет Санковский, — дошли до такой степени, что стало невозможным рассчитывать на наличные силы". К тому же к этому времени было получено известие, что в местечке Зупцы спешно собираются турецкие войска, готовящиеся выступить на помощь защитникам Никшича.

В связи с этим на военно-полевом совете российских и черногорских начальников было принято решение снять осаду с крепости Никшич и вернуть корпус в Черногорию. В пять часов пополудни 14(26) апреля 1807 г. сначала русское, а затем и черногорское войско оставили свои позиции и начали планомерное отступление в направлении Острога. Во время отступления Петр I Негош с огорчением говорил Санковскому: "Христиане Никшича не присоединились к нам вопреки своим обещаниям, и нам не остается иного, как отступить, даже если из Грахова придёт наш провиант"¹⁹.

Не смог послать к этому времени сербское войско в Герцеговину и верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий. На предложение Петра I Негоша послать сербское войско на соединение с русскими и черногорцами, которое митрополит отправил в Сербию в феврале 1807 г., Карагеоргий дал отрицательный ответ только 14(26) апреля 1807 г. В этом письме верховный вождь писал: "Мы и сами желаем как можно скорее соединиться с российской армией". Однако силы сербских повстанцев, поясняет Карагеоргий, скованы со всех сторон войсками бейлербея Румелии, и поэтому сербам самим приходится надеяться прежде всего на бога, а потом на вас, и ожидать от черногорцев и русских войск скорейшей помощи, чтобы сербы успели соединиться с одними и другими в нужное время"²⁰.

Несколько запоздал с прибытием в штаб Дунайской армии и Савва Пламенац, который должен был передать план операций по соединению далматинской группировки российских войск и черногорцев с сербскими повстанцами. Михельсон сообщил о его прибытии в Бухарест только 13(25) апреля 1807 г. Поскольку С.Пламенцу было поручено сопровождать сербское войско по Герцеговине, то Михельсон, не медля, отправил его в Сербию. Однако события сложились таким образом, что услуги Пламенца в качестве проводника оказались ненужными.

Несогласованность действий в проведении операций по соединению которской группировки русских и черногорских войск с сербскими повстанцами и неоправдавшиеся расчеты на активную поддержку со стороны герцеговинского населения и сербов по существу сорвали выполнение одной из важных составных частей общего стратегического плана петербургского двора, рассчитанного на силовое принуждение Порты к сохранению русско-турецкого союза и отказа ее от сближения с Францией. В этой связи С.А.Санковский 24 апреля (6 мая) 1807 г. был вынужден признать: "Намеченная экспедиция против турок Герцеговины с целью соединиться с Черным Георгием до последнего времени не имела желаемого успеха, ибо у герцеговинцев не нашлось ни рвения, ни необходимой энергии, чтобы сбросить турецкое иго"²¹.

§ 3. Замысел повторного похода в Герцеговину для соединения с войском сербских повстанцев

По прибытии в Острог митрополит предложил Санковскому задержать российские войска в этом городе с целью подготовить население района Брдо к обороне на случай, если турки будут нападать на их села. Кроме того, Петр I Негош потребовал оставить при нем небольшой отряд российских войск и Владимира Андреевича Санковского, брата С.А.Санковского, для того, как сказано в письме, чтобы убедить "бердянцев в постоянном покровительстве" российского государя Александра I. Только после удовлетворения всех просьб и требований черногорского митрополита русские войска смогли вернуться в Котор.

По прибытии в Котор С.А.Санковский явился на борт корабля "Святой Петр" и попросил Баратынского и Ф.Книппера, чтобы они приняли необходимые меры для защиты тех герцеговинцев, которые примкнули к русским и черногорцам во время их похода к Никшичу. Затем Санковский побывал в Рисане, где просил жителей общины оказать помощь в защите Грахово, Банян и Рисана в случае, если на них нападут турки. "Поскольку в экспедиции против Никшича меня сопровождали со своими лошадьми некоторые жители Грахова, Банян и Рудин и были очевидцами всех событий, — пишет Санковский, — я ни минуты не сомневаюсь в том, что они уведомят герцеговинскую нацию о честности нашего поведения..."

В том же донесении Санковский писал, что его брат, Владимир, вернулся из Брдо с отрядом и сообщил, что бердянцы решительно настроены обороняться против турок, а черногорцы согласны вновь начать кампанию против турок повсюду, куда им прикажут идти. "Таким образом, я полагаю, — пишет С.А.Санковский, — что план, предусматривающий соединение с Черным Георгием, все еще может дать результаты, как только герцеговинцы выйдут из апатии, которая, видимо, охватила их в данный момент"²².

После неудавшегося похода Санковский продолжал утверждать, что хоть объединенное русско-черногорское войско и отошло от Никшича, но, тем не менее, часть герцеговинцев готова продолжать войну с турками. Их усердие, по мнению Санковского, позволяет надеяться на то, что и другие герцеговинцы вскоре примкнут к ним. Если это произойдет, пишет он, то "мы, может быть, успеем выполнить план высочайшего (петербургского. — В.Г.) двора соединиться с Кара Георгием". Чтобы успешнее выполнить эту задачу, Санковский предлагал полковнику Книпперу обойти стороной Никшич и идти на соединение с Карагеоргием через Балканы. Жители районов Гацко и Пивы могли бы во многом способствовать этому, а жители Брдо со

временем овладеют Никшичем. Санковский просил Книппера сообщить ему, какие силы он мог бы выделить для прикрытия Грахово и для посылки в Герцеговину, чтобы ободрить нерешительных герцеговинцев. Наряду с российскими войсками в этих операциях согласились принять участие черногорцы и жители Боки Которской²³.

Книппер и граф Войнович, в свою очередь, сообщили Санковскому, что из отрядов нерегулярного войска с 18 апреля начались "страшные побег-ги". В связи с этим Санковский писал: "...Как бы там ни было, полковник и кавалер Радулов имеет сверх отряда графа Войновича еще 7 рот нерегулярных войск... которые суть бокезцы, то должно на них положиться, а если кто из них отлучится, то, вероятно, по домашним делам и на весьма короткое время. Из всего того я заключаю, что Зубцы без крайней нужды не должно оставлять. А когда обстоятельства будут таковые, что невозможно будет сохранять Зубцы... тогда благоволите принять меры, чтобы тамошние жители могли под защитой нашего войска иметь в здешней провинции свое убежище со своим семейством и имением"²⁴.

Получив предложение Санковского по поводу подготовки корпуса российских войск к новому походу в Герцеговину для соединения с сербами Белградского пашалыка, полковник Ф.Книппер 27 апреля 1807 г. на корабле "Св. Петр" собрал военный совет. На том совете он сообщил о сосредоточении французских войск в Далмации, которые, по агентурным сведениям, намереваются взаимодействовать с турками против русских. Книппер сообщил также, что после ухода эскадры Сенявина к Дарданеллам в Далмации в общей сложности осталось не более 3450 человек регулярного войска. Однако и это небольшое войско мелкими группами рассредоточено по многим городам и местечкам Далмации, а именно: в Корчуле находится 231 человек, в Которе – 319, в Будве – 109, в Рисане – 391, в Кагельново – 200, в Спаниело – 200; для защиты пунктов, расположенных между Рагузой и Требинье оставалось не более 2 тыс. человек. "Полагаясь на выше поясненные обстоятельства, – пишет Ф.Книппер, – весь совет единодушно утвердил, что теперешние обстоятельства действительно требуют единственного сохранения провинции (Боки Которской. – В.Г.), для чего отряд регулярных войск едва достаточен, и что невозможно командировать отряд регулярных войск на вторительную экспедицию в Герцеговину для действия к соединению с Черным Георгием. А посему утвердительно положили общим мнением защищать здешнюю провинцию, а также подкреплять присоединившиеся к нам соседственные герцеговинские селения и в крайних обстоятельствах брать их с семействами и имуществом под защиту нашего оружия"²⁵.

30 апреля (12 мая) 1807 г. черногорский митрополит, со своей стороны, известил Санковского о том, что подозрительные движения Ибрагим-паши Скутарского и сосредоточение турецких войск в Зете, которые приближаются к границам Черногории, а также ряд других обстоятельств, заставили черногорцев ретироваться из-под Никшича. Сам же черногорский митрополит в это время, по его же словам, неожиданно "тяжело заболел ногами и опухою в руках" и вдобавок к тому страдал "всем корпусом". При таком стечении обстоятельств, пишет Петр I Негош, "мы крепости нерегулярным войском штурмовать и брать не можем, разве тогда, когда в регулярном нашем войске последует лучшее распоряжение и умножение". В сложившейся ситуации, советовал митрополит, было бы удобнее "турков частями беспрестанно тревожить и бить, и везде по селениям истреблять". Если герцеговинцы не будут защищены и подкреплены российскими и черногорскими войсками, уверял Петр I Негош, то они самостоятельно никогда не присоединятся к черногорцам²⁶.

Подводя итог прошедшей операции, Санковский 1(13) мая 1807 г. писал И.И.Михельсону: "Предпринятый поход в Герцеговину не имел никакого успеха кроме присоединения к нам районов Баня, Грахово, Берда и Зупцы. Что же касается овладения Никшичем, то оно не смогло осуществиться из-за нехватки провианта и скопления албанских турок в Зете с целью прийти на помощь этому городу, в чем они преуспели бы, так как бердянцы не подготовились должным образом к обороне. Возвратившись с нашими регулярными войсками через Берду и Черногорию в Котор и увидев, что присоединившиеся к нам герцеговинцы находятся в наилучшей диспозиции для обороны против противника, я вновь счел долгом поддержать герцеговинцев регулярными войсками и сделать все возможное, чтобы привлечь к себе других герцеговинцев и таким образом облегчить соединение с Черным Георгием. Однако полковник Книппер, который командовал регулярными войсками, собрав военный совет, принял решение ограничиться обороной сей провинции, не оставляя в стороне для этого герцеговинцев, которые действуют вместе с нами"²⁷.

В письме к министру иностранных дел А.Я.Будбергу Санковский был более откровенен и недвусмысленно дал понять, что между ним и военным командованием в Далмации не было достаточного взаимопонимания в вопросе о необходимости повторного похода в Герцеговину. Санковский признавал, что жители Грахово, Банян, Рудин и Зупцов, по его словам, "действительно горячо приняли нашу сторону и решились всеми средствами бороться против турок...". Их энтузиазм позволял ему надеяться, что их примеру последуют и другие герцеговинцы, а это позволило бы соединиться

с Карагеоргием. Излагая свой план повторного похода в Герцеговину Книпперу, Санковский рассчитывал использовать российские регулярные войска для вступления в Грахово, чтобы тем самым привлечь на свою сторону соседних герцеговинцев и направиться в район Гацко для поддержания герцеговинцев, которыми руководил архимандрит Пивы Арсений Гагович. Создав, таким образом, достаточно сильный корпус вооруженных герцеговинцев, Санковский предполагал блокировать небольшие укрепления, в которых находились турецкие гарнизоны, и разорвать коммуникации между более значительными крепостями – Никшичем, Требинье и Клобуком, где, по данным Санковского, насчитывается не более 1500 жителей, способных носить оружие, и они не посмели бы делать вылазку против вооруженных герцеговинцев из Грахово, Зупцов, а также против черногорцев из Катунской нахии и Плешивцев. Если бы этот план, как полагал Санковский, был успешно реализован, то соединение с сербами Карагеоргия непременно бы состоялось. В случае же неблагоприятного исхода можно было бы отойти через районы Морача, Острог и без особого риска тревожить противника силами черногорцев. Однако, ссылаясь на концентрацию французских и турецких войск, а также малочисленность и рассредоточенность по разным районам российских войск в Боке Которской, военный совет штабных офицеров признал план Санковского несостоятельным с военной точки зрения и принял решение не выделять ни одного отряда российских войск для повторного похода на Никшич. Таким образом Санковский, по его словам, "был лишен возможности действовать", чтобы выполнить предусмотренную планом задачу соединения российских и черногорских войск с сербскими повстанцами.

После принятия такого решения военного совета чиновнику МИД России стало казаться, что еще при осаде Никшича командир российских войск в Боке Которской, полковник Ф.Книппер, был, по выражению Санковского, "не в лучшем расположении" в отношении похода в Герцеговину и осады Никшича. Санковский обвиняет Ф.Книппера в том, что он уже 5 апреля 1807 г. пытался отозвать российские войска из Грахово, мотивируя это тем, что они не были обеспечены ни провиантом, ни боеприпасами, ни лошадьми для их доставки. Жалуясь Будбергу на нежелание военных прислушиваться к его советам и мнению, Санковский с обидой писал: "...Я, как верноподданный, не могу поступить иначе, ибо мое место здесь для поддержания интересов е.в-ва тесно связано с нашими военными силами, и мне следовало бы иметь больше влияния над ними, а при чрезвычайных обстоятельствах располагать возможностью делать все для блага службы и предпринимать под свою ответственность за успех военных операций вроде

операции у Никшича, но не как сейчас, когда лишен возможности выполнять то, что предписано мне Вашим превосходительством"²⁸. Это донесение Санковского было доставлено А.Я.Будбергу в Тильзит 16(28) июня 1807 г.

§ 4. Проект создания славяно-сербского государства, составленный митрополитом Черногории Петром I Негошем

Во время пребывания Александра I и А.Я.Будберга в Бартенштейне туда же прибыл в начале мая 1807 г. посланец митрополита Черногории архимандрит Симеон Ивкович, который вручил министру иностранных дел России обращение от имени Петра I Негоша и "всех народов, населяющих Черногорию, Боку Которскую, Герцеговину и Далмацию", к русскому царю Александру I. В этом документе сообщалось о желании митрополита и народа Черногории создать славяно-сербское государство "по низложению всемирного врага" Наполеона. "Единственное желание" митрополита Петра I Негоша и народа состояло в том, чтобы "соединить воедино" Черногорию (с присовокуплением к ней трех албанских городов – Подгорицы, Спужа и Жабляка), Боку Которскую, Герцеговину, Рагузу и Далмацию. "Соединение сие, – говорится в письме С.Ивковича, – утвердить на вечные времена одним общим наименованием сих областей – Славяно-сербским царством". Вновь учрежденный титул "славяно-сербский царь" предлагалось присоединить к титулу российского императора. Управлять новым государством должен "наместник или президент из природных россиян". Вице-президентом и товарищем наместника будет митрополит Черногории, который, по примеру карловацкого митрополита в Венгрии, получит титул действительного тайного советника и российского князя. Столицей нового государства будет Рагуза как средоточие пяти областей. Под церковной властью митрополита должны быть три архиеерея: один из Далмации, который будет находиться в г. Заре, второй из Герцеговины – в г. Требинье, третий – в Которе, он же будет наместником митрополита. В каждом из названных городов митрополит предлагал учредить семинарии или школы "для распространения просвещения по примеру, как то... учреждено в России". "Главнейшее" желание народа вышеозначенных областей состоит в том, чтобы "по изъявленному выше... пунктам ... сохранить на вечные времена свою веру, свободу и вольность" под покровительством Александра I и его преемников²⁹.

Во втором письме С.Ивковича, написанном также по поручению Петра I Негоша, излагаются просьбы о награждении С.А.Санковского и ряда черногорцев, участвовавших в походе к Никшичу и за другие заслуги. В частности, митрополит просил оставить С.А.Санковского в Черногории "до нового в том крае учреждения", т.е. до создания славяно-сербского государства с центром в Рагузе, а также наградить его орденом Св. Владимира. Майора графа Войновича, который был комендантом Кастаново и командовал нерегулярным войском, митрополит просил наградить орденом, присвоить очередной чин и дать пенсию. Штабс-капитану 4-го мушкетерского полка Скоробогатову, отличившемуся при занятии Боки Которской, рекомендовалось присвоить чин, дать орден и пенсию. Архимандрит С.Ивкович, со своей стороны, ходатайствовал о награждении брата Петра I Негоша, Саввы Маркова Петровича, знаком отличия, пенсией и достоинством графа Российской империи; племянника митрополита, Станислава Петровича – знаком отличия; ближайшего телохранителя митрополита, Станислава Заец Белло – золотой медалью и деньгами³⁰.

В письме митрополиту Петру I Негошу Будберг писал по поводу создания славяно-сербского государства: "...Настоящее положение дел, как Вы то по благоразумию Вашему легко представить можете, не позволяет еще ничего определить относительно политического положения страны той, но когда, помощью всевышнего, общие дела будут приводимы в желаемый порядок, ниспровергнутый ныне ухищрениями и ненавистью всеобщего врага, тогда одно из главнейших попечений е.и.в-ва будет, конечно, то, чтобы благоденствие управляемого Вами народа и с ним сопредельных, единую веру с Россиею исповедующих, устроить на основании прочном и жребий их установить, коливо то можно, согласно с их общим желанием ... Советы Ваши, конечно, будут заимствованы, но для достижения сих необходимо благополучное окончание нынешних всеобщих смятений, к чему и устремлены теперь все попечения государя императора..."³¹.

§ 5. Третья неудачная попытка похода в Герцеговину и обострение ситуации в Боке Которской в мае-июне 1807 г.

В середине мая 1807 г. полковник Ф.Книппер получил сообщение, что объединенные силы французских и турецких войск численностью свыше 5500 человек готовятся к нападению на российские посты в Ситнице и ряде других пунктов, а 8-тысячный корпус турецких войск намерен напасть

на Грахово. Не имея достаточных сил для отражения атак французских и турецких войск в разных местах, Ф.Книппер просил черногорского митрополита оказать помощь. Петр I Негош откликнулся на просьбу и прислал в Капельново и Грахово свои войска. Тогда же к черногорцам примкнули и жители соседних герцеговинских нахий. Герцеговинцы под командой Милутина Савича захватили вблизи крепости Клобук 18 турок из состава крепостного гарнизона. При этом они отрубили головы коменданту крепости и 13 другим туркам. "Поскольку сия небольшая победа герцеговинцев над турками рассеяла сомнение, которое было у полковника Книппера насчет этой нации, – пишет Санковский, – то он немедленно сменил план и предложил мне и митрополиту взять Клобук, а если это предприятие закончится успешно, то он допускал возможность организовать второй поход на Никшич".

Для выяснения ситуации на месте к Клобуку был послан лейтенант Михайлов. По возвращении он сообщил, что крепость практически невозможно взять штурмом, но ее можно блокировать и, обстреляв из пушек, принудить гарнизон к капитуляции. В соответствии с рекомендациями артиллериста Михайлова к Клобуку были доставлены на руках три пушки, подведены нерегулярные войска, состоявшие из черногорцев, герцеговинцев, бокезцев и рисанцев.

Пока шла подготовка к осаде Клобука, со стороны района Зупцы на российские посты напали объединенные силы французов и турок общей численностью свыше тысячи человек, но их атаки удалось отбить³².

К концу мая 1807 г. стало очевидным, что проход через Герцеговину группировки русских и черногорских войск для соединения с войском сербских повстанцев невозможен. Таким образом, и эта задумка авторов стратегического плана на деле оказалась не реализованной.

После этой неудачи взаимодействие российских войск Дунайской армии с сербскими повстанцами из Белградского пашалыка приобретало еще большее значение, чем прежде. Российский посол в Австрии А.К.Разумовский писал по этому поводу: "Сие (соединение корпуса И.И.Исаева с войском Карагергия. – В.Г.) явилось бы большим выигрышным моментом особенно после того, как попытки, предпринятые в Герцеговине, дабы пробиться там, оказались бесполезными и за которыми затем последовало отступление". Важность соединения российских войск с сербами, поясняет свою мысль Разумовский, состоит в том, что "хорошо нанесенный внезапный удар пусть и стоит некоторых жертв, но он решает все последующие операции". Такой удар важен в ближайшее время и потому, подчеркивал посол, что по полученным из Константинополя сведениям от австрийского интернунция И.Штюрмера, Порты приняла твердое решение не идти на-

встречу предложениям петербургского двора о заключении мирного договора. Более того, пишет Разумовский, по сообщению датского посланника в Константинополе барона Гибша, Порта ищет пути для переговоров с Англией о том, чтобы англичане "отделили свое дело от дела России". Кроме того, Порта дала поручение члену турецкого дивана и переводчику Али-паши Янинского, Молле Мехмед-эфенди, отправиться к Наполеону Бонапарту для согласования военных операций, которые будут проводиться в Далмации против русских, черногорцев, герцеговинцев и приморцев³³.

В связи с этим Разумовский, как бы между прочим, обращал внимание Будберга и на то, что этот Молла Мехмед-эфенди пять лет назад был на Корфу в качестве католического каноника. Вместе со своей депешей посол отправил выписку из одной австрийской газеты, где излагалась точка зрения австрийской общественности на поведение черногорцев и бокезцев в Герцеговине и реакция на них православного населения. "Христиане Герцеговины, – пишет автор газетной статьи, – призвали русских и черногорцев избавить их от ига турок. Они обещали им активно сотрудничать со своими освободителями и предоставить им все, чем они располагают. Однако черногорцы и другие приморцы, входившие в состав нерегулярного войска, едва успев вступить в Герцеговину, учинили грабеж. Такое поведение заставило христиан изменить свое мнение об освободителях, и они подняли оружие против тех, кого призвали. Когда же последние занялись убийствами и поджогами их домов, тогда герцеговинские христиане присоединились к туркам. Требиньский паша был вынужден призвать на помощь 300 французских солдат и с их помощью заставил черногорцев отступить". Такая интерпретация событий в австрийской правительственной газете, не без основания замечал Разумовский, безусловно несет отпечаток французской пропаганды, которая отличается, по его словам, "своей лживой манерой". Подобного рода сообщения, публикуемые после первых неудач русских и черногорцев в Герцеговине, пояснял посол, рассчитаны на то, чтобы еще больше затруднить операции по проходу которской группировки через Герцеговину и Боснию для соединения с войском Карагеоргия³⁴.

Между тем, С.А.Санковский 19 июня (1 июля) 1807 г. ставил в известность находившихся в Тильзите царя и Будберга о том, что атаки французов и турок заставили русских и черногорцев отказаться от осады Клобука, отступить на прежние позиции и усилить охрану Боки Которской и ее канала. Согласно его же сообщению, войска черногорцев и приморцев в середине июня 1807 г. разошлись по домам для ведения полевых работ. Французы и турки, воспользовавшись этим, начали активно готовиться к наступлению на Боку Которскую. Черногорский митрополит пытался вер-

нуть своих воинов на прежние позиции, но на его призывы отозвались немногие. "Когда поля остаются без рабочих рук, – писал по этому поводу Санковский, – мы не сможем удержать на границах (Боки Которской. – В.Г.) столь большую массу людей вопреки ее желанию. Чтобы удерживать их под ружьем, у нас нет ни денег, ни достаточного количества провианта". Санковский добавлял к этому, что из-за отсутствия у него денег для расплаты с черногорцами и приморцами за службу он был вынужден рассчитываться с ними векселями, оформленными на имя российского посла в Вене А.К.Разумовского. Наличные деньги и боеприпасы выдавались черногорцам и бердянцам только для охраны их границ от набегов войск Ибрагим-паши Скутарского, который иногда беспокоил бердянцев, паштровичей и даже приморцев. Санковский выражал надежду, что потраченные усилия и деньги на проведение неудавшихся операций по соединению с сербами Белградского пашалыка не пропадут даром. "Потраченные усилия, которые мы предпринимает здесь в отношении Герцеговины, Рагузы, Албании и Далмации, – пишет он, – пойдут на пользу общему делу, ибо, вне всякого сомнения, наше поведение здесь должно во многом облегчить операции Карагеоргия, оставляя ему меньше врагов, с которыми предстояло бы ему воевать"³⁵.

В Тильзите, между тем, 9(21) июня 1807 г. уже было заключено русско-французское соглашение о перемирии на всех фронтах, в том числе и в Далмации³⁶. Отправляя копию этого соглашения Д.Н.Сенявину, Александр I предупреждал вице-адмирала о том, что вслед за соглашением о перемирии, как сказано в рескрипте царя, "имеют открыться переговоры о восстановлении окончательного мира между обоими государствами", т.е. между Россией и Францией. "По сих пор, – пишет Александр I, – положено на мере, чтобы на первый случай пресечь военные действия и противу турок впредь до сближения между нами и Портою". В этом же рескрипте царь предписывал Сенявину "воздержаться от всяких наступательных действий противу турецких областей и флота, сохраняя, однако же, позицию, ныне Вами занимаемую". Там же указывалось, чтобы эскадра Сенявина "воздерживалась от всяких неприятельских подвигов и противу судов, под флагами французским, итальянским и неаполитанским плавающих". Наряду с этим, согласно условиям перемирия, эскадра Д.Н.Сенявина для пополнения припасов и по другим надобностям получала право "без всякого опасения пользоваться портами королевств итальянского и неаполитанского, владениями короля Иосифа, равномерно и всеми французскими, ибо туда отправляется от главы французского правительства повеление с сим же курьером"³⁷.

§ 6. Ситуация в Боке Которской после заключения Тильзитского мира

После подписания мирного договора с Францией в Тильзите 25 июня (7 июля) 1807 г. Александр I 28 июня 1807 г. направил Сенявину новый рескрипт, в котором сообщалось следующее: поскольку в силу Прессбургского трактата от декабря 1805 г. Австрия должна была уступить Франции Далмацию вместе с Истрией и Бокой Которской, а занятие последней российскими войсками было обусловлено последствием войны между Россией и Францией, то после заключения русско-французского мира "пребывание российских войск в Которе не может уже иметь места, вследствие чего и даны от меня повеления командующему там в отсутствие Ваше войсками, дабы он сдал Которскую крепость французским войскам, а со своими бы отправился в Венецианскую область в Привезу или в Падую и там бы с сими войсками оставался до новых повелений". Поскольку по условиям Тильзитского мира Республика Семи Соединенных Островов также уступает Франции, то командующему находившихся там российских войск тоже было предписано сдать Корфу французским войскам и передислоцироваться в Венецианскую область и, соединившись там с войсками, прибывшими из Боки Которской, оставаться до новых указаний.

По условиям Тильзитского соглашения французская администрация в венецианских областях должна обеспечивать российские войска продовольствием. По условиям того же договора французское правительство, как сказано в рескрипте, "первые старания свои обратит к тому, чтобы истребовать согласия Порты на свободное возвращение черноморской нашей эскадры, ныне в Дарданеллах находящейся, опять в Черное море; согласные с тем повеления отправлены уже французскому послу в Царьграде, который и не оставит о успехах домогательств своих у Порты уведомить Вас или того, кто после Вас... сею эскадрою будет командовать". Если Порта разрешит свободный проход эскадры через Дарданеллы, то ей, согласно повелению царя, надлежало отправиться в Черное море. Но до тех пор пока не будет получено извещение от Себастиани из Константинополя о согласии Порты на пропуск черноморской эскадры через проливы, вся эскадра Сенявина должна оставаться на Корфу или, если возникнет необходимость, в Венеции или в Неаполитанском порту. Входящие в состав эскадры корабли, которые приписаны к балтийской флотилии, под командой самого вице-адмирала Сенявина должны были немедленно отправиться в Балтийское море.

"По неизвестности еще о расположении лондонского двора при настоящей перемене обстоятельств (т.е. после заключения мира с Францией. –

В.Г.), – пишет Александр I, – нахожу нужным поручить особому вниманию Вашему, что на сем возвратном пути наблюдать надлежащую осторожность, дабы не подвергнуться какой-либо опасности со стороны английских морских сил...". Если возникнет надобность в снабжении эскадры свежими продуктами или в ремонте, то эскадра свободно может войти в любые французские и испанские порты, "...где также, по силе данных от французского императора повелений, Вы будете приняты с приличным настоящим обстоятельствам уважением и найдете все к починке нужное"³⁸.

В тот же день аналогичное предписание было отправлено "начальствующему над сухопутными и морскими войсками в провинции Бокка ди Катаро" Баратынскому, которому предписывалось сдать французским войскам Боку Которскую. "Вы вследствие того, – говорилось в рескрипте царя, – имеете по предварительному соглашению с начальником французских войск в Далмации генералом Мармонтом сдать ему Которскую крепость, войска же наши ... немедленно отправить в Венецианскую область, которые там по соединении с войсками, ныне в Ионической республике находящимися, имеют оставаться в Треокале или в Падуе, пока сделано будет французским правительством условие с венским двором о доставлении им прохода через австрийские владения для соединения с армиею, под начальством генерала Михельсона состоящую". Хлебные запасы, заготовленные для российских войск в Которе, царь распорядился сдать французам, а всю артиллерию, снаряды и прочие боеприпасы надлежало оставить в Которе "под присмотром одного или нескольких" российских чиновников. "Распоряжения сии, – писал царь, – привести в исполнение без отлагательства"³⁹.

Пока рескрипты Александра I Сенявину и командованию российских войск в Далмации находились в пути, российская эскадра, продолжая действовать по ранее утвержденному плану, 1(13) июля 1807 г. атаковала в районе Афона превосходящую по количеству и качеству кораблей турецкую эскадру и одержала блестящую победу, в результате которой было потоплено и повреждено несколько турецких судов.

На следующий день после сражения Д.Н.Сенявин и К.О.Поццо-ди-Борго отправили первого драгомана д.с.с. И.П.Фонтона к капудан-паше турецкого флота Сидали. Но поскольку тот после такой конфузии не пожелал никого принимать, тем более посольного победившей стороны, Фонтон 2 июля в 10 часов вечера был доставлен в "Первый дворец Азии", где был принят начальником охраны (баш-агой). И.П.Фонтон объявил ему, что привез пакет от правительства России и ему поручено сделать Порте важное заявление от имени вице-адмирала Д.Н.Сенявина и полномочного представителя МИД России К.О.Поццо-ди-Борго. Утром 3(15) июля 1807 г. капу-

дан-паша прислал молодого грека, замешавшего драгомана капудан-паши. Он сообщил, что сам Сидали не может принять Фонтана, поскольку боится, что его могут заподозрить в получении взятки от русских. Казнь адмирала Шеремет-бея только что показала, до какой крайности может дойти ненависть деморализованных войск. "Это следствие переворота, имевшего место в столице, – констатировал заместитель драгомана, – и брожение там еще продолжается". И.П.Фонто́н сообщил посыльному капудан-паши, что в привезенном им пакете находятся письма, которые касаются трех вопросов: почты, отправленной в Константинополь более трех месяцев назад К.О.Поццо-ди-Борго, предложения о мире и об обмене пленными. При этом Фонтон выразил удивление по поводу отсутствия ответа Порты на мирные предложения России, сделанные еще три месяца назад. Секретарь капудан-паши отвечал на это, что молчание Порты вызвано смертью последнего великого визиря Гильми Ибрагим-паши и тем, что его преемник выехал в азиатские владения Порты, а затем в расположение войск, откуда вернулся только десять дней назад. Другие же министры в его отсутствие не имели права принимать столь ответственные решения. На вопрос Фонтана, где теперь решаются важнейшие дела империи – в Константинополе или в армейской ставке великого визиря, молодой грек откровенно ответил, что такие вопросы решаются в Константинополе, но для проформы столичные чиновники по традиции все же советуются со штабными офицерами ставки (с министрами лагеря).

В свою очередь, Фонтон изложил версию российского правительства о причине ввода российских войск в Дунайские княжества. При этом он особо подчеркнул, что русский царь предлагает султану мир не потому, что в нем нуждается, а для того, чтобы заставить Порту выполнить подписанные ею договоры с Россией. Александр I, уверял Фонтон, "не питает амбициозных планов расширения (своей империи. – В.Г.), что ему беспрестанно приписывают французы с целью лучше замаскировать собственные (планы. – В.Г.), которые и довели Порту до ее нынешнего положения...". Перед тем как принять эти суровые меры, говорил Фонтон, царь послал к русскому посланнику А.Я.Италинскому в Константинополь чрезвычайного нарочного с письмом, в котором разъяснялись эти поступки и предлагались условия, позволяющие восстановить мир и прежнее доверие между Россией и Турцией. Однако французский посол Себастиани, пользовавшийся безграничным влиянием на кяхья-бея Ибрагим-пашу, убедил его задержать российского нарочного у Бендер и завладеть этими предписаниями. В Петербурге до сих пор остаются в неведении, сообщил ли Ибрагим-паша эти рескрипты Порте или нет. Однако, по уверению И.П.Фонтана, находясь на Мальте, он "лично

читал в публичных документах эти перехваченные бумаги, в которых петербургский двор положительно отзывался о дружественных и беспристрастных взглядах" российского царя. Порты же, обещавшая Италинскому дожидаться получения этих объяснений, "забыла" об этом и поспешила объявить войну России. В результате поспешности Порты, говорил Фонтов, "две ее провинции заняты нашими войсками, их города и границы находятся в наших руках, наш флот блокирует ее столицу".

В дальнейшем же Порту ожидают еще худшие последствия. "Сербы не только станут хозяевами той страны, которую они населяют, но и в состоянии расширить свою власть на сопредельные провинции, пламя всеобщего восстания распространится на Болгарию и на всю остальную Румелию. Александрия уже занята англичанами, вскоре, видимо, будет оккупирован и весь Египет. Французы, которые вовлекли Порту в такую пропасть, обещали ей свои корабли и войска. Где же обещанная помощь? Ведь они не рискнули послать в эти воды ни одного своего шлюпа, 25–30 тыс. французских войск, находившиеся во Фриуле и обещанные Порте, уже отправились в поход, чтобы присоединиться к большой французской армии в Германии".

Обрисовав безвыходное положение Османской империи, в котором она, по мнению Фонтонна, оказалась, он заявил, что если Порты и на этот раз отклонит мирные предложения петербургского двора, то военные действия найдут слишком далеко и эти предложения вряд ли будут возобновлены на тех же условиях. "Я добавил, – пишет Фонтон, – что российский императорский двор и, видимо, лондонский двор требуют лишь восстановления и точного соблюдения прежних договоров и обязательств, что тот и другой хотели бы быть верными и искренними друзьями Оттоманской империи и пользоваться полной взаимностью. Но если же (турецкие министры. – В.Г.) рассчитывают отвлечь нас красивыми словами и одной видимостью, в то время как реальные дела будут адресоваться французам, тогда лучше оставаться явными противниками, чем мнимыми друзьями, и в таком случае война может закончиться лишь полным разгромом одной из двух империй".

На вопрос уполномоченного капудан-паши, сколько времени полномочный представитель МИД России Поццо-ди-Борго намерен оставаться в этих водах, И.П.Фонтон ответил: "Он отправится в путь, как только истечет надлежащее время для выявления какого-либо результата". Заместитель драгомана флота изложил также жалобу капудан-паши на то, что вице-адмирал Д.Н.Сенявин атаковал турецкие войска на острове Лемнос в районе залива Касандры 19 июня (1 июля) 1807 г. после того, как А.Я.Будберг отправил письма великому визирю и рейс-эфенди, в которых убеждал их в

необходимости прекратить военные действия между российскими и турецкими войсками.

В конце официальной беседы Фонтон поинтересовался состоянием турецкой эскадры после сражения при Афоне и положением в Константинополе после государственного переворота. Из ответа уполномоченного капудан-паши Фонтон узнал, что турецкая эскадра потеряла 9 кораблей, 2 фрегата и 2 катера. В это число вошли линейный корабль и фрегат, взорванные по приказу капудан-паши самими турками. После боя в Дарданеллы вернулись 7 линейных кораблей, 3 фрегата и 1 корвет, на борту которых находилось до 500 убитых и раненых. Сам капудан-паша Сидали был ранен в руку. Общие же потери превышают 1500 человек. Состояние уцелевших кораблей весьма неудовлетворительно: пострадал флагманский корабль, у другого сорвана фок-мачта, у третьего совершенно разбита корма и т.д.

По свидетельству турецкого драгомана, происходившие в Константинополе беспорядки чрезвычайно беспокоили капудан-пашу Сидали. На следующий день после прибытия турецкой эскадры в Дарданеллы Сидали обвинил четверых капитанов кораблей и адмирала Шеремет-бея в измене и приказал отрубить им головы. Все приговоренные к смерти оказались жителями о. Кандии (Крит). Обвиняя их в нежелании сражаться с русскими, Сидали тем самым выгораживал себя и перекладывал вину за поражение на нелюбимых турками критян. Расчет Сидали оказался верным. Раздосадованные поражением и разгневанные турецкие моряки убили Шеремет-бея еще до того, как он был доставлен на корабль Сидали, куда он был вызван для объяснений.

В самой же столице, согласно донесению Фонтона, порядок постепенно начинает восстанавливаться, но дело идет очень медленно. Порта уже начала прибирать к своим рукам бразды правления, но она еще опасается мятежных янычар и всячески старается их улаживать.

Предводители мятежных сил активно продолжают убеждать народ в том, что среди турецких министров нет людей, которые защищали бы интересы Османской империи; все они разделены на три фракции: прорусскую, проанглийскую и профранцузскую. Мятежники требуют, поясняет Фонтон, чтобы все министры отныне были только турками и отстаивали интересы своего, турецкого, народа. При обострившейся кризисной ситуации в столице империи, Порта была вынуждена рекомендовать всем без исключения посланникам и членам дипломатических миссий иностранных государств, в том числе и послу Франции Себастиани, тихо сидеть дома и согласно прежнему османскому обычаю появляться в присутственных местах и в частных домах членов турецкого министерства только по приглашению. "Поскольку

предлогом или мотивом переворота послужил низам-и-джедид, – пишет И.П.Фонто́н, – лица, которые имели прямое или косвенное, недавнее или давнее отношение к этим реформам, все же были перебиты". В их числе оказались интендант дома покойного султана Юсуф-ага, мать султана Селима III и др. Юсуф-аге отрубили голову в Брусе, где он находился по возвращении из поломничества в Мекку.

После морского сражения у Афона, говорится в донесении Фонтоня, два чувства владеют турками: страх и ненависть. Свое поражение они приписывают предательству Шеремет-бея и четырем капитанам с острова Крит. а эвакуацию с острова Тенедос – трусости своих войск, которые там находились. "Они (турки. – В.Г.) не признают, что были разбиты, – пишет Фонтон, – они твердят, что готовы вновь начать и вполне способны взять реванш даже в настоящее время, когда их корабли находятся под командованием отважных и верных долгу капитанов"⁴⁰.

§ 7. Передача Боки Которской французам

В депеше от 29 июня 1807 г. А.Я.Будберг предписывал полномочному представителю МИД России в Боке Которской С.А.Санковскому, чтобы он договорился с "военным начальством" о порядке передачи этой провинции со всеми крепостями французам и о выводе оттуда всех российских войск. Все это должно быть исполнено, по словам министра, "со всевозможной тщательностью и порядком".

Основываясь на данном ему предписании, Санковский, не теряя времени, отправился на корабль "Св. Петр" к капитан-командору Баратынскому и полковнику Ф.Книпперу и предложил им, чтобы Баратынский сдал французам Боку Которскую и все крепости "военным порядком", а он, Санковский, возьмет на себя "политическую часть", чтобы "опровергать жалобы народа", который, возможно, будет требовать, "чтобы сдача Боки ди Каторо была учинена на таком точно основании, как она была принята". Другими словами, Санковский предполагал, что черногорцы и бокезцы, которые ранее участвовали в занятии Боки Которской и соседних с ней районов, сами захотят вести переговоры с французами о сдаче.

Чтобы подготовить местных жителей и черногорцев к "дружелюбному принятию французов", генерал Жак Лористон выделил в помощь Санковскому своего доверенного человека и двух офицеров, Швазеля и Пютона. Французские офицеры вместе с Санковским, по словам последнего, убеждали герцеговинцев "возвратиться под власть турецкую", черногорцев – в

"расположении французов жить с ними в добром согласии", а бокезцев и далматинцев – в том, что "все прошедшее будет забвенно". По согласовании основных вопросов с русским и французским военным командованием Санковский пригласил в Котор по два или три представителя от всех далматинских коммунитад, которые, по его же словам, "имеют более доверенности в народе", для разъяснения им ситуации, сложившейся после заключения Тильзитского мира между Россией и Францией. "Комиссия же успокоить народ и решить его отдаться во владение французов, – пишет Санковский, – толь была нежная и трудная, что приступить к делу должно было иметь великий дух, ибо народ был в отчаянии, и даже некоторые католики изъявили свою приверженность к нашему высочайшему двору несумнительным образом; плач и стон во всей провинции был гласный".

Первая реакция и поступки митрополита Петра I Негоша и гувернадура В.Радоница на эти события, по словам Санковского, "были весьма необстоятельны". Они вначале намеревались покинуть Черногорию и эвакуироваться вместе с российской эскадрой, что, как пишет Санковский, "родило бы в народе великое замешательство, и ничто уже не могло удержать его решиться на самые пагубные поступки". Однако, уверяет Санковский, ему все же удалось уговорить митрополита и гувернадура "остаться при управлении своего народа", возложив свои надежды на покровительство петербургского двора.

Вместе с тем, по заверению Санковского, были приняты необходимые меры и для того, чтобы толпы черногорцев не входили в Котор и не буйствовали там. Попытка черногорцев силой прорваться в город весьма обеспокоила французов, и Пютон, преднамеренно преувеличив значение инцидента и исказив факты, сделал по этому поводу официальное "представление" Баратынскому, в котором всю вину за случившееся возлагал на черногорского митрополита. По совету Баратынского и Санковского Петр I Негош и гувернадур В.Радониц вывели черногорцев из Котора.

Между тем ни Баратынский, ни Санковский еще не получали никаких инструкций из Петербурга о дальнейшей судьбе Черногории, что весьма беспокоило их. Беспокойство их еще больше усилилось, когда в Котор прибыл курьер с условиями сдачи Боки Которской. Помимо изложенных в рескрипте царя условий, дополнительные статьи предусматривали передачу французам всей корреспонденции, которую вел Санковский с МИД России, планов военного командования по занятию Боки Которской и Далмации, а также прочих материалов, хранившихся в архивах Санковского и Баратынского. "Для избежания опасности" Санковский и Баратынский настояли на исключении этой статьи, заменив ее другой, более важной, статьей, которая

гласила: "... Здешные жители должны пользоваться свободою закона, безопасною своею собственности... прошедшее будет предано совершенному забвению".

Немало хлопот доставило российским военным и дипломатам обсуждение вопроса о дальнейшей судьбе Черногории и присоединившихся к ней районов Герцеговины. Французские уполномоченные добивались того, чтобы "склонить черногорцев явным образом" к отказу от покровительства России и принятию покровительства Франции. Кроме того, французский уполномоченный генерал Ж.Лористон отказывался признать за черногорским митрополитом право на вершение светской власти в Черногории, а также распространение его духовной власти на православное население Адриатического приморья. Это обстоятельство крайне встревожило российских уполномоченных, и они были вынуждены вручить по этому поводу особую ноту протеста Лористону, который отнесся к ней с "особой осторожностью". Возражал французский уполномоченный и по ряду других статей: против присоединения к Черногории района Брдо, против владения ею же монастырями Станевичи и Майны и т.д. "Но не взирая на все сие, — пишет Санковский, — я просил его (митрополита. — В.Г.) политическим образом вести себя с французами и не подавать им никакого повода жаловаться на черногорцев...". Черногорскому же гувернадуру В.Радоничу Санковский рекомендовал жить "в согласии с митрополитом и отцом Доментианом, который обещал ... жертвовать даже своею жизнью для удержания до некоторого времени Черногории в нынешнем положении". После вышеизложенных наставлений митрополит Черногории все же встретился с французским генералом Лористоном, но не сообщил Санковскому о результатах их переговоров.

"Вывод наших войск из крепостей и провинции Бокки ди Катара, воследовавший на основании сделанного условия между нами и французским генералом Лауристом, — пишет Санковский, — уверил еще более жителей, сколь они много потеряли через толь для них неожиданную перемену, ибо когда наши войска до посажения на корабли отличали себя через строгую дисциплину и доброе к ним расположение, в то самое время применено было со стороны французов разные наглости и насилия, кои они делали жителям, так что сие побудило французских начальников запретить своим солдатам выходить из крепостей".

В день занятия города Котора глава его граф Джурович представил генералу Лористону всю городскую администрацию. Граф Войнович в Кастельново и Милетич в Будве еще до вступления французов в эти города получили предписание Санковского сдать командование своим заместите-

лям, которые по вступлении французов должны будут выполнить установленный церемониал сдачи городов французскому командованию.

После вступления французов в далматинские города представители от их коммунтад пришли к Санковскому и просили, чтобы он дал им совет, как им надлежит вести себя в дальнейшем. Затем гражданская администрация Котора в день тезоименитства Наполеона I организовала бал. После сдачи Котора французам в городе и провинции установились тишина и порядок, а "политическое поведение, основанное на наружной искренности и откровенности, — пишет Санковский, — кое я имел с французскими генералами, побудило их иметь ко мне особое уважение и оказать мне отличное приветствие". Генерал Лористон даже распорядился поставить почетный караул (*une garde d'honneur*) у резиденции Санковского, приказал доставлять ему провизию, а французские штабс-офицеры и сам Лористон время от времени заходили к российскому уполномоченному засвидетельствовать свое почтение. "Возможно, — пишет Санковский, — я с ними стеснил бы даже великую дружбу, если бы меня трудная болезнь вскоре не задержала весьма долгое время в постели"⁴¹.

* * *

Так нарочито торжественно и необычно "дружелюбно" разрешился продолжавшийся полтора года которский конфликт, последствия которого затем дорого обошлись российскому морскому флоту, черногорцам, приморцам и примкнувшим к ним герцеговинцам. После передачи Далмации, Боки Которской и Ионической республики французам греки, черногорцы и примкнувшая к ним часть герцеговинцев и приморцев были вынуждены на долгое время расстаться с надеждой на создание у них даже автономных государственных образований. Заключение Тильзитского мира неблагоприятно отразилось и на отношениях России как с этими народами, так и с сербами Белградского пашалыка.

Особое беспокойство, а порой и панические настроения среди сербских повстанцев, вызвали слухи о намерении России заключить мир с Турцией. Однако вопрос о русско-сербских отношениях в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. нуждается в отдельном исследовании и, по возможности, будет рассмотрен в другой монографии.

¹ Пејовић Ђ. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981. С. 143—144.

² ВПР. Т. III. С. 465—466. А. Я. Будберг — А. К. Разумовскому, 2(14) января 1807 г.

- ³ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.1–7об. А.Я.Будберг – С.А.Санковскому, 8(20) января 1807 г.
- ⁴ ВПР. Т.III. С.477. С.А.Санковский – Д.Н.Сенявину, 8(20) января 1807 г.
- ⁵ Там же. С.477–478. С.А.Санковский – Петру I Негошу, 8(20) января 1807 г.
- ⁶ АВПРИ. Ф. ГА 1+5. 1805. Д.1. П.4. Л.48. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 12(24) января 1807 г.
- ⁷ Там же. Л.49. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 15(27) января 1807 г.
- ⁸ Там же. Л.25–26. А.Я.Будберг – С.А.Санковскому, 21 января (2 февраля) 1807 г.
- ⁹ Там же. Л.85. Д.Н.Сенявин – С.А.Санковскому, 3(15) февраля 1807 г.
- ¹⁰ ЦГИА. Ф. 14209. Оп.5/165. Д.20. Св.22. Л.2об. С.А.Санковский – И.И.Михельсону, 22 февраля (6 марта) 1807 г.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.111–112. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 9(21) марта 1807 г.
- ¹² Там же. Ф. Канцелярия. Вена. 1807. Д.11536. Л.160–161. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 16(28) февраля 1807 г.
- ¹³ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.139. С.А.Санковский – И.И.Михельсону, 9(21) марта 1807 г.
- ¹⁴ Там же. Л.140 об. Петр I Негош – Карагеоргию, 9(21) марта 1807 г.
- ¹⁵ Там же. Ф. Канцелярия. 1807. Д.2590. Л.1–3. И.Властопуло – А.Я.Будбергу, 20 марта (4 апреля) 1807 г.
- ¹⁶ Первое сербское... Кн.1. С.337–339. С.А.Санковский – Ф.Книпперу, 31 марта (12 апреля) 1807 г.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.14. Л.98. Ф.Книппер – Г.В.Войновичу, 3(15) апреля 1807 г.
- ¹⁸ Там же. Ф. ГА 1–8. 1807. Д.1. П.2. С.А.Санковский – Петру I Негошу, 3(15) апреля 1807 г.
- ¹⁹ Там же. Ф. ГА 1–5. Д.1. П.4. Л.200–205. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 24 апреля (6 мая) 1807 г. (Эту депешу Санковского Будберг получил в Тильзите 16(28) июня 1807 г.)
- ²⁰ Первое сербское... Кн.1. С.349–350. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 14 (26) апреля 1807 г.
- ²¹ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. Д.1. П.4. Л.200–205. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 24 апреля (6 мая) 1807 г.
- ²² Там же.
- ²³ Первое сербское... Кн.1. С.354–355. С.А.Санковский – Ф.Книпперу, 24 апреля (6 мая) 1807 г.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.210 и об. С.А.Санковский – Ф.Книпперу, 26 апреля (8 мая) 1807 г.
- ²⁵ Там же. Л.218 и об. Полковник Ф.Книппер – С.А.Санковскому, 27 апреля (9 мая) 1807 г.
- ²⁶ Там же. Л.222. Петр I Негош – С.А.Санковскому, 30 апреля (12 мая) 1807 г.
- ²⁷ Там же. Ф. Канцелярия. 1807. Д.1889. Л.53 и об. С.А.Санковский – И.И.Михельсону, 1(13) мая 1807 г.
- ²⁸ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.215–216. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 1(13) мая 1807 г.
- ²⁹ Первое сербское... Кн.1. С.356–357. С.Ивкович – А.Я.Будбергу, 2(14) мая 1807 г.: Сборник РИО. Т.88. СПб., 1893. С.42–43; Споменик СКА. Т. XXXI. Београд, 1898. С.107–108.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.7914. Л.87–89. А.Я.Будберг – Александру I, 9(21) мая 1807 г.; Сб. РИО. Т.88. С.45–46.

- ³¹ Первое сербское... Кн.1. С.262–263. А.Я.Будберг – Петру I Негошу, 11(23) мая 1807 г.
- ³² АВПРИ. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.247–249. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 30 мая (11 июня) 1807 г.
- ³³ Там же. Ф. Канцелярия. 1807. Д.11536. Л.484–485. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 29 мая (10 июня) 1807 г.
- ³⁴ Там же. Л.499–500. А.К.Разумовский – А.Я.Будбергу, 1(13) июня 1807 г.
- ³⁵ Там же. Л.276–277. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 19 июня (1 июля) 1807 г.
- ³⁶ ВПР. Т.Ш. С.616–617. Русско-французское соглашение о перемирии от 9(21) июня 1807 г.
- ³⁷ Морской сборник. 1910. № 10. С.38–39. Александр I – Д.Н.Сенявину, 15(27) июня 1807 г.
- ³⁸ Сб. РИО. Т.89. С.137–139. Александр I – Д.Н.Сенявину, 28 июня (10 июля) 1807 г.
- ³⁹ Сб. РИО. Т.89. С.141–149. Александр I – Баратынскому, 28 июня (10 июля) 1807 г.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1807. Д.2265. Л.4–13. И.П.Фонто́н – К.О.Пощо-ди-Борго, 3(15) июля 1807 г.
- ⁴¹ Там же. Ф. ГА 1–5. 1805. Д.1. П.4. Л.313–316. С.А.Санковский – А.Я.Будбергу, 14(26) августа 1807 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика России в отношении сербского и черногорского национально-освободительных движений конца XVIII – начала XIX в., как объект исследования, представляет собой сложный, многогранный и разноплановый комплекс в разной степени изученных, а порой и запутанных историками вопросов. Изучение истории разработки этого комплекса показывает, что магистральные концепции генезиса и динамики национально-освободительных движений в Сербии и Черногории в XIX в. и, соответственно, политики великих держав, в том числе и России, в отношении указанных движений создавались при отсутствии достаточной базы источников и с разных теоретических и политических позиций. Вследствие этих и других причин в зарубежной и российской историографии XIX – начала XX в. наметились разные подходы к характеристике политики России в отношении данных движений, а также критерии ее оценки.

В послевоенной югославской и советской марксистской историографии 60–80-х годов XX в. прослеживается некоторое сближение теоретических позиций и оценок политики России в отношении сербского и черногорского национально-освободительных движений начала XIX в. Югославские, а за ними и некоторые советские историки-славяноведы и балканисты постепенно стали все больше и больше преувеличивать социальную и политическую сущность, широту размаха и потенциальные возможности как сербского восстания 1804–1813 гг., так и освободительных устремлений черногорского народа в конце XVIII – начале XIX в. Наделяя сербское восстание 1804–1813 гг. чертами буржуазной, буржуазно-национальной и даже буржуазно-демократической революции, исследователи его истории априори признавали, что широта размаха и потенциальные возможности этого революционного движения даже без какой-либо помощи извне были самодостаточны как для разрушения Османской империи, так и для создания национального независимого государства буржуазного типа. При оценке политики России с позиций такой концепции исследователи этих движений, концентрируя внимание на их классовой сущности, как правило, утверждают, что правительство феодальной России, объявляя себя покровительницей православных народов в балканских владениях Турции и Австрии, посредством ухищрений и политических интриг вмешивалось во внутренние дела этих народов, вносило раздор и смуту в ряды повстанцев, направляло на-

256

ционально-освободительные движения в нужное России русло и, таким образом, уводило эти движения с пути, ведущего к полному освобождению от иноземного ига. Во время войн с Францией и Турцией правительство России, вовлекая в них сербов и черногорцев, сознательно мешало объединению повстанцев, а при заключении мира оставляло своих союзников на произвол судьбы.

Зарубежные источники инициативу вовлечения православных народов в войны с Францией и Турцией, как правило, приписывают исключительно правительству России. При характеристике общевосточной политики России в начале XIX в. эту инициативу чаще всего (Е.Сковронек, А.М.Станиславская, В.Г.Сироткин и др.) усматривают в так называемых "балканских планах" А.Чарторыйского¹. При анализе русско-французских отношений на Балканах, а также в Адриатике и Средиземноморье в 1805–1807 гг. идею занятия Боки Которской и привлечения к этой операции бокезцев и черногорцев такие видные советские историки, как Е.В.Тарле, А.Л.Шапиро, А.М.Станиславская и др. бездоказательно приписывают вице-адмиралу Д.Н.Сенявину.

Между тем, рассмотренные в нашей книге свидетельства аутентичных источников, на наш взгляд, явно не согласуются с рядом вышеприведенных основополагающих положений концепции, которая до сих пор господствует в нашей и, особенно, в югославской историографии.

Итак, нам представляется совершенно очевидным то обстоятельство, что ни МИД России, ни А.Чарторыйский, ни Д.Н.Сенявин не могли заранее предвидеть ни исход сражений под Аустерлицем, ни факт заключения Прессбургского мира между Австрией и Францией, ни, тем более, состав территорий, переходящих к Франции по условиям того договора. Но, как свидетельствуют рассмотренные факты, просьба населения Боки Которской "остаться под покровительством России" была передана С.А.Санковскому уже через 5–7 дней после заключения Прессбургского мира, а через 10 дней митрополит Черногории Петр I Петрович обсуждал ее с С.А.Санковским. 11(23) января 1806 г. Санковский в письме к российскому послу в Неаполе Д.П.Татищеву просил прислать с острова Корфу три корабля и десантные войска из эскадры Д.Н.Сенявина для участия в занятии Боки Которской совместно с бокезцами и черногорцами. По прибытии 17 февраля 1806 г. трех кораблей с десантом в 140 человек в Боку Которскую митрополит Черногории во главе 7 тыс. черногорцев и бокезцев под российским флагом вошел в Кастельново и потребовал от австрийских властей сдать все города и районы, которые должны были отойти французам.

В данной связи обращает на себя внимание и то, что австрийские власти удовлетворили это требование без особого сопротивления. Д.Н.Сенявин же с эскадрой прибыл в Боку Которскую только 16(28) марта 1806 г., когда эти территории уже находились во власти российских представителей и черногорцев.

Таким образом, хронология развития событий в Боке Которской и Далмации после подписания Прессбургского мира, на наш взгляд, не оставляет никакого сомнения в том, что идея занятия Боки Которской силами бокезцев и черногорцев возникла в среде местного населения сразу же после подписания Прессбургского мира, а план операции по занятию ее принадлежит Петру I Негошу и Санковскому. Д.Н.Сенявин, по-видимому, лишь поддержал эту инициативу и выделил самые минимальные силы для поддержки бокезцев и черногорцев. Государственный совет России рассматривал целесообразность привлечения православного населения балканских владений Турции для войны с Францией только где-то в середине января 1806 г.

Так же обстоит дело и с разработкой проектов и планов привлечения российских войск для создания славяно-черногорского, славяно-сербского и греческого государств на Балканах. Как известно, различные варианты подобных проектов и планов разрабатывались и предлагались правительству России в конце XVIII – начале XIX в. рядом военных, политических и церковных деятелей Сербии и Черногории: Д.Неранджичем (1785 г.), Й.Радоничем (1788 и 1791 гг.), Й.Радоничем и Д.Вуйовичем (1796 г.), митрополитом Ст.Стратимировичем (июнь 1804 г.), епископом Й.Ивановичем (октябрь 1804 г.) и т.д.² Митрополит Черногории Петр I Негош также вынашивал планы создания черногорского государства с конца XVIII в. Согласно этому плану, в его состав должны были войти Бока Которская, часть районов Далмации, соседние районы Герцеговины и т.д.

Совершенно очевидно и то, что переход Боки Которской и Далмации под власть Франции противоречил интересам самой Австрии, Англии и Турции, которые формально еще продолжали считаться союзницами России по третьей антинаполеоновской коалиции; России, продолжавшей воевать с Францией; Черногории, правитель которой мечтал создать независимое Черногорское государство под покровительством России; а также интересам населения Боки Которской и части далматинских коммунитад, не желавших оставаться под властью Франции или Австрии.

Таким образом, в этих областях Балканского полуострова в начале XIX в. переплелись и сблизились различные по своей сути интересы многих государств и народов. Более того, после заключения Прессбургского мира,

по условиям которого Далмация и Бока Которская должны были быть переданы Франции в течение 30 дней, сложилась на редкость благоприятная ситуация, при которой появилась возможность практически беспрепятственно и без пролития крови занять Боку Которскую и Далмацию силами местного населения и черногорцев, но при согласии и хотя бы минимальной поддержке России. Овладев этими областями, местное население, Черногория и Россия могли бы с большим успехом решать стоявшие перед ними задачи: черногорцы, приморцы и даже часть герцеговинцев под прикрытием российских войск создавать славяно-черногорское государство; Россия же, приобретя удобный плацдарм и одну из лучших бухт на Адриатическом море, могла пополнять свои войска в этом регионе за счет черногорцев, приморцев, греков и других балканских народов для войны с Францией, получала возможность защищать балканские владения Турции и Австрии, что могло бы способствовать удержанию их в союзе с Россией, а также угрожать тылу французских войск, действовавших в Средиземном и Адриатическом морях.

Следовательно, в занятии Боки Которской была заинтересована не только Россия, но и черногорцы с бокезцами, которые первыми подали эту идею и попросили помощи у своей покровительницы. Таким образом, тезис о вовлечении правительством России черногорцев и бокезцев в войну с Францией, на наш взгляд, не совсем правомерен и нуждается в уточнении. В данном случае, как нам кажется, было бы уместнее говорить о совпадении интересов, реализация которых зависела от совместных и хорошо согласованных действий по меньшей мере обеих сторон, т.е. российских войск, с одной стороны, и черногорцев и приморцев – с другой.

В данной связи следует обратить внимание и на прошение сербских депутатов М.Ненадовича, Б.Груйовича и М.Урошевича, которые в первой половине января 1806 г. находились в Вене. В прошении на имя Александра I депутаты от имени сербского народа заявляли, что если Россия поможет сербам освободиться от османского ига, то сербские повстанцы помогут ей воевать с Францией. Поскольку Порты не располагает достаточными силами воспрепятствовать проникновению французам в балканские владения Турции, писали авторы прошения, то это смогут сделать только российские войска во взаимодействии с сербами, черногорцами, приморцами, другими православными христианами. Как только российские войска будут введены в пределы Османской империи, говорится в том же документе, то к ним смогут присоединиться до 200 тыс. христиан, населяющих Сербию, Боснию, Герцеговину, Черногорию, Далмацию и Албанию. Христиане в балканских владениях Турции смогут оказать помощь России в войне с

Францией при условии, если российские войска будут введены в Дунайские княжества, Сербию и Далмацию.

Авторы прошения не сомневались в том, что Порты не будет препятствовать вводу российских войск в ее владения по крайней мере по двум причинам: во-первых, она – союзница России, во-вторых, у нее нет для этого необходимых сил.

Судя по времени составления документа (не позднее первой половины января 1806 г.) и сделанным в нем предложениям, то вряд ли будет справедливым утверждать, что правительство России было инициатором вовлечения сербов в войну с Францией. С другой стороны, при составлении прошения на имя Александра I его авторы не могли не учитывать и то, что в случае введения российских войск в Дунайские княжества появляется веская причина и для начала русско-турецкой войны, которая могла бы спасти сербов от карательного похода и облегчила бы им борьбу за независимость. Следовательно, сербы, черногорцы, греки, валахи и другие народы в балканских владениях Турции и Австрии были заинтересованы в вовлечении России в войну с Турцией. Все они в той или иной степени были обеспокоены условиями Прессбургского мира.

Условия Прессбургского мирного договора не устраивали и правительство России. Еще до получения текста договора, копия которого была послана венским двором по дипломатическим каналам только в феврале 1806 г., в Петербурге в январе 1806 г. состоялось заседание Государственного совета России, участники которого пришли к заключению, что Франция, присоединив к себе Далмацию и Боку Которскую и став непосредственной соседкой Османской империи на Балканах, получила реальное средство "переменить отношения", которые до того сохранялись между Россией и Турцией. А отсюда был сделан вывод о необходимости принятия соответствующих мер, которые могли бы воспрепятствовать такому повороту дел. А именно: продолжать оставаться в союзе с Англией, добиваться доверия Порты к политике петербургского двора, "иметь полезные сношения и связи со славянами и греками", на всякий случай быть готовым к отражению агрессии любого противника, особенно в Дунайских княжествах.

Таким образом, судя по хронологии поступления предложений, направляемых в адрес петербургского двора господаем Валахии К.Ипсиланти, бокезцами, черногорцами и сербами, Государственный совет России по инициативе и при активной поддержке А.Чарторыйского и его сторонников в январе 1806 г., пожалуй, впервые оценил национально-освободительное движение балканских народов как реальную и заслуживающую серьезного внимания силу.

После всестороннего анализа информации, поступавшей в Петербург из разных источников, и по получении копии текста Прессбургского договора о мире МИД России в феврале 1806 г. подготовило для доклада царю специальную "Записку о Турции". В этом документе подробно анализировалась ситуация, которая может сложиться в Европе и на Балканах после подписания Прессбургского договора, а также предлагались рекомендации для определения внешнеполитического курса России, которого следовало бы придерживаться петербургскому двору в отношении Турции в быстро менявшейся геополитической обстановке.

После заключения Прессбургского мира, говорится в "Записке о Турции", Порты не решится на войну с Францией, а со временем откажется от союза с Англией и Россией и будет втянута в сферу политических интересов Франции. Когда это случится, пишут авторы записки, "Россия навсегда лишится неисчислимых выгод, которые открывают ей умонастроения христианских народов Европейской Турции". При такой ситуации, по мнению МИД России, "остается единственный выход: решительным выступлением принудить Порту вернуться" к союзу с Россией. Для этого необходимо привести в боевую готовность располагавшуюся на Днестре армию И.И. Михельсона для вступления в Молдавию и Валахию. Столь решительная превентивная мера, с одной стороны, могла бы возратить Порту "к принципам здоровой политики", а с другой – позволит России протянуть руку помощи сербам, болгарам, грекам и другим православным народам в балканских владениях Турции. При этом в докладе подчеркивалось, что российские войска будут введены в Дунайские княжества "не для захвата и аннексии" этих провинций Турции, но только "для защиты независимости Порты" от французского диктата и для охраны ее территории от вторжения наполеоновских войск. Как только Порты вернется к выполнению своих союзных обязательств по отношению к России, российские войска должны будут покинуть Молдавию и Валахию.

Судя по письму Александра I австрийскому императору Францу, сам царь в данном вопросе занимал более умеренную позицию. Он писал, что сложившаяся после Прессбургского мира ситуация в Европе и на Балканах оказалась "весьма неблагоприятной для продолжения или возобновления войны с Францией". Россия оказалась перед необходимостью "строить свою внешнюю политику на оборонительной основе, не помышляя ни о какой выгоде для своего государства". Основная задача внешней политики России на Балканах после Аустерлица и Прессбургского мира, по определению Александра I, "будет сводиться к защите владений России и владений (союзных ей. – В.Г.) держав, которые попросят ее содействия". Чтобы уст-

ранить противоречия между Россией, Австрией и Турцией, возникшие после занятия русскими войсками и черногорцами Боки Которской и других районов Далмации, царь великодушно предлагал Австрии и Турции помощь своими вооруженными силами, которые будут участвовать в защите их балканских владений от французской агрессии. Если такой вариант не устроит союзников, то Александр I соглашался взять на себя инициативу по урегулированию которского вопроса путем мирных переговоров с Францией и Австрией при условии, если об этом попросят французы.

Между тем, иначе характеризовался внешнеполитический курс балканской политики России в инструкции П.А.Строганову, который в феврале 1806 г. отправлялся в Лондон для координации действий петербургского двора с правительством Великобритании. Строганову поручалось убедить правительство Англии в целесообразности установления на Балканах "совершенно нового порядка". А именно: "Образовать из всех славянских народов от Боки Которской до Сербии единое независимое государство под господством Порты и под покровительством России. Другое государство могло бы быть образовано из всех греческих народностей, объединенных с Ионической республикой. Оба государства получили бы независимую форму правления, подобную Рагузинской республике или Республике Семи Островов, и первойшей их обязанностью было бы использовать все имеющиеся у них средства, чтобы помешать французам проникнуть в Турцию". До подхода российских, английских и турецких войск к Далмации и Боке Которской местное население и население других областей балканских владений Турции вполне способно сдержать проникновение французов на Балканы.

Однако правительство Турции подошло к оценке ситуации, сложившейся после заключения Прессбургского мира, не так, как это предполагали в Петербурге. Оправившись от шока, вызванного неожиданным известием о присоединении к Франции Далмации и Боки Которской, турецкие министры вначале пытались уверить петербургский двор в том, что Турция совместно с Россией непременно будет защищать свои владения от французской агрессии, для чего в начале января 1806 г. уже был отдан приказ бейлербею Румелии начать формирование нескольких группировок обсервационных войск для защиты империи от внешних и внутренних врагов. Между тем, втайне от правительства России Порты предписала албанским, боснийским и герцеговинским пашам и аянам не препятствовать установлению торговых и дружественных связей населения ее балканских провинций с французами. В 20-х числах января 1806 г. Порты вопреки существовавшей договоренности в одностороннем порядке признала за Наполеоном титул императора Фран-

цин. Во второй половине января 1806 г. министр внутренних дел Турции Ибрагим Несими, он же глава профранцузской группировки турецких сановников, убедил султана Селима III отменить на неопределенное время пролонгацию союзного договора с Англией.

Французская пропаганда тем временем активно распространяла повсюду слухи о том, что условия Прессбургского договора окончательно перечеркнули права России на гарантии, которые до того признавались за ней прежними договорами с Турцией в отношении Молдавии и Валахии.

Занятие Боки Которской, успешные действия сербских повстанцев в Белградском пашалыке, которые в феврале 1806 г. вступили в Неготинскую Крайну и вышли на границу с Боснией, восстание болгарского населения в трех нахиях Видинского пашалыка – все это, на первый взгляд, казалось бы подтверждало правильность курса, взятого правительством России на взаимодействие с бокезцами, черногорцами и сербами для ведения войны с Францией в Далмации и Боке Которской. По прибытии в Боку Которскую 16(28) марта 1806 г. Д.Н.Сенявин подтверждал, что черногорцы, бокезцы и даже православное население Герцеговины "по их преданности к России" в случае необходимости согласны "служить для содержания турок... в страхе", а заодно и "для обороны их же (турок. – В.Г.) противу французов". Герцеговинцы же просили Д.Н.Сенявина избавить их от османского ига и выражали готовность "пролить кровь за российскую корону" в войне с французами. Однако С.А.Санковский, по просьбе пивского архимандрита А.Гаговича, не советовал Сенявину привлекать герцеговинцев для войны с французами до тех пор, пока Турция сама не начнет войну с Францией. Но попытки Санковского убедить албанских, боснийских и герцеговинских пашей и аянов оказать помощь русским в их войне с французами в Далмации были проигнорированы. В то же время турецкие военачальники, по словам Санковского, явно "потворствовали французам".

В феврале 1806 г. А.Я.Италинский также сообщал из Константинополя, что "сербское дело приобрело для Порты самое большое значение". Между тем, Порта уже тогда понимала, что декларации сербов о преданности султану являются лишь прикрытием их подлинных намерений. В связи с этим Порта в марте 1806 г. официально потребовала от правительства России не вовлекать сербов и черногорцев в пучину русско-французской войны, поскольку эти народы являются подданными Османской империи, в этой войне занимающей нейтральную позицию. Оказавшись под жесточайшим прессом наполеоновской дипломатии, венский двор в марте 1806 г. также потребовал от правительства России возратить Австрии Боку Которскую и

Далмацию, из которых австрийское правительство намеревалось выселить все православное население.

Таким образом, уже через месяц после занятия этих областей выяснились не только положительные, но и отрицательные стороны взаимодействия российских войск с православным населением балканских владений Турции и Австрии. Перед правительством России возникла крайне нежелательная для него проблема улаживать и без того нестабильные отношения с Австрией и Турцией, в союзе с которыми оно было очень заинтересовано. В конечном итоге петербургский двор должен был сделать выбор: следует ли ему ориентироваться на сохранение нестабильных и ухудшавшихся с каждым днем союзных отношений с Турцией и Австрией, или продолжать успешно начатое взаимодействие со славянами и другими христианскими народами в балканских провинциях Турции и Австрии, что неизбежно должно было привести к окончательному разрыву союзных отношений с Портой и венским двором.

Между тем, из разных областей Балканского полуострова и из Дунайских княжеств в марте 1806 г. продолжали поступать в Петербург настоячивые призывы о скорейшем введении российских войск в Молдавию и Валахию. В частности, господарь Валахии, молдавский митрополит Вениамин, валашские и молдавские бояре в марте 1806 г. обратились к Александру I с просьбой "немедленно и наискорее" прислать в Бухарест две или три тысячи российских войск, чтобы защитить Дунайские княжества от грабительских набегов видинских войск Пазванд-оглу. Господарь, митрополит и бояре уверяли, что с появлением русских войск в Дунайских княжествах "многие тысячи воинственного и храброго народа готовы соединиться под знаменами его и в короткое время возрастут от 30 до 50 тысяч, что ... сербы усугубят свои силы на поражение общего врага христианства; при ... подкреплении небольшой армии регулярных войск силы народа, состоящего под мусульманским правлением турок, достаточны будут для нанесения последнего удара колеблющей их империи". Секретарь Правительствующего Совета Сербского Б.Груйович 12(24) апреля 1806 г. сообщал из лагеря сербских повстанцев, что черногорцы в Далмации окружили Дубровник и Скутари, а сербские повстанцы освободили от турок большую часть нахий Белградского пашалыка. Оставшиеся под турками сербы, писал Б.Груйович, "все нас к себе зовут, чтобы с ними заодно действовать". Сербские повстанцы не намеревались ограничиваться освобождением нахий Белградского пашалыка, и верховный вождь Карагеоргий предполагал идти на соединение с черногорцами.

Однако информация Б.Груйовича, предназначавшаяся для Петербурга, явно противоречила ответу самого Карагеоргия, данному им 3(15) апреля 1806 г. на письмо митрополита Черногории от 15(27) февраля 1806 г., в котором Петр I Негош призывал сербов объединить их силы с силами черногорцев и российских войск в Боке Которской. В письме от 3(15) апреля 1806 г. верховный вождь сердечно радовался и приветствовал намерение черногорцев и русских войск прорваться через Боснию и Герцеговину для соединения с сербами, однако предупреждал, что сербы в связи с обострившейся ситуацией не смогут пойти им навстречу. Поскольку черногорцы и русские, а затем и примкнувшие к ним герцеговинцы, полагал Карагеоргий, будут располагать большими силами по сравнению с теми, которые есть у сербов, то им не составит особого труда пройти через Боснию и Герцеговину и соединиться с сербами. Если черногорцы и русские не смогут прорваться через Боснию и Герцеговину, то сербы одни не смогут выстоять против превосходящих сил румелийских, боснийских и герцеговинских турок.

Между тем, 15(27) мая 1806 г. французские войска вошли в Далмацию и заняли Дубровник. Тогда же правительство Франции еще больше усилило дипломатический и политический нажим на Австрию и Турцию. Наполеон I пригрозил венскому двору, что если Австрия не вернет Франции территории, отходящие к ней по условиям Прессбургского мира, то он задержит возвращение домой австрийских военнопленных и введет свои войска в Триест и другие порты Австрии. Венский двор, естественно, был вынужден ужесточить характер своих требований к правительству России. Он также угрожал применить военную силу, если российские войска и черногорцы не покинут по доброй воле Далмацию и Боку Которскую. Поскольку для России в тот период одной из главных задач, по утверждению А.Чарторыйского, было спасение Австрии от угрожавшей ей опасности и восстановление мира в Европе, то Александр I принял решение урегулировать которский вопрос путем мирных переговоров.

Французские же дипломаты в Константинополе тем временем не переставали внушать Порте мысль о том, что Россия ведет себя в отношении Турции как враждебное государство, так как она старается вывести из подчинения Порты Сербию и Черногорию, как это было сделано ранее с Молдавией и Валахией. Чтобы лишить Россию влияния на сербов и черногорцев, П.Рюффен, в частности, советовал задушить в зародыше начавшееся там национально-освободительное движение и даже обещал содействие французских войск в этом деле.

В июле 1806 г. австрийский император Франц I подписал приказ о посылке в Боку Которскую 8-тысячного корпуса австрийских войск для изгнания черногорцев и русских из занятых ими областей. В связи с этим бокезцы и население других приморских коммунитад заявили Д.Н.Сенявину о своем "негодующем нежелании" возвращаться под власть Австрийской империи.

Французское командование тоже активизировало военные действия в Далмации и подстрекало турецких пашей и аянов Албании, Боснии и Герцеговины организовать поход на Черногорию. По свидетельству пивского архимандрита, турецкие паши сами "мечтают о союзе с французами и готовы действовать вместе с ними против христиан" Черногории и Герцеговины. Слухи о приготовлениях французов и турок к походу на Черногорию и Герцеговину вызвали волнение среди черногорцев и герцеговинских христиан. "Безопасность Черногории, – писал в этой связи Санковский, – находится в прямой зависимости от присутствия русских войск и флота в Которе". При их присутствии там турки сами не решатся открыто напасть ни на черногорцев, ни на русских.

Французские военные и дипломаты не упустили случая побывать и в Сербии. В июне 1806 г. там объявились французский полковник Белье, прибывший из Янины, и французский консул из Бухареста. Видимо, не без их совета верховный вождь сербских повстанцев Карагеоргий и Правительствующий Совет Сербский в начале июля 1806 г. решили направить в Константинополь сербского депутата Петра Ичко для переговоров о заключении мира с Портой на "умереннейших условиях". П.Ичко по пути в столицу Османской империи 16(28) июля 1806 г. побывал в Бухаресте, где распространял слух о том, что по случаю заключения русско-французского договора о мире сербы "опасаются быть оставленными собственному жребию". В данной связи примечателен и тот факт, что в те же самые дни в Бухаресте находился и направлявшийся в Константинополь вновь назначенный послом в Турцию генерал Г.Себастиани. В разговоре с К.Ипсианти Себастиани советовал господарю Валахии склонить сербских повстанцев к примирению с Портой. Он утверждал также, что война черногорцев с французами в Далмации спровоцирована правительством России, за что Наполеон намерен примерно наказать черногорцев, а заодно и сербов, если они откажутся от примирения с Портой. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что по прибытии в Константинополь П.Ичко, посетив лишь однажды российского посланника, провел все переговоры с турками в тайне от А.Я.Италинского, что весьма насторожило российского дипломата.

При оценке поведения черногорцев и, особенно, сербов в июне–августе 1806 г., как нам кажется, не следует сбрасывать со счета и психологический фактор, т.е. то беспокойство, которое сербы и черногорцы испытывали за свою судьбу в связи с проходившими в Париже русско-французскими переговорами о мире и после заключения самого договора о мире между Францией и Россией. Если учесть, что переговоры П.Я.Убри в Париже начались в первых числах июля, сам договор был подписан 8(20) июля, а официальное сообщение об отказе Александра I ратифицировать русско-французский договор в Вене получили только в сентябре 1806 г., то нетрудно предположить, что в течение этого периода психологический фактор в политике сербских и черногорских руководителей сыграл не последнюю роль.

Как бы то ни было, однако, 31 июля 1806 г. Александр I объявил свою волю "на всемерное продолжение военных действий" с Францией, а П.В.Чичагов по этому случаю предписал Д.Н.Сенявину "восстановить себя в прежнее выгодное положение" в Далмации и Боке Которской.

В связи с отказом Александра I от ратификации русско-французского договора и возобновлением военных действий в Далмации и Боке Которской черногорцы и бокезцы вновь воспрянули духом и с еще большим энтузиазмом стали участвовать в совместных операциях. "До настоящего дня, – писал Санковский 30 октября 1806 г., – мы остаемся хозяевами равнины и наши иррегулярные войска (черногорцы и бокезцы. – В.Г.) не перестают... совершать набеги на вражескую (французскую. – В.Г.) территорию". Не имея в своем распоряжении необходимого количества людей для ведения войны с французами, Д.Н.Сенявин предлагал привлечь к этому и герцеговинцев. Однако пивский архимандрит Арсений Гагович просил не делать этого до выяснения отношений между Россией и Турцией. Петр I Негош и С.А.Санковский, вняв просьбе архимандрита, не беспокоили христиан Герцеговины вплоть до начала русско-турецкой войны. Между тем, в конце октября 1806 г. министр иностранных дел России А.Я.Будберг предупредил посла в Австрии А.К.Разумовского, чтобы он ни в коем случае не поддавался ни на какие уговоры, ни даже на "самые жесточайшие требования" венского двора о сдаче Боки Которской австрийцам до тех пор, пока не станут ясными отношения между Россией и Турцией.

Сербы тем временем продолжали вести переговоры о заключении мира с Портой. 3(15) августа 1806 г. Порта передала П.Ичко условия, на которых она соглашалась заключить мир с сербскими повстанцами; 2(14) сентября 1806 г. сербские депутаты и бейлербей Румелии заключили пере-

мирие, по условиям которого на введение нового порядка в Белградском пашалыке отводилось два месяца.

В начале августа 1806 г. султан Селим III подписал фирман о досрочном смещении обоих господарей Дунайских княжеств. Досрочное смещение К.Ипсиланти и А.Мурузи без согласования этого вопроса с петербургским двором указывало на то, что Порта уже не ограничивалась закамуфлированной антироссийской политикой, а шла на явную конфронтацию с Россией.

Весьма показательны и то, что в этот же период наблюдается и обострение кризисной ситуации в других областях балканских владений Турции, вызванное очередной неудачной попыткой султана Селима III ввести в июле-августе 1806 г. реформы низам-и-джедид в Румелии. После разгрома войска Кади-паши, которому было поручено введение реформ объединенными силами румелийской оппозиции, бейлербей Румелии Ибрагим-паша Скутарский был вынужден официально объявить Порте о своем отказе от насильственного введения реформ в Румелии, за что вскоре и был смещен с поста бейлербея. В середине сентября 1806 г. Селиму III по требованию представителей румелийской оппозиции и профранцузски настроенных сановников пришлось сменить великого визиря и некоторых министров. Замены и перестановки в правительстве и румелийской администрации, по свидетельству А.Я.Италинского, были произведены для того, чтобы успокоить мятежников, не меняя общего внешнеполитического курса Турции. Однако Италинский выдавал желаемое за действительное.

К осени 1806 г. стало очевидным, что Порта, несмотря на согласие султана восстановить господарей Дунайских княжеств, объявленное 3(15) октября 1806 г., активно готовилась к войне с Россией. Прибывший 13(25) октября 1806 г. в Тульчин господарь Валахии К.Ипсиланти сообщил И.И.Михельсону, что константинопольские чиновники и Пазванд-оглу обложили население княжеств небывалыми до сих пор налогами и спешно вывозят из Валахии и Молдавии скот и недавно собранный урожай. В связи с этим К.Ипсиланти настоятельно просил как можно скорее ввести российские войска в Дунайские княжества.

Доводы господаря Валахии, видимо, оказали определенное влияние на главнокомандующего Днестровской армией, который 19 октября 1806 г., со своей стороны, также убеждал Александра I о целесообразности скорейшего введения российских войск в княжества. Если теперь будет упущена на редкость благоприятная ситуация для введения войск в Дунайские княжества, писал Михельсон, "тогда край, простирающий руки к скипетру в.и.в. без пролития и капли крови может сделаться опасным": турки успеют подготовить армию, истребят сторонников России в княжествах и в Сербии, расчис-

тят путь французам к Дунаю. "Если мы не упредим их (французов. – В.Г.) до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили". Занятие Дунайских княжеств, убеждал Михельсон царя, необходимо не только для удержания Порты в прежней системе русско-турецких отношений. В большей степени это нужно для сохранения выгод, которые приобретет Россия для защиты Дунайских княжеств от посягательств Наполеона, для охраны границ от проникновения "французских интриг", для защиты Валахии от грабежей Пазванд-оглу и, наконец, для "подкрепления сербов в доверенности их к России". Введение российских войск в княжества, уверял Михельсон, может принести еще большую пользу, если российские войска с помощью сербов и других единоверных России народов вознамерятся провести диверсию против правого фланга французской армии, находившейся в Италии. Во второй половине октября 1806 г. сербские повстанцы также "Христа ради" просили как можно скорее прислать российские войска в Сербию, чтобы предупредить общего неприятеля.

Российские дипломаты из Константинополя и из Дунайских княжеств сообщали, что румелийские и придунайские паши и аяны "разбились на партии, между которыми к осени 1806 г. еще больше "умножились брани". Основываясь на этой информации и на рекомендациях МИД России и командования Днестровской армии, в Петербурге был разработан стратегический план насильственного принуждения Порты к сохранению союзных отношений с Россией и Англией. Основная идея этого плана сводилась к тому, чтобы "поджечь со всех сторон" раздираемую внутренними междоусобиями полиэтничную империю Османов путем синхронного нанесения ряда превентивных ударов в наименее защищенных и наиболее уязвимых местах. Для того чтобы "чувствительно потрясти" несговорчивую, но трусливую союзницу, авторы стратегического плана превентивной русско-турецкой войны предлагали: ввести российские войска в Дунайские княжества, активизировать действия эскадры Д.Н.Сенявина и группировки российских войск на Ионических островах, в Адриатическом море, в Боке Которской и Далмации, наладить взаимодействие российских войск на Ионических островах с греками, в Далмации и Боке Которской с приморцами, черногорцами и герцеговинцами, в Белградском пашалыке с сербами, в Румелии с болгарами и другими христианами, в Дунайских княжествах с молдаванами и валахами. Согласно плану, российская и английская эскадры, действовавшие в Средиземноморском бассейне, прорвавшись через Дарданеллы, а российская черноморская эскадра, пройдя через Босфор, должны были одновременно атаковать Константинополь. В ходе успешного проведения намеченных на весну 1807 г. операций, предусматривавших соедине-

ние войск Днестровской армии с сербами Белградского пашалыка и сербов с герцеговинцами, черногорцами и российскими войсками в Боке Которской и Далмации, должна была бы быть образована непрерывная линия коммуникаций от Черного до Адриатического моря. Однако ввод российских войск в Дунайские княжества намечался на более ранний срок, точнее на ноябрь 1806 г. После проведения намечаемой на весну 1807 г. серии согласованных между собой операций в Дунайских княжествах, Сербии, Герцеговине, Далмации и у берегов Константинополя полномочный представитель России должен был вручить "потрясенной Порте" проект мирного договора на продиктованных Россией и Англией условиях. Перед началом русско-турецкой войны МИД России должно было довести до сведения Порты и правительств других держав Европы, что цель ввода российских войск в Дунайские княжества и проведения последующих операций заключалась в том, чтобы воспрепятствовать сближению Турции с Францией и удержать ее в союзе с Россией и Англией. Согласно проекту прелиминарного договора, среди прочих условий предусматривалось и создание одного или двух славяно-сербских и одного греческого государства на Балканах, которые должны были оставаться в составе Османской империи на правах автономных образований, а их гарантами бы стали Россия и Австрия, а при необходимости и Англия.

В соответствии со стратегическим планом русско-турецкой войны, Александр I в 20-х числах октября 1806 г. подписал указ о вводе российских войск в Дунайские княжества. Соответствующие приказы тогда же были отправлены главнокомандующему Днестровской армией И.И.Михельсону, Д.Н.Сенявину, А.К.Разумовскому в Вену, С.А.Санковскому в Котор и т.д. В инструкции от 26 октября (4 ноября) 1806 г. Д.Н.Сенявину предписывалось быть готовым к нанесению туркам возможного "вреда и беспокойства", к захвату судов в Средиземном море, к пресечению торговых связей турок с Египтом через Дарданеллы.

По получении царского рескрипта С.А.Санковский 8(20) ноября 1806 г. на заседании военного совета в Которе предложил запланировать операцию по занятию турецкой крепости Никшич, которая мешала проходу русских и черногорских войск из Далмации в Герцеговину для соединения с сербами Белградского пашалыка. Согласившись с этим предложением, черногорский митрополит Петр I Негош 12(24) ноября 1806 г. отправил письмо Карагеоргию с предложением присоединиться к этой операции и продвигаться навстречу черногорцам. Пивский архимандрит А.Гагович тогда же поставил в известность Петра I Негоша о том, что в начале ноября 1806 г. в Герцеговине уже побывал посланец сербских повстанцев И.Ожегович с

"уведомительным письмом" Карагеоргия, который также призывал герцеговинцев "воспринять оружие ... против общего врага веры, агарянина". А.Гагович ответил на это, что герцеговинцы уже условились ждать сигнала от митрополита Черногории, которого они почитают "главным духовным лицом со стороны... всероссийского императора".

Между тем, все более четко начинает прослеживаться расхождение между обещаниями Карагеоргия, которые он давал русским и черногорцам, и принимаемыми им решениями. Например, в связи с вторжением войск Пазванд-оглу в Малую Валахию К.К.Родофиникин 19 октября 1806 г. просил Карагеоргия "учинить против Видина диверсию" и подвести к этой крепости войска, что заставило бы пашу отойти из Малой Валахии. Но Карагеоргий, как и в апреле 1806 г., отказался от этого и потребовал ввести российские войска в Сербию.

Приведенные факты позволяют предполагать, что поездка И.Ожеговича в Герцеговину была связана с попыткой Карагеоргия привлечь на свою сторону герцеговинцев, а они, как об этом свидетельствует ответ А.Гаговича, ориентировались на план действия черногорского митрополита и Санковского. Кроме того, Карагеоргий как в апреле, так и в октябре 1806 г. дал понять, что до введения российских войск в Сербию сербы не намерены участвовать в совместных операциях.

Введением российских войск в Дунайские княжества в ноябре 1806 г. началась первая из запланированных операций. Согласно плану, Днестровская армия И.И.Михельсона должна была поближе подойти к Дунаю, занять на левом берегу линию обороны насколько хватит для этого войск и по возможности занять левобережные крепости Джурджу, Браилов и Измаил, установить коммуникации с сербскими повстанцами в районе Крайовского Баната. Другие наступательные операции в ходе зимней кампании 1806–1807 гг. планом не предусматривались по двум обстоятельствам: во-первых, часть войск Днестровской армии была переброшена для войны с французами, во-вторых, необходимо было выждать, когда будут подготовлены другие операции для "устрашения" Порты, планировавшиеся на весну 1807 г. Предполагалось, что за это время сербы через Герцеговину соединятся с черногорцами и российскими войсками в Далмации. После соединения сербов с черногорцами будет занята "вся линия, начиная от Черного моря до Адриатического", что позволило бы установить беспрепятственную связь между Молдавской армией, расположившейся на Дунае, и эскадрой вице-адмирала Д.Н.Сенявина. Большая часть этой эскадры к тому времени должна отправиться к Дарданеллам для соединения с английской эскадрой и быть готовой к атаке Константинополя, а ее меньшая часть останется защищать от фран-

цузов и турок Ионическую республику, а также побережье Далмации и Боки Которской.

Несмотря на то, что Михельсон отказался от занятия левобережных крепостей, операция по вводу войск в княжества прошла успешно. Народ Молдавии и Валахии приветствовал появление российских войск. К.Ипсиланти и бояре обоих княжеств послали по этому поводу Александру I благодарственное послание, в котором обещали снабжать российские войска провиантом и фуражом. Сербь 30 ноября 1806 г. штурмом заняли Белград, а в феврале 1807 г., убив белградского пашу и его свиту, отказались от мира с Портой и стали предпринимать попытки для установления коммуникации с российскими войсками в районе Крайовского Баната. Однако они по-прежнему не спешили посылать войска навстречу черногорцам.

Не оказали особого сопротивления российским войскам при занятии княжеств и придунайские пашы. Некоторые из придунайских аянов даже согласились помогать командованию Дунайской армии. И тем не менее, рушукский паша Мустафа Байрактар 30 ноября 1806 г. занял Бухарест и арестовал находившегося там российского консула. Однако его войска вскоре были выбиты из Бухареста, и Дунайская армия заняла оборонительную позицию по левому берегу Дуная, а корпус И.И.Исаева, действовавший в Малой Валахии, искал пути для установления коммуникаций с сербами, которая была установлена только в июне 1807 г.

Развитие других операций проходило менее удачно. Односторонние и преждевременные действия английской эскадры вице-адмирала Дакуорта в феврале 1807 г. сделали невозможной совместную атаку Константинополя.

Неудачно развивалась и операция по соединению которской группировки российских войск и черногорцев с сербами Белградского пашалыка. Намеченная на 20-е числа марта 1807 г. операция по занятию Никшича началась с опозданием в апреле 1807 г. и закончилась неудачей. Еще хуже обстояло дело с двумя последующими попытками занять Никшич. Активизация наступательных операций французов и турок в мае 1807 г. не позволили "командировать отряд регулярных войск на повторную экспедицию в Герцеговину для действия к соединению с Черным Георгием".

Карагеоргий по-прежнему не спешил идти на соединение ни с черногорцами, ни с российскими войсками под Видином. После отказа от мира с Портой он стал более настойчиво добиваться того, чтобы российские войска переправились на правый берег Дуная и вошли в Сербию. После того как стало ясно, что две вышеупомянутые операции закончились неудачей и уже не смогут повториться, заинтересованность российского командования во взаимодействии с сербами Белградского пашалыка еще больше возросла. Об

этом свидетельствует, например, инструкция А.Я.Будберга Поццо-ди-Борго от 25 апреля 1807 г., в которой министр иностранных дел России предписывал выговорить у Порты для сербов "все, что только возможно". А именно: "Образовать из Сербии княжество по образцу Молдавии и Валахии, которое платило бы Порте дань, но состояло бы под покровительством России, а если это станет необходимым, то и Англии".

Между тем, у командования Дунайской армии весной 1807 г. не было полной ясности ни о планах сербских повстанцев, ни о численности их боеспособных войск. С другой стороны, русско-французские переговоры в Париже в июне-июле 1806 г., заключение Тильзитского мира и переговоры о заключении мира с Турцией без согласования соответствующих вопросов с митрополитом Черногории и руководителями сербских повстанцев, вполне естественно, должны были не только насторожить, но и внушить опасения сербам и черногорцам по поводу политики петербургского двора, касающейся сербского и черногорского национально-освободительных движений.

Но у правительства России к тому времени уже появилось достаточно фактов, чтобы усомниться в искренности заверений и последовательности политики в отношении России со стороны руководителей этих движений. Если до начала русско-турецкой войны представители черногорского, герцеговинского, сербского, валашского и других народов, настаивая на введении российских войск в пределы балканских владений Турции, соблазняли петербургский двор широтой охвата, массовостью, единодушием и целенаправленностью национально-освободительных движений, а также заверениями и клятвами воевать за интересы российской короны как с Францией в Далмации и Боке Которской, так и с Турцией, то с началом войны они, "забыв" об обещанном, сосредоточились на решении своих задач.

Если судить по содержанию рассмотренных в книге документов, то основные причины неудач первых опытов взаимодействия российских войск с силами сербского и черногорского национально-освободительных движений в период от Прессбургского до Тильзитского мира можно было бы свести к следующим пунктам. Во-первых, каждая из сторон располагала недостаточной и в значительной мере искаженной информацией о потенциальных возможностях каждой из них: правительство России, основываясь на непроверенных сведениях, поступавших из балканских владений Турции и Австрии, переоценило широту размаха, массовость и целенаправленность национально-освободительных движений, а руководители этих движений – потенциальную мощь Российской империи. Во-вторых, при составлении стратегического плана русско-турецкой войны 1806–1812 гг. петербургский двор исходил из предпосылки, что все операции по взаимодействию с сила-

ми национально-освободительного движения на Балканах должны были быть подчинены основной цели – устрашению Порты. Руководители же национально-освободительного движения надеялись на то, что в условиях русско-турецкой войны и широкого массового движения угнетенных народов Балканского полуострова им проще и легче удастся достичь своих целей. При этом руководители этих движений твердо придерживались принципа, что для достижения стоявших перед их народами задач в Дунайские княжества, Сербию, Боснию, Герцеговину, Черногорию, Далмацию, Боку Которскую и другие районы балканских владений Турции должны быть введены российские войска, присутствие которых будет способствовать разрастанию массового восстания и гарантировать безопасность повстанцев от карательных операций со стороны французских, австрийских и турецких войск.

Таким образом, отсутствие полной и достоверной информации о состоянии потенциальных возможностей России и сил освободительного движения, односторонний подход к учету задач, стоявших перед ними, при составлении плана русско-турецкой войны, скрываемые стремления каждой из сторон получить для себя больше выгод, чем дать и т.д. – вот те основные причины, которые, на наш взгляд, не позволили в полном объеме реализовать широко задуманный, но плохо подготовленный план по устрашению Порты.

Просчеты в ходе весенне-летней кампании 1807 г. русско-турецкой войны, связанные с неудачами совместных операций, явились причиной скептического отношения петербургского двора к идее взаимодействия с национально-освободительным движением балканских народов. Накануне и после заключения Тильзитского мира среди членов правительства и политиков России разгорелись споры по этому вопросу. Сторонники продолжения ориентации на силы национально-освободительного движения, во главе которых стоял князь Адам Чарторыйский, продолжали горячо отстаивать эту идею. В частности, автор неподписанной записки утверждал, что Европейский континент в геополитическом отношении поделен между "весьма различными расами людей – славянами и франками; все остальные (народы Европы. – В.Г.) покорны им или близки к этому, за исключением шведов". Франция в начале XIX в. стала центром франкских народов, а Россия – "моральный центр славян, которые страдают повсюду под чужеземным игом... и ждут гения-освободителя". Поскольку силы одной России слабее союза франков, следовательно, ей необходимо объединить всех славян, так как славянские народы по свойствам своего характера никогда не смогут объединиться ни с французами, ни с немцами, ни, тем более, с турками.

Лишенные поддержки, денег, офицеров и артиллерии, славяне будут сломлены и не смогут поддерживать усилий России. «Поэтому, – говорится в "Записке", – России выгодно оберегать интересы славян как ныне, так и на будущее. Доверие, которое свидетельствуют нам эти великодушные народы – священный клад, ключ от которого должен быть вручен потомству»». Если в результате русско-турецких переговоров о заключении окончательного мира решение сербского вопроса не удовлетворит сербов, то, по глубокому убеждению автора документа, их можно считать потерянными для России и, следовательно, приобретенными Францией, которая использует их для новых завоеваний на Адриатике. И наоборот, если же сербское дело будет поддержано их соплеменниками и вызовет брожение в Хорватии, Венгрии и Трансильвании, то "трудно предвидеть... последствия, к которым может привести всеобщее восстание славян в политической системе Европы". Поэтому, делает вывод автор "Записки", для России было бы опрочечивым отказываться от союза с миллионами людей, полных решимости обеспечить себе политическое существование под ее покровительством. Если в результате спонтанного движения славян произойдет революция и Россия присоединится к ней, то Наполеон вряд ли сможет оказать этому движению серьезное сопротивление.

При создании новых государственных образований, формирование которых могло бы осуществляться под влиянием России и Франции, было бы целесообразным объединить их в рейнскую федерацию и славянскую конфедерацию. Такое решение вопроса, по мнению автора "Записки", подсказывает сама природа этнического расселения народов Европы. Поэтому, полагает он, было бы неуместным ставить под сомнение желание расплывенных по всей Европе славян принадлежать к союзу единоплеменников, также неразумно спорить и о том, должны ли страны, примыкающие к Рейну, находиться под влиянием Франции. "Эти основы неколебимы, и как долго их не откладывали бы, в один прекрасный день они должны осуществиться согласно неумолимому ходу событий".

В "Записке" отмечались и негативные стороны политики, ориентированной на союз с национально-освободительным движением балканских народов. Анонимный автор признавал, что если Россия поддержит славян, то она неизбежно навлечет на себя войну с Австрией, Турцией и Францией. Несмотря на это, утверждал он, России выгоднее иметь на своей стороне федеративные силы славян численностью до 20 млн человек, нежели непрочный союз с Францией. При разрыве союза с Францией последняя так или иначе не упустит случая посорить Россию с Австрией и Турцией. Исходя из этих прогнозов, автор "Записки" рекомендовал Александру I сооб-

шить сербским повстанцам, что правительство России и впредь будет поддерживать их движение, если они будут следовать его советам³.

Несмотря на утопичность ряда положений, изложенных в "Записке" от 27 августа 1807 г., идея взаимодействия российских войск с национально-освободительным движением балканских народов в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. еще не раз окажется в поле зрения военных и политических деятелей России. Но рассмотрение этих событий выходит за хронологические рамки данной книги. Эти вопросы мы постараемся исследовать в других работах.

¹ Об этом см.: *Сироткин В.Г.* Международные отношения на Балканах и сербский вопрос в политике России и Франции (От Парижского мира 1801 г. до Эрфуртской конвенции 1808 г.) // *Югословенские земли и Русия за време Прво српског устанка 1804–1813 гг.* Београд. 1983. С.97.

² Об этом см.: *Грачев В.П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX века и отношение к ним правительства России // *Балканы и Россия (XVIII в. – 1878 г.)*. М., 1995. С.4–40.

³ *Богшич В.* Разбор сочинения Н.Попова "Россия и Сербия". СПб., 1872. С.297–301. "Записка" от 27 августа 1807 г. Об этом см.: *Грачев В.П.* Планы создания славяно-сербского государства на Балканах... С.22–24.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава I

СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИОГРАФИИ
И ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

8

Глава II

ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ,
ФРАНЦИИ И АВСТРИИ

ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ПОД АУСТЕРЛИЦЕМ.
СИТУАЦИЯ В ДАЛМАЦИИ И БОКЕ КОТОРСКОЙ
ПОСЛЕ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА

28

§ 1 Развитие событий в Далмации и Боке Которской
после заключения Прессбургского мира
между Францией и Австрией

31

§ 2. Ситуация в Далмации и Боке Которской
во второй половине 1806 г.

57

Глава III

РАЗВИТИЕ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА

§ 1. Реакция Порты на заключение Прессбургского мира

96

§ 2. Обсуждение членами Государственного совета России
ситуации в Европе, сложившейся после заключения Прессбургского мира,
и мер, направленных на удержание Порты в рамках
продолженного русско-турецкого договора

101

Глава IV
ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА
В БАЛКАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕССБУРГСКОГО МИРА
И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОСЛОЖНЕНИЕ
РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ
ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1806 г.

§ 1. Ситуация в Белградском пашалыке
в конце 1805 – начале 1806 г.

119

§ 2. Демарши российского и австрийского правительств
перед Портой в защиту сербских повстанцев
в январе–июне 1806 г.

121

§ 3. Мероприятия Порты по урегулированию положения
в балканских владениях и очередная неудачная попытка
введения реформ низам-и-джедид
в первой половине 1806 г.

132

§ 4. Сербо-турецкие переговоры о перемирии,
проходившие в июле–сентябре 1806 г.,
и отношение сербских повстанцев
к условиям "Ичкова мира"

143

§ 5. Усиление французского влияния на Порту,
низложение господарей Дунайских княжеств,
компромисс султана с оппозицией
и смена членов правительства
и румелийской администрации
(июль–октябрь 1806 г.)

151

§ 6. Вторжение войск Пазванд-оглу в Малую Валахию
и усилия российских дипломатов по защите
населения княжества от грабежей и насилий

158

§ 7. Возобновление военных действий
в Белградском пашалыке
и занятие сербскими повстанцами Белграда

Глава V

**НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 гг.
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ**

173

§ 1. Стратегические планы "странной войны"
и первоначальная цель введения российских войск
в Дунайские княжества

174

§ 2. План зимней кампании 1806–1807 гг.
и установление линии русско-турецкого фронта
на Дунае

187

§ 3. Действия эскадры Д.Н. Сенявина в Средиземном море
в начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг.
(январь–апрель 1807 г.)

196

§ 4. Возобновление сербо-турецких переговоров о мире.
Отказ сербов от примирения с Портой
и продолжение переговоров
с командованием Дунайской армии
об условиях взаимодействия сербских повстанцев
с российскими войсками

200

§ 5. Проект прелиминарного договора с Турцией
и миссия К.О. Поццо-ди-Борго

206

§ 6. Попытки И.И. Михельсона установить связь с Портой
и передать ей проект статей
русско-турецкого договора о мире.
План "ужасной диверсии против Турции",
составленный маркизом Ф.О. Пауллуччи

214

Глава VI
РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ДАЛМАЦИИ, БОКЕ КОТОРСКОЙ,
ЧЕРНОГОРИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ
ПОСЛЕ НАЧАЛА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1806–1812 гг.

- § 1. Ситуация в Далмации и Боке Которской
в первой половине 1807 г.
и план соединения с войском славяно-сербским
225
- § 2. Поход в Герцеговину и неудачная осада
турецкой крепости Никшич
232
- § 4. Проект создания славяно-сербского государства,
составленный митрополитом Черногории
Петром I Негошем
240
- § 5. Третья неудачная попытка похода в Герцеговину
и обострение ситуации в Боке Которской
в мае–июне 1807 г.
241
- § 6. Ситуация в Боке Которской
после заключения Тильзитского мира
245
- § 7. Передача Боки Которской французам
250

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
256

Научное издание

Виктор Петрович Грачев

**Сербы и черногорцы
в борьбе за национальную независимость
и Россия
(1805–1807 гг.)
Москва, 2003.**

Монография подготовлена к изданию
в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 27.05.2003 г.
Тираж 250 экз. Заказ № 87

Объем 17,25 печ.л.
Цена договорная

Логос. ООО «Контя» г. Москва

Грачев В.П.

Сербы и черногорцы

в борьбе за национальную независимость и Россия (1805—1807 гг.)